

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. XV, part 1

Editor-in-chief Evgeny V. Golovko

St. Petersburg
Institute for Linguistic Studies
Russian Academy of Sciences
2019

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том XV, часть 1

Главный редактор Е. В. Головкин

Санкт-Петербург
Институт лингвистических исследований РАН
2019

УДК 81
ББК 81.2
А 38

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Глав. ред. Е. В. Головко.

Т. XV. Ч. 1. I. Лингвистическая экспертиза: типы, методы, решения / Ред. И. Е. Кузнецова; II. *Varia*. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. 464 с.

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences / Ed.-in-chief Evgeny V. Golovko.

Volume XV. Part 1. I. Forensic Linguistics: approaches, methods, solutions / Ed. I. E. Kuznetsova; II. *Varia*. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2019. 464 p.

Редактор тома:
И. Е. Кузнецова (раздел I)

Ответственные за выпуск от редколлегии:
Н. М. Заика, Г. А. Мольков, А. Ю. Урманчиева

Материалы выпуска доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

ISSN 2306-5737
DOI 10.30842/alp23065737151

© Коллектив авторов, 2019
© ИЛИ РАН, 2019

РЕДКОЛЛЕГИЯ

член-корр. РАН, д. филол. н. Е. В. Головкин, главный редактор (ИЛИ РАН); д. истор. н. А. К. Байбуринов (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); PhD, Assoc. Prof. А. Барентсен (Амстердамский университет); д. истор. н. Ю. Е. Березкин (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); д. филол. н., проф. П. Е. Бухаркин (Санкт-Петербургский государственный университет); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Н. Б. Вахтин (Европейский университет в Санкт-Петербурге); д. филол. н. М. Д. Воейкова (ИЛИ РАН); PhD, Prof. Л. Гренобль (Чикагский университет); к. филол. н. С. Ю. Дмитренко (ИЛИ РАН); PhD, к. филол. н. Н. М. Заика (ИЛИ РАН, Санкт-Петербургский государственный университет); д. филол. н., проф. В. Б. Касевич (Санкт-Петербургский государственный университет); к. филол. н. А. Ю. Кожевников (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. Н. В. Корниенко (Институт мировой литературы РАН, Москва); д. филол. н. М. А. Кронгауз (НИУ «Высшая школа экономики», Москва); д. филол. н. В. М. Круглов (ИЛИ РАН); к. филол. н. Г. А. Мольков (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. С. А. Мызников (Институт славяноведения РАН, Москва); акад. РАН, д. филол. н. С. И. Николаев (Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург); д. филол. н., проф. В. И. Подлесская (Российский государственный гуманитарный университет, Москва); д. филол. н., проф. К. И. Поздняков (Национальный институт восточных языков и цивилизаций, Париж); PhD, Prof. Дж. Рассел (Университет штата Калифорния в Фресно); д. филол. н. А. Ю. Русаков (ИЛИ РАН); к. филол. н. С. С. Сай (ИЛИ РАН, Санкт-Петербургский государственный университет); д. филол. н., проф. А. Н. Соболев, заместитель главного редактора (ИЛИ РАН); д. филол. н. С. Г. Татевосов (Московский государственный университет); к. филол. н. А. Ю. Урманчиева (ИЛИ РАН); д. истор. н., проф. Д. А. Функ (Московский государственный университет); д. филол. н., проф. В. С. Храковский (ИЛИ РАН); М. Е. Шляхтер, секретарь редколлегии (ИЛИ РАН); Dr. habil., Prof. Ю. А. Янхунен (Университет Хельсинки)

EDITORIAL BOARD

Evgeny V. Golovko, editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Albert K. Baiburin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences); Adriaan Barentsen (University of Amsterdam); Yuri E. Berezkin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences); Petr E. Bukharin (St. Petersburg State University); Sergey Yu. Dmitrenko (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Dmitry A. Funk (Moscow State University); Lenore Grenoble (University of Chicago); Juha A. Janhunen (University of Helsinki); Vadim B. Kasevich (St. Petersburg State University); Viktor S. Khrakovsky (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia V. Kornienko (Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Kozhevnikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Maksim A. Krongauz (Higher School of Economics, Moscow); Vasilii M. Kruglov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Georgy A. Molkov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei A. Myznikov (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei I. Nikolaev (Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences); Vera I. Podlesskaya (Russian State University for the Humanities); Konstantin I. Pozdnyakov (INALCO, Paris); Aleksandr Yu. Rusakov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); James Russell (California State University, Fresno); Sergey S. Say (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; St. Petersburg State University); Andrey N. Sobolev, deputy editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Mayya E. Shlyakhter, secretary of the editorial board (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei G. Tatevosov (Moscow State University); Anna Yu. Urmanchieva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Nikolai B. Vakhtin (European University at St. Petersburg); Maria D. Voeikova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia M. Zaika (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; St. Petersburg State University)

**I. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕРТИЗА:
ТИПЫ, МЕТОДЫ,
РЕШЕНИЯ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

В тематической части настоящего выпуска представлены статьи, посвященные различным аспектам исследований в области теории и практики лингвистической судебной экспертизы. Их основой стали доклады второй научно-практической конференции «Лингвистическая судебная экспертиза: теория и практика»¹, прошедшей в Институте лингвистических исследований РАН 27–28 апреля 2018 года. В этой конференции приняли участие являющиеся действующими экспертами исследователи из крупных российских центров изучения теоретических оснований лингвистической экспертизы: Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, Алтайского государственного университета, Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербургского государственного университета, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр», Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, Национального исследовательского Томского государственного университета, коллеги из Германии. Проблематика докладов обнаружила те задачи, решение которых представляется экспертному сообществу наиболее важным.

В настоящее время развитие отечественной теории лингвистической экспертизы проходит этап, когда остро осознается потребность в обсуждении ее методологии. Так, А. Н. Баранов пишет: «Экспертиза институционально предполагает ясное указание на те методы, которые используются экспертом. В идеале привлечение тех же методов должно позволить независимому специалисту проверить полученные результаты. Возможность проверки

¹ Статьи по материалам первой научно-практической конференции «Лингвистическая судебная экспертиза: теория и практика», прошедшей в ИЛИ РАН 27–29 апреля 2016 года, были опубликованы в «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН». 2016. Т. XII. Ч. 3.

результата в независимом исследовании является необходимым условием объективности исследования, а с объективностью в гуманитарных науках, как известно, дело обстоит не очень хорошо» [Баранов 2017: 19]. Потребность в максимальной объективности лингвистической судебной экспертизы диктует необходимость теоретического обоснования применения тех или иных методов исследования и выявления потенциальных проблем, связанных с этим применением.

Вопросам методологии исследования рекламного текста, который по природе своей является конфликтогенным, посвящена статья Е. А. Чубиной. Автор описывает методические подходы к решению диагностических задач, связанных с выявлением признаков сравнений в рекламном тексте, уделяя особое внимание конструкциям с опущенным основанием сравнения. Кроме этого, в работе Е. А. Чубиной обозначена проблема точности используемых экспертом понятий, недопустимости псевдотерминологических сочетаний.

Публикуемая статья Т. В. Чернышовой посвящена рассмотрению проблемных аспектов, связанных с использованием методического инструментария теории речевых актов в ходе проведения лингвистической экспертизы. Автор обращает внимание на то, что применение имеющихся экспертных лингвистических методик, предоставляющих большие возможности для отождествления речевых действий говорящих с конкретными речевыми актами, входит в противоречие с ограничениями, которые налагаются российским законодательством на квалификацию речевых действий как преступлений.

Вопрос об используемых экспертами методах исследования является остро дискуссионным. Так, в работе [Баранов 2017] подробно рассматриваются методы, основанные на синонимических преобразованиях исследуемого текста, то есть на такой модификации «исходного текста (в широком понимании), при которой одни аспекты его семантики сохраняются, приобретая более эксплицитную форму, а другие — могут редуцироваться вплоть до полной элиминации (исчезновения)» [Баранов 2017: 23]. А. Н. Баранов говорит о том, что «синонимические преобразования — важнейшее условие функционирования естественного языка», они «предполагают перевод объекта изучения в знаки той же системы, то есть в описание изучаемого на том же языке», а значит, являются единственно

возможным способом интерпретации спорного текста, «в этом смысле деятельность лингвиста-эксперта ничем не отличается от деятельности лингвиста-исследователя» [Баранов 2017: 23, 24]. В публикуемой статье Е. И. Галяшиной высказана иная точка зрения.

Статья Е. И. Галяшиной посвящена проблеме разграничения деятельности лингвиста-аналитика и судебного лингвиста-эксперта. Несмотря на то что один и тот же лингвист может выступать и в роли консультанта-аналитика, и в роли судебного эксперта, эти два вида деятельности, по мнению Е. И. Галяшиной, требуют различных компетенций, причем судебному лингвисту-эксперту необходимо обладать и юридическими познаниями. Е. И. Галяшина полагает, что судебный лингвист-эксперт ограничен в возможностях применения ряда конкретных лингвистических методов, в том числе метода синонимических преобразований, так как это противоречит принципу законности исследования: согласно законодательству, метод не должен видоизменять объект исследования.

Статья А. Н. Баранова и О. М. Грунченко, отчасти продолжающая дискуссии о методе синонимических преобразований, в целом посвящена различным аспектам исследования сходства и различия товарных знаков или знаков обслуживания. В работе на конкретных примерах рассматриваются факторы, которые следует учитывать при таком анализе, демонстрируются покомпонентная и общая стратегия анализа и ассоциативный потенциал частей товарного знака, анализируются конкретные товарные знаки, для которых необходимо учитывать слабые и сильные позиции составляющих их компонентов.

Вопрос о компетенциях лингвиста-эксперта — еще один из дискуссионных вопросов, которые на сегодняшний день представляются наиболее актуальными и требующими оперативного решения. Это связано с тем, что, с одной стороны, лингвисты-эксперты, в особенности начинающие, нередко понимают свои компетенции неоправданно широко, дают ответы на вопросы, на которые невозможно ответить, используя инструменты лингвистики. С другой стороны, все чаще наблюдаются попытки, в первую очередь со стороны юристов и представителей других специальностей, лишить лингвиста-эксперта возможности использовать часть таких инструментов, ограничить компетенции лингвиста «извне». Рассмотрению одного из аспектов проблемы компетенций посвящена статья Е. Е. Хазимуллиной и Ю. В. Фоминой, по мнению которых, при

анализе религиозно-политических или же собственно политических текстов лингвист-эксперт вправе учитывать макроконтекст — когнитивный, коммуникативно-прагматический и дискурсивный аспекты существования высказываний. Авторы полагают, что при этом эксперту-лингвисту достаточно иметь глубокие и качественные знания в своей области и нет необходимости в дополнительных юридических компетенциях.

В западной судебной лингвистике уделяется большое внимание обсуждению проблем понимания и интерпретации юридического языка, подробно рассматриваются факторы, затрудняющие понимание языка права неюрисстами, анализируются причины, делающие возможной различную интерпретацию языка закона, предлагаются методы и способы усовершенствования этого языка (например: [Tiersma 1993, 1999; Solan 2012] и др.). В отечественной науке вопросы, связанные с пониманием российских правовых текстов, ставились как лингвистами, так и юристами. В публикуемой статье С. А. Белова и В. Б. Гулиды делается попытка совмещения и сопоставления юридического и лингвистического взгляда на проблему понимания языка правовых документов их адресатом. Авторы отмечают, что существующая сегодня в российском праве презумпция понятности любого юридического документа любому лицу, говорящему по-русски, если это лицо имело возможность ознакомиться с документом, не соответствует фактическому положению дел. Как показывают результаты социолингвистического исследования, проведенного авторами, большинство респондентов испытывают существенные затруднения с пониманием смысла такого документа даже в тех случаях, когда они его подписывают.

Понимание юридических текстов усложняется, в частности, случаями синтаксической омонимии, которую не всегда устраняет контекст и / или референтное событие (ситуация). Опыт типологизации синтаксической омонимии, предлагаемый в статье Е. Н. Геккиной, может иметь методологическую значимость для лингвоэкспертной практики. Как представляется автору, лингвисту-эксперту для адекватной интерпретации материала нужны системно и типологически выверенные ориентиры.

Одна из наиболее часто решаемых в рамках судебной лингвистической экспертизы задач — квалификация спорного высказывания как утверждения о фактах или оценочного суждения. Эти понятия вводятся законодательством как бинарная оппозиция, поэтому

существует потребность выявления объективных лингвистических критериев отнесения конкретных высказываний к той или иной категории. В ходе поиска решения этой проблемы исследователями описан ряд пограничных случаев, для обозначения которых предлагаются новые термины: фактологическое мнение [Кукушкина 2016], фактоид [Кузнецов, Оленников 2014], оценочное утверждение [Распопова 2017] и др. Обсуждению одного из таких терминов посвящена статья Н. В. Козловской, которая приходит к выводу, что словосочетание «утверждение о существовании фактов» является номинативной единицей, за которой стоит явление метаязыка, не удовлетворяющее требованиям, предъявляемым к терминам.

С вопросом о методах экспертного анализа тесно связана проблема разработки методик решения экспертных задач разных типов. На сегодняшний день этих методик разработано крайне мало, еще меньше среди них таких, которые можно было бы признать удачными и которые применялись бы на практике. В публикуемых статьях Т. С. Садовой и Ю. В. Бариновой предлагаются методики, в основе которых лежит экспертная практика авторов.

Работа Т. С. Садовой посвящена вопросу установления плагиата при наличии явного рерайтинга, т. е. речевой обработки исходного текста с сохранением его идеи и содержания. Автор демонстрирует методику определения некорректного заимствования на основе логико-пропозиционального анализа. Этот подход является новым и перспективным, поскольку других признанных методик решения подобных задач на данный момент не выработано.

Ю. В. Баринава предлагает для обсуждения схему анализа конструкций с размытым денотатом при проведении лингвистических экспертиз по делам о защите чести и достоинства. Такие конструкции традиционно признаются неверифицируемыми и часто используются для маскировки ложной фактуальной информации под выражение субъективных взглядов. Предлагаемая Ю. В. Бариновой методика дает возможность расширить массив высказываний, которые могут быть признаны верифицируемыми.

Хотя вопросу о критериях определения оскорбительности спорного высказывания посвящено много исследований, разработаны и применяются методики выявления признаков оскорбления, тем не менее у экспертов нет единого мнения по этому вопросу, он по-прежнему остается дискуссионным. Д. М. Колядов предлагает возможное решение этой задачи, основанное на применении двух

подходов из области лингвистической прагматики: теории вежливости и конврсационного анализа. Такой подход ранее не рассматривался, его применение в практике лингвистической судебной экспертизы, несомненно, имеет перспективы.

Составители надеются, что материалы сборника будут полезны как лингвистам, выступающим в качестве судебных экспертов, так и ученым, представляющим другие направления лингвистики.

Выражаем глубокую признательность рецензентам — доктору филологических наук, профессору кафедры русского языка РГПУ им. А. И. Герцена Михаилу Яковлевичу Дымарскому, доктору филологических наук, профессору кафедры русского языка РГПУ им. А. И. Герцена Валерию Анатольевичу Ефремову, доктору филологических наук, профессору, профессору кафедры общего и русского языкознания Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина Павлу Алексеевичу Катышеву, доктору филологических наук, профессору кафедры русского языка РГПУ им. А. И. Герцена Елене Владимировне Сергеевой, доктору филологических наук, доценту кафедры русского языка СПбГУ Дмитрию Владимировичу Рудневу, кандидату филологических наук, доценту, доценту кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова Елене Станиславовне Кара-Мурзе, доктору филологических наук, профессору, заведующему кафедрой документоведения и стилистики русского языка Тульского государственного педагогического университета Григорию Валериевичу Токареву, оказавшим неоценимую помощь в подготовке статьи к публикации. За доброжелательное внимание особо благодарим ответственного за выпуск тома члена редколлегии — кандидата филологических наук, научного сотрудника ИЛИ РАН Георгия Анатольевича Молькова.

Литература

- Баранов 2017 — А. Н. Баранов. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. С. 18–27.
- Кузнецов, Оленников 2014 — С. А. Кузнецов, С. М. Оленников. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство. М.: Издательский дом В. Ема, 2014.

- Кукушкина 2016 — О. В. Кукушкина. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3. С 132–145.
- Распопова 2017 — Т. А. Распопова. Утверждение о фактах, мнение, предположение и оценочное утверждение как формы выражения высказываний в лингвистической экспертизе // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований Брянского гос. ун-та. 2017. № 1 (9). С. 121–128.
- Solan 2012 — L. M. Solan. Linguistic Issues in Statutory Interpretation // L. M. Solan, P. M. Tiersma (eds.). *The Oxford Handbook of Language and Law*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Tiersma 1993 — P. M. Tiersma. Reforming the Language of Jury Instructions // Hofstra Law Review. 1993. Vol. 22. Issue 1. Article 2. Available at: <https://scholarlycommons.law.hofstra.edu/hlr/vol22/iss1/2>.
- Tiersma 1999 — P. M. Tiersma. *Legal Language*. Chicago, IL.: University of Chicago Press, 1999.

References

- Baranov 2017 — A. N. Baranov. Lingvistika v lingvisticheskoy ekspertize (metod i istina) [Linguistics in linguistic expertise (method and truth)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 2. Yazykoznanie*. 2017. Vol. 16. No. 2. P. 18–27.
- Kukushkina 2016 — О. В. Кукушкина. Negativnaya informatsiya: utverzhenie o fakte ili vyrazhenie mneniya? [Negative information: fact statement or opinion?] *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*. 2016. No. 3. P. 132–145.
- Kuznetsov, Olennikov 2014 — S. A. Kuznetsov, S. M. Olennikov. Ekspertnyye issledovaniya po delam o priznanii informatsionnykh materialov ekstremistskimi: teoreticheskie osnovaniya i metodicheskoe rukovodstvo. [Expert examination of cases of recognition of information materials as extremist: theoretical foundation and guidance]. Moscow: V. Ema Publishing House, 2014.
- Raspopova 2017 — Т. А. Распопова. Utverzhenie o faktakh, mnenie, predpolozhenie i otsenochnoe utverzhenie kak formy vyrazheniya vyskazyvaniy v lingvisticheskoy ekspertize [Statement of facts, Opinion, Assumption and Value statement as types of utterances in Forensic Linguistics]. *Yezhegodnik NII fundamentalnykh i prikladnykh issledovaniy Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. No. 1 (9). P. 121–128.
- Solan 2012 — L. M. Solan. Linguistic Issues in Statutory Interpretation. L. M. Solan, P. M. Tiersma (eds.). *The Oxford Handbook of Language and Law*. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Tiersma 1993 — P. M. Tiersma. Reforming the Language of Jury Instructions. *Hofstra Law Review*. 1993. Vol. 22. Issue 1. Article 2. Available at: <https://scholarlycommons.law.hofstra.edu/hlr/vol22/iss1/2>.

Tiersma 1999 — P. M. Tiersma. *Legal Language*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1999.

И. Е. Кузнецова

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ СХОДСТВО
КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ**

А. Н. Баранов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
baranov_anatoly@hotmail.com

О. М. Грунченко

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
oggun@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы лингвистического анализа наименований (товарных знаков). Исследования такого рода необходимы при выявлении факторов сходства и различия товарных знаков, поскольку товарные знаки, сходные до степени смешения с уже зарегистрированными товарными знаками, не регистрируются и не получают правовой защиты. Обсуждаются факторы, которые следует учитывать при анализе товарных знаков на сходство и различие. В статье разбираются товарные знаки, для которых необходимо учитывать слабые и сильные позиции составляющих их компонентов, покомпонентная и общая стратегия анализа, ассоциативный потенциал частей товарного знака.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, анализ товарных знаков, семантическое сходство, ассоциативный потенциал, сходство до степени смешения.

Semantic similarity as one of the aspects of linguistic analysis of trademarks in the field of forensic linguistics

A. N. Baranov

V. V. Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences, Moscow
baranov_anatoly@hotmail.com

O. M. Grunchenko

V. V. Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences, Moscow
ogrun@yandex.ru

Abstract. The paper deals with the problems of linguistic analysis of nominations (trademarks). Linguistic analysis of trademarks is necessary for identifying factors of similarity and distinction between trademarks. The problem is that trademarks similar to the possibility of confusion with other, already registered trademarks, are forbidden for registration and legal rights reservation. The paper discusses factors to be taken into account in analyses for trademarks' similarity and distinction. Semantic similarity may concern different aspects of a trademark. Therefore linguist-expert should use different strategies of analysis depending on the characteristics of semantic similarity.

The paper considers trademarks which require taking into account the following similarity factors: weak and strong positions of trademark components, complete and by-component analysis of the trademark, investigation of the associative potential of trademark components. For instance, in trademarks PLATINUM, PLATIUS, PLATINA, PLATIUS and their Cyrillic equivalents ПЛАТИНА, ПЛАТИУС, the components PLAT- and ПЛАТ- are in a weak position, because there exist a lot of registered trademarks with the initial component PLAT- and ПЛАТ- (PLATIO — ПЛАТИО; PLATINION — ПЛАТИНИОН; PLATIDO — ПЛАТИДО, etc.).

On the other hand, linguistic research of the trademark DRIVE CAFÉ and the Cyrillic trademark КОФЕ ДРАЙВ (lit. COFFEE DRIVE) requires that each component of these trademarks should be analyzed. The paper also shows that an analysis of the similarities and differences between the trademarks KUKAMA and KUMALA can only succeed if the associative potential of these names is investigated.

A specific problem in trademark similarity analysis involves the visual component of nominations compared. Many trademarks

represent combinations of verbal and graphic components. The paper emphasizes that a study of visual trademark components require a special metalanguage which is currently being developed.

Keywords: forensic linguistics, trademark analysis, semantic similarity, associative potential, confusion similarity

1. Постановка задачи

Категория сходства в семантике рассматривается в рамках изучения синонимических преобразований. Так, Ю. Д. Апресян, обсуждая особенности словаря синонимов, отмечает, что «для обеспечения смысловой адекватности речи словарь синонимов должен содержать полное, достаточное и абсолютно эксплицитное описание их семантических сходств и различий» [Апресян 1995: 244], причем сходства и различия должны распространяться как на лексико-семантические, так и на синтаксические характеристики. Более того, синонимы должны характеризоваться и по сходствам-различиям жанровым, функциональным и даже территориальным [Апресян 1995: 247]. Инструмент выявления таких сходств и различий — специальный «лексикографический язык, на котором все существенные свойства синонимов могут быть описаны полно, достаточно и максимально эксплицитно» [Апресян 1995: 251]. Такой метаязык используется в толкованиях и семантических экспликациях различных типов.

В лингвистической экспертизе проблема семантического сходства возникает при анализе товарных знаков, или знаков обслуживания (в международной терминологии — товарных марок или торговых марок; ср. также знак «TM»). Товарный знак — это обозначение (словесное, изобразительное, комбинированное или иное), которое служит для индивидуализации товаров и услуг юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. Для целей индивидуализации юридических лиц может использоваться также «фирменное обозначение», которое, однако, товарным знаком не является. По закону товарные знаки, обнаруживающие сходство до степени смешения с уже зарегистрированным товарным знаком, не подлежат государственной регистрации и правовой охране.

Государственная организация, определяющая правила анализа сходства до степени смешения, — это Роспатент, который выпускает

соответствующую методическую литературу (см., например, [Методические рекомендации 2009]). Согласно рекомендациям Роспатента, обозначение считается **тождественным** с другим обозначением, если оно совпадает с ним во всех элементах. Обозначение считается **сходным** до степени смешения с другим обозначением, если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные различия. Оценка сходства обозначений производится на основе **общего впечатления**, формируемого в том числе с учетом не охраняемых элементов. Формирование общего впечатления может происходить под воздействием **любых особенностей** обозначений.

Методы семантического анализа в лингвистике не позволяют выявлять «общие впечатления», возникающие при восприятии товарного знака. Однако на практике при регистрации товарных знаков, а также при возникающих спорах между интересантами используются не только социологические опросы референтных групп пользователей, фокус-группы и другой инструментарий социологии и социальной психологии, но и **аналитические методики**, основанные на изучении звуковых (фонетических), графических и смысловых (семантических) характеристик сопоставляемых товарных знаков в отношении сходства и различия. Роспатент в упоминавшихся «Методических рекомендациях» при установлении сходства — различия в семантике в п. 4.2.3 предлагает учитывать следующие факторы. Во-первых, «подобие заложенных в обозначениях понятий, идей». По этому критерию сходными оказываются, например, обозначения МУЗЫКА США — МЕЛОДИЯ США. Сходство может обнаруживаться и между обозначениями на разных языках: АРОМАТНАЯ МЕЛОДИЯ — AROMATIC MELODY. Сходству способствует и «противоположность заложенных в обозначениях понятий»: МОЙ МАЛЫШ — ВАШ МАЛЫШ. На различие, с другой стороны, указывает наличие у обозначений различных «смысловых значений»¹. Так, благодаря тому, что слово *крон* в современном русском языке имеет значения ‘мифический герой’ и ‘титан; разновидность краски’, а слово *крона* — ‘часть растения’ и ‘денежная единица; монета’, формы КРОН и КРОНА как наименования с семантической точки зрения обладают достаточной

¹ В «Методических рекомендациях» широко используется термин «смысловое значение», явно избыточный по внутренней форме. По необходимости он используется и в данной статье в значении ‘семантика, план содержания, смысл’.

способностью к различению, хотя и обнаруживают значительное визуальное и фонетическое сходство.

2. Сильные и слабые компоненты товарных знаков

Еще одна рекомендация Роспатента касается категории «сильных» и «слабых» элементов наименования. Имеется в виду способность частей наименований к различению товарных знаков. Так, в п. 4.2.1.3 указывается, что сильные элементы наименований оригинальны и не являются описательными. К слабым элементам, в частности, относятся часто повторяющиеся в товарных знаках сочетания букв типа *-мат, -трон, -ол, -дент, карб-* и т. д., а также неохранные обозначения (ЭКО, ИНФО, ПЛЮС, AUTO, SOFT, FORTE). Так, в обозначении AUTOSCRIPT слабым элементом является AUTO, а сильным элементом — SCRIPT. В обозначении MEGASPELL слабый элемент — MEGA, а сильный элемент — SPELL. При экспертизе словесных обозначений необходимо учитывать сходство — различие именно сильных элементов. Если, однако, словесное обозначение, состоящее из упомянутых выше элементов, обладает выраженной семантикой (имеет «смысловое значение») — например, ПЛАЗМОН, СЕЛЕНИТ), то это обозначение при экспертизе следует оценивать в целом, без деления на части.

Если обратиться к лингвистической теории, то сильные и слабые элементы товарных знаков характеризуют способность к смыслоразличению, что представляет собой важнейшую характеристику любых знаков в семиотической системе. Как известно, знак обладает планом выражения (физический носитель, форма знака), планом содержания (семантика) и значимостью (связями знака с другими знаками в семиотической системе — реальными или виртуальными) [Соссюр 1999; Семиотика 1983]. Способность к смыслоразличению определяется вхождением знака в оппозиции к другим знакам в парадигматической группе, что выявляет его характерные свойства в противоположность другим аналогичным знакам [Трубецкой 1960]². Таким образом, смыслоразличительная сила связана со значимостью знака в семиотической системе.

² См. также понятие интегральных и дифференциальных семантических характеристик (признаков).

Рассмотрим пример, в котором указанная характеристика играет существенную роль при выявлении факторов сходства и различия. В наименованиях *Общество с ограниченной ответственностью «Корпорация САНВУД» (ООО «Корпорация САНВУД»)* и *Общество с ограниченной ответственностью «САНВУТ» (ООО «САНВУТ»)* часть компонентов совпадает (*Общество с ограниченной ответственностью; ООО*), а другая часть — фонетически сходна (*САНВУД — САНВУТ*). Очевидный элемент различия — только слово *корпорация*. На этом основана позиция стороны, доказывающей, что сходство до степени смешения отсутствует. Действительно, словесный элемент *корпорация* различает данные наименования с чисто формальной точки зрения. Кроме того, словесный элемент *САНВУД* может пониматься носителями русского языка как ‘солнце’ и ‘лес’ / ‘дерево’, то есть семантика обозначения *САНВУД* — ‘солнечное дерево’ или ‘солнечный лес’.

Имеются, однако, и аргументы, указывающие на существенные факторы, способствующие смешению приведенных наименований. Так, очевидно, что как словесный элемент *Общество с ограниченной ответственностью*, так и соответствующая ему аббревиатура *ООО* в составе рассматриваемых наименований семантически тождественны. Существительное *общество* употреблено в данном случае как имя нарицательное в значении «объединение людей, ставящих себе какие-л. общие задачи; организация» [МАС].

При этом существенно, что и слово *корпорация* как имя нарицательное в современном русском языке имеет значение ‘союз, объединение лиц, организаций, фирм на основе общности профессиональных или сословных интересов (ср. гильдия)’ [БТС], то есть семантически слова *общество* и *корпорация* близки, и в рассматриваемом случае эти слова фактически выступают как контекстуальные синонимы. Таким образом, квалификационная номинация *общество* в фирменном наименовании *Общество с ограниченной ответственностью «Корпорация САНВУД» (ООО «Корпорация САНВУД»)* дублируется словом *корпорация* и целостная номинация оказывается вследствие этого тавтологичной. Иными словами, наличие в составе одного из сравниваемых фирменных наименований слова *корпорация* не способствует его смысловому приращению, которое позволяло бы эффективно различать обсуждаемые наименования.

К числу сильных элементов в рассматриваемых наименованиях относятся словесные элементы *САНВУД* и *САНВУТ*, которые для русскоязычных говорящих являются «фантазийными», так как ни один из них не имеет однозначных аналогов среди общеизвестных слов русского языка. Действительно, формы *САНВУД* и *САНВУТ* отсутствуют в словниках авторитетных толковых словарей современного русского языка. Кроме того, целостная семантика этих элементов не мотивируется какими-то компонентами — морфемами или морфемоподобными образованиями, которые можно было бы выделить на основании дистрибутивного анализа минимальных значимых компонентов, **однозначно** соотносимых с общеизвестными словами русского языка или их значащими морфемами.

Так, в русском языке существует самостоятельное многозначное слово *сан*:

1. *Книжн.* Звание, связанное с высоким положением и высокой должностью. *Носить высокий сан. Получить какой-л. сан. Боярский, царский, королевский сан.*

2. Звание духовного лица русской православной церкви. *Духовный сан. Сан дьякона. Сан митрополита. Возведение в сан* [БТС].

Однако это слово не выступает в качестве первой части сложных слов. Аналогично в качестве первой части сложных слов не выступает и сокращение *сан.* в значении ‘санаторий’.

Как часть сложных слов компонент *сан...* может передавать значение ‘санитарный’ (например, *санврач, санбат, санслужба* и пр.), кроме того, в текстах на русском языке в составе имен собственных (фамилий, топонимов и микропонимов) компонент *Сан-* используется в значении ‘святой’ (например, *Сан-Мартин, Сан-Марко* — название собора и площади в Венеции, *Сан-Диего, Сан-Хосе* и пр.). Наконец, компонент *-сан* может использоваться как форма уважительного обращения в составе японских личных имен, например: *Чио-Чио-сан, Тояма-сан*. При этом, однако, только в значении ‘санитарный’ компонент *сан* в составе сложных слов пишется слитно, в остальных случаях он пишется через дефис.

Рассматриваемая форма *САН* выступает также как аббревиатура в следующих значениях:

- силовой агрегат насоса;
- Словацкая академия наук;
- слабоалкогольный напиток;
- стирол и акрилонитрил [ССиА].

В свою очередь, форма *ВУД* как аббревиатура используется в двух основных значениях: ‘возбуждение уголовного дела’; ‘взвод управления дивизиона’ [ССиА].

Аббревиатура *ВУТ* представлена как термин в значениях: ‘вакуумный усилитель тормозов’ и ‘плавное увеличение поперечного сечения железобетонных опорных или перекрывающих пролет конструкций вблизи места опирания (конструкции ЖБИ)’ [Полякова и др. 2015; Технические требования 2014].

Словарный и контекстный анализ компонентов *САН* и *ВУД (ВУТ)* показывает, что они не воспринимаются как транслиты с устойчивой семантикой, то есть заимствованные слова, которые настолько продуктивны в русском языке благодаря множеству заимствованных одноструктурных слов, что для их понимания носителю русского языка нет необходимости владеть соответствующим иностранным языком. Ср., слово *хай-тек* в значении ‘высокие технологии’ и ‘высокотехнологичный’ в словах *хай-тек-бизнес*, *хай-тек-индустрия*, *хай-тек-компания* и пр.; слово *бэк* в значении ‘задний, позади’ в словах *бэк-офис*, *бэк-вокал*, *бэк-танцовщица*, *бэк-флип* (‘прыжок назад’) и пр.

Из проведенного анализа следует, что словесным элементам *САНВУД* и *САНВУТ* в целом в рамках современного русскоязычного дискурса нельзя приписать иное значение, кроме того, что каждый из них является частью наименования, но это тривиальная часть семантики любого имени собственного. Действительно, как товарные знаки, так и наименования в целом представляют собой имена собственные — названия компаний, ресторанов, товаров и товарных линеек, услуг и пр. В логико-философской традиции имена собственные относятся к определенным дескрипциям. Согласно теории определенных дескрипций Б. Рассела, типичный способ языкового указания на лицо или объект — это использование более или менее развернутого (сложного) описания, или дескрипции, где упоминаются те или иные свойства описываемого объекта [Russell 1905; Лебедев, Черняк 2001]. Например, дескрипции *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда* указывают на один и тот же объект действительности — планету Венера, но по различным свойствам — появлению на небосклоне утром и появлению на небосклоне вечером. Имена собственные представляют собой вид определенных дескрипций, в которых свойство объекта, на который указывает дескрипция, редуцировано до минимума. Действительно, фамилия *Петров* в теории Б. Рассела — это определенная дескрипция вида *человек*,

носящий фамилию Петров. Соответственно, семантика товарного знака или шире — наименования организаций, товаров и услуг — имеет форму «организация, товар и услуга, называемые X», где X — форма товарного знака (номинации).

Словесные элементы *САНВУД* и *САНВУТ* в рассматриваемых наименованиях должны были бы быть сильными компонентами, однако де-факто они этой функции не выполняют, а сами наименования сходны до степени смешения.

Другой пример выявления слабых и сильных элементов наименования в экспертизе товарных знаков — это ряд номинаций ПЛАТИНА и ПЛАТИУС, PLATINUM и PLATIUS, PLATINA и PLATIUS. На первый взгляд, именно компоненты ПЛАТИ и PLATI, ПЛАТ и PLAT являются сильными в данных товарных знаках, однако система зарегистрированных в Российской Федерации товарных знаков в отношении однородной сферы деятельности содержит значительное число элементов с начальными частями ПЛАТИ и PLATI, ПЛАТ и PLAT:

Рис. 1. Товарные знаки с начальными компонентами ПЛАТИ и PLATI, ПЛАТ и PLAT

Pic. 1. Trademarks with initial components "ПЛАТИ" and "PLATI", "ПЛАТ" and "PLAT"

PLATINION

RU 216156

Platinum mile
Платиновая миля

RU 370473

platido

RU 415110

RU 457890

RU 541728

Всего, по данным на дату проведения исследования (март 2015 г.), в системе было зарегистрировано более 20 товарных знаков указанного типа. Наличие такого большого количества элементов в семиозисе товарных знаков с указанными начальными компонентами существенно снижает смысловозначительную силу первой части товарных знаков: ПЛАТИ и ПЛАТИ, ПЛАТ и ПЛАТ. Более значимыми оказываются последующие, конечные компоненты, а также элементы графического оформления — акцидентная гарнитура, рисунок и пр.

Таким образом, смысловозначительная способность начальных компонентов наименований ПЛАТИНА и ПЛАТИУС, PLATINUM,

PLATINA и PLATIUS существенно ослаблена в общей системе товарных знаков. В силу сказанного более важными для смыслового различия оказываются конечные компоненты исследуемых обозначений, то есть формы ИНА, ИУС, INUM, IUS, INA — они и являются в данном случае сильными элементами.

3. Покомпонентный versus общий анализ наименования

Методика Роспатента рекомендует, в том случае если словесное обозначение состоит из двух и более слов, проводить экспертизу как отдельно по каждому слову, так и по всему обозначению в целом (п. 4.2.4.1). Так, при исследовании на предмет сходства обозначения STELLA ALPINA следует провести анализ как форм STELLA и ALPINA по отдельности, так и всего наименования. К числу исключений относятся устойчивые словосочетания типа ШАПКА МОНОМАХА, ELIXIR D'AMOUR, при экспертизе которых анализируется сходство всего обозначения, а анализ отдельных элементов не производится.

Наименования DRIVE CAFÉ и КОФЕ ДРАЙВ представляют собой комбинированные товарные знаки, включающие как собственно вербальный, так и визуальный компоненты (см. рис. 2). В зависимости от того, что признается охраноспособным в товарном знаке, экспертиза может проводиться только по вербальной, только по визуальной составляющей или по совокупности словесной формы и способа ее визуального представления. Рассмотрим данные наименования с точки зрения только словесных элементов.

Рис. 2. Комбинированные наименования DRIVE CAFÉ и КОФЕ ДРАЙВ

Pic. 2. Combined trademarks DRIVE CAFÉ and КОФЕ ДРАЙВ

Очевидно, что целостную семантику сравниваемых обозначений смогут выявить как те носители русского языка, которые в состоянии отождествить компоненты *Drive* и *Café* с соответствующими

словами известных им иностранных языков и подобрать к ним русские переводные эквиваленты, так и те, кто не знает иностранных языков или не владеет ими в необходимой мере, поскольку созвучные слова *драйв* и *кафе* употребляются и в текстах на русском языке в транслитерированном виде³.

Слово *café* (также в варианте *cafe*), по данным словарей [Abbyu Lingvo], является многозначным существительным, у которого выделяются следующие основные значения:

‘кафе, кофейня’ (в английском, немецком, французском, испанском языках);

‘закусочная, буфет, кафетерий’ (в английском языке);

‘кабаре, бар, ночной клуб’ (в английском языке);

‘кофе, кофейное зерно’ (во французском и испанском языках);

‘кофейное дерево’ (в испанском языке).

Кроме того, в испанском языке слово *café* может выступать как прилагательное со значением цвета — ‘кофейный, коричневый’.

В немецком, французском, итальянском языках, по данным словарей [Abbyu Lingvo], слово *drive* — это прежде всего ‘определенный тип удара в теннисе, гольфе, крикете, бейсболе’, кроме того, во французском и итальянском языках это слово используется также в значении ‘дисковод’. Но очевидно, что ни в одном из этих значений слово *drive* не может непротиворечиво сочетаться со словом *café*, варианты реконструкции целостной семантики словосочетания DRIVE CAFÉ как ‘кофейный дисковод’ или ‘кофейный удар’ аномальны.

Кроме того, в немецком языке, по данным «Нового большого немецко-русского словаря» [НБНРС], слово *Drive* имеет значение ‘стимул, побуждение, внутренний импульс’, а также может использоваться как название музыкального стиля в джазе.

Наконец, в английском языке слово *drive* многозначно, причем оно может выступать и как глагол в значении ‘водить, управлять (автомобилем)’, ‘ездить, ехать (на автомобиле)’, и как отглагольное

³ Понятно, что знание латинского алфавита для носителей русского языка предполагается, что, впрочем, не лишено оснований, поскольку это входит в программу обучения в средней школе.

существительное в значении ‘езда, поездка и т. п.’, а также ‘возбуждение, воодушевление и т. п.’, ‘энергия’ [Abbyu Lingvo].

При этом на уровне обыденного языкового сознания в составе обозначения *Drive Café* компонент *Café* понимается как грамматически опорный — как нечто вроде определяемого слова, поскольку в русскоязычном дискурсе присутствуют такие англоязычные наименования со сходной структурой, как *Hard Rock Cafe*, *McCafé*, в которых компоненты *Hard Rock* и *Mc* воспринимаются как определения к *Cafe (Café)*.

Следовательно, если исходить из того, что компонентами словесного обозначения *Drive Café* являются слова немецкого или английского языка в некоторых их значениях, то обозначению в целом удастся приписать относительно непротиворечивую целостную семантику, например: ‘музыкальное кафе’, ‘кафе, которое поднимает настроение, заряжает энергией’, ‘кафе для тех, кто едет, находится в поездке’, ‘кафе для тех, кто управляет автомобилем’ и под.

Разумеется, изучить всё многообразие переводных вариантов можно лишь с применением экспериментальных методов, например опроса, так как выбор одного варианта из нескольких возможных зависит от степени владения языком, правильности выбора переводного эквивалента, индивидуального практического опыта носителя языка в сфере обслуживания и иных факторов.

Носитель русского языка, не владеющий никакими иностранными языками, как уже отмечалось выше, может установить семантические параллели между компонентами обозначения *Drive Café* и словами, употребляемыми в текстах на русском языке, на основе обнаруженного сходства их звучания и транслитераций, представленных в русскоязычном дискурсе.

С другой стороны, заимствование *драйв* в текстах на русском языке употребляется исключительно как имя существительное, что подтверждается данными лексикографических источников, а также примерами словоупотребления. Как показывает анализ лексикографических и энциклопедических источников, слово *драйв* многозначно, используется в русском языке в ряде профессиональных подязыков, а также в профессиональном сленге, а именно:

— в языке спортсменов:

‘сильный и низкий удар при отбивании мяча в игре в теннис’ [НСИС];

— в языке музыкантов:

‘энергичная манера исполнения в джазе, при которой достигается эффект нарастающего ускорения темпа, активной устремленности движения’ [НСИС];

‘в современной музыке: джазовый характер исполнения, создающий у слушателя впечатление нарастающего темпа, несмотря на то, что он остается неизменным’ [ПСИС];

— в языке психологии:

‘понятие, применяемое в психологии мотивации и в теории научения. Означает неосознаваемое внутреннее влечение общего характера, порожденное некоей органической потребностью’ [Головин 1998];

‘термин, описывающий мотивационное состояние организма, возникающее в результате специфической потребности (например, потребность в пище, потребность в укрытии и т. д.)’ [БПС];

— в языке специалистов в области информационных технологий:

‘дисковое устройство компьютера’ [НСИС];

в том числе в составе устойчивого выражения *тяжёлый драйв* — ‘жесткий диск’ [Мокиенко, Никитина 2007].

Кроме того, это слово обнаруживается в языке людей, так или иначе связанных с автомобилями (как профессионалов, так и автомобилистов-любителей), в котором используется в значении ‘вождение автомобиля’ и может также характеризовать ходовые характеристики машины [САЖ].

Анализ контекстов использования слова *драйв* в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru) показывает, что оно употребляется в значении ‘энергичность, воодушевление, эмоциональный подъем’ вне зависимости от конкретной сферы деятельности или предметной области, ср. примеры 1–5:

- (1) *Хорошо работает, — мысленно похвалил я Максима, а заодно и своего дальновидного босса, подыскавшего для меня*

не убеленного сединами старика, но энергичного парня, делающего свое дело резко, с **драйвом**. [А. Рубанов. Сажайте, и вырастет];

- (2) Конечно, телевизионщиков прибило к нашему порогу благодаря летнему информационному штилю — зимой, в разгар сезона, их заполучить труднее, дороже, а тот **драйв**, который они придают любому торжеству, всегда стоит потраченных усилий и денег. [О. Новикова. Мне страшно, или Третий роман];
- (3) — Сейчас погоню, — весело сказала я, почувствовав необычайный прилив куража, море оказалось по колена, планка по пояс, кайф и **драйв**, от которых, как оказывается, столько удовольствия. [М. Голованивская. Я люблю тебя];
- (4) В концерте масса живого общения с залом, зажигательных танцев и рок-н-рольного **драйва**. [М. Баркова. Сергей Трофимов разговелся самарскими куличами // Комсомольская правда, 26 апр. 2011 г.];
- (5) Полно **драйва** выступление грациозных девушек-наездниц из шоу «Амазонки», в бесстрашии им не уступают воздушные гимнасты и акробаты. [Е. Маркелова. Цирк на Цветном празднует юбилей в Саратове // Известия, 18 марта 2011 г.].

Таким образом, значение слова *драйв* для анализируемого обозначения в некотором огрублении можно описать как ‘энергия (воодушевление, активность, эмоциональный подъем и т. п.)’ или ‘движение (езда, перемещение в пространстве и т. п.)’.

В то же время слово *кафе* в русском языке однозначно. По данным авторитетных толковых словарей его значение может быть описано следующим образом:

‘небольшое предприятие общественного питания, обычно с подачей кофе, молочных продуктов, кулинарных изделий несложного приготовления, с музыкой’ [РСС II];

‘небольшой ресторан, где подают кофе, чай, закуски и т. п.’ [МАС];

‘небольшой ресторан с подачей кофе’ [ТСРЯ].

Таким образом, кафе — это разновидность заведения (предприятия) общественного питания, небольшой ресторан, меню которого включает в себя в числе прочего и такой напиток, как кофе, но им не исчерпывается. Следовательно, с учетом многозначности слова *драйв* в текстах на русском языке и значения слова *кафе* носители русского языка, скорее всего, понимают обозначение *Drive Café* как ‘кафе, которое поднимает настроение, заряжает энергией’, ‘кафе для тех, кто едет, находится в поездке’, ‘кафе для тех, кто управляет автомобилем’. Принимая во внимание, что аналогичные значения, как следует из рассуждений, приведенных выше, могут быть приписаны этому обозначению также носителями русского языка, владеющими английским и / или немецким языком, можно заключить, что именно таковы и будут варианты интерпретации целостной семантики обозначения *Drive Café* с учетом его языковой формы.

Следует также принять во внимание и визуальный облик этого обозначения — его компонент *Drive* в характерном начертании используется для маркировки товаров компании «Газпром нефть».

С учетом синтаксической структуры обозначения этот компонент выступает как определение по отношению к компоненту *Café*, указывая на дифференциальный признак, выделяющий предмет (в широком смысле слова), названный определяемым словом, то есть кафе, в ряду однородных. Таким образом, значение компонента *Drive* может быть определено и как ‘принадлежащий компании «Газпром нефть»’, то есть с семантической точки зрения этот компонент выступает как относительное прилагательное, определяющее признак через отношение к данной компании.

Принципиальное отличие обозначения КОФЕ ДРАЙВ заключается в том, что в нем каждый из компонентов теоретически может рассматриваться как главный при сохранении между ними определительных логических отношений — либо первый компонент КОФЕ (по аналогии со сложными словами типа *диван-кровать*, *счет-фактура*, *плащ-палатка* либо со словосочетаниями типа *птица иволга*, *рыба щука*), либо второй компонент ДРАЙВ (по аналогии со сложными словами типа *риск-менеджмент*, *гамма-лучи*, *онлайн-версия*). Такому пониманию косвенно способствует и графическое оформление обозначения — использованный графический элемент • может пониматься как аналог дефиса в составе сложного слова.

Если считать, что главным является компонент КОФЕ, то семантика обозначения в целом может пониматься как наименование разновидности кофе, например продаваемого водителям или, что менее вероятно, но все-таки не исключено, как более крепкого, придающего большую энергию по сравнению с иными видами этого напитка.

Если же считать главным компонент ДРАЙВ, что менее вероятно, так как это абстрактное существительное и явно не термин, то обозначение КОФЕ ДРАЙВ может пониматься как указывающее на разновидность бодрости, энергичности, воодушевления и пр., то есть драйва, достигнутого в результате употребления кофе.

Таким образом, целостная семантика, а также ассоциативный потенциал рассматриваемых обозначений различны: при любом понимании целостной семантики обозначения КОФЕ ДРАЙВ очевидно, что пересечений с семантикой обозначения *Drive Café*, приписываемой последнему как путем подбора переводных эквивалентов, так и путем подбора сходно звучащих иноязычных слов, освоенных русским языком, несмотря на широкую вариативность, не наблюдается. Основная причина выявленных отличий — в различии семантики компонентов *Café* и КОФЕ в составе сравниваемых обозначений: первый компонент является наименованием разновидности заведений общественного питания — небольшого ресторана, меню которого предполагает наличие такого напитка, как кофе, но отнюдь им не исчерпывается, а второй — указывает на конкретный напиток.

Очевидно, однако, что параметров анализа, указанных в методике Роспатента, недостаточно для выявления семантического сходства — различия наименований. В ряде случаев следует привлекать и другие аспекты семантики языковых форм — в частности, их ассоциативный потенциал.

4. Ассоциативный потенциал

Как уже отмечалось выше, лингвистическая семантика не может определить «общие впечатления», возникающие у потребителя при восприятии товарного знака. Разумеется, возможно использование методов психолингвистики, позволяющих выявить словесные реакции испытуемых на слова-стимулы. Однако реакции испытуемых на фантазийные формы, то есть словесные последовательности, которым нельзя сопоставить отчетливой семантики, вряд ли

будут доказательны хотя бы из-за индивидуальности и субъективности опыта каждого человека. При этом вероятные направления ассоциаций человека в связи с той или иной формой могут быть определены и, тем самым, предсказаны на основании аналитических методов исследования — в частности, при изучении парадигматических связей исследуемой формы (товарного знака и его частей). Рассмотрим этот способ аналитического исследования семантики на примере обозначений KUKAMA и KUMALA.

Семантически слова *кукама* и *кумала* не освоены русским языком или иными славянскими языками, о чем свидетельствует их отсутствие в толковых словарях, но при этом они употребляются в текстах на русском языке. Это так называемые экзотизмы, то есть иноязычные заимствования, которые обозначают какие-то реалии из жизни народа, говорящего на ином языке и приверженного иной культуре.

На формирование ассоциативного потенциала экзотизмов влияют два основных фактора:

- их исконное значение в языке-источнике;
- наличие сходных по написанию и / или звучанию слов в языке-реципиенте, или языке-цели (если использовать терминологию перевода).

В случае с рассматриваемыми формами в русском языке можно обнаружить относительно созвучные слова: *кукан* — ‘бечева, на которую нанизывают пойманную рыбу’ [МАС] или *куманика* — ‘колючий кустарник — вид ежевики; сами его ягоды’ [РСС I]. Следовательно, нельзя исключить, что для носителей русского языка с учетом близости фонетики и графики сравниваемые обозначения могут быть включены, соответственно, в семантические группы ‘орудия охоты и рыболовства’ или ‘растения’.

В рассматриваемом примере словарный анализ очевидно недостаточен: его следует дополнить экспериментом на представительном корпусе текстов. Разумеется, чем репрезентативнее корпус, тем более полные результаты можно получить. В данном случае репрезентативность корпуса как таковая не играет существенной роли — важна полнота представления. В качестве такого корпуса можно использовать Рунет, а для поиска контекстов привлечь поисковую систему «Яндекс»⁴.

⁴ В общем случае поисковые системы «Яндекс», Google и аналогичные информационные структуры интернета дают искаженные результаты — см. по этому

Как показывает лингвистический эксперимент, проведенный в отношении текстов на русском языке, индексированных при помощи поисковых систем «Яндекс» (yandex.ru) и Google (google.ru), слова *кукама* и *кумала*, а также последовательности, сходные с ними графически, употребляются в различных значениях, способных сформировать соответствующий ассоциативный ряд, ср. примеры 6–12 из результатов поиска, иллюстрирующие типы употреблений форм, идентичных слову *кукама* или похожих на него:

- (6) *Кукама* славятся по реке своей бережливостью. Стремление к приобретению собственности — черта, у индейцев столь редкая, что бразильцы с удивлением говорят о нравах **кукама**. [Г. Бейтс. Натуралист на Амазонке];
- (7) *Кукам* в еврейском юморе на иврите слово «какам» означает «тот; кто мудр», и это один из самых значимых комплиментов; который может заслужить человек. [www.e-reading.by/chapter.php/111906/16/Telushkin_-_Evreiiskiii_yumor.html];
- (8) В Южной Африке *Куката* — одна из разновидностей антилопы — почитается аборигенами как священное животное. В южноафриканской мифологии **Кукама** — любимица Небесного Бога. [www.miphol/874/pant.html];
- (9) *Gemsbuck*, или **кукама**, кама, цесебе, гну, эланд, пути, или нырятьщик, каменный козел, жирафа, нуни, или *Blesbuck*, прыгающий козел, или *цепе*, и уреби всегда живут на равнинах. [Ч. Ливингстон. Путешествие по Замбези];
- (10) **Кукаму**, кукамйшэ; бабушка (со стороны отца) [http://nazaccent.ru/phrase/family/];
- (11) Горские князья верят в доброго бога Макука и злого бога **Кукама**, и их главный священник — тибетский Далай-Лама. [src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no17_ses/09norimatsu.pdf];
- (12) *Весьма претенциозно, хотя и не лишено приятности. Местами звучит очень тяжело, местами — комично («...стенку — кому» = «стен кукаму», что за «кукама» такая?!)*... [https://arifis.ru/work.php?action=view&id=102].

поводу подробнее [Беликов 2014]. Однако для рассматриваемого случая — обеспечение поиска по критерию полноты — «Яндекс» вполне приемлем.

Из приведенных примеров видно, что слово *кукама* или созвучные с ним формы включены в следующие семантические группы:

- наименования народов, племен, этносов (пример 6);
- животные (примеры 8, 9);
- имена собственные, связанные с первобытной мифологией (пример 11);
- иноязычные заимствования — из иврита (искаженное) (пример 7) или из чувашского языка (пример 10);
- авторский окказионализм (пример 12).

Аналогичный эксперимент со словом *кумала* дает следующее распределение контекстов:

- (13) *Фингал, точнее — Финн Мак Кумал* (Финн, сын *Кумала*) (ирл. *Fionn mac Cumhaill*, иногда англ. *Finn McCool*) — легендарный герой кельтских мифов III в. н. э. Ирландии, Шотландии и острова Мэн, воин, мудрец и провидец. [ru.wikipedia.org/wiki/Финн_Маккул];
- (14) *Аэропорт Кумала* (*Koumala*) — Центральноафриканская Республика. [avia.turizm.ru/airports/info/koumala/];
- (15) *Кумал* (Квас из кукурузной муки, североосетинская кухня) [kulinarlib.ru/knigi-ussr/13-kulinariya-kavkaza/recept-book1195.shtml];
- (16) *В игре всеобщими эквивалентом стоимости являются кумалы (сита) и сеты (set) («ценность», «сокровище»)*. Цена чести также измеряется в кумалах и сетах. Таблица ниже показывает связь статуса персонажа и цены его чести. *1 кумал = 3 сета* (на игре будут визуально отличимы). [aquavitaе.narod.ru/games/kv-honor.html].

Таким образом, для слова *кумала* и созвучной ему формы *кумал* вероятно включение в следующие семантические группы:

- имена собственные, связанные с первобытной мифологией (пример 13);
- топонимы — наименования городов (пример 14);
- наименования блюд национальной кухни (пример 15);
- наименования игровых реалий (пример 16).

Проведенный эксперимент показывает, что потенциальные области ассоциаций исследуемых форм существенно различаются.

Это указывает на то, что ассоциативный потенциал словесных обозначений KUKAMA и KUMALA способен повлиять на их функционирование в русскоязычном языковом социуме в сторону различения.

Для экзотизмов ассоциативный потенциал очень важен, так как даже при их минимальных фонетических или графических отличиях смешение в речевом употреблении не возникает. Например, именно благодаря включенности в разные семантические группы не смешиваются в русскоязычной языковой среде слова *самба* — танец и *мамба* — вид змеи, *сельва* — вид леса и *Сильва* — имя собственное и многие другие.

5. Заключение

Отдельная проблема в исследовании сходства товарных знаков, которая требует особого рассмотрения, — визуальный компонент сравниваемых обозначений, поскольку очень многие товарные знаки являются комбинированными, то есть включают и вербальный, и изобразительный компонент (см. выше анализ товарных знаков DRIVE CAFÉ и КОФЕ ДРАЙВ), а то и вовсе оказываются чисто изобразительными. Задача изучения визуальной составляющей требует решения и в рамках проведения лингвистических экспертиз по другим типам дел — в частности, в рамках КоАПа, уголовного законодательства и в сфере рекламы. Причем если в товарных знаках объектом анализа в подавляющем числе случаев оказывается статическое изображение, то по делам экстремистского состава и в области рекламы объектом исследования часто становится динамическое изображение, которое по визуальным характеристикам является феноменом иной природы, семиозис которого существенно отличается от семиотики статического изображения (постера, рисунка, фотографии и т. п.). Исследование изображения, вообще говоря, не входит в задачи лингвистики в точном смысле, но вписывается в рамки семиотического подхода — разумеется, в той мере, в которой в изображении (статическом или динамическом) присутствуют визуальные знаки⁵. Это тема особого обсуждения, поскольку

⁵ Тема метаязыков для описания семантики изображения требует особого и более подробного обсуждения (см. по этому поводу, [Баранов 2018; Баранов, Паршин 2018]).

ку критерии сходства визуальных феноменов требуют использования специального метаязыка (см. по этому поводу [Баранов 2018; Баранов, Паршин 2018]).

Литература

- Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Английские синонимы и синонимический словарь // Ю. Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. II. М.: Школа Языки русской культуры, 1995. С. 242–305.
- Баранов 2018 — А. Н. Баранов. Метаязыки описания невербальной составляющей комбинированных текстов для целей лингвистической экспертизы // Коммуникативные исследования. 2018. № 3. С. 936.
- Баранов, Паршин 2018 — А. Н. Баранов, П. Б. Паршин. О метаязыке визуализаций текста // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2018. Т. 17. № 3. С. 1–11.
- Беликов 2014 — В. И. Беликов. К методике корпусного исследования лексики // М. В. Ахметова, В. И. Беликов (ред.). Русский язык и новые технологии. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 99–130.
- Лебедев, Черняк 2001 — М. В. Лебедев, А. З. Черняк. Онтологические проблемы референции. М.: Праксис, 2001.
- Методические рекомендации — Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство (приказ Роспатента от 31.12.2009 г. № 197).
- Семиотика 1983 — Ю. С. Степанов (ред.). Семиотика. М.: Радуга, 1983.
- Соссюр 1999 — Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999.
- Трубецкой 1960 — Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.
- Russell 1905 — В. Russell. On Denoting // Mind. 1905. № 14. P. 479–493.

Источники

- БПС — В. П. Зинченко; Б. Г. Мещеряков (ред.). Большой психологический словарь. М.: Олма-пресс, 2004.
- БТС — С. А. Кузнецов (ред.). Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд-е. СПб.: Норинт, 1998.
- Головин 1998 — С. Ю. Головин. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998.
- НСИС — Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. Новый словарь иностранных слов. М.: Азбуковник, 2003.
- Мокиенко, Никитина 2007 — В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007.

- ПСИС — Т. Г. Музрукова, И. В. Нечаева. Популярный словарь иностранных слов. М.: Азбуковник, 1999.
- НБНРС — Д. О. Добровольский (ред.). Новый большой немецко-русский словарь в 3-х тт. М.: АСТ; Астрель, 2007.
- Полякова и др. 2015 — Т. Ю. Полякова, Н. Г. Карасева, Д. В. Поляков. Автоторожные мосты: учебный англо-русский и русско-английский терминологический словарь-минимум. М.: МАДИ, 2015.
- РСС I — Н. Ю. Шведова (ред.). Русский семантический словарь. Том I. М.: Азбуковник, 1998.
- РСС II — Н. Ю. Шведова (ред.). Русский семантический словарь. Том II. М.: Азбуковник, 2000.
- САЖ — Словарь автомобильного жаргона. М.: EdwART, 2009.
- МАС — А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка в 4-х тт. М.: Русский язык, 1985–1988.
- ССиА — Словарь сокращений и аббревиатур (электронный ресурс). URL: <https://sokrasheniya.academic.ru/> (дата обращения 20.01.2019).
- Abbyu Lingvo — Словарь АБВУЙ Lingvo x6. Многоязычная версия (онлайн-словарь). URL: www.lingvo.ru. (дата обращения 20.01.2019).
- Технические требования 2014 — Технические требования к производству работ, правила и методы контроля. 2.6.54-2011. М.: СТО НОСТРОЙ, 2014.
- ТСРЯ — Н. Ю. Шведова (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2007.

References

- Apresyan 1995 — Yu. D. Apresyan. Angliyskie sinonimy i sinonimicheskiy slovar [English synonyms and synonymic dictionary]. Yu. D. Apresyan. *Integralnoe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Integral description of language and systemic lexicography]. Vol. II. Moscow: Shkola Yazyki russkoy kultury, 1995. P. 242–305.
- Baranov 2018 — A. N. Baranov. Metayazyki opisaniya neverbalnoy sostavlyayushchey kombinirovannykh tekstov dlya tseley lingvisticheskoy ekspertizy [Metalanguage for description of visual component of combined texts for the purposes of forensic linguistics]. *Kommunikativnye issledovaniya*. 2018. No. 3. P. 9–36.
- Baranov, Parshin 2018 — A. N. Baranov, P. B. Parshin. O metayazyke vizualizatsiy teksta [About metalanguage for visualization of a text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series 2. *Yazykoznanie*. 2018. Vol. 17. No. 3. P. 1–11.
- Belikov 2014 — V. I. Belikov. K metodike korpusnogo issledovaniya leksiki [Towards methodology for corpus-based study of vocabulary]. M. V. Ahmetova, V. I. Belikov (eds). *Russkiy yazyk i novye tekhnologii*

- [Russian language and new technologies]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. P. 99–130.
- Lebedev, Chernyak 2001 — M. V. Lebedev, A. Z. Chernyak. Ontologicheskie problemy referentsii [Ontological problems of reference]. Moscow: Praxis, 2001.
- Metodicheskiye rekomendatsii — Metodicheskie rekomendatsii po proverke zayavlennykh oboznacheniy na tozhdestvo i skhodstvo (prikaz Rospatenta ot 31.12.2009 No. 197). [Methodical recommendations on checking of the declared nominations for identity and similarity (order of Rospatent of 31.12.2009 No. 197)].
- Russell 1905 — B. Russell. On Denoting. *Mind*. 1905. No. 14. P. 479–493.
- Semiotika 1983 — Yu. S. Stepanov (ed.). Semiotika. [Semiotics]. Moscow: Raduga, 1983.
- Saussure 1999 — F. de Saussure. Kurs obshchey lingvistiki [The course of general linguistics]. Yekaterinburg: Ural University Press, 1999.
- Trubetskoy 1960 — N. S. Trubetskoy. Osnovy fonologii [Basics of phonology]. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1960.

Sources

- Abby Lingvo — Slovar ABBYY Lingvo x6 [The Dictionary ABBYY Lingvo x6]. Multilingual version (online dictionary). Available at: www.lingvo.ru (accessed on 10.01.2019).
- BPS — V. P. Zinchenko; B. G. Meshcheryakov (eds.). Bolshoy psikhologicheskiy slovar [The Large Psychological Dictionary]. Moscow: Olma-press, 2004.
- BTS — S. A. Kuznetsov (ed.). Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka [The Large Explanatory Dictionary of Russian]. St. Petersburg: Norint, 1998.
- Golovin 1998 — S. Yu. Golovin. Slovar prakticheskogo psikhologa [The Dictionary of Practical Psychologist]. Minsk: Kharvest, 1998.
- MAS — A. P. Yevgenyeva (ed.). Slovar russkogo yazyka v 4-kh tt. [The Dictionary of the Russian Language in 4 vol.]. Moscow: Russkiy yazyk, 1985–1988.
- Mokiyenko, Nikitina 2007 — V. M. Mokiyenko, T. G. Nikitina. Bolshoy slovar russkikh pogovorok [The Large Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow: Olma Media Grupp, 2007.
- NSIS — E. N. Zakharenko, L. N. Komarova, I. V. Nechayeva. Novyy slovar inostrannykh slov [The New Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Azbukovnik, 2003.
- NBNRS — D. O. Dobrovolskiy (ed.). Novyy bolshoy nemetsko-russkiy slovar v 3-kh tt. [The New Large German-Russian Dictionary in 3 vol.]. Moscow: AST; Astrel, 2007.
- Polyakova et al. 2015 — T. Yu. Polyakova, N. G. Karaseva, D. V. Polyakov. Avtodorozhnye mosty: uchebnyy anglo-russkiy i russko-angliyskiy

- terminologicheskiy slovar-minimum [Road bridges: The Educational English-Russian and Russian-English Terminology Dictionary-Minimum]. Moscow: Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), 2015.
- PSIS — T. G. Muzrukova, I. V. Nechaeva. Populyarnyy slovar inostrannykh slov [The Popular Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Azbukovnik, 1999.
- RSS I — N. Yu. Shvedova (ed.). Russkiy semanticheskiy slovar [The Russian Semantic Dictionary]. Vol. I. Moscow: Azbukovnik, 1998.
- RSS II — N. Yu. Shvedova (ed.). Russkiy semanticheskiy slovar [The Russian Semantic Dictionary]. Vol. II. Moscow: Azbukovnik, 2000.
- SAZH — Slovar avtomobilnogo zhargona [The Car Slang Dictionary]. Moscow: EdwART, 2009.
- SSiA — Slovar sokrashcheniy i abbreviatur [The Dictionary of Abbreviations] (electronic resource). Available at: <https://sokrasheniya.academic.ru/> (accessed on 10.01.2019).
- Tekhnicheskie trebovaniya 2014 — Tekhnicheskie trebovaniya k proizvodstvu rabot, pravila i metody kontrolya [Technical Requirements for the Work, Rules and Methods of Control]. 2.6.54-2011. Moscow: STO NOSTROY, 2014.
- TSRYA — N. Yu. Shvedova (ed.). Tolkovyy slovar russkogo yazyka s vklucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov [The Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information about the Origin of Words]. Moscow: Azbukovnik, 2007.

О ВЕРИФИЦИРУЕМОСТИ ИНФОРМАЦИИ С РАЗМЫТЫМ ДЕНОТАТОМ

Ю. В. Барина

Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Томск
julk@inbox.ru

Аннотация. В работе рассматривается вопрос установления верифицируемости утверждений, которые имеют в своем составе конструкции с размытым денотатом, способные обозначать обширный круг явлений. Традиционно такие утверждения признаются неверифицируемыми. Высказана гипотеза о том, что утверждения с размытым денотатом необходимо признавать проверяемыми широким перечнем ситуаций. Предлагается называть такие утверждения «верифицируемыми без установленного эталона».

Ключевые слова: верифицируемая и неверифицируемая информация, утверждения о фактах, конструкции с размытым денотатом, фактуальная и субъективная информация.

On the verifiability of information with an indistinct denotation

Yu. V. Barinova

National Research Tomsk State University, Tomsk
julk@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to linguistic expertise in cases concerning protection of honor, dignity and business reputation, namely the issue of demarcation between factual, objective information, subject to verification at court session, and non-factual,

subjective information, rejected from judicial trial due to its unverifiability. The paper considers the issue of verifiability of statements that contain a structure with indistinct denotation allowing for a wide range of interpretations. As interpretation of such statements can be subjective and variable, they are traditionally recognized as unverifiable. It is hypothesized in the article that statements with indistinct denotation should be recognized as verifiable against a wide list of comparable situations. It is suggested to define such statements as “verifiable without an established reference”. “Established reference” connotes a specific situation used as a yardstick to compare with statements examined in court. The task for the linguist in analyzing structures with indistinct denotation is to establish if there is an open list of situations that can be used to confirm a given statement. Where such a list is unavailable, the statement must be rejected.

Keywords: verifiable and unverifiable information, statements of facts, constructions with an indistinct denotation, factual and subjective information.

1. Постановка проблемы

Материалом для лингвистических экспертиз по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации¹ чаще всего становятся публицистические статьи в СМИ. Ситуация в лингвоэкспертной практике такова, что почти в любой оспариваемой статье (имеем в виду статью с негативной информацией об объекте описания) из всего массива высказываний значимыми для дел о защите чести оказывается очень небольшая часть. Под «значимыми» в данном случае подразумеваем те высказывания, из которых извлекается информация фактуального (объективного) характера, являющаяся верифицируемой. Большинство высказываний, составляющих публицистический текст, обычно оказываются незначимыми для дел о защите чести, т. к. лингвист по тем или иным признакам констатирует их нефактуальный (субъективный) характер, а значит, невозможность их верификации.

¹ Далее — дела о защите чести.

Напомним, что противопоставление *верифицируемой* и *неверифицируемой* (т. е. проверяемой и непроверяемой) информации сформулировано законодателем в [Постановление 2005]:

«...судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, *соответствие действительности которых можно проверить*, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, *не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности*». (Курсив мой — Ю. Б.)

Безусловно, реальный практический материал не позволяет ограничиться при анализе лишь названными формально-содержательными типами высказываний (утверждения о фактах; оценочные суждения; высказывания, в которых формулируются мнения и убеждения). Их перечень разнороден, не конечен и вариативен; можно выделить также предположения, логические суждения, суждения о мыслительной деятельности, суждения о психологическом состоянии, суждения о будущем, вопросы и пр. Однако из приведенного фрагмента [Постановление 2005] следует, что законодателя интересует разделение высказываний не столько на конкретные типы, сколько на две глобальные категории — *проверяемую* информацию и *непроверяемую*, при этом проверяемой считается информация, выраженная в форме утверждений о фактах, непроверяемой — в форме всех прочих типов высказываний.

Вместе с тем далеко не всегда высказывания четко укладываются в имеющуюся классификацию, т. е. однозначно характеризуются как какой-либо один формально-содержательный тип. Зачастую высказывание содержит в себе разнородные сведения, что позволяет одновременно выделить в нем и информацию, соотносимую по содержанию с утверждением о фактах, т. е. являющуюся верифицируемой, и различные иные субъективные суждения, являющиеся неверифицируемыми. Кроме того, информация, соотносимая по содержанию с утверждением о фактах, может обнаруживаться в пресуппозиции различных иных высказываний — мнений, предположений и т. д. Таким образом, тот факт, что высказывание не является утверждением о фактах, еще не означает, что в данном высказывании нельзя выделить некую фактическую

информацию, соотносимую с объективными событиями реальной действительности².

В таком ракурсе эксперту-лингвисту необходимо прежде всего разделить имеющуюся в исследуемом тексте информацию на *фактуальную, объективную* (как в форме целых высказываний — утверждений о фактах, так и в форме фрагментов в составе высказываний иных формально-содержательных типов), которую в дальнейшем в судебном заседании будут подтверждать или опровергать, и на *нефактуальную, субъективную*, которая в силу своей непроверяемости выводится за границы судебного разбирательства. Поскольку лишь фактуальная, объективная информация может являться предметом оспаривания в судебном заседании, только она названа значимой по данной категории дел.

Вернемся к мысли о том, что доля значимой для дел о защите чести фактуальной информации в оспариваемых текстах обычно мала. Это является закономерным, поскольку невозможно представить себе текст, который при всем богатстве средств, предоставляемых языком, состоит лишь из утверждений о фактах. С одной стороны, такая ситуация способствует свободе слова, свободе выражения мысли и мнений: автор, высказывая свои субъективные взгляды, ничем не ограничен (при условии соблюдения всех прочих законов). Однако, с другой стороны, открываются и возможности

² Приведем несколько условно сконструированных примеров:

- (1) *Мне кажется, что Иванов не вполне удовлетворен суммой полученной взятки в 100 тысяч.*
- (2) *Если все чиновники будут присваивать бюджетные деньги, как это делает Михайлов, денег в казне не останется.*
- (3) *Разве Петров мог знать, с какой целью Сидоров подделал документы?*

Ни одно из приведенных высказываний лингвист не может квалифицировать как утверждение о фактах, вместе с тем в высказывании (1) содержится фактуальная информация о том, что Иванов получил взятку в 100 тысяч, в (2) — о том, что Михайлов присваивает бюджетные деньги, в (3) — о том, что Сидоров подделал документы. Справедливая на первый взгляд квалификация данных высказываний только как мнения, предположения и вопроса будет являться поверхностной и исказит действительную картину, поскольку приведет к выводу о том, что высказывания не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности. Лингвисту необходимо констатировать, что в составе данных высказываний, не являющихся утверждениями о фактах, тем не менее содержится фактуальная (т. е. верифицируемая) информация.

для злоупотребления свободой слова, а именно для целенаправленной маскировки ложной фактуальной информации под выражение субъективных взглядов, которые предметом оспаривания стать не могут. Наличие таких злоупотреблений привело автора работы к мысли о том, что необходимо попытаться расширить массив высказываний, в которых в рамках дел о защите чести может быть выявлена фактуальная информация, с целью более объективного, более достоверного исследования, исключающего формальный подход к анализу материала.

Прежде чем перейти к изложению основной идеи работы, необходимо сделать еще ряд замечаний. Во-первых, говоря о возможности верификации информации, мы, разумеется, имеем в виду не реальную фактическую возможность проверки сведений, которая не относится к компетенции лингвиста, а определенные формально-содержательные параметры высказывания. Опираясь на труд [Симонов, Горбаневский 2004: 45–49], под верифицируемыми мы подразумеваем высказывания, которые проверяемы по своей природе, что в содержательном плане выражается в соотносительности передаваемой информации с имевшими или имеющими место в реальной действительности событиями (а не с оценками, взглядами, убеждениями, логическими рассуждениями, суждениями о будущем и пр.), в формальном плане — в представленности в виде утверждения (т. е. в отсутствии маркеров мнения, предположения / сомнения, вопроса)³.

Во-вторых, в данной работе речь будет идти о возможности верификации высказываний лишь исходя из их содержания (а не формы), в связи с чем в качестве материала для анализа отобраны только утверждения.

³ Приведем условно сконструированный пример:

(4) *20-го января чиновник Иванов получил взятку.*

Говоря о том, что высказывание (4) является верифицируемым утверждением о факте (т. е. высказыванием, которое возможно проверить), мы не имеем в виду наличие реальных доказательств этому происшествию, например, возможности допросить свидетелей или существования видеозаписи и пр. Мы имеем в виду, что содержательно высказывание представляет собой информацию о произошедшем в прошлом событии — совершении Ивановым конкретного действия, а по форме высказывание является утверждением, маркеры мнения или предположения отсутствуют. Иначе говоря, высказывание является верифицируемым по своим формально-содержательным, т. е. лингвистическим параметрам.

В-третьих, в работе анализируются письменные тексты, т. е. подготовленная речь, в которой языковые единицы использованы целенаправленно, а не случайно, необдуманно. Выбор подобного материала позволяет исключить возможность того, что автор в неподготовленной речи просто выбрал неточную языковую единицу.

В-четвертых, автор работы отдает себе отчет в том, что высказанные далее предложения носят дискуссионный характер.

2. Конструкции с размытым денотатом

Для лингвиста не представляет сложности квалифицировать информацию, однозначно субъективную по смыслу: например, высказывания, передающие личное отношение автора к чему-либо или содержащие предположения о будущем, без затруднений признаются непроверяемыми. Также не представляет сложности квалификация, напротив, однозначно объективной информации — например, высказываний о произошедшем в реальной действительности событии с конкретным, четко очерченным значением, которые без затруднений признаются проверяемыми. В промежуточных же вариантах между однозначно объективной и однозначно субъективной информацией возникают сложности.

Один из таких «промежуточных вариантов» — это наличие в высказывании единиц с *размытым денотатом*, т. е. единиц с широким значением, способным включать в себя обширный круг ситуаций. Денотат таких единиц не может быть определен однозначно, их трактовка является субъективной, т. е. зависящей от личностного восприятия конкретного человека. Это обусловлено размытостью границ явлений, которые могут быть данными единицами описаны.

Чтобы определить место единиц с размытым денотатом в общей совокупности возможных смыслов в естественном языке, воспользуемся когнитивно-семантической классификацией выражаемых смыслов, предложенной в работе [Иваненко 2016: 317]: смыслы делятся на *конкретные* — относящиеся к миру *объективного*, т. е. соотносимые с чем-либо существующим (видимым, слышимым и пр.), и *отвлеченные* — относящиеся к миру *субъективного*, т. е. соотносимые с желаемыми явлениями или с оценками⁴. Конкретные смыслы делятся на *четко очерченные* (например: рубить, кричать, водить машину,

⁴ Отвлеченные смыслы остаются за рамками данной работы.

лопата, бухгалтер, банкнота) и *размытые* (например: способствовать, провоцировать, нейтрализовать, быть прогрессивным, поставить под угрозу, уходить от ответственности, нищета, успех). Именно о последних смыслах (относящихся к миру объективного и являющихся размытыми, т. е. имеющих размытый денотат) идет речь в настоящей работе.

Поскольку обозначаемое единиц с размытым денотатом невозможно соотносить с единственной конкретной сущностью реальной действительности, **традиционно единицы с размытым денотатом при проведении экспертиз по делам о защите чести признаются неverifiedируемыми**. Приведем пример из [Иваненко 2010: 220], где анализируется конструкция «*Довести город до нищеты*», в которой «*нищета*» и «*доводить до*» — слова с размытыми денотатами:

«Какое материальное положение отдельного лица или города считать „нищетой“? Каковы признаки этого состояния применительно к городу? Такие конкретные признаки и показатели отсутствуют. ⟨...⟩ *Доводить до* — словоформа со значением действия, семантика которой содержит мощный компонент негатива. ⟨...⟩ Но какие конкретно действия можно подвести под категорию „довел“? Принял решение, неправильное с точки зрения автора? Не то утвердил, не то запретил? Не так спланировал? Выстраивается цепочка действий, отбор и оценка которых с обеих сторон будет субъективными».

И далее автор делает совершенно логичный вывод:

«Критерии „доведения города до нищеты“ нигде не зафиксированы как норма, а потому проверить справедливость высказывания в судебном порядке невозможно».

Таким образом, высказывание типа «*Губернатор довел город до нищеты*» на первый взгляд будет относиться к незначимым высказываниям для дел о защите чести.

Теперь проанализируем следующий гипотетический текст⁵:

- (5) *Директор Иванов довел школу, которой он руководит, до нищеты!* (6) *Дети чувствуют себя в школе ужасно!* (7) *Родители задумываются о переводе детей в другую школу.*

⁵ Данный и последующие иллюстративные примеры сконструированы на основе материала, исследованного автором в ходе проведения лингвистических экспертиз.

Очевидно, что лингвист при анализе данного текста сделает следующие выводы. Передаваемый в (5) смысл относится к миру объективного, высказывание содержит конструкцию с размытым денотатом — критерии доведения школы до нищеты не зафиксированы, следовательно, высказывание неверифицируемо.

Передаваемый в (6) смысл относится к миру субъективного, высказывание содержит в себе, во-первых, информацию о восприятии, о чувствах, во-вторых, оценочную информацию, т. е. высказывание неверифицируемо.

Передаваемый в (7) смысл относится к миру субъективного, высказывание содержит в себе информацию о мыслительной деятельности, о планах, т. е. высказывание неверифицируемо.

Однако предположим, что вся приведенная в тексте (5–7) информация является ложной, что в действительности Иванов прекрасно справляется со своими обязанностями директора, а школа процветает, при этом допустим, что человек, распространивший данную информацию, целенаправленно решил Иванова очернить по личным мотивам (автор работы отдает себе отчет в том, что анализ реальных обстоятельств, истинности / ложности информации выходит за пределы компетенции лингвиста, в данном случае речь идет о совершенно условной ситуации). Получается, что даже в случае ложности всех распространенных сведений лингвистическая экспертиза значимой информации для дела о защите чести не выявит.

Результатом осмысления подобных текстов и стал поиск способов расширить массив высказываний, которые в рамках дел о защите чести могут быть признаны верифицируемыми. Предпринимая попытку добиться поставленной цели, внесем предложение: **не следует признавать конструкции с размытым денотатом, относящиеся к миру объективного, непроверяемыми.** Наша гипотеза состоит в следующем: **конструкции с размытым денотатом необходимо признавать условно проверяемыми, или верифицируемыми без установленного эталона.**

Под «установленным эталоном» имеется в виду конкретная ситуация, с которой должно сопоставляться высказывание при его проверке (происходящей в рамках судебного заседания). Если степень конкретности этой ситуации велика (т. е. в тех случаях, когда мы имеем дело с конструкциями с четко очерченным денотатом), то данная ситуация и признается эталоном для проверки

высказывания — единственно возможной версией развития событий, подтверждение которой будет являться доказательством истинности высказывания. Рассмотрим пример:

- (8) *В компании «Восточная группа» в очередной раз не выплачена зарплата рабочим.*

Передаваемый в (8) смысл относится к миру объективного и является четко очерченным. Эталоном для проверки истинности высказывания будет являться единственно возможная ситуация — невыплата зарплаты, имеющая место как минимум во второй раз («очередной»).

Если же степень конкретности ситуации, с которой должно сопоставляться высказывание при его проверке, мала (т. е. речь идет о конструкциях с размытым денотатом), то мы имеем дело с отсутствием эталона для проверки. Рассмотрим пример:

- (9) *Эту драку спровоцировал Сидоров.*

Передаваемый в (9) смысл относится к миру объективного, однако этот смысл является размытым. «*Спровоцировать*» — сложное понятие, состоящие из варьирующихся компонентов: сделал что-то, что вызвало драку, из-за чего драка началась. Но что именно? Возможно, Сидоров ругался матом, или толкнул Петрова, или рассказал обидную историю — и еще множество вариантов. В значении глагола «*спровоцировать*» не заложено информации о том, какие именно действия имеются в виду.

При анализе подобных высказываний предлагается делать следующий вывод: данное утверждение проверяемо — **но не одной конкретной ситуацией, а широким перечнем ситуаций**. т. е. если высказывание «*не выплачена зарплата*» имеет эталон для проверки — единственно возможную ситуацию для сопоставления, то для высказывания «*спровоцировал драку*» эталон не установлен. Квалификация некоего факта, некоего действия Сидорова как «провоцирования драки» субъективна, однако само наличие этого факта для подтверждения истинности высказывания необходимо. Т. е. должен иметь место хотя бы один факт, который может быть оценен фразой «*спровоцировал драку*». Данные факты будут устанавливаться, разумеется, не в рамках лингвистической экспертизы, а в ходе судебного заседания. Суду не требуется определять, действительно ли действия Сидорова вызвали драку. Суду

требуется установить, имел ли место хотя бы один факт, который «подпадает» под значение конструкции с размытым денотатом «*спровоцировал драку*». Отсутствие такого факта станет опровержением всего высказывания. Предлагаемые выводы лингвиста окажутся в пользу автора высказывания, если он приведет факт, на котором было основано его утверждение о Сидорове, или же окажутся в пользу Сидорова, если таких фактов нет, а сам Сидоров, к примеру, вообще не принимал участия в событиях, но его пытаются очернить.

Изобразим сделанные выводы схематично:

— для высказывания, смысл которого относится к миру объективного и является четко очерченным:

высказывание = конкретная ситуация
(смысловое поле заполнено)

Пример: высказывание «*не выплачена зарплата*» = ситуация, при которой не выплачена зарплата.

Для подтверждения высказывания должен иметься факт реальной жизни, равный факту в высказывании.

— для высказывания, смысл которого относится к миру объективного, но является размытым:

высказывание = любая ситуация из широкого спектра возможных (смысловое поле не заполнено)

Пример: высказывание «*спровоцировал драку*» = ... (ситуации 1. ... 2. ... 3. ... и т. д.).

Для подтверждения высказывания должен иметься факт реальной жизни, не равный факту в высказывании, а могущий быть основанием для высказанной оценки (например, ситуация, при которой Сидоров ругался матом; данное действие может быть оценено говорящим как «провоцирование драки»).

3. Предлагаемая схема анализа

При проведении лингвистических экспертиз по делам о защите чести предлагается описывать конструкции с размытым денотатом следующим образом:

— Сформулировать значение конструкции, реализуемое в анализируемом контексте.

— Привести примеры ситуаций, которые могут быть оценены анализируемым высказыванием с размытым денотатом. При этом необходимо акцентировать внимание на том, что это лишь примеры, которые приводятся для понимания смысла высказывания, и их перечень является открытым, не конечным.

Данная схема анализа на практике реализуется следующим образом:

(10) *Иванов своими действиями поставил под угрозу все заседание.*

«*Поставить под угрозу*»⁶ — конструкция с размытым денотатом (относится к миру объективного), ее значение в данном контексте: совершить некие действия, которые создали возможность срыва заседания, его неудачного проведения.

Примеры возможных ситуаций: Иванов пришел на заседание пьяным и шумел; Иванов отключил в здании электроэнергию; Иванов ругал неприличными словами участников заседания; любые иные действия Иванова, способные негативно повлиять на ход заседания.

(11) *Зайцева выполняла роль помощника лидера группировки по вопросам обеспечения безопасности.*

«*Выполнять роль помощника*»⁷ — конструкция с размытым денотатом (относится к миру объективного), значение в данном контексте: совершать некие действия, приводящие к сохранению безопасности группировки.

Примеры возможных ситуаций: Зайцева уничтожала какие-либо улики; Зайцева нанимала телохранителей; Зайцева сама охраняла членов группировки; любые иные действия Зайцевой, благодаря

⁶ «ПОСТАВИТЬ. (...) 4. Привести в какое-л. положение, состояние»; «УГРОЗА. (...) 2. Возможность, опасность какого-л. бедствия, несчастья, неприятного события» [БТС 2000: 936; 1371].

⁷ «ВЫПОЛНИТЬ. (...) 1. Осуществить, совершить (задуманное, порученное)»; «РОЛЬ. (...)» 3. кого. Назначение, функции кого-, чего-л.; род деятельности, проявление себя в качестве кого-л.»; «ПОМОЩНИК. (...) 1. Тот, кто помогает кому-л. в чем-л. (...) 2. Должностное лицо, непосредственно подчиненное основному (обычно руководящему) работнику и помогающее ему» [БТС 2000: 178; 1128; 916–917].

которым отсутствовала опасность для группировки, ее членам не причинялся вред.

- (12) *Как мы видим, главе поселения до проблем жителей дела особо нет — он сейчас очень сильно занят: добивается непрерывного роста своего личного благосостояния.*

«Добиваться роста благосостояния»⁸ — конструкция с размытым денотатом (относится к миру объективного), значение в данном контексте: совершать некие действия, приводящие к увеличению имеющихся у главы поселения финансовых средств и материальных благ.

Примеры возможных ситуаций: глава поселения повысил себе зарплату / выписал премию; глава поселения устроил на высокооплачиваемую работу в администрацию члена семьи; глава поселения занимается скупкой ценных бумаг; любые иные действия главы поселения, результатом которых становится улучшение его финансового положения.

Подведем итог: конструкции с размытым денотатом следует признавать проверяемыми, но без установленного эталона, задача лингвиста — описать реализованное значение высказывания и констатировать, что имеется открытый перечень ситуаций, которыми высказывание может быть подтверждено, а отсутствие таковых является опровержением высказывания.

Вернемся к приведенному ранее гипотетическому тексту:

- (13) *Директор Иванов довел школу, которой он руководит, до нищеты! Дети чувствуют себя в школе ужасно! Родители задумываются о переводе детей в другую школу.*

Опираясь на предложенную гипотезу и применяя указанную схему анализа, лингвист сделает вывод о том, что первое из трех высказываний, содержащее конструкцию с размытым денотатом «*довел школу до нищеты*», является верифицируемым — без установленного эталона, а значит, оно сможет стать предметом оспаривания в судебном порядке.

⁸ «ДОБИТЬСЯ. ⟨...⟩ Достичь поставленной цели или каких-л. результатов путем усилий»; «БЛАГОСОСТОЯНИЕ. ⟨...⟩ Обеспеченность необходимыми материальными и духовными благами; достаток» [БТС 2000: 264; 82].

Литература

- БТС 2000 — С. А. Кузнецов (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000.
- Иваненко 2010 — Г. С. Иваненко. Объективная и субъективная информация в контексте лингвистического исследования по процессам о защите чести и достоинства // Н. Д. Голев, Т. В. Чернышова (ред.). Юрислингвистика-10: лингвоконфликтология и юриспруденция. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2010. С. 214–221.
- Иваненко 2016 — Г. С. Иваненко. Объективное и субъективное в конфликтном тексте: вопросы экспертной классификации // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2016. Т. XII. Ч. 3. С. 311–326.
- Постановление 2005 — Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (дата обращения 16.11.2019)
- Симонов, Горбаневский, 2004 — А. К. Симонов, М. В. Горбаневский (ред.). Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Медея, 2004.

References

- BTS 2000 — S. A. Kuznetsov (ed.). *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [The Large Explanatory Dictionary of Russian]. St. Petersburg: Norint, 2000.
- Ivanenko 2010 — G. S. Ivanenko. *Obektivnaya i subektivnaya informatsiya v kontekste lingvisticheskogo issledovaniya po protsessam o zashchite chesti i dostoinstva* [Objective and subjective information in the context of linguistic research on the processes of the protection of honor and dignity]. N. D. Golev, T. V. Chernyshova (eds.). *Yurilingvistika-10: lingvokonfliktologiya i yurisprudentsiya*. Kemerovo, Barnaul: Altai State University Press, 2010. P. 214–221.
- Ivanenko 2016 — G. S. Ivanenko. *Obektivnoye i subektivnoye v konfliktnom tekste: voprosy ekspertnoy klassifikatsii* [Objective and subjective in the conflict text: questions of expert classification]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2016. Vol. XII. Pt. 3. P. 311–326.
- Postanovlenie 2005 — *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii «O sudebnoy praktike po delam o zashchite chesti i dostoinstva grazhdan, a takzhe delovoy reputatsii grazhdan i yuridicheskikh lits»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation

«On judicial practice in cases of protecting the honor and dignity of citizens, as well as the business reputation of citizens and legal entities»] (No. 3, February 24, 2005). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (accessed on 18.11.2019)

Simonov, Gorbanevskiy 2004 — A. K. Simonov, M. V. Gorbanevskiy (eds.) *Ponyatiya chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii: Spornye teksty SMI i problemy ikh analiza i otsenki yuristami i lingvistami* [Concepts of honor, dignity and business reputation: Controversial media texts and problems of their analysis and assessment by lawyers and linguists]. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Medeya, 2004.

ЯЗЫК ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ: СЛОЖНОСТИ ПОНИМАНИЯ*

С. А. Белов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург
s.a.belov@spbu.ru

В. Б. Гулида

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург
v-gulida@yandex.ru

Аннотация. В рамках настоящей статьи предпринята попытка совмещения в одном пространстве юридического и лингвистического взгляда на проблему понимания языка правовых документов их адресатом. В фокусе рассмотрения находится выявление в таких текстах языковых трудностей для их понимания рядовым читателем и причин, по которым они возникают. Юридический и лингвистический подходы к проблеме выявляют каждый свой набор трудностей, но область их пересечения — юридическая терминология — представляет собой особую трудность для опознания ее пользователем, с одной стороны, и сложность лингвистической квалификации данной ситуации, с другой.

Ключевые слова: язык юридических документов, юридическая терминология, восприятие и понимание официальных текстов, психолингвистические и когнитивные условия, рядовой читатель.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 19-18-00525 «Понятность официального русского языка: юридическая и лингвистическая проблематика».

The language of legal documents: difficulties in understanding

S. A. Belov

St. Petersburg State University, St. Petersburg
s.a.belov@spbu.ru

V. B. Gulida

St. Petersburg State University, St. Petersburg
v-gulida@yandex.ru

Abstract. This publication is a project to bring together linguists and lawyers to attack the problem of the principal distinction of the legal and lay languages as well as their common properties that our cooperation will help to reveal and make operational for law.

The RF legal community is known to act on the assumption that any native speaker of Russian is able to read and understand any Russian text, including legal documents. The occasional conflicts in the area do not change the situation. It is the linguists and “critical legal authors” (Turani 2010; Levitan 2014; Bogatyrev 2015), who joined the research project aimed at specifying the language difficulties blocking non-lawyer users from comfortable reading and understanding legal texts, and also finding what causes them.

For linguists, their primary aim of research is collecting real-life data about the ability of various societal groups to deal with legal language. Based on the established sociolinguistic methodology, the research design contains some new categories, relevant for the project. It plans a linguistic typology of legal texts and questionnaires for users aiming at obtaining the users’ (subjective) evaluation of textual difficulties, as well as their answers to questions about the content of the texts (the objective data section). The processed questionnaire data will be a source of information about the real status of legal language competence among national language speakers.

Legal authors put forward the problem of inadequate legal terminology as a number one difficulty factor: legal terms, composed of lay language units, do not possess the semantic precision either within a word, or at the semantic boundaries outside it, and the legally relevant referential meanings may be unclear. Another major source of difficulty are the construction defects of law provisions. The results of the project are to be made public soon.

Keywords: legal language, language of legal documents, reading and understanding legal texts, sociolinguistic methodology.

1. Введение. Юридическая постановка проблемы

Правовая теория делит все юридические документы («правовые акты») с точки зрения их содержания на (а) нормативные, «правотворческие» (установленные волей уполномоченного органа; их задача — установление общеобязательных правил поведения, адресованных неопределенному кругу лиц и рассчитанных на неоднократное применение) и (б) ненормативные, «правоприменительные» (выражающие волю одного или нескольких лиц; их задачей считается установление, изменение и прекращение конкретных отношений, содержание которых — права и обязанности их участников). Задачи юридических документов можно рассматривать как их юридические функции, роль в общем механизме действия права.

Выполнение этих функций предполагает, что содержание любого правового документа *осознанно* формулируется издающим его лицом и *доступно для восприятия* адресатом этого документа. Подобная презумпция видится настолько очевидной, что правоведы не уделяют ей особого внимания. Обеспечение доступности для прочтения текста нормативного акта гарантируется обнародованием текста, ненормативного — индивидуальным ознакомлением с этим текстом; этого кажется достаточным. Издание правоприменительных актов помимо этого требует также соблюдения гарантий свободы воли его участника: волеизъявление, совершенное под воздействием угроз, обмана или насилия будет порочно и потому недействительно. Однако в отношении правовых актов ни первого, ни второго вида не оценивается реальная возможность адресата понять их содержание; возможные сложности в этом охватываются общей презумпцией понятности.

Эта презумпция имеет лишь незначительные оговорки, сводимые к следующему.

Опубликование нормативного акта дает возможность ознакомиться с его содержанием любому, кто постоянно проживает в стране. Длительное отсутствие либо невладение государственным языком, на котором публикуются нормативные акты, может объяснить незнакомство с текстом закона. В отсутствие таких обстоятельств действует общая презумпция о том, что незнание закона не освобождает от ответственности.

Ненормативные акты, в отличие от законов, не публикуются для всеобщего сведения, следовательно, в отношении них знакомство

с текстом требует доказывания. Однако подпись гражданина под текстом такого акта *ipso facto* подтверждает знакомство с его содержанием. Единственное, что может опровергнуть такую презумпцию (равно как и презумпцию знания закона), — физическое или психическое состояние, не позволяющие понять смысл письменного документа, а в отношении акта, выражающего волю, — физические или психические препятствия к формированию и выражению воли.

Все указанные презумпции совершенно игнорируют то обстоятельство, что человек, в целом владеющий языком, на котором составлен юридический документ, может, тем не менее, не владеть в достаточной степени особенностями языка, на котором пишутся эти документы, а именно, особенностями «юридического» языка или чаще всего с ним ассоциируемого официально-делового стиля вообще. Само такое предположение игнорируется, а любые попытки взрослого здорового человека, умеющего читать и писать по-русски, доказать непонимание юридического документа воспринимаются как злоупотребление правами.

Подобная необходимость довольно часто возникает в судебной практике. Как показывают результаты мониторинга судебной практики¹, российские суды чаще всего подходят к оценке документов формально. Если под документом стоит подпись, то суды склонны расценивать ее как осознанное решение того, кто подписал документ, основанное на согласии с его буквальным смыслом и тем, что очевидным образом из него вытекает.²

В качестве примера можно привести выдержку из одного судебного решения:

¹ Мониторинг проводился в рамках проекта мониторинга правоприменения в СПбГУ по текстам судебных решений, вынесенных российскими судами после 2006 года и размещенных в БД «Консультант Плюс» (раздел «Судебная практика») и на информационных ресурсах, содержащих судебную практику: портал РосПравосудие, gscourts.ru, судебные.решения.пф, ras.arbitr.ru, pravo.ru, по поисковым запросам «не понимал смысла написанного», «не мог понять закон», «значение юридических терминов».

² Об этом свидетельствует проведенный анализ судебной практики по делам, в которых граждане пытались признать недействительным подписанный ими документ, ссылаясь на то, что он не отражает их реальное волеизъявление — см., напр., [Решение 2014], [Решение 2013], [Постановление 2015]. Здесь и далее ссылки на судебные решения приводятся по данным указанных выше сайтов (см. сноску 1).

- (1) *от пациентки получено добровольное согласие на медицинское вмешательство. В указанном информированном добровольном согласии разъяснено о возможных осложнениях и последствиях проведения операции. Информирование пациентки подтверждается ее подписью в заявлении. Из данного согласия следует, что ей было понятно, какое оперативное вмешательство будет иметь место, она получила понятные и полные разъяснения по поводу медицинского вмешательства, и оно ее удовлетворило. Доказательств обратного, вопреки положениям ст. 56 ГПК РФ, истцом не представлено. Кроме того, в судебном заседании пациентка не отрицала, что подписывала согласие на добровольное вмешательство [Определение 2015].*

В другом деле, где участник ссылался на то, что не понял смысла подписанного документа, суд указал, что «в соответствии с Гражданским кодексом РФ и Законом РФ № 14-ФЗ от 08.04.1998 «Об обществах с ограниченной ответственностью» не требуется наличия специальных познаний (профильного образования, "понимания" и проч.) как обязательного условия ведения коммерческой деятельности, осуществления полномочий генерального директора, создания юридических лиц. Достаточно того, что лицо является дееспособным, следовательно, подписание документов свидетельствует о том, что оно понимало или должно было понимать смысл подписываемых документов» [Постановление 2011].

Аналогичным образом суды рассуждают и в отношении понимания нормативных актов, опираясь на известную еще из римского права правовую максиму «*ignorantia legis non excusat*»³. В научной литературе советского времени, начиная с известного тезиса наркома юстиции П. И. Стучки о том, что бессмысленно «требовать от граждан обязательного подчинения законам, которые им непонятны», и «величайшее лицемерие — говорить о справедливости в государстве, где знание всех законов обязательно (ибо их незнанием отговариваться не разрешается), в то же время эти законы настолько сложны, что их понимать и верно толковать могут только специалисты-юристы» [Стучка 1918: 5], авторы настаивали на необходимости понятности закона всем гражданам.

³ Чаще всего это латинское выражение на русский язык переводят как «незнание закона не освобождает от ответственности».

Сегодня ситуация меняется: вопрос о понятности законодательства в публичных дискуссиях возникает редко [Грозовский 2010], однако некоторые авторы-юристы не только озабочены проблемой понятности законов для обычных граждан, но и пытаются обнаружить причины этого [Турагин 2010], тогда как другие специалисты приходят к парадоксальному выводу, что адресатом законов выступают правоохранительные органы и государство в целом, а вовсе не граждане [Шепелёв 2012]. Получается, что казавшийся очевидным тезис о необходимости писать законы понятно, ставится под сомнение.

Юридические основания для этого отсутствуют. Право во многих случаях считает значимым для квалификации юридических последствий поступков человека его внутреннее, психологическое отношение к целям и смыслу таких поступков, его стремления и намерения. В уголовном и административном праве определенное отношение человека к его противоправному поступку (вина) рассматривается как обязательное условие наступления ответственности; в гражданском праве содержание сделки определяется прежде всего волей ее участников. Тем самым предполагается, что правовые последствия зависят от осознанности человеческого поведения, а такая осознанность в свою очередь может обеспечиваться лишь пониманием смысла тех документов, в которых выражаются поступки человека, и тех, которые определяют последствия поступков, то есть текстов как нормативных, так и ненормативных правовых актов.

Поддерживая в целом позицию, что «текстуальное выражение законодательных установлений должно быть ориентировано на рядового пользователя — человека без специального юридического образования и без специальных знаний, поскольку в противном случае закон перестанет отвечать критерию всеобщности, который проявляется в общедоступном содержании и ясной форме» [Турагин 2010], следует отметить, что подобная упрощенная юристами постановка вопроса вызывает сомнения с социолингвистической точки зрения. Одинаковой доступности для большого количества людей быть не может, поскольку компетенция конкретных людей в понимании юридических текстов неизбежно будет варьироваться. Приемлемый критерий — необходимость ориентироваться на рядового пользователя, человека без специального юридического образования, который, однако, не сформулирован прямо даже в академической литературе, не говоря уже о законодательстве.

Препятствия простоте и понятности правовых норм для юристов видятся лишь в «отсутствии разъяснений (законодательных дефиниций)» и «чрезмерной терминологической загруженности законодательного текста» [Турагин 2010].

Получается, чтобы решить проблему трудности понимания правовых терминов, нужно лишь дать хорошие законодательные определения, т. е. сопроводить текст разъяснениями в виде общих дефиниций. Это весьма распространенное мнение среди юристов, чьи представления о хорошем определении можно сформулировать так: это определение, которое будет (а) соответствовать законам логики (например, не замыкаться в логический круг), (б) определять термин либо через другие, ранее определенные термины, либо через слова общеупотребительного языка и (в) давать определения разным терминам так, чтобы их семантические поля не пересекались. Определение — это элемент правового акта, вносящий ясность, в каком именно значении используется в данном акте термин, который может в других правовых актах употребляться в другом значении. Таким образом, юридический подход предполагает конструирование юридической реальности в тексте правового акта, когда автор такого акта может задавать значение терминам, используя это как способ донести до читателя смысл, вкладываемый в этот правовой акт⁴.

Перед нами первый случай расхождения параметров описания значения слова между лингвистами и юристами: а) логичность не обсуждается лингвистами при описании словесного значения; в пункте б) есть ссылка на прецедентное использование; такая стратегия в лингвистических целях не используется. При этом сравнение слова в данном значении с его синонимическими либо контекстными соответствиями, анализ его сочетаемости с другими языковыми единицами является принятой процедурой. Задача в) «давать определения так, чтобы их семантические поля не пересекались», не имеет отношения к лингвистической постановке задачи, которая базируется на том, что описывать надо реальное, а не то, что желательно при данном подходе. Лингвистическое определение предназначено для констатации фактов реальности. Как можно

⁴ Следует отметить недоумение лингвиста по поводу последних двух предложений, которые, однако, являются выражением осознанной и принципиальной юридической позиции.

видеть, «хорошее» юридическое определение строится на других принципах, нежели лингвистическое.

Масштабность проблемы, заявленной К. М. Левитаном [Левитан 2004], — проблемы понимания как проблемы научного познания в целом и ее изучения в области права как частного случая можно только приветствовать. Определяющим среди форм бытия права, говорит нам автор, является текст закона, который должен соединять строгость и точность положений закона с доходчивостью, простотой и ясностью изложения. Рассуждая в теоретическом введении об условиях правильного понимания текста и причинах его возможного неправильного понимания, К. М. Левитан отдает должное сложности процесса понимания: язык, по мнению автора, предоставляет саму возможность понимания; это происходит за счет перевода человеком языковых знаков на «свой язык предметных, операциональных, вербальных значений». В приводимых психологических терминах атрибуции и каузальной атрибуции опознаются корреляты к лингвопрагматическим понятиям имплицитного и выводного значений. И поскольку текст не сводится целиком к информации, неизбежно порождение дополнительных значений, поэтому для создания общего корпуса смыслов и слов необходимы дальнейшие семантические операции [Левитан 2004: 48]. Процесс понимания, с выделением этапов опознания языкового знака, его идентификации, определения его социального значения и его личностного смысла, приобретает в изложении автора когнитивную и психолингвистическую глубину. В конце рассуждения, однако, автор приходит к заключению, что для понимания текстов профильного содержания главное — владение языком права. Неспециалист, практический работник правовой сферы и ученый-юрист в разной степени владеют им и, следовательно, в разной степени понимают текст. Поскольку мы ориентируемся на задачу массовой доступности текста, проблема, по-видимому, заключается в том, достаточно ли будет уровня неспециалиста для приемлемого понимания. Отметим, однако, что это видение ситуации значительно отличается от энтузиазма В. И. Туранина в его ориентации на рядового пользователя при создании нормативных текстов.

В. Ю. Туранин приводит примеры анализа материалов из юридических источников, вскрывающие причины, из-за которых страдают, по его мнению, простота и удобство понимания правовых норм: «...существует целый ряд ситуаций, характеризующихся

наличием реальной возможности для исключения непонятности законодательного текста, связанных с необходимостью разъяснения смысла некоторых юридических терминов» [Туранин 2010: 2]. «Например, — пишет В. Ю. Туранин, — в тексте Федерального закона “О физической культуре и спорте в Российской Федерации” не определяется такой важный для данной сферы общественных отношений термин, как “допинг”, в тексте Федерального закона “О Российской корпорации нанотехнологий” не содержится определения самого термина “нанотехнология”, а в Земельном кодексе РФ не определен термин “рекультивация нарушенных земель”, содержание которого понятно далеко не всем адресатам закона» [Туранин 2010: 3]. С точки зрения лингвистики, если содержание этих терминов как юридических понятий отличается от их содержания как слов русского литературного языка, то толкование различий в значении абсолютно необходимо; если же этой специфики нет, то слова *допинг* и *нанотехнологии*, известные массовому читателю благодаря их широкому медийному использованию, могут быть понятны, чего нельзя сказать о словосочетании *рекультивация нарушенных земель*. В принципе, знакомство с лексической единицей в нескольких контекстах — потенциальное подспорье для обогащения знания разных значений слов, хотя эффективность освоения значений медийного употребления слов для их понимания при чтении документов как терминов выглядит сомнительно: юридическая норма использования слова нуждается в максимально точном определении значения, не оставляющем сомнения относительно того, что под ним следует понимать при применении конкретного правового акта.

Пример, который приводит В. Ю. Туранин, демонстрируя «чрезмерную терминологическую загруженность законодательного текста, ... предопределяемую неоправданной сложностью языковых конструкций, используемых в законодательном тексте» [Туранин 2010: 3], — одно из положений Земельного кодекса Российской Федерации (ЗК РФ). Пункт 6 ч. 1 ст. 1 ЗК РФ в качестве принципа земельного законодательства устанавливает «приоритет сохранения особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий, согласно которому изъятие ценных земель сельскохозяйственного назначения, земель лесного фонда, занятых лесами первой группы, земель особо охраняемых природных территорий и объектов, земель, занятых объектами культурного наследия, других особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий для иных

целей ограничивается или запрещается в порядке, установленном федеральными законами». Несмотря на то, что приведенная «законодательная конструкция» является нормой-принципом, в которой предполагается четкость, ясность и лаконичность, по мнению автора, «законодатель излишне терминологизировал нормативный словесный ряд, перегрузив его наименованиями видов особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий». «Считаем, — пишет В. Ю. Туранин, — что необходимости в такой детализации нет, поскольку основной задачей нормы-принципа является установление общего начала (правила) земельного законодательства, а детальную регламентацию выделенных видов земель содержит глава XVII, а также ст.ст. 79 и 101 ЗК РФ».

В этом примере проявилась неоднозначность введенных автором терминов: изначально речь шла о *сложных языковых конструкциях*, в то время как автор представляет *законодательную конструкцию* — совершенно другое понятие, с иным содержанием (*нормы-принципа*). Исходя из значения юридического, а не лингвистического термина, можно квалифицировать лингвистическое действие автора статьи как *излишнюю терминологизацию нормативного* словесного ряда. По своей семантике слово *терминологизация* предполагает введение терминов для обозначения разных видов ценных земель. Через строку автор называет этот же процесс *детализацией*, что, видимо, означает процесс членения реальной действительности на дробные единицы. Более того, автор, говоря о *нормативном словесном ряде*, видимо, не подозревает, что вводит неизвестный науке лингвистический термин. Помимо описанных неожиданных эффектов остается актуальным вопрос о затруднительности этой статьи Земельного кодекса для восприятия. В этом с автором можно только согласиться: статья трудна, точнее, утомительна для восприятия своей длительностью, связанной с большим количеством деталей. Ее стоило бы сократить ради удобства читающих, но удобство и доступность для понимания — разные категории, поэтому анализ на этом не может остановиться. Далее автор статьи приводит юридические доводы в пользу возможности ее сокращения, что является более серьезным обоснованием. Однако у лингвиста остается некоторое недоумение по поводу легкости, с какой можно усилить или ослабить детализацию юридического понятия. Для профессионала же эта ситуация штатная: каждый раз вопрос решается ситуативно, чаще всего разработчиком текста.

Отметим лингвистическую деталь: наличие двух слов (*детализация, терминологизация*) и двух очевидных синонимов в юридическом смысле выглядит неожиданным, учитывая акцент правоведов на однозначности терминов и исключении синонимов из официально-делового стиля. Что касается «сложных языковых конструкций», отягченных излишней терминологизацией, то дело не в них, а в том, что сама по себе длительность данного положения текста чересчур велика; повторяемость не вполне одинаковых номинаций, которые надо внимательно отслеживать, отсутствие привычного соотношения части и целого в тексте (придаточного и главного предложений, перечисления и обобщения; тезиса и примеров к нему) создают психолингвистические причины затрудненного понимания.

Для устранения причин, препятствующих простоте и ясности, автор предлагает квалифицированно урегулировать конкретное общественное отношение, а также сформулировать и словесно оформить такую правовую сентенцию, которая была бы понятна каждому адресату закона. Второе предложение автора звучит несколько идеалистически, хотя именно так должен звучать лозунг, однако отрадно, что автор готов ставить задачи, ориентированные на потребности адресатов законодательных деятельности, имея в виду широкий круг граждан.

На какие языковые особенности как возможную причину непонимания указывает другой автор-юрист, К. М. Левитан [Левитан 2004]? Это использование нечетких неоднозначных терминов, синонимов и архаизмов, неологизмов, просторечия, жаргонизмов, ошибочное употребление отглагольных существительных; громоздкость грамматических конструкций, расплывчатость оценочных формулировок, иные недостатки плана выражения; нарушение логической последовательности изложения, его незавершенность; несовпадения смысла, вложенного автором в норму, с тем смыслом, который вытекает из текста (недостатки плана содержания).

Как можно видеть, в одних случаях правовед предостерегает против использования языковых единиц каких-либо кодов, кроме современного литературного стандарта, частные запреты распространяются на ряд выражений с сокращениями, на оценочные формулировки, на синонимы, а также на не вполне понятное «ошибочное употребление отглагольных существительных». Категория «нечетких неоднозначных терминов» вызывает вопросы с лингвистической точки зрения: термин как специальное значение

слова отличается именно своей однозначностью. Следовательно, «неоднозначный термин» — *contradictio in adiecto* (противоречие в терминах).

Нарушение логики изложения, и тем более, несовпадение смысла нормы со смыслом, реализованным в тексте нормы, представляется лингвистически более серьезным изъяном, чем недостатки формы. Если «смысл, который вытекает из текста», не соответствует содержанию, задуманному автором, то у него не состоялся текст как информационное событие. Его не стоило помещать для публичного рассмотрения, не так ли? Однако это суждение явно отличается от ощущений профессиональной юридической аудитории, которая не шокирована данной ситуацией, что подтверждается ее распространенностью, и спокойно заносит ее в причины непонимания официальных документов.

Приведем набор трудностей из текста Уголовного кодекса, выбранные К. М. Левитаном и приводимые им как примеры «грамматических конструкций с неправильной лексической сочетаемостью»⁵:

- статья 105 УК РФ — *убийство с особой жестокостью*;
- статьи 61 и 107 УК РФ — ...*аморальное поведение, аморальные действия*
- статья 130 УК РФ — *оскорбление — унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме*;
- статья 153 УК РФ — *подмена ребенка, совершенная из... низменных побуждений*;
- статья 213 ч.1 УК РФ — *грубое нарушение... общественного порядка, выражающее явное неуважение к общественности...*

Кроме того, автор указывает на то, что в УК много раз встречаются словосочетания: «существенный вред», «значительный ущерб», «злостное уклонение», требующие специального толкования с опорой на их фактические проявления.

С лингвистической точки зрения понятно, что речь идет о прилагательных с оценочным значением *значимости* (*существенный вред, значительный ущерб*), либо оценочным значением *нарушения социальной нормы* (*неприличная форма, низменные побуждения, аморальные действия* и т. д.). С точки зрения русского литературного языка это часто встречающиеся выразительные фразы

⁵ Подчеркнуты «неправильные», по мнению К. М. Левитана, сочетания.

с традиционной сочетаемостью элементов. В чем состоит их неправильность в приведенных словосочетаниях? Мы понимаем, что значение, ощущаемое как лингвистически точное, в юридическом смысле не обеспечивает содержательной определенности того, что именно подпадает под действие данной юридической нормы, а именно: какая жестокость будет особая, а какая просто жестокость? Какой степени низменности будет побуждение? И т.д. Точность словесного значения неэквивалентна референтному содержанию значения слова, которое, видимо, необходимо знать законодателю при решении вопроса о соответствии термина законодательной норме, но к «неправильности лексической сочетаемости» это отношения не имеет. В каком смысле грамматические конструкции связаны с (неправильной) лексической сочетаемостью, и вовсе остается загадкой.

Не приходится сомневаться, что профессиональному юристу известен тот факт, что употребляемые в нормативных актах слова (напр. «причина», «следствие» и т. д.) в силу «нечеткости естественного языка» отличаются емкостью содержания и универсальностью их приложения, равно как и знание о том, что уточнение референта при пользовании бытовым языком происходит за счет привлечения контекста/ов языковой единицы, а также иных средств контекстуализации. Каким образом и за счет каких лингвистических или иных признаков осуществляется уточнение референтного значения языковой единицы в случае юридической терминологизации, в доступных нам методических материалах не обсуждается. В анализе материалов, приводимых в исследовании Левитана, эксплицитной процедуры терминологизации юридического значения слова или, как минимум, выбор одного из значений бытового слова в качестве юридического термина не приводится. А практический ответ на актуальнейший вопрос о том, как из бытового слова «делается» юридический термин, состоит в прецедентном использовании слова в частном случае, когда содержание термина раскрывается путем обращения к конкретным примерам: что именно в конкретных делах *суд расценил как особую жестокость, а что квалифицировал иначе и т. д.*, создавая, таким образом, багаж прецедентов. Может быть, это и есть единственно надежная, жизненно обоснованная процедура в юридической практике, но обсуждение теоретической модели, т. е. соотнесение лингвистических принципов формирования термина и способов его «юрлингвистического» образования

явно необходимо. Кстати, стоит упомянуть, что количество терминов (терминологических значений слова) в общеупотребительном словаре незначительно, минимально по сравнению с их общим количеством.

К. М. Левитан представляет примеры из Уголовного кодекса с указаниями на нечеткость, многозначность терминов как причину непонимания текстов соответствующих законодательных положений⁶. Автор говорит о случае недостаточного различения терминов *продукция*, *товар*, *изделие*, заставляющих читателя ломать голову над вопросом, какие объекты фактической реальности стоят за этими словами. У читателя возникает вопрос: а на каком, собственно, основании слова *продукция*, *товар*, *изделие* квалифицируются автором в качестве терминов? С лингвистической точки зрения нельзя постулировать, что сам факт использования слова общеупотребительного языка в нормативном документе делает его термином. В данном случае речь идет о синонимических отношениях между словами; их семантические поля частично пересекаются. Предположительно одни и те же референты могут быть названы одним или другим из этих слов — например, трудовой *договор* в ряде нормативных актов называется трудовым *контрактом*. При бытовом пользовании языком эта ситуация, обратная случаю многозначности слова, разрешается на той же основе, т. е. с помощью контекста, сужающего и уточняющего необходимый выбор слов/значения. Однако для правоведов язык правовых актов формирует особую юридическую реальность, где референты терминов не соответствуют референтам соответствующих слов в общеупотребительной лексике. Например, юристы вкладывают специальное правовое содержание в слово *грабёж* (открытое хищение чужого имущества, если и связанное с применением насилия, то неопасного для жизни и здоровья, в отличие от *кражи* и *разбоя*), тогда как в обыденном языке *грабёж* может пониматься как завладение чужим имуществом с применением даже опасного для жизни насилия. В лингвистике в данном случае речь идет о синонимических отношениях между словами; их семантические поля частично пересекаются. Создается впечатление, что претензии к многозначности слов и их синонимичности — штатная юридическая коллизия, которая

⁶ Понятие неоднозначного, тем более многозначного термина — это *contradictio in adiecto*, внутреннее противоречие.

не разрешается иначе, кроме как «в данном случае», т. е. ситуативно, оставляя общезыковой семиотический аспект данной коллизии не только не проясненным, но даже не сформулированным в качестве проблемы.

К. М. Левитан приводит также следующие примеры: слова «доход» (с двумя явно разными значениями), «преступное сообщество», «организация» (при двух значениях: группа людей с общими интересами и организация как юридическое лицо), которые отличает неопределенность или неоднозначность в качестве терминов. Но с лингвистической точки зрения слово *доход* в общем употреблении — не термин, и потому его многозначность неудивительна, как и многозначность слова *организация*. А на вопрос о том, какое из значений слова *организация* является терминологическим, профессионал отвечает — оба. В таком случае речь идет о двух разных словах со своими значениями, при одинаковой форме, аналогично словам *ключ* (для двери) и *ключ* (источник воды). Это же соображение относится к слову / термину *доход* и к двум значениям слова *угон*: с подразумеваемым хищением и без оного. В качестве опознаваемого термина существует слово с одним значением или два одинаковых по форме юридических термина со своими значениями. Лингвистически это можно обозначить как случай омонимии.

Наконец, сложно понять высказанное К. М. Левитаном утверждение, что «главным препятствием адекватному пониманию текста уголовного закона является его неясность, т. е. недостаточная определенность смыслового содержания уголовно-правовых норм и неточность выражения этого содержания» [Левитан 2004: 51]. Для лингвиста разница между несовершенством формы и несовершенством смыслового содержания велика; юристы решают эту проблему иначе, чем лингвисты: каждое слово в Уголовном кодексе трактуется казуально — в конкретных случаях, из которых постепенно вырастает «практика», уточняющая, в каких случаях можно говорить о применении соответствующих норм.

Итак, рассмотрение аналитической части юридического материала показывает, что главной заботой профессиональных юристов является качество законодательного текста, в котором центральным моментом является юридическая терминология, отражающая суть и содержание (предмета и процедур) юридической деятельности. Удачная терминология определяется качеством языковой формы для выражения этого содержания. Содержательный

и формальные аспекты юридической действительности стоят, так сказать, гораздо ближе друг к другу в этой ситуации, чем это представляется лингвисту с лингвистической логикой в вопросах формы и содержания. Недаром сведение юристами в один блок вопросов неясности, непродуманности содержательных категорий с критикой словаря, используемого для их описания, свойственно не только авторам, чьи работы рассматриваются в этой статье, но и многим другим. Осмысление этих отличий представляет собой отдельную задачу теоретического уровня, а изучение и обобщение удачных практик ее разрешения в правоприменении важно для понимания специфики юридического референтного значения в отличие от обычного языкового узуса. Например, можно облегчить отделение юридических терминов от слов общей семантики за счет использования латинских (или как-то иначе маркированных) слов и выражений, чтобы для пользователей не возникало иллюзии понятности слов общего значения, которые использованы как юридические термины.

С лингвистической точки зрения «претензии» к словарю естественного языка за многозначность слова, существование синонимии, нечеткость границ семантического поля, «размытость» оценочного значения и отсутствие предсказуемой соотнесенности словесного значения с референтами экстралингвистической реальности, на которые это значение «распространяется», свидетельствуют лишь о кардинальных отличиях между теми принципами, по которым отображается действительность в системе естественного языка, и теми, которые свойственны юридическому языку. При этом юридический язык связан с общечеловеческим своим происхождением и зависимостью от типа языкового мышления, включая использование языковых единиц. Пока что терминологизация юридических понятий осуществляется через практический механизм прецедентных случаев, вне теоретического осмысления данной семиотической ситуации.

Для пользователя юридическая проблематика упирается, прежде всего, в задачу опознания термина (в отличие от единицы общего словаря), которая для терминосистем других наук решается за счет характерных формальных признаков, например латинского происхождения терминов, заимствований из иностранных языков, грамматического оформления (напр., *стандартизация, поляризация, экспроприация*) и т. д. Что касается понимания термина при

отсутствии юридической компетенции, то эта задача принципиально неразрешима, что следует из работ по когнитивной лингвистике. Мы обратимся к ним в ходе анализа данных социолингвистического исследования.

2. Задачи социолингвистического исследования законодательных документов

Проблематика настоящего социолингвистического исследования также связана с идентификацией трудностей восприятия и понимания официальных текстов. Различие состоит только в том, что социолингвистический подход к проблеме **обращен к ее** эмпирическому изучению, т. е. его целью является выяснить, как на самом деле обстоят дела с пониманием, а не каким оно должно быть. Тот факт, что большинство россиян не имеет опыта оформления своих отношений с гражданскими институтами посредством официальных документов и, соответственно, не имеет привычки к чтению сложных текстов, принятию решения по ним и их подписанию, хорошо известен живущим в нашей стране.

Общая постановка задачи предполагает исследование восприятия и понимания официальных документов гражданами РФ разного социального положения и уровня образования, с разным жизненным и профессиональным опытом чтения текстов официальных документов.

Для разработки проблемы было выделено два объекта исследования:

- 1) восприятие и понимание официальных текстов гражданами РФ на материале локальных нормативных и ненормативных актов учреждений здравоохранения, образования и культуры,
- 2) лингвистическая характеристика исследуемых текстов с точки зрения языковых трудностей, испытываемых респондентами.

Таким образом данные субъективной оценки трудностей текстов «глазами читателя» затем пройдут объективный анализ в структурно-лингвистических, психолингвистических и когнитивных терминах.

Планирование исследования связано с общедоступностью официальных документов: тексты взяты с соответствующих открытых официальных сайтов; в исследование было отобрано три текста социальной тематики: о медицине, образовании и культуре:

— Информированное согласие на проведение эндодонтического лечения

— Правила для посетителей *** музея-заповедника

— Правила приема в Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный *** университет» в 2016 году (Общие положения).

В связи с тем, что в рамках настоящей статьи задача исследования формулируется более узко чем задача проекта в целом, в ней представлен материал опроса по двум, а не трем текстам (а именно, по «Информированному согласию...», «Правилам приема ... в университете»). Текст «Правил для посетителей *** музея-заповедника» не был оценен респондентами как имеющий «значительные трудности»; несмотря на наличие в нем нескольких лексем, которые могли быть незнакомы части читавших, затруднений в понимании текста в целом, по мнению респондентов, не было.

3. Методология исследования в целом и на данном этапе

Состав респондентов в количестве 260 человек еще требует доработки некоторого количества участников с целью выравнивания социальной сбалансированности выборки. В связи с этим обстоятельством результаты текущего этапа исследования представлены на ограниченных выборках (по 20 человек) из полного набора групп респондентов.

В исследовании задействованы штатные социопараметры возраста, гендерной принадлежности, уровня образования респондентов, а также дополнительные параметры типа занятости респондентов в последние 5–10 лет и опыта работы с официальными документами, актуальные для задач нашего исследования. Группы респондентов для сопоставления компетенции в чтении документов формируются следующим образом: по трем возрастным срезам (*молодые* до 25–27 лет, *взрослые* до 55ж/60м лет, *пожилые/возрастные* — после 55/60 лет); по гендерной принадлежности — *мужчины* и *женщины*; по уровню образования: *с общим средним, средне-специальным, высшим (техническим и гуманитарным), а также ВО плюс* (т. е. с научной степенью); по видам занятости в последние 5–10 лет (ради информации об актуальных рабочих навыках респондента) и опыта работы с официальными документами с градацией от *значительного* через *небольшой* к *без опыта*.

Методологический формат исследования, представляющий собой социолингвистический опрос с использованием методик сплошного анкетирования и выборочного интервьюирования, представлен в работе данными анкет и интервью с сопоставлением результатов опроса на ограниченных выборках респондентов в группах, противопоставленных для выяснения актуальных на данный момент задач исследования. В частности, при анализе документа «Правила приема в ...» понадобилось ввести параметр дополнительного разграничения между «сильным составом» респондентов, и респондентами с таким же типом и уровнем образования, но без параметра большого объема работы с официальными документами, который характерен для постоянной занятости «сильного состава». Не в каждом индивидуальном, но в общем случае это обстоятельство определяет компетенцию этого состава в чтении документов как качественно иную, на основе иной установки и с применением более экономных стратегий, нежели у групп с таким же уровнем образования и навыками интеллектуальной работы со сложными текстами, полученными, однако, не на материале официальных текстов. Итак, речь идет о следующих группах:

1. «Сильный состав/контингент», состоящий из высокообразованных конструкторов, инженеров, иногда со степенью, среди которых могут встретиться и менеджеры — *со значительным опытом чтения официальных текстов / небольшим опытом* или (редко) *без такого опыта*. Для этого контингента мы иногда используем короткое указание «профи», поскольку эти люди, действительно, наиболее близки к профессиональному уровню работы с официальными документами;

2. Высокообразованные специалисты из разных научных областей, с высшим техническим образованием, по занятости — *математики, физики, программисты, бизнесмены* и т. д.; *со значительным/ небольшим/ без опыта чтения соответствующих текстов;*

3. Гуманитарии с высшим образованием, имеющие навыки чтения сложных текстов, но другого типа, чем официальные, по роду деятельности — *преподаватели, переводчики, банковские работники* / *со значительным опытом / с небольшим опытом / без опыта;*

4. Респонденты со среднеспециальным уровнем образования гуманитарной направленности / с навыками чтения сложных текстов, по роду деятельности — *реставратор картин, воспитательница в детсаду; учительница, паспортистка* и т. д. / *со значительным опытом (единичные случаи) / с небольшим или без опыта;*

4а). Респонденты со среднеспециальным образованием практической направленности, с некоторыми или полным отсутствием навыков чтения сложных текстов, по типу занятости — *сварщик, строитель, продавец, контролер ОТК, водитель* и т. д. / *с небольшим опытом* или *без опыта* чтения официальных документов.

Поскольку на данном этапе противопоставление по гендерным и возрастным характеристикам было неактуально (использовались данные возрастного среза «взрослые»), членение на эти группы данным списком не отражено. При каждом цитировании проставляется 3 параметра: уровень образования, актуальная деятельность, опыт работы с официальными документами.

4. Подходы к вычленению трудностей и определению их типов

Материалом лингвистического анализа были языковые единицы, от отдельных слов и предложений небольшого размера до развернутых текстовых отрезков, которые можно считать дискурсивными, отмеченные большинством респондентов как «трудные» или «вызвавшие затруднения».

На отрезке текста, с которым связывается эта трудность, вначале проводится лингвистический анализ на предмет локализации затруднения на структурно-лингвистическом уровне по языковым единицам, относящимся к разным уровням языковой структуры, особенностям синтаксической организации текста или иным признакам лингвистической композиции, которые могут быть причиной затруднений; во вторую очередь производится локализация трудностей с психолингвистических позиций, если затруднения связаны с нарушением в текстах психолингвистических условий восприятия и понимания текста [Залевская 2001], [Сахарный 2006]. Следует указать, что нарушение психолингвистических условий может быть побочным эффектом соблюдения рекомендаций официально-делового стиля речи, обязательного для правовых документов [Мильков и др. 2009]. Третий, прагматический подход к объяснению некоторых неопределенных или неоднозначных положений нормативных актов выводит анализ на уровень закономерностей коммуникативной организации речевых сообщений и их обоснования, теорию речевых актов [Грайс 1985], [Сёрль 1986]. В рассмотрение также включается

подход с позиций когнитивистики и конкретнее, ее частного раздела, когнитивной модели понимания текста при чтении [Ван Дейк и Кинч 1988],

Предлагаемые выше подходы, задействованные в процессах восприятия и понимания речи, применяются как обоснование для объективной квалификации причин затруднений у читающих в процессе восприятия и осмысления текстов.

5. «Информированное согласие на проведение эндодонтического лечения». Выявленные трудности восприятия и понимания

5.1. Языковая трудность № 1. Термины

По прочтении текста «Информированного согласия на проведение эндодонтического лечения» от пациента ожидается принятие решения по поводу предлагаемого лечения — соглашается пациент или нет.

За исключением респондентов сильного состава (см. «возрастные», от 55 / 60, со значительным опытом в чтении официальных текстов и с жизненным опытом, включая медицинский), термин *Эндодонтическое лечение* был охарактеризован респондентами из остальных групп как непонятный, следовательно, требующий разъяснения. Можно предположить, что люди с опытом лечения зубов могут понять его смысл из контекстов употребления, а знакомые с греческим языком смогут «вычислить» значение слова из сопоставления вариантов корня слов (напр., эндогенный-экзогенный), но, отвечая на вопрос в конце анкеты о том, каких положительных результатов они ждут от эндодонтического лечения, некоторые саркастически замечали: «Не знаю, что это такое», еще раз акцентируя свое недовольство отсутствием разъяснения ключевого термина⁷. (Кстати, возможность прояснения значения термина в ходе консультации с лечащим врачом выражена в самом конце текста в виде утверждения, что делает содержание пункта невнятным).

⁷ «Эндодонтия — раздел стоматологии, занимающийся изучением, лечением и предотвращением заболеваний пульпы зубов, а также их осложнений. Основное место в процессе лечения отводится лечению корневого канала» [ТСМ 2013].

Далее, при перечислении возможных осложнений в ходе эндодонтического лечения (с п. 2.7. до п. 2.12) количество незнакомых терминов возрастает: добавляются термины *металлический штифт*⁸, *кальцификация*⁹, *перфорация*¹⁰, и далее, в 2.16, *ортопантомограмма*¹¹.

(2) 2.7. *Возможные осложнения под влиянием анестезии: отек мягких тканей, кровоизлияние в месте укола, снижение внимания, аллергические реакции.*

2.8. *Возможные последствия приема анальгетиков и антибиотиков (в случае их назначения).*

2.9. *Возможные осложнения: — определенный процент неэффективного эндодонтического лечения по причине его медицинской специфики, индивидуальных особенностей строения корневых каналов зубов у конкретного пациента и состояния его здоровья; — перелечивание корневых каналов зубов через некоторое время или проведение хирургического вмешательства в районе тканей, окружающих зуб, или даже удаление зуба; — поломка инструмента (файла) внутри корневого канала и невозможность его извлечения.*

2.10. *При перелечивании ранее запломбированных каналов зуба(ов) успех лечения значительно снижается, что связано: — с невозможностью (в некоторых случаях) удалить из корневого канала старую пломбу или металлический штифт — с сильной кальцификацией корневых каналов, что в некоторых случаях повышает вероятность возникновения различных осложнений (перфорация, поломка инструмента); — с искривлением корневых каналов.*

2.11. *Возможные осложнения при перелечивании зуба, покрытого коронкой...*

2.12. *После лечения и перелечивания корневых каналов необходимо восстановление верхней части зуба, т. е. постановка пломбы или коронки (по ситуации).*

⁸ Предназначены для пломбирования корневых каналов зубов в сочетании с пломбировочным материалом.

⁹ *Кальцификация* — окостенение, отложение солей кальция в тканях организма.

¹⁰ *Перфорация* — образование отверстия в органе.

¹¹ *Ортопантомограмма* — панорамный снимок зубочелюстной системы, одна из разновидностей диагностической рентгенографии.

Хотя и для этих терминов был бы желателен перевод, негативная реакция респондентов на его отсутствие была значительно слабее, чем в связи с первым термином *эндодонтический*, который респонденты ощущали как более значимый для понимания текста в целом. При этом нет гарантии, что термины общемедицинского характера (*анестезия, отек мягких тканей, аллергические реакции, анальгетики, антибиотики* и т. д.) известны всем пациентам, но поскольку «запроса» на них путем маркирования их как трудностей почти не было, мы считаем приведенный список достаточным.

Из приведенных реакций респондентов можно убедиться в том, что термины осознаются как языковая трудность и респонденты ожидают, что они должны быть разъяснены в официальном документе.

Итак, термин — естественный кандидат на **языковую трудность 1**, наиболее четко опознаваемую в тексте. То, что она осознается, является важным фактором мотивации пациента к выяснению ее содержания. С практической точки зрения определение или толкование термина (в виде сноски или глоссария при документе) позволяет эту задачу решить.

5.2. Языковая трудность № 2.

Стандартный административно-профессиональный текст

В оценке трудностей текста в положениях 2.7–2.12, помимо терминов, отчетливо прозвучало мнение о сложности положений 2.9, 2.10 и 2.16. Эти положения были охарактеризованы как *трудночитаемые, чересчур трудные* для чтения. Какие группы среагировали на эти тексты подобным образом? Так их оценили респонденты со среднеспециальным уровнем образования, непривычные к чтению сложных текстов, анкет, в двух третях (60 %) своих анкет. Это не означает, однако, что сильный контингент не выделил их совсем: респонденты с небольшим и даже со значительным опытом дали треть (35 %) ответов с указанием на пп. 2.9, 2.10 и 2.16 как затруднительные, но при этом они больше акцентировали внимание на терминах (тем более, что в терминах была опечатка: «калицификация»). Пункты 2.9, 2.10, 2.16 оценили как затруднительные также гуманитарии с ВО и люди с ВО техн., занятые в менеджерских, организаторского типа должностях, причем термины они специально не упоминали. По количеству указаний на «сложность» пунктов 2.9, 2.10, 2.16 подсчет показывает треть от общего количества анкет, подобно сильному составу.

Подчеркнем, что помимо этих трех абзацев текст проблемным для респондентов не был: разобраться в тексте в целом и вынести решение о своей готовности или неготовности соглашаться на предложенный курс лечения смогли практически все.

Рассмотрим ближе положения 2.9, 2.10, чтобы понять причину вынесенных оценок. По сравнению со всеми остальными положениями текста эти два длиннее в целом, состоят из большего количества синтагм и большего количества содержательных деталей. Если мы позволим себе упростить зрительное восприятие текста за счет восстановления его организации как списка, каковым он и был исходно, судя по роли в нем тире, читать его станет легче:

(3) 2.9. *Возможные осложнения:*

- *определенный процент неэффективного эндодонтического лечения по причине его медицинской специфики, индивидуальных особенностей строения корневых каналов зубов у конкретного пациента и состояния его здоровья;*
- *перелечивание корневых каналов зубов через некоторое время проведение хирургического вмешательства в районе тканей, окружающих зуб, или даже удаление зуба;*
- *поломка инструмента (файла) внутри корневого канала и невозможность его извлечения.*

По сравнению с вариантом из 2.7–2.12 (см. выше) здесь возможные осложнения сгруппированы в три высказывания после знака тире (—), облегчая вычленение и, соответственно, интерпретацию фраз. Очевидно, что суммарная длина положения из 53 слов в виде сплошного текста с перечислением медицинских деталей, состоящих из многосложных номинаций, требует концентрации внимания и необходимости напрягать (оперативную) память¹² для удержания этого содержания при его осмыслении. Классическая психолингвистическая формула удобного количества элементов для работы оперативной памяти (7 +/- 2) здесь явно превышена. Многим респондентам пришлось перечитать текст, а некоторым

¹² *Оперативная память.* В структуре памяти выделяется регистр оперативной памяти, который воспринимает и регистрирует биотоки, поступающие от рецепторов чувств. Именно там и хранится информация в течение 5–20 секунд. Роль слухоречевой оперативной памяти очень важна в процессе понимания предметного содержания на уровне значения [Голова 2011].

и дважды. Отметим введение психолингвистических сведений для оценки трудности текста, что полезно при обсуждении восприятия и понимания речи.

Кроме того, создается впечатление, что некоторые отрезки текста, не будучи собственно языковой трудностью, вносят свою долю ощущения «затруднения» за счет содержательного компонента текста: так, например, перспектива прожить оставшиеся годы со сломанным *файлом* внутри *корневого канала* может шокировать впечатлительного пациента. Многие из читавших эмоционально прореагировали на фразы *определенный процент неэффективного эндодонтического лечения, ...индивидуальных особенностей строения корневых каналов зубов у конкретного пациента*, которые были осмыслены как безответственное отношение медицинского персонала к пациенту. Такие замечания респондентов при интервьюировании, как «Что значит *определенный процент неэффективного лечения?! Что себе позволяют!*»; «А какие еще могут быть *особенности строения зубов у пациента*, если не индивидуальные?!»; «Что значит *невозможность его извлечения?!*» свидетельствуют об интерпретации некоторых формулировок документа как показателе (как минимум, неудовлетворительного) отношения медицинской стороны к пациентам в данных взаимоотношениях. Вопросы об обоснованности возмущения пациентов приведенными формулировками мы не касаемся, поскольку об этом судить медицинским работникам. Но тот факт, что впечатление и от документа, и, весьма вероятно, от медицинского учреждения, обусловлено тем языком, каким документ написан — стоит учесть, в особенности, если оценить способность респондентов к суммированию разных по качеству (формально-языковых, содержательных, оценочных) компонентов высказывания в обобщающем впечатлении от текста. Именно так получилось в случае положений 2.9, 2.10, где некоторые языковые трудности суммировались с негативным восприятием нескольких содержательных моментов и были выведены на уровень (идеологического) обобщения.

В отрывке

- (4) 2.10. При перелечивании ранее запломбированных каналов зуба(ов) успех лечения значительно снижается, что связано: — с невозможностью (в некоторых случаях) удалить из корневого канала старую пломбу или металлический штифт;

- с сильной кальцификацией корневых каналов, что в некоторых случаях повышает вероятность возникновения различных осложнений (перфорация, поломка инструмента);
- с искривлением корневых каналов,

который, как и предыдущий, легче читается списком, но имеет меньшее количество синтагматических единиц и построен более компактно, чем предыдущий, главным элементом «облегчения» восприятия (и понимания) является его экономная, и логически, и содержательно обоснованная синтаксическая организация с использованием оборота *что связано с* для описания причины каждого неудачного действия.

Таким образом, более удачная компоновка текста и его представление списком, при условии объяснения нескольких терминов, сняли бы большую часть напряжения при чтении, хотя опечатка в слове *кальцификация* и пугающие формулировки типа: *При лечении ранее запломбированных каналов зуба(ов) успех лечения значительно снижается, ... что в некоторых случаях повышает вероятность возникновения различных осложнений (перфорация, поломка инструмента)*, — добавили бы, согласно наблюдавшемуся ранее эффекту «суммирования» впечатлений, свою ложку дегтя в данную ситуацию. Языковое затруднение второго типа, за вычетом указанных оплошностей, становится в ряд обычных для официальных / административных профессиональных текстов. Недаром к тексту этого документа, помимо описанных положений, претензий языкового характера больше не было.

6. Правила приема в Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный * университет» в 2016 году. (Общие положения). Выявленные трудности восприятия и понимания**

6.1. Языковая трудность № 3. «Грамотный юридический текст»

Материал для рассмотрения следующего типа трудности, текст «Правил приема...», вызвал желание поделиться своими впечатлениями у всех групп респондентов: от самого сильного состава

со значительным опытом до самых неопытных с общим средним образованием. Кроме пары молодых людей, написавших «Документ ясен» (военный с ВО техн., 31 год) и «Впечатление от языка: удобен и понятен (ВО техн., инженер, 25 лет), все остальные были гораздо эмоциональнее и критичнее в оценках.

Самый частотный ответ в анкете на вопрос о впечатлении от текста: «Язык/текст крайне неудобен для восприятия». Более развернутые ответы приводятся в следующих цитатах:

Ужасный «птичий язык», сквозь который довольно сложно продаться к смыслу (артист хора, срспец, неб. опыт)

Этот бред кто-нибудь читает? (водитель, срспец, без опыта)

Не очень понятен. Нужен более доступный язык (кастелянша, срспец, без опыта)

Крайне неудобен для восприятия. <...> Язык, имитирующий научность, затемняющий смысл (инженер, сильный состав, неб. опыт)

Ужасно громоздкий текст, но понятный (инженер, сильный состав, значит. опыт)

Скучно, казенно, тяжело для восприятия; как будто понятен (инженер, сильный состав, неб. опыт).

Надо изложить проще, лаконичней.... Документ многословен, забюрократизирован (инженер, сильный состав, без опыта)

Понятен при втором-третьем прочтении. Удобным для чтения этот текст назвать невозможно (преподаватель, ВО гуманитар., с большим опытом чтения сложных литературных, но не официальных текстов).

*«Правила поступления в «***» читаются нормально. Для каждой целевой аудитории есть свои термины и положения. Живой человек написать такой текст не может (бизнесмен, ВО техн., значит. опыт).*

Первые три отзыва от респондентов со ср-спец. уровнем образования свидетельствуют о больших затруднениях при чтении текста. Непривычно труден он также оказался для гуманитария с ВО (предпоследний отзыв). «Понятно», свидетельствуют

респонденты из сильного состава, указывая при этом на громоздкость текста и на то, что он тяжел для восприятия. Два последних впечатления пришли от людей, привыкших читать свои сложные специальные тексты, но воспринимающие официальные тексты с трудом. Бизнесмен подчеркивает свое ощущение ненатуральности официального языка. Отметим, что все респонденты подчеркивают некомфортность восприятия текста: *тяжел, неудобен, громоздок*. Некоторые респонденты указывают, как нужно писать такие тексты: *нужно изложить текст проще, лаконичней*.

Вторым признаком существенного отличия данного текста от медицинского в процессе чтения является значительное количество отказов, т. е. прочерков в ответах на некоторые вопросы анкеты, либо полных отказов: примерно 15% респондентов из ограниченной выборки в 20 человек совсем отказались отвечать на анкету для текста об образовании, причем трое из них из сильного контингента, что, скорее, указывает на их позицию, чем на недостаточность компетенции. В остальных группах отказы выполнять анкету в целом представлены в таком же соотношении (3:20 человек). Вторую разновидность неотвеченных вопросов составил блок положений 9, 10, 11 из текста «Правил...», который будет проанализирован позже.

Судя по реакциям на текст «Правил приема...», он значительно труднее предыдущего текста, причем именно на этапе восприятия, столь выразительно описанном респондентами. Попробуем разобраться в этой ситуации, прочтя вслед за респондентами несколько положений текста.

- (5) *1. Настоящие Правила приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры (далее — Правила) регламентирует прием граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства (далее — поступающие) на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата и программам специалитета (далее соответственно — программы бакалавриата, программы специалитета), на обучение по образовательным программам высшего образования — программам магистратуры (далее — программы магистратуры) в *** Университет.*

В начале текста находится формула типового содержания «по образовательным программам высшего образования», не вполне однозначная для читающего, который моментально задается вопросом о том, какие еще могут быть программы высшего образования, если не образовательные? Сомнение в верности пресуппозиции есть результат повторения слов с одинаковым значением для выражения одного понятия, хотя, в принципе, не исключено, что помимо образовательных, могут быть и иные программы. Естественная коммуникативная реакция в случае полного повторения высказывания — заподозрить специальную цель для этого действия, т. е. иной (коммуникативный) смысл¹³.

Неизменность номинаций при повторении, рекомендуемая официально-деловым стилем ради точности и однозначности семантики используемых понятий, реализуется в данном тексте как дублирование номинаций из четырех слов (*по образовательным программам высшего образования*) до клише из 11 слов (*программам бакалавриата и программам специалитета* (далее соответственно — *программы бакалавриата, программы специалитета*). Этот прием работает для читателя как осложняющий фактор при извлечении информации из грамматически монотонного текста, в котором почти все существительные следуют в родительном падеже. По отзывам, слова *бакалавриат, специалитет, магистратура*, легко опознаваемые в первом абзаце, вынуждают часть респондентов перечитывать текст при их повторениях. По субъективной оценке, респондентам приходилось «пробиваться через повторения». Ср. также:

Перегружен ... Тяжело читать, но я привыкла продираться через такое. Предложения громоздкие. К концу успеваешь забыть, что было в начале, приходится возвращаться и перечитывать (переводчик, ВО гум., неб. опыт).

Зафиксируем, что в положении 1 не было незнакомых терминов, и содержание его было понятно, но его размещение в одном предложении, заполненном повторениями, создало затруднение на этапе восприятия и, отчасти, осмысления.

Положение 3 представляет собой развернутый вариант текста по сравнению с предыдущим:

¹³ Ср. бытовые тавтологии: «Есть учителя и **учителя!**» где второе слово, сказанное выразительно, вкладывает иное, по сравнению с первым, значение в слово.

(6) 3. *Поступающий представляет документ, удостоверяющий образование соответствующего уровня:*

— *документ об образовании или об образовании и о квалификации образца, установленного федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, или федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, или федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере культуры...*

При чтении этого положения невозможно не задаться вопросом о том, с какой целью информация о статусе и функциях органа, установившего образец документа об образовании, сообщается поступающему в вуз. Вряд ли она ему нужна или интересна. В тексте, где трижды повторяются сведения о некоем федеральном органе (описанном типовым видом значения), который устанавливает образец документа об образовании, необходимый поступающему для представления, основная часть сообщения — об образце документа, к которому поступающий вряд ли имеет какое-либо отношение, и об органе, который его устанавливает, к которому поступающий имеет еще меньшее отношение, не говоря уж о том, что он вряд ли сможет идентифицировать этот орган по предложенному типу описания, заложено несоответствие между потребностями абитуриента и информационным содержанием положения. В терминах принципов кооперации по Г. Грайсу данный текст не удовлетворяет максиме релевантности как информационной основе коммуникативного взаимодействия.

Что касается языковой формы текста, то следует подчеркнуть, что трехкратное воспроизведение шаблона об образце документа в трех социальных областях государственного управления делает текст почти в три раза объемнее за счет полного повторения тематической части высказывания при трех словах рематической части — *образования, здравоохранения, культуры*. Тематическая часть высказывания во фразе *федеральным органом...* и далее, после ее

первого появления состоящая из 13 слов текста или 15, если учесть повторение рематической части *в сфере...*, связанной с лексемами *образование, здравоохранение, культура*, составляет тема-рематическое соотношение 15:1. При том, что рема сообщения обычно меньше темы, такое соотношение создает чересчур непривычный вариант, при котором рема как бы теряется, незаметна в самом окончании фразы. В устном варианте текста выделить рему было бы естественно за счет просодики, а при чтении удерживать в оперативной памяти последовательность из 15 слов, ожидая 16-го, сложно, поэтому приходится повторять этот путь, нарушая привычный механизм «собрания смысла» в течение первой попытки.

Помимо длительности шаблонированных последовательностей затруднения порождаются отсутствием признаков выделенности смыслового ориентира¹⁴ во фразе, вынесенного в абсолютно конечную позицию в длинной синтагме. Укажем также на словосочетания с типовым характером значения лексических единиц: *федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке...*, проблемных для семантизации неспециалистом и потому создающим еще один элемент затруднения.

Следует особо подчеркнуть, что текст этого положения представляет собой пример грамотного законодательного текста, составленного по рекомендациям официально-делового стиля, обязательного для составления правовых документов. Создается впечатление, что восприятие такого типа текста, если мы говорим о рядовых пользователях официальных документов, вступает в противоречие с привычками и механизмами восприятия и осмысления дискурса, сформированными, в массовом порядке, как можно предположить, на основе устной речи.

Попробуйте разобраться с первого прочтения в содержании следующего положения:

(7) *В рамках контрольных цифр выделяются:*

— *квота приема на обучение по программам бакалавриата, программам специалитета за счет бюджетных ассигнований детей-инвалидов, инвалидов I и II групп, инвалидов с детства, инвалидов вследствие военной травмы или заболева-*

¹⁴ Смысловые вехи, ключевые слова [Сиротко-Сибирский 2006: 63–68]; [Барина 2006: 68–73].

ния, полученных в период прохождения военной службы, которым согласно заключению федерального учреждения медикосоциальной экспертизы не противопоказано обучение в соответствующих образовательных организациях, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (далее — особая квота).

Чтение текста подряд может привести к маловероятной картине платежа за счет бюджетных ассигнований детей-инвалидов, инвалидов I и II..., что заставляет вернуться к началу и перечитать его «про себя» с нужной интонацией, выделяя паузой или высотой тона словосочетание *детей-инвалидов* в качестве объекта. Для неопытного читателя неочевидна также семантика словосочетания «из числа» во фразе *а также лиц из числа детей-сирот...* в конце текста.

Этот отрывок — частный случай недостаточности дейктических средств, а также специфичности служебных слов, используемых в текстах официально-делового стиля, не говоря уже о несоответствующей длине всего предложения.

Небольшой, сравнительно простой по языку текст может оказаться непонятным с точки зрения общего смысла высказывания:

- (8) *2. Университет объявляет прием на обучение по программам бакалавриата / программам специалитета / программам магистратуры (далее соответственно — прием на обучение, образовательные программы) при наличии лицензии на осуществление образовательной деятельности по соответствующим образовательным программам.*

Если вчитаться в реплики молодых респондентов, которыми они обменивались при интервьюировании по содержанию данного положения:

- *т. е. у них есть лицензия, да?*
- *Нет, это вообще... так положено.*
- *Я и не сомневалась.*
- *А можно без?!*
- *Ну... это как бы... не наша забота...*

— становится ясно, что читатель, понимая все слова текста по отдельности и текст в целом, не может понять коммуникативную цель

текста: «меня хотят заверить в наличии лицензии у данного университета?» (*т. е. у них есть лицензия, да?*) или констатировать, что для приема студентов на обучение необходима лицензия (*нет, это вообще... так положено*). В терминах речевых актов мы имеем в первой строке речевой акт «заверения» или «убеждения», а во второй — речевой акт «констатации», т. е. информирования о наличии в вузе лицензии. Однако зерно сомнения брошено: (*А можно без?!*) Разве университет может работать без лицензии? В пресуппозиции респонденты исходят из обязательности наличия лицензии у вуза, но сам факт «озвучивания» этого положения в ходе коммуникации указывает на возможный дополнительный или иной смысл этой фразы. Этот поворот мысли выливается в создание «ложной пресуппозиции» (*А можно без?!*), после чего собеседники договариваются о том, что эта информация для них по сути неважна. Впечатление от неопределенности смысла текста у читающих, да и у интервьюера, остается странное.

Представляется, что неоднозначность данного текста обусловлена для читающих не различиями в трактовке фактической ситуации авторами и читателями, а формой отображения реальности в стилистике письменных текстов юридического типа и в (устном) общении молодых людей. По мнению одного из наших наиболее опытных респондентов, этот текст адресован администрации университета. Понятно, что целевые аудитории абитуриентов и администраторов предполагают разные типы документов. Нерелевантность данного сообщения для молодых читателей совпадает с нарушением одного из принципов кооперации по Грайсу, лежащих в основе межличностной коммуникации, однако в рамках юридического взаимодействия такая ситуация является штатной: «содержательность» в административном смысле предполагает обязательное указание на типовое название управленческого органа, в то время как читающие предпочли бы его конкретное (референтное) название; а в положении 2 содержательным пунктом будет указание на необходимость лицензии для осуществления вузом приема на обучение. Как пишет А. В. Богатырев, «...информативность для юридического текста является критерием факультативным» [Богатырев 2015]. Информация, не являющаяся новой, указывает автор, в юридических текстах встречается достаточно часто — в силу регламента, юридической этики, в качестве аргумента. Фактически А. В. Богатырев констатирует принципиальное

несходство юридической и обычной коммуникации, которая ориентирована на информативность сообщения как основу речевого взаимодействия между людьми. Однако с юридической стороны, как подчеркивает С.А. Белов, адресатами данного документа должны выступать именно абитуриенты: для того чтобы документ гарантировал их право знать, на каких условиях они могут поступать в вуз. Для этого закон требует размещения правил поступления на сайте вуза. Права и обязанности поступающих регламентированы данным документом, поэтому с точки зрения и правового содержания, и здравого смысла адресат этого документа — поступающие в вуз, а затруднения при понимании текста фактически нарушают их права на получение полной информации об их возможностях и обязанностях при поступлении.

Для текста «Правил приема...» характерны свои особенности языковой формы и свои отношения с содержательной стороной. Несмотря на отсутствие незнакомых терминов, а также опечаток или иных оплошностей, этот текст является источником более серьезного уровня трудностей для восприятия и понимания, следовательно, является гораздо более требовательным к языковой компетенции респондентов, чем медицинский. К особенностям текста, построенного по рекомендациям и требованиям официально-делового стиля, с точки зрения рядовых читателей относятся:

— непривычный уровень повторяемости слов и словосочетаний, корней слов, развернутых наименований;

— непривычное превышение длительности единиц синтагматического членения текста, которые значительно превосходят психолингвистически комфортную нагрузку на оперативную память (вместо (7 +/- 2) были последовательности из 11, 13, 15 единиц);

— недостаточно выраженные признаки членения синтаксических структур для вычленения деталей синтагматического смысла (смысловых вех) и недостаток дейктических средств в целом; — специфичность служебных слов (предлогов);

— использование лексических единиц типового значения, малодоступных массовому пользователю (*федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере...*).

Описанные характеристики языковой формы отрицательным образом влияют на процесс «собираания смысла» текста по ходу

чтения. К необычным эффектам относятся также особенности прагматической, коммуникативной организации текста, без определенного адресата и цели сообщения.

В ситуации с неопытными читателями мы фактически имеем дело со «сбоем» в процессе понимания, который происходит оттого, что установки и привычки восприятия и интерпретации речи осуществляются у неопытных пользователей в том виде, в каком они предположительно сформировались при пользовании устной речью, в то время как тексты официально-делового типа требуют иной компетенции.

Таковой обладают наиболее компетентные специалисты из «сильного состава» респондентов, со значительным опытом работы с официальными документами и пониманием проблематики данной области. Вот как выглядит взвешенная позиция в оценке языка данного документа специалистом очень высокого уровня: *Формат документа и стиль изложения мне понятен. Читается «тяжело», но это объяснимо правовым (юридическим) характером документа.* Отметим подчеркнутую автором специфику «характера документа». Более выразительный, но резкий вариант подчеркивания специфики юридического текста предложен другим респондентом из сильного состава: *Это документ. И он не обсуждается.* Судя по форме выражения и учитывая ситуацию, в которой делается такое заявление, мы имеем дело с установкой, на уровне идеологии призывающей нас не совмещать обычные способы оценки и осмысления сообщений с интерпретацией официальных документов, а адресоваться к ним как разным объектам. Видимо, полностью сформированная компетенция пользователя официальных текстов — это не просто добавление языкового опыта текстов определенного типа к общенаучной или профессиональной компетенции, но также конструирование позиции по отношению к официальному языку как особому объекту, требующему особых приемов и стратегий работы с ним. Подчеркнем качественно иной вид компетенции для «грамотного юридического текста» по сравнению с вариантом компетенции для текстов «административно-профессионального» уровня.

6.2. Языковая трудность № 4. Интерпретация юридического термина, образованного от основы общеупотребительного слова

На фоне весьма убедительного уровня компетенции респондентов сильного состава, с профессиональным отношением к делу,

представляется почти загадочной ситуация со следующим типом трудности, которая оказалась неподвластной даже им.

Как уже было упомянуто, положения 9, 10, 11 из текста анкеты 3 получили прочерки в ответах респондентов не только слабого, но и сильного состава. Впрочем, попытки сформулировать ответы по текстам 9 и 10 характерны для части респондентов в каждой группе (с тенденцией к снижению в категории рабочих профессий), при превалировании отказов и полном отсутствии приемлемых ответов на задание анкеты 11.

Таблица 1. Данные¹⁵ о полных отказах, частичных прочерках и приемлемых ответах на вопросы анкеты «Правила приема ...» к пп. 9–11

Table 1. Data on total refusals, partial omissions and acceptable answers to Provisions 9, 10, 11 of the “General Admission Rules ...” text.

	Полный отказ от анкеты	Прочерки 9–10–11	Приемлемые версии		
			9	10	11
«Профи» со значит. опытом	2 чел.	4 чел.	4 ответа	1 ответ	---
с небольшим опытом	1 чел.	6 чел.	3 ответа	1 ответ	---
ВО техн.	1 чел.	6 чел.	1 ответ	2 ответа	---
ВО гуманит.	2 чел.	4 чел.	2 ответа	1 ответ	---
ср-спец. гуманит.	2 чел.	2 чел.	2 ответа		---
ср-спец. разные профессии		8 чел.	2 ответа		---
ср-спец. рабоч. профессии	1 чел.	3 чел.			

В сравнении с речевым поведением респондентов по заполнению анкеты «Информированного согласия» обнаруживается, что прочерк, который в медицинском документе мог случиться в качестве эмоциональной реакции на отдельный вопрос (у одного-двух респондентов на 20 чел), картины последовательного отказа, как это складывается с текстом об образовании, не возникает. Вот как выглядят данные по заполнению двух анкет у одного респондента:

¹⁵ Незаполненные клеточки в таблице означают отсутствие действия, указанного в столбце. Прочерки в последнем столбце означают намеренный отказ участников давать какой-либо ответ.

— водитель, 46 лет, со ср-спец. уровнем образования ответил на все вопросы медицинской анкеты, хотя не всегда правильно; а в анкете об образовании он ответил (правильно, кстати) на два вопроса о Крыме, в вопросах 2, 3, 4, 5 написал «не знаю», и в проверяемом блоке 9–11 дал приемлемую версию на вопрос 9, не ответив на 10 и 11;

— продавец, 46 лет, со срспец. образованием, ответила на все вопросы медицинской анкеты (из них два раза неверно) и дала три ответа в анкете 3, при отсутствии ответов на все остальные вопросы, включая блок 9–11;

— инженер, 50 лет, с ВО техн., из сильного состава, без опыта, ответил на все вопросы медицинской анкеты, указав на неизвестный термин «эндодонтический», а в блоке 9–11 второй анкеты написал «не поддается описанию»;

— главный инженер, 76 лет, с ВО техн, без опыта, заполнил всю медицинскую анкету, указав на неизвестные термины из 2.9, 2.16, но с блоком 9–11 не справился. И так далее...

Стабильно «непробиваемый» блок трудностей в анкете о правилах приема в вуз приходится на три положения в самом конце анкеты, по содержанию связанные с этапами поступления.

Рассмотрим эти три положения из текста «Правил...», из которых два (9-е и 10-е) можно счесть номинациями фразеологического типа, которые оказались чрезвычайно затруднительными для понимания при совмещении названий с соответствующими им текстами.

Условия поступления

(9) 9. *** *Университет проводит прием по следующим условиям поступления на обучение (далее — условия поступления):*

1) *раздельно для обучения в головном вузе и для обучения в каждом из филиалов;*

2) *раздельно по очной, очно-заочной (вечерней), заочной формам обучения;*

3) *раздельно по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры в зависимости от их направленности (профиля) в соответствии с правилами, указанными в пункте II раздела I.1 Правил;*

4) *раздельно в рамках контрольных цифр и по договорам об оказании платных образовательных услуг.*

Вопрос анкеты «Как Вы понимаете здесь выражение “условия поступления”» был нацелен на толкование текста в ответах, экспликацию версии понимания текста респондентом. Учитывая вероятность, что носитель русского языка истолкует этого словосочетания в значении «демонстрация умений, своего рода барьер, который предстоит преодолеть молодому человеку или девушке, чтобы поступить в вуз», можно предположить, что перечисление разнообразных опций для поступающих, заложенных в текст положения, не слишком хорошо согласуется с общеупотребительным значением словосочетания «условия поступления». С другой стороны, очевидно, что именно этот набор различных аспектов обучения представляется авторам данного текста «условиями поступления». Можно констатировать некий конфликт с языковой компетенцией носителя языка.

Основания приема

- (10) *10. По каждой совокупности условий поступления университет проводит отдельный конкурс. В рамках контрольных цифр проводится отдельный конкурс по каждой совокупности условий поступления и каждому из следующих оснований приема на обучение (далее — основания приема):*
- *на места в пределах особой квоты (только по программам бакалавриата);*
 - *на места в пределах целевой квоты;*
 - *на места в рамках контрольных цифр за вычетом особой квоты и целевой квоты (далее основные места в рамках контрольных цифр).*

Ответом на вопрос о том, что входит в понятие «основание приема», является четкое обозначение в тексте трех объектов, в рамках контрольных цифр, входящих в понятие «основание приема». Но почему-то их извлекли единицы из групп читавших (ср. данные по приемлемым версиям в таблице). Подавляющее большинство ответов составили отказы или неверные версии.

Способы приема (на обучение)

- (11) *11. Прием на обучение в зависимости от направленности (профиля) образовательных программ (подпункт 3 пункта 9 раздела 1.1 Правил) проводится различными способами:*
- *по программам бакалавриата по направлению подготовки*

- в целом, по программам специалитета по каждой специальности в целом;*
- по программе бакалавриата в пределах направления подготовки, по каждой программе магистратуры в пределах направления подготовки;*
 - по совокупности программ бакалавриата в пределах направления подготовки, по совокупности программ магистратуры в пределах направления подготовки.*

При задании описать содержание этого положения своими словами количество отказов было рекордным. Из считанных предлагавшихся вариантов не было ни одного ответа, который отвечал бы заложенному в авторский текст содержанию. Объяснение этого неожиданного эффекта с текстами, не содержащими незнакомой лексики и не обладающими слишком сложной синтаксической организацией, состоит в том, что мы имеем здесь дело с принципиально иным типом семиотической ситуации (связи формы с содержанием), чем это было для трудностей 1, 2, 3. Предложенные респондентами версии осмысления текстов положений могли быть логичны, разумны в своем роде, но не соотносились с текстом положения. Для выяснения столь чрезвычайной ситуации, когда респонденты высокого уровня владения специальным языковым кодом испытывали трудности с пониманием текстов на нем, потребовалось обращение к специалистам, занятым в создании документа.

Как выяснилось из консультации с административными работниками подразделения, имеющего прямое отношение к обсуждаемому документу, положения текста 9–11 отражают новую систему организации вступительных испытаний в определенных подразделениях университета, со сменой прежней единицы поступления с *программы* на *направление*, по новой системе. В каждом университете все программы по-разному объединены в группы одного направления или группы направлений, что составляет содержание п. 11. Пункт «по программе бакалавриата в пределах направления подготовки» следует понимать как «набор на программы идет отдельно», что означает возможность разных конкурсов на программы внутри одного направления, в то время как пункт «по программам бакалавриата по направлению подготовки в целом» означает набор на все программы внутри направления сразу при одном конкурсе для всех. Пункт «по совокупности программ» позволяет

форматировать и гибко менять состав групп из небольшого количества поступающих на редкие специальности.

Из разъяснения, полученного от профессионалов, следует, что ни поступающие, ни их родители, а также любые другие участники ситуации поступления, не имея (на данный момент) адекватного представления об организации системы поступления и ее административном содержании, не могут понимать содержание п. 11 текста, почти не могут — п. 10 и могут принять интерпретацию названия п. 9 по предложенному тексту. В полном соответствии с когнитивной моделью понимания текста при чтении [Ван Дейк, Кинч 1988] этот процесс необходимым образом включает, в числе целого ряда признаков, используемых для интерпретации текстовой информации, знание или представление о фактической ситуации явления или процесса, описываемого в тексте. Учитывая отсутствие каких-либо знаний или представлений поступающих (и их родителей) о *новой* системе организации процесса поступления, неудивительно, что понимание текста ими и респондентами как участниками исследования оказалось недостижимым.

Следует добавить, что в рамках анализа языковых трудностей значение словосочетаний *по направлению (подготовки) в целом, по (каждой специальности) в целом, а также в пределах направления подготовки, видимо*, следует считать терминологическим, со специфически «административным» содержанием данных словосочетаний, семантически не связанных со своими общеупотребительными аналогами. Таким же образом, видимо, следует интерпретировать и названия самих положений «условия поступления», «основания приема» и «способы приема на обучение» как терминологические единицы в рамках данного текста, отражающего организацию и идеологию процесса поступления в данном вузе. Все три положения, и в особенности п. 11, относятся к наиболее сложному случаю интерпретации юридического термина, не имеющего общей семантики со своим общеупотребительным аналогом.

7. Предварительная типология трудностей

Данные предварительного этапа исследования «трудностей», обозначенных читателями официальных документов, и их анализ в терминах лингвистики и сопряженных с нею психо- и когнитивной лингвистики, связанных с процессами порождения, восприятия

и понимания речи, можно суммировать как четыре типа затруднений разного уровня и характера, с которыми сталкиваются люди, когда им нужно прочесть и понять официальный текст.

Трудность № 1. Термины, достаточно легко опознаваемые в тексте на русском языке (напр., в медицинском документе) и признаваемые языковой трудностью, — эту проблему можно можно решить переводом или дефиницией для читателей, которым этот термин неизвестен. Перед неизвестными терминами все участники, более или менее, равны.

Трудность № 2. Стандартный административно-профессиональный текст представляет собой определенный уровень трудности, требуя от читателя некоторого опыта в чтении научных или профессиональных текстов, а также привычки к сосредоточенности в этом занятии. Знакомство с фактической стороной описываемого в тексте объекта или процесса является важным подспорьем для понимания текста. Люди с высшим образованием справляются, как правило, с текстами такого типа, в то время как люди со среднеспециальным образованием зависят от навыков и привычек, полученных ими в привычной деятельности. Так, квалифицированный сварщик, скорее всего, будет прикладывать усилия, пытаясь удержать текст перед глазами и понять его по мере прочитывания, в то время как квалифицированная паспортистка неспециальную часть текста, по крайней мере, пройдет достаточно легко.

Трудность № 3. **«Грамотный юридический текст»** Текст «Правил приема...» вызвал наибольшие затруднения и дискомфорт при восприятии и чтении, с жалобами на необходимость перечитывать, чтобы поймать смысл. Неслучайно о нем отзывались даже так: «Живой человек такой текст написать не может». Тексты этого уровня особенно тяжелы для людей, не имеющих опыта работы с официальными документами. Непривычные правила организации текстового материала, громоздкость текста из-за многократного дублирования номинаций, непривычно большая длительность отдельных законодательных положений, а также повторяющиеся (для читателя) поиски начала и конца составных частей в рамках синтаксического целого могут вылиться в непреодолимое затруднение. Имеющие небольшой опыт спокойнее относятся к описанной специфике текстов, и только люди с большим опытом приобретают нормальный темп и свободу в действиях с «грамотными юридическими текстами».

Еще одна разновидность трудности документов юридического типа — неполная ясность относительно того, кому адресовано данное положение или какова цель его включения в данный текст. Неопытный читатель, начинающий думать на эту тему, занимается неблагодарным трудом. Опытный читатель понимает ситуацию и напрасным трудом (получением выводного значения) заниматься не станет.

Трудность № 4, с полным названием «Интерпретация юридического термина на основе общеупотребительного значения слова», встречается в положениях текста, содержащих неизвестный читателю смысл, скрытый за общеупотребительным словом или словосочетанием. Это случай введения нового юридического термина на основе единиц общеупотребительного языка. Он самый трудный и находится на грани доступности для понимания даже опытными респондентами.

Предложенная классификация трудностей является предварительной, прежде всего по ее локальной значимости в рамках отобранного материала. При расширении материала появится возможность уточнить ее типы как по их лингвистическим признакам, так и по корреляции с «лингвокогнитивным» типом респондента. Предполагается, что данный этап работы в дальнейшем должен обеспечить объективное обоснование для описания фактической компетенции представителей разных слоев населения в чтении и понимании официальных документов.

Заключение

Сопоставление и анализ результатов юридического и лингвистического подходов к выявлению трудностей текстов нормативных актов для рядового пользователя, а также определения причин их возникновения, обнаружили неоднозначную картину, в которой выявлены как сходные, так и разнородные явления при одинаково поставленной задаче для лингвистики и юриспруденции.

Представление трудностей с лингвистической стороны было проведено в соответствии с задачей исследования: показать их «глазами респондентов», расположив по возрастанию индекса трудности, сформированного по отзывам читателей, и совместив с текстами положений, которые их «породили». Как было показано в анализе текстов, на ощущение трудности «сработали» отнюдь не только структурно-языковые факторы: это были и особенности

формы текста, обусловленные требованиями официально-делового стиля, и содержательные аспекты текстов. Привлечение к описанию психолингвистического и когнитивного подходов, без которых реалистическое представление процессов восприятия и понимания речи невозможно в современной лингвистике, было закономерным.

Областью, в которой совместились представления юристов и лингвистов о языковых трудностях в юридических текстах, оказалась терминология: во-первых, как набор незнакомых слов при чтении, что является штатной ситуацией и в лингвистике, и в юриспруденции (трудность № 1, термин), и как набор знакомых слов при чтении, из которых с большим трудом удается, а иногда и не удается понять смысл текста (трудность № 4, термин, совпадающий с общеупотребительным омонимом по форме, но не по содержанию). На этой территории постоянно случаются конфликтные ситуации между профессиональными юристами и неопытным носителем, который, не обладая достаточной компетенцией в идентификации юридического vs общеязыковой тип значения, ошибается и вынужден отвечать за последствия. Тот факт, что трудности «стилистического» типа (отчасти трудность № 2, но в основном трудность № 3), связанные с официально-деловым стилем как своим источником, не замечаются юридической стороной в анализе материала, понятен и свидетельствует лишь о том, что юридическое сообщество судит о трудностях официальных текстов, исходя из собственных представлений о предмете, а не с позиции массового пользователя.

Тем не менее следует положительно оценить попытку выработки подхода к исследованию вопроса о доступности законодательных текстов для понимания массовым читателем как общей заботы двух формирующих ее сторон, юридической и лингвистической. Существующая сегодня в российском праве презумпция понятности любого юридического документа любому лицу, которое имело возможность с ним ознакомиться, а также документа, который оформляет волеизъявление лица в случае, если под документом стоит его подпись, не соответствует фактическому положению дел. Как показывают результаты проведенного социолингвистического исследования восприятия и понимания двух юридических документов из сфер медицины и образования, большинство респондентов испытывает существенные затруднения, хотя и в разной степени, с пониманием смысла этих текстов. На это же указывают примеры анализа юридических документов, предложенные в юридическом

разделе статьи. Очевидно, что из этого должны быть сделаны выводы применительно к правовой теории и практике.

Литература

- Баринаова 2006 — И. А. Баринаова. Ключевые слова в смысловой структуре текста // Т. И. Доценко, Е. В. Ерофеева, И. Г. Овчинникова, Т. Н. Чугаева (сост.). ... Слово отзовется. Памяти А. С. Штерн и Л. В. Сахарного. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2006. С. 68–73.
- Богатырев 2015 — А. В. Богатырев. Особенности понимания текста в юридическом дискурсе // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Филологические науки. 2015. № 1. С. 80–85.
- Ван Дейк, Кинч 1988 — Т. А. Ван Дейк, В. Кинч. Стратегии понимания связного текста // В. В. Петров, В. И. Герасимов (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 153–212.
- Голова 2011 — И. Л. Голова. Приемы мнемотехники для успешного запоминания при изучении иностранного языка // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей (электронное научное издание). 2011. № 3. URL: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2011_03/15.pdf (дата обращения 12.01.2019).
- Грайс 1985 — Г. П. Грайс. Логика и речевое общение // Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева (сост.), Е. В. Падучева (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Грозовский 2010 — Б. Грозовский. Закон, который никто не должен понять // Forbes. 08.10.2010. URL: <http://www.forbes.ru/ekonomika/vlast/58143-zakon-kotoryi-nikto-ne-dolzhen-ponyat> (дата обращения 12.01.2019).
- Залевская 2001 — А. А. Залевская. Текст и его понимание. Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2001.
- Левитан 2014 — К. М. Левитан. К проблеме адекватного понимания текста Уголовного кодекса // Российский юридический журнал. 2004. № 1. С. 44–51.
- Мильков и др. 2009 — А. В. Мильков, С. А. Параскевова, Э. Г. Айрапетова, Ю. В. Ковалева. Язык и стиль изложения судебных актов: научно-методические рекомендации. Эссендуки: 16-й арбитражный апелляционный суд, 2009.
- Сахарный 2006 — Л. В. Сахарный. К основаниям теории текстов-примитивов // Т. И. Доценко, Е. В. Ерофеева, И. Г. Овчинникова, Т. Н. Чугаева (сост.). ... Слово отзовется. Памяти А. С. Штерн и Л. В. Сахарного. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2006. С. 45–50.

- Сёрль 1986 — Дж. Сёрль «Что такое речевой акт?» // И. М. Кобозева, В. З. Демьянков (сост.), Б. Ю. Городецкий (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.
- Сиротко-Сибирский 2006 — С. А. Сиротко-Сибирский. О проблеме понимания текста в лингвистике и психолингвистике // Т. И. Доценко, Е. В. Ерофеева, И. Г. Овчинникова, Т. Н. Чугаева (сост.). ... Слово отзовется. Памяти А. С. Штерн и Л. В. Сахарного. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2006. С. 63–68.
- TSM 2013 — Толковый словарь по медицине 2013 (электронный ресурс). URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения 12.01.2019).
- СЛТ — Словарь лингвистических терминов (электронный ресурс). URL: <http://encl-dic.com/linguistics/Funktionalnestili-868.html> (дата обращения 12.01.2019).
- Стучка 1918 — П.И. Стучка. Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 5.
- Туранин 2010 — В. Ю. Туранин. Три причины трудности понимания текста закона // Российская юстиция. 2010. № 1. С. 2–4.
- Шепелёв 2012 — А. Н. Шепелёв. Кому предназначены письменные формулировки закона? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 3. С. 74–81.

Источники

- Решение 2013 — Решение Железнодорожного районного суда г. Самары от 10.09.2013 г. по делу № 2-1250/2013.
- Решение 2014 — Решение Шимановского районного суда Амурской обл. от 26.12.2014 г. по делу № 2-97/2014.
- Решение 2016 — Решение Ленинского районного суда г. Владивостока от 07.04.2016 г. по делу № 2-1984/2016.
- Постановление 2015 — Постановление мирового судьи судебного участка № 1 Борского судебного района Нижегородской области по делу об административном правонарушении от 9.04.2015 г. № 5-60/2015.
- Определение 2015 — Апелляционное определение Тюменского областного суда от 11.03.2015 г. по делу № 33-1214/2015.
- Постановление 2011 — Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 01.09.2011 г. № 09АП-20798-2011-АК по делу N А40-6680-11-129-29.

References

- Barinova 2006 — I. A. Barinova. Klyuchevye slova v smyslovoy strukture teksta [Keywords in the semantic structure of the text]. T. I. Docenko, E. V. Erofeeva, I. G. Ovchinnikova, T. N. Chugaeva (eds.). ...*Slovo otzovetsya. Pamyati A. S. Shtern i L. V. Sakharnogo* [...A word will echo. In memory of A. S. Shtern and L. V. Sakharny]. Perm: Perm State University Press, 2006. P. 68–73.
- Bogatyrev 2015 — A. V. Bogatyrev. Osobennosti ponimaniya teksta v yuridicheskom diskurse [Specific understanding of the text in legal discourse]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 2015. No. 1. P. 80–85.
- van Dijk, Kintsch 1988 — T. A. van Dijk and W. Kintsch. Toward a model of text comprehension and production. *Psychological Review*. 1978. № 85. P. 363–94. (Russian translation: T. A. van Dijk, V. Kintsch. Strategii ponimaniya svyaznogo teksta. V. V. Petrov, V. I. Gerasimov (eds.). *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vyp. 23: Kognitivnyye aspekty yazyka [New in foreign linguistics. Issue 23: Cognitive Aspects of Language]. Moscow: Progress, 1988. P. 153–212).
- Golova 2011 — I. L. Golova. Priemy mnemotekhniki dlya uspeshnogo zapominaniya pri izuchenii inostrannogo yazyka [Methods of mnemonics for successful memorizing in foreign language learning]. *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov. Periodicheskiy sbornik nauchnykh statey* (elektronnoye nauchnoye izdaniye) [Linguistics and methods of teaching foreign languages. Periodical collection of scientific articles] (electronic academic edition). 2011. No. 3. Available at: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2011_03/15.pdf (accessed on 12.01.2019).
- Grays 1985 — H. P. Grice: Logic and Conversation. P. Cole, J. L. Morgan (eds.). *Syntax and Semantics*. Vol. 3. Speech Acts. New York: Academic Press, 1975. (Russian translation: H. P. Grice. Logika i rechevoe obshechnie. N. D. Arutyunova, Ye. V. Paducheva (comp.), Ye. V. Paducheva (ed.). *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vyp. 16: Lingvisticheskaya pragmatika [New in foreign linguistics. Issue 16: Linguistic Pragmatics]. Moscow: Progress, 1985. P. 217–237.)
- Grozovskiy 2010 — B. Grozovskiy. Zakon, kotoryy nikto ne dolzhen ponyat [A law to be understood by nobody]. *Forbes*. 08.10.2010. Available at: <http://www.forbes.ru/ekonomika/vlast/58143-zakon-kotoryi-nikto-ne-dolzhen-ponyat> (accessed on 12.01.2019).
- Levitan 2014 — K. M. Levitan. K probleme adekvatnogo ponimaniya teksta ugovolnogo kodeksa [Concerning the problem of proper understanding the Criminal Code text]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2004. No. 1. P. 44–51.

- Milkov et al. 2009 — A. V. Milkov, S. A. Paraskevova, E. G. Ayrapetova, Yu. V. Kovaleva. *Yazyk i stil izlozheniya sudebnykh aktov: nauchno-metodicheskie rekomendatsii* [The language and style of judicial acts: the scientific and methodological recommendations]. Yessentuki: 16th Appellate Arbitration Court, 2009.
- Sakharny 2006 — L. V. Sakharny. *K osnovaniyam teorii tekstov-primitivov* [On the basis for text — primitives theory]. T. I. Docenko, E. V. Erofeeva, I. G. Ovchinnikova, T. N. Chugaeva (eds.). ...*Slovo otzovetsya. Pamyati A. S. Shtern i L. V. Sakharnogo* [... A word will echo. In memory of A. S. Shtern and L. V. Sakharny]. Perm: Perm State University Press, 2006. P. 45–50.
- Searle 1986 — J. Searle. What is a speech act? In Max Black (ed.). *Philosophy in America*. Ithaca: Cornell University Press. P. 221–239 (1965) (Russian translation: J. Searle. *Chto takoe rechevoy akt?* I. M. Kobozeva, V. Z. Dem'yankov (comp.), B. Yu. Gorodetsky (ed.). *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vyp. 17: *Teoriya rechevykh aktov*. [New in foreign linguistics. Issue 17: Speech Act Theory]. Moscow: Progress, 1986. P. 151–169).
- Shepelev 2012 — A. N. Shepelev. *Komu prednaznacheny pismennye formulirovki zakona?* [Who are the written formulas of law addressed to?]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*. 2012. No. 3. P. 74–81.
- Sirotko-Sibirskiy 2006 — S. A. Sirotko-Sibirskiy. *O probleme ponimaniya teksta v lingvistike i psikholingvistike* [On the problem of understanding text in linguistics and psycholinguistics]. T. I. Docenko, E. V. Erofeeva, I. G. Ovchinnikova, T. N. Chugaeva (eds.). ...*Slovo otzovetsya. Pamyati A. S. Shtern i L. V. Sakharnogo* [... A word will echo. In memory of A. S. Shtern and L. V. Sakharny]. Perm: Perm State University Press, 2006. P. 63–68.
- SLT — *Slovar lingvisticheskikh terminov* [The Dictionary of Linguistic Terms] (electronic resource). Available at: <http://encl-dic.com/linguistics/Funktsionalnyje-stili-868.html> (accessed on 12.01.2019).
- Stuchka 1918 — P. I. Stuchka. *Proletarskaya revolyutsiya i sud* [The proletariat's revolution and the Judiciary]. *Proletarskaya revolyutsiya i pravo*. 1918. No. 1. P. 5.
- TSM 2013 — *Tolkovyy slovar po meditsine 2013* [The Explanatory Dictionary of Medicine 2013] (electronic resource). Available at: <https://dic.academic.ru/> (accessed on 12.01.2019).
- Turanin 2010 — V. Yu. Turanin. *Tri prichiny trudnosti ponimaniya teksta zakona* [The three causes of difficulty of understanding law text]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 2010. No. 1. P. 2–4.
- Zalevskaya 2001 — A. A. Zalevskaya. *Tekst i yego ponimaniye* [Text and its understanding]. Tver: Tver State University Press, 2001.

Sources

- Reshenie 2013 — Reshenie Zheleznodorozhnogo rayonnogo suda Samary [Decision of Zheleznodorozhnyi rayon court of Samara] 10.09.2013 case No. 2-1250/2013.
- Reshenie 2014 — Reshenie Shimanovskogo rayonnogo suda Amurskoy obl. [Decision of Shimanovskiy rayon court of Amurskaya oblast'] 26.12.2014 case No. 2-97/2014.
- Reshenie 2016 — Reshenie Leninskogo rayonnogo suda Vladivostoka [Decision of Leninskiy rayon court of Vladivostok] 07.04.2016 case No. 2-1984/2016.
- Postanovlenie 2015 — Postanovlenie mirovogo sudi sudebnogo uchastka N1 Borskogo sudebnogo rayona Nizhegorodskoy oblasti po delu ob administrativnom pravonarushenii [Judgment on an administrative offence of the peace court of judicial district N1 of Borskiy judicial region of Nizhegorodskaya oblast'] 9.04.2015 case No. 5-60/2015.
- Opredelenie 2015 — Apellyatsionnoe opredelenie Tyumenskogo oblastnogo suda [Appellate Determination of the Court of Tyumen oblast'] 11.03.2015 case No. 33-1214/2015.
- Postanovlenie 2011 — Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda [Judgment of the Ninth Arbitrazh Appeal Court] 01.09.2011 No. 09AP-20798-2011-AK case N A40-6680-11-129-29.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА-ЛИНГВИСТА И ЛИНГВИСТА-АНАЛИТИКА: КОМПЕТЕНЦИИ, МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Е. И. Галяшина

Московский государственный юридический
университет им. О. Е. Кутафина, Москва
egalyashina@gmail.com

Аннотация. В статье осуществляется попытка развести юридическую сферу судебно-экспертной деятельности эксперта-лингвиста и аналитическую сферу деятельности лингвиста-аналитика. На основе анализа заключений лингвистов, не являющихся профессиональными экспертами, автор показывает, как игнорирование специфики практической деятельности по организации и производству судебной лингвистической экспертизы и ее смешение с научно-исследовательской аналитической деятельностью приводит к процессуальным и деятельностным ошибкам, влекущим несостоятельность результатов лингвистического исследования.

Ключевые слова: Лингвистическая экспертиза, судебно-экспертная деятельность, эксперт-лингвист, лингвист-аналитик, методы и средства, объекты, доказательства.

The distinction between the forensic linguist activity and scientific activity of linguist analyst: competencies, methods and technologies

E. I. Galyashina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow
egalyashina@gmail.com

Abstract. Forensic linguistic expertise is one of the most intensively and extensively developing areas of forensic activity. The

profession of forensic linguist has gained exceptional popularity in recent years in Russia due to the high demand in the market of expert services. Forensic linguistic expertise has entered a new phase, where its theoretical achievements and practices are critically reviewed by the law enforcement. Expert linguists' reports are analyzed based on the linguist's competence, qualification and professional skills. The purpose of this paper was an attempt to separate the legal sphere of forensic expert activity from the analytical sphere of the linguist-analyst. The author believes that a modern highly qualified linguist working in the field of forensic activities must have dual competence: have knowledge in both linguistics and jurisprudence (forensic expertology) and be able to efficiently apply expert linguistic methods in legal proceedings. Practical activities in the field of forensic linguistic expertise are scientifically based and build on achievements in a number of scientific domains, including linguistics, semiotics, forensic speech, forensic expertise, criminology and other legal sciences. But forensic experts and expert institutions apply all these achievements, methods and means not to discover new linguistic facts, create a theory, or test scientific hypotheses, but to gain evidence in criminal and civil cases. The activity of the forensic linguist, though similar to scientific linguistic research, differs from it by a number of essential features inherent in practical activities. The forensic linguist uses the same methods as in scientific research in full conformity to the requirements of legality, ethical standards, principles of forensic activity, and rules of evidence collection and handling.

Keywords. Linguistic expertise, forensic activities, expert linguist, linguist analyst, methods and tools, objects, evidence.

1. Введение. Постановка проблемы

Сегодня в сфере судопроизводства судебная лингвистическая экспертиза, входящая в класс судебных речеведческих экспертиз, — одно из наиболее интенсивно и экстенсивно развивающихся направлений судебно-экспертной деятельности. Потребность правоприменителя в использовании специальных знаний в лингвистике обусловлена многочисленными информационными и документационными спорами, конфликтами, деликтами, совершаемыми как посредством речевой деятельности, так и в отношении результатов словесного творчества — интеллектуальной собственности.

Речевые произведения, порождаемые в процессе коммуникации людей во всех сферах общественных отношений, выступающие в качестве объектов судебно-лингвистического исследования, обладают статусом вещественных доказательств и / или документов, требуя особых правил обращения при их исследовании.

Профессия эксперта-лингвиста (forensic expert-linguist) в последние годы в России приобрела исключительную популярность в силу высокой степени востребованности на рынке экспертных услуг. Однако реалии судебной и экспертной практики показывают, что заключение эксперта-лингвиста оценивается сегодня довольно придирчиво и критически как с точки зрения его содержания, так и с точки зрения компетенции эксперта, соответствия направления, уровня и профиля его образования предъявляемым к судебному эксперту-лингвисту квалификационным и профессиональным требованиям. Это объясняется, с одной стороны, интуитивной доступностью для понимания просвещенным носителем русского языка содержательно-смысловой, прагматической направленности конфликтно-генных и криминогенных текстов, а с другой — высокой степенью общественного резонанса, возникающего вокруг или в связи с речевыми деликтами, к которым приковывается особое внимание средств массовой коммуникации, пользователей социальных сетей и широкой общественности из-за страха ограничения свободы слова или боязни преследования за критику. Поскольку за сказанные или написанные слова может наступить гражданско-правовая или уголовно-правовая ответственность, возрастает и значение результатов деятельности судебных экспертов-лингвистов при производстве судебной лингвистической экспертизы.

Название «судебная лингвистическая экспертиза» прочно закрепилось в теории и практике судопроизводства, разработаны теоретические подходы к частной теории судебной лингвистической экспертизы. Тем не менее однозначного понимания разграничения компетенций, методов и лингвистических технологий, используемых в ходе научно-практического исследования языка и речи и применяемых в ходе практической судебно-экспертной деятельности при производстве судебной лингвистической экспертизы, не выработано в экспертно-лингвистической среде по сей день. Целью настоящей работы была попытка развести юридическую сферу судебно-экспертной деятельности эксперта-лингвиста и аналитическую сферу деятельности лингвиста-аналитика.

2. Феномен генезиса судебной лингвистической экспертизы

Судебная лингвистическая экспертиза на современном этапе ее развития вступила в новую фазу, которая может быть охарактеризована как ревизия достигнутых теоретических высот и практического базиса вследствие критической оценки правоприменителем ее результатов [Галяшина 2017а]. В теории и практике судебной лингвистической экспертизы сегодня со всей очевидностью назрела потребность в уточнении понятийного аппарата, роли и места судебной лингвистической экспертизы в классификации судебных экспертиз, переосмыслении существующих методических разработок и компетенций эксперта-лингвиста. По нашему мнению, судебная лингвистическая экспертиза в настоящее время переживает определенный кризис, прежде всего, в умах лингвистов — «кабинетных ученых», порождая существенные недочеты и серьезные ошибки в экспертной практике, резонирующие в практике судебных решений. Этот кризис, на наш взгляд, требует скорейшего разрешения, прежде всего, на основе закономерностей современной судебной экспертологии как научного фундамента экспертно-лингвистической практики [Судебная экспертология 2017]. К числу конфликтогенных проблем, порождающих различные, а иногда и прямо противоположные взгляды на основные понятийные категории судебной лингвистической экспертизы (предмет, объекты, цели и задачи, методы и методики, компетенции субъекта судебной лингвистической экспертизы) относится и вопрос о специфике профессиональной деятельности судебного эксперта-лингвиста, ее существенные отличия от деятельности лингвиста-аналитика [Баранов 2007, Баранов 2016, Бринев 2009; Галяшина 2017b, Кусов 2011, Чернышова 2012a, Чернышова 2012b, Чернышова 2015 и др.].

Напомню, что судебная лингвистическая экспертиза возникла в самом начале 2000-х. На пике становления молодой российской демократии в силу острой потребности, с одной стороны, в защите гласности и свободы средств массовой информации, а с другой — в защите каждого человека и гражданина от речевой агрессии и злоупотребления свободой слова, становление судебной лингвистической экспертизы носило феноменально экстенсивный характер, причем оно шло от практики к теории. Именно на основе обобщения богатого, но разрозненного эмпирического материала, накопленного учеными-лингвистами, преподавателями филологических

вузов, собранного при использовании специальных знаний для оказания помощи юристам в разрешении многочисленных документационных споров и конфликтов, сформировались первые методические подходы к решению наиболее часто возникавших на практике экспертных задач в целях разрешения диффамационных споров и конфликтов [Цена слова 2002, Галяшина 2003b].

Лингвистическая экспертиза в 2005–2006 гг. прочно заняла свое место в ведомственных классификаторах МВД, Минюста и ФСБ России, оформившись как самостоятельный род судебных экспертиз [Галяшина 2002; 2003а; 2008]. Однако многие государственные судебные эксперты в то время оказались не готовы решать возникающие в правоприменительной практике сложные диагностические задачи семантического исследования многообразных продуктов речевой деятельности. В то же время привлекаемые для проведения судебных экспертиз филологи (лингвисты), не будучи профессиональными экспертами, также испытывали трудности в освоении новой для них сферы судебно-экспертной деятельности.

За прошедшие полтора десятка лет активная экспансия филологов-аналитиков в сферу судопроизводства обострила проблему разграничения научно-аналитического языковедческого исследования и практической деятельности по производству судебной экспертизы. Должная дифференциация, на наш взгляд, ориентирует правоприменителя при выборе эксперта, будет способствовать эффективной и адекватной оценке достоверности заключения эксперта-лингвиста, поможет проверить наличие у лица, которому поручается производство судебной лингвистической экспертизы, надлежащих компетенций, определяющих пределы экспертной специальности по судебной лингвистической экспертизе, облегчит оценку допустимости для целей судопроизводства примененных экспертом лингвистических методов и методик, а также поможет экспертам-лингвистам строже следовать правилам обращения с речевыми следами как объектами судебной лингвистической экспертизы.

3. Понятие и специфика судебной лингвистической экспертизы

Понятие лингвистическая экспертиза (*эксперт* от лат. — ‘знающий по опыту, опытный; испытанный, изведанный’) довольно часто сегодня используется в лингвистической науке и практике для

обозначения разнообразных языковедческих исследований, требующих использования профессиональных лингвистических компетенций (знаний, навыков и умений). Результаты лингвистической экспертизы могут быть получены экспериментальным, опытным путем с помощью лингвистического инструментария — методов и средств исследования системы языка и его элементов.

Однако *судебная лингвистическая экспертиза* — это специфическая экспертиза, она отличается от других так называемых лингвистических экспертиз своим особым процессуальным статусом, детерминирующим специфику требований, предъявляемых к лингвисту как субъекту судебного экспертного исследования, к продуктам речевой деятельности, имеющим статус вещественных доказательств и / или документов, как объектам судебной экспертизы, а также к применяемым для их исследования методам.

Судебная лингвистическая экспертиза — процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом-лингвистом по вопросам, разрешение которых требует специальных лингвистических знаний и которые поставлены перед экспертом-лингвистом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. По результатам лингвистического исследования эксперт-лингвист составляет письменное заключение эксперта, которое является одним из предусмотренных законом источников доказательств, а содержащиеся в нем фактические данные — доказательствами. При этом специальные лингвистические знания, базируясь на лингвистике как материнской науке, не ограничиваются и не исчерпываются только ею. Они прирастают криминалистическими знаниями об идентификационно и диагностически значимых свойствах речевых произведений, образующих состав правонарушений, релевантных для решения экспертных задач.

Между лингвистической экспертизой и судебной лингвистической экспертизой имеется обманчивое сходство, которое определяется использованием знаний из науки о языке. Однако далеко не любое лингвистическое исследование может именоваться «судебная лингвистическая экспертиза».

Судебную лингвистическую экспертизу от иных лингвистических аналитических и практических исследований (несудебных экспертиз) отличают следующие признаки:

— отбор материалов, подготовка и направление на экспертизу продуктов речевой деятельности, назначение и проведение лингвистического исследования и дача заключения эксперта жестко регламентированы специальным правовым регламентом, нарушение которого влечет недопустимость заключения эксперта как доказательства;

— деятельность судебного эксперта-лингвиста в сфере судопроизводства четко определена правовыми рамками, определяющими его компетенцию и компетентность в пределах экспертной специальности по исследованию продуктов речевой деятельности; выход лингвистического исследования за пределы экспертной специальности влечет необоснованность и несостоятельность сделанных экспертом выводов;

— пределы экспертной специальности определены видовым делением судебной лингвистической экспертизы в рамках ведомственных классификаторов судебных экспертиз и объемом основной и дополнительных программ профессиональной подготовки судебного эксперта-речевода;

— дача экспертом-лингвистом письменного заключения, имеющего статус доказательства, оцениваемого правоприменителем по критериям относимости, допустимости, достоверности, достаточности и непротиворечивости в совокупности всех собранных по делу доказательств.

4. Деятельность судебного эксперта-лингвиста vs деятельность лингвиста-аналитика

Судебно-экспертная деятельность, в соответствии с положениями Федерального закона № 73-ФЗ от 31.05.2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», состоит в организации и производстве судебной экспертизы и осуществляется в процессе судопроизводства государственными судебными экспертами и иными лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами. К последним применительно к судебной лингвистической экспертизе относятся: частные эксперты, работники негосударственных судебно-экспертных учреждений, государственных и негосударственных не экспертных организаций, работники образовательных,

научно-исследовательских и иных организаций, имеющие высшее образование и дополнительное профессиональное образование по экспертной специальности, соответствующей конкретному виду судебной лингвистической экспертизы.

Деятельность лингвиста, производящего судебную экспертизу текста, обладающего определенным процессуальным статусом (приобщенного к материалам дела вещественного доказательства или документа), существенно отличается от деятельности лингвиста, исследующего, казалось бы, тот же самый текст, но вне какой-либо связи с судопроизводством. Отличия эти носят сущностный характер, начиная с того, что коммуникативная ситуация, зафиксированная в материалах уголовного, гражданского дела или дела об административном правонарушении, формирует индивидуально-конкретный контекст порождения исследуемого речевого произведения, который находится вне ведения лингвиста, не допущенного до материалов дела без специального статуса эксперта. Лингвист-аналитик рассуждает на уровне теоретических обобщений наблюдений о языке и речи, абстрагируясь от индивидуально-конкретных условий порождения конфликтогенного или криминогенного текста, тогда как эксперт-лингвист не может выйти за рамки этой конкретики.

В широком смысле слова деятельность определяется как специфический для человека способ отношения к внешнему миру, состоящий в преобразовании и подчинении его человеческим целям. Фундаментальным и определяющим видом деятельности является труд, основные характеристики которого присущи предметной деятельности. По своему содержанию деятельность есть производство материальных и духовных благ, форм общения людей, преобразования общественных условий и отношений, развития самого человека, его способностей, умений, знаний [Большой экономический словарь 2004: 198].

Судебно-экспертная деятельность лингвиста основывается на принципах законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники. Эти принципы являются всеобщими, не имеющими каких-либо исключений. Правовой основой деятельности судебного эксперта-лингвиста являются, помимо упомянутого выше

Федерального закона № 73-ФЗ, Конституция Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, законодательство Российской Федерации о таможенном деле, Налоговый кодекс Российской Федерации, законодательство в сфере охраны здоровья, другие федеральные законы, а также нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, регулирующие организацию и производство судебной экспертизы.

В монографии [Комиссарова 2010] отмечается, что существует обособленный вид общественно-полезной деятельности, который в судопроизводстве целесообразно обозначить термином «судебно-экспертная деятельность». Делается вывод о том, что экспертную деятельность сотрудников государственных и негосударственных экспертных учреждений можно рассматривать как трудовую деятельность, а иных лиц, выполняющих экспертизы, — как занятия. При этом деятельность первых лиц можно относить к профессиональной деятельности, и выделить отдельную профессию — судебного эксперта. Мы полагаем, что деятельность судебного эксперта-лингвиста можно рассматривать как труд, который требует специальной профессиональной подготовки.

Деятельность лингвиста — судебного эксперта по организации и производству экспертизы детерминирована спецификой судопроизводства и потому может осуществляться строго при условии точного исполнения требований нормативных правовых актов, составляющих правовую основу судебно-экспертной деятельности. Нарушение закона при осуществлении судебно-экспертной деятельности недопустимо и влечет за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации. Аналитическая деятельность лингвиста-аналитика, не скованная жесткими процессуальными рамками кодифицированных законодательных и иных нормативных правовых актов, может носить инициативный, эвристический, поисковый, изыскательский, экспериментальный, а иногда и провокационный характер.

Деятельность эксперта-лингвиста нацелена на применение уже имеющихся, апробированных знаний о языке и речи для целей

судопроизводства (для установления фактов и обстоятельств, имеющих значение доказательств).

Деятельность же лингвиста-аналитика направлена на поиск, получение и применение новых знаний о языке в целях развития лингвистической науки как учения о языке, исследующего закономерности его структуры, функционирования и развития, включая сравнение отдельных языков для выявления генетических и типологических связей между ними.

Объекты судебно-экспертного и аналитико-лингвистического исследования также имеют существенные отличия, несмотря на их общую языковую природу. Так, объектами судебно-экспертного лингвистического исследования могут выступать только продукты речевой деятельности (устной или письменной), обладающие свойствами текста, произведенные в конкретно-определенной коммуникативной ситуации и зафиксированные на материальном носителе. Объем, жанровая характеристика, тематика или функционально-стилистическая принадлежность текста важны для выбора экспертом оптимальных методов исследования, но для установления пригодности или непригодности текста для проведения лингвистической экспертизы — особого значения не имеют. Существенными свойствами для установления факта негодности (непригодности) продукта речевой деятельности для проведения судебной лингвистической экспертизы является фрагментарность, несвязность, отрывистость, частичность, невнятность, компилятивность речевого продукта, т. е. несоответствие представляемого на экспертизу материала критериям текста, определяющим его структурированность, связность, целостность, завершенность, семантическую определенность и т. д. Другой важной особенностью текста как конкретно-определенного объекта судебно-экспертного исследования является его уникальность, неповторимость, незаменимость и невозможность как речевого следа, содержащего информацию об отраженном в нем коммуникативном событии, являющемся источником доказательств. В этой связи законодательно закреплён принцип непосредственности исследования вещественного доказательства как объекта экспертизы, а также запрет на видоизменение объекта судебной экспертизы при проведении его экспертного исследования без специального на то разрешения субъекта доказывания. При проведении исследований вещественные доказательства и документы с разрешения органа или лица, назначивших судебную экспертизу, могут быть

повреждены или использованы только в той мере, в какой это необходимо для проведения исследований и дачи заключения. Указанное разрешение должно содержаться в постановлении или определении о назначении судебной экспертизы либо соответствующем письме.

Лингвист-аналитик может сам находить, собирать, экспериментально создавать объекты для своего научного исследования. Однако судебный эксперт-лингвист не вправе самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы. Применительно к объектам судебной лингвистической экспертизы это означает, что эксперт не вправе объединять несколько текстов, продуцированных в разное время и при разных коммуникативных условиях в один «квазитекст», исследовать слова и выражения вне контекста, самостоятельно отбирать из материалов дела текстовые объекты для проведения экспертизы, принимать в качестве объекта экспертизы языковые знаки, слова и выражения, речевые обороты и иные единицы языка, которые не зафиксированы непосредственно в процессе их порождения на материальном носителе, либо даны в изложении, записаны со слов третьих лиц и т. п.

Так, например, объектом судебной лингвистической экспертизы не могут являться искусственно модифицированные вербальные элементы с видоизменением контекста их реализации, компиляции реплик диалогов, а также созданные путем объединения в «сложный отдельный текст» диалоги, записанные на фонограммах при разных ситуациях коммуникации, словесные элементы, вычлененные из комбинированного словесного и изобразительного обозначения (креолизованного текста), сообщения в социальных сетях, мессенджерах и иных коммуникаторах, носящие фрагментарный, отрывистый характер, гипертекстовые ссылки в интернет-коммуникации, не развернутые полностью при проведении нотариального осмотра контента интернет-сайта, показания допрашиваемого, записанные в протоколе допроса не дословно, а со слов допрашиваемого лица, показания в протоколе допроса, записанные с «чужих слов» и т. д. В противном случае не будет соблюден принцип непосредственности исследования речевого материала как объекта судебной экспертизы, нарушены правила обращения с текстом как вещественным доказательством и / или документом.

Однако указанные достаточно жесткие требования вовсе не распространяются на деятельность лингвиста-аналитика, выступающего в качестве консультанта или специалиста, поскольку разъяснения

и консультации в судопроизводстве даются без исследования конкретно-определенного объекта, а касаются многообразных языковых явлений, типичных или наоборот экзотичных, маргинальных для языка и его речевой реализации. Поэтому в тех случаях, когда правоприменителю необходимо получить ответы на вопросы, например, о том, какие типы лексики относятся к оскорбительным разрядам в современном русском языке, или какими способами в языке и речи может выражаться агрессия, какие наименования в языке являются неприличными, неэтичными и т. п., какие слова входят в систему литературного языка, а какие являются жаргонизмами, что означает в современном русском языке тот или иной фразеологический речевой оборот, арготизм, диалектизм или жаргонизм и т. п., он вправе прибегнуть к помощи лингвиста-аналитика, который в форме устной или письменной консультации либо заключения специалиста квалифицированно и профессионально разъяснит указанные вопросы, относящиеся к сфере лингвистической науки или речевой практике, существующей на текущий момент времени или существовавшей ранее — в определенный исторический период. Назначать и проводить судебную лингвистическую экспертизу в таких случаях нельзя, т. к. невозможно материализовать абстрактно изучаемое языковое явление в определенно конкретную ситуацию его речевого воплощения в контексте.

Можно сформулировать следующие основные отличия деятельности лингвиста, выступающего в процессуальном качестве судебного эксперта, от деятельности лингвиста, осуществляющего научные, аналитические исследования:

— судебно-экспертное лингвистическое исследование по своей гносеологической сущности представляет собой разновидность познания объективной действительности, осуществляемого путем применения методов различных наук, предметом изучения которых является язык и его функционирование в речи (лингвистика, речеведение, теория речевых актов, семиотика, ономастика и др.);

— деятельность судебного эксперта-лингвиста по исследованию речевых произведений как вещественных доказательств при производстве судебной лингвистической экспертизы только внешне схожа с научным лингвистическим исследованием, отличается от него рядом существенных особенностей, присущих практической деятельности;

— практическая деятельность в области судебной лингвистической экспертизы является научно-обоснованной и использует

положения ряда наук, в том числе лингвистики, семиотики, судебного речеведения, судебной экспертологии, криминалистики и иных правовых наук; «но эти положения, научные методы и средства используются в деятельности судебных экспертов и экспертных учреждений не для открытия новых законов и закономерностей природы и общества, не для установления научных фактов, не для создания теории и проверки научных гипотез, а для решения практических задач по установлению истины по уголовному, гражданскому делу, делу об административном правонарушении» [Россинская 2014: 120–121];

— в практической деятельности эксперта-лингвиста по исследованию речевых произведений (речевых следов) как вещественных доказательств могут применяться те же лингвистические методы, что и в научном исследовании, если их использование не противоречит требованиям законности, этическим нормам, принципам судебно-экспертной деятельности, закономерностям судебной экспертологии, правилам работы с доказательствами, т. е. методы и методики отвечают принципу допустимости в его общей форме.

Деятельность лингвиста-аналитика может носить как процессуальный характер в форме консультации или участия специалиста в судопроизводстве или непроцессуальный аналитико-исследовательский характер. В первом случае лингвист не проводит никаких исследований речевых произведений (материалов), но дает устные и / или письменные консультации (разъяснения, пояснения, толкования) по вопросам, относящимся к специальным знаниям в области лингвистики, может оказывать содействие субъекту доказывания в оценке заключения эксперта-лингвиста. Во втором случае, когда деятельность лингвиста-аналитика осуществляется вне сферы судопроизводства (несудебные экспертизы, исследования), он не связан какими-либо процессуальными рамками и волен выполнять научно-практические лингвистические исследования, руководствуясь научной этикой и своими морально-нравственными нормами, оставаясь тем не менее в рамках правового поля, которое регулирует отношения правопорядка и правосознания любого гражданина. Результаты такого несудебного исследования, будучи изложенными в письменной форме (форма, содержание и структура нормативно не регулируются), могут как иметь, так и не иметь статус иного письменного доказательства по усмотрению правоприменителя [Судебно-экспертная деятельность 2017].

Одно и то же физическое лицо, обладающее необходимыми специальными знаниями, может выступать в различных статусах и выполнять различные роли, действуя и как лингвист-аналитик (специалист), и как эксперт-лингвист. Главное — эти роли не смешивать, допуская процессуальные и организационные ошибки, влекущие ничтожность результатов деятельности как эксперта-лингвиста, так и лингвиста-аналитика.

Проиллюстрируем пагубность подобного смешения на примере из практики рецензирования заключений экспертов специалистами негосударственного экспертного учреждения, условно названного нами АНО «Лингвознав».

Так, по уголовному делу была назначена судебная лингвистическая экспертиза, которая, как это видно *из постановления следователя*, вынесенного 16 ноября 2017 года, была поручена некоммерческой организации АНО «Лингвознав». Следует отметить, что в постановлении о назначении судебной лингвистической экспертизы было указано только наименование организации, которой поручается ее производство, а фамилии, имена, отчества конкретных экспертов — работников этой организации — отсутствовали. По всей видимости, следователь исходил из того, что АНО «Лингвознав» (будучи некоммерческой организацией по своей организационно-правовой форме) является негосударственным судебно-экспертным учреждением, а потому в постановлении о назначении экспертизы достаточно указать только наименование организации.

Понятие негосударственного судебно-экспертного учреждения разъяснено высшими судебными инстанциями в п. 2 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 28 от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам», к ним относятся некоммерческие организации (некоммерческие партнерства, частные учреждения или автономные некоммерческие организации), созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (последняя редакция), осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с их уставами.

Однако в уставных документах АНО «Лингвознав» основной вид деятельности именован как «Научные исследования и разработки в области общественных и гуманитарных наук». Также зарегистрированы 3 дополнительных вида деятельности, среди которых

судебно-экспертная деятельность или деятельность в области производства судебной экспертизы (69.10 Деятельность в области права) не значит.

В заключении эксперта № 17-Л отмечено, что лингвистическая экспертиза была проведена в экспертном учреждении, но сведения, позволяющие считать АНО «Лингвознав» таковым, также отсутствовали. В числе приведенных данных об «экспертном учреждении» указана лишь организационно-правовая форма некоммерческой организации, но ничего не сказано об ее основных видах деятельности. В то же время для приобретения правового статуса судебно-экспертного учреждения (организации) судебно-экспертная деятельность должна быть основным видом деятельности, предусмотренным уставом некоммерческой организации. В данном случае следовало поручить производство лингвистической судебной экспертизы конкретным экспертам — работникам названной организации.

В соответствии с п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 28 от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» производство судебной экспертизы может быть поручено лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении, в том числе сотруднику иной организации, обладающему специальными знаниями и имеющему в распоряжении необходимое экспертное оборудование, только в тех случаях, когда в государственном судебно-экспертном учреждении, обслуживающем определенную территорию, невозможно производство судебной экспертизы в связи с отсутствием эксперта конкретной специальности или надлежащей материально-технической базы либо специальных условий для выполнения исследований, а также при наличии обстоятельств, указанных в ст. 70 УПК РФ, т. е. в тех случаях, когда все компетентные государственные судебно-экспертные учреждения на данной территории не могут выступить в этом качестве. Поэтому суду (следовательно) надлежит предварительно запросить сведения, касающиеся возможности производства экспертизы в каком-либо негосударственном судебно-экспертном учреждении либо иной организации, а также сведения об эксперте, в том числе его фамилию, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы в качестве судебного эксперта и иные данные, свидетельствующие о его компетентности и надлежащей квалификации, о чем указать в определении (постановлении) о назначении экспертизы, и при необходимости

приобщить к материалам уголовного дела заверенные копии документов, подтверждающих указанные сведения.

Добавлю, что другой распространенной ошибкой является смешение функций по организации и производству судебной экспертизы в случаях ее осуществления вне государственного судебно-экспертного учреждения. В приведенном выше примере на основании постановления следователя о проведении лингвистической экспертизы в АНО «Лингвознав» была проведена комиссия лингвистическая экспертиза. Экспертизу осуществила комиссия экспертов в лице директора АНО «Лингвознав» и одного работника этой организации, имеющего стаж работы на момент проведения экспертизы 1 год, не имеющего свидетельства эксперта или сертификата, подтверждающего соответствие компетенций эксперта требованиям стандарта СТО-НСЭ-2016 при осуществлении судебно-экспертной деятельности по экспертной специальности конкретного вида лингвистической экспертизы.

Директор АНО «Лингвознав», будучи учредителем организации и одновременно лицом, осуществляющим административные функции, не наделен действующим законодательством правом назначать самого себя судебным экспертом, поручать самому себе производство экспертизы, самому себе разъяснять права и ответственность, предусмотренные ст. 57 УПК РФ. Это противоречило бы принципу независимости судебного эксперта. Директор данной организации, не обладающей признаками судебно-экспертного учреждения, также не обладал полномочиями поручать производство судебной экспертизы работнику организации, не поименованному в постановлении о назначении судебной экспертизы, и уж тем более не имеющему требуемых экспертной специальностью сертификатов соответствия, к тому же, как потом выяснилось, находившемуся в родственных отношениях с директором.

Таким образом, правовых (процессуальных) оснований для назначения членов экспертной комиссии, сформированной приказом директора АНО «Лингвознав», процессуальными правами и обязанностями судебного эксперта, не имелось. Правовые основания для проведения комиссионной судебной лингвистической экспертизы, которая следователем не назначалась, также отсутствовали.

В данном случае, коль скоро следователь хотел поручить экспертизу конкретным экспертам, работавшим в АНО «Лингвознав», он должен был предварительно убедиться в наличии у них

необходимых компетенций и в постановлении о назначении судебной экспертизы указать фамилии, имена, отчества экспертов, лично разъяснить каждому эксперту права и ответственность, предусмотренные ст. 57 УПК РФ.

Другой пример. На сайте одной региональной общественной организации выложен ряд заключений экспертов, где в разделе «Сведения об экспертном учреждении» приводится организационно-правовая форма юридического лица — общественное объединение. Далее указано, что свидетельство о регистрации общественного объединения выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве (указывается дата и номер регистрации). В самом заключении эксперта приводится фабула дела из определения о назначении экспертизы, где указывается, что «с учетом изложенного, суд считает возможным поручить проведение экспертизы экспертам региональной общественной организации, давшим предварительное согласие на проведение подобной экспертизы».

В завершении своего заключения эксперты-лингвисты констатировали: «Исследование проведено и оформлено в полном соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и действующими процессуальными кодексами РФ». Здесь, как мы видим, также допущено смешение деятельности по организации и производству судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении и лицами, не являющимися государственными судебными экспертами. Во-первых, деятельность общественного объединения или региональной общественной организации как юридического лица не входит в сферу регулирования Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Во-вторых, в силу указанного выше разъяснения Постановления Пленума Верховного суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» общественное объединение или региональная общественная организация не обладает правовым статусом государственного или негосударственного судебно-экспертного учреждения, а потому указание в заключении экспертов на сведения об «*экспертном учреждении*» вводит правоприменителя в заблуждение относительно реального статуса организации, провоцируя процедурные ошибки назначения экспертизы

лингвистам, состоящим в общественной организации, но не являющимися профессиональными судебными экспертами.

Нередко индивидуальные предприниматели или коммерческие организации выдають себя за негосударственные судебно-экспертные учреждения. Примером тому служат заключения обществ с ограниченной ответственностью, когда коммерческая организация, назовем ее условно ООО «Лингвистический экспертный центр», рекламирует и позиционирует себя как «экспертное учреждение», хотя цели и принципы судебно-экспертной деятельности несовместимы с основной целью предпринимательской деятельности — извлечением максимальной прибыли.

5. Компетенции, методы и технологии в судебной лингвистической экспертизе

Профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к судебному эксперту, сформулированы в ст. 13 Федерального закона № 73-ФЗ от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [Федеральный закон № 73-ФЗ 2001]. Законодатель указывает, что должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях может занимать гражданин Российской Федерации, имеющий высшее образование и получивший дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Должность эксперта в экспертных подразделениях федерального органа исполнительной власти в области внутренних дел может также занимать гражданин Российской Федерации, имеющий среднее профессиональное образование в области судебной экспертизы.

Определение уровня квалификации экспертов и аттестация их на право самостоятельного производства судебной экспертизы осуществляются экспертно-квалификационными комиссиями в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Уровень квалификации экспертов подлежит пересмотру указанными комиссиями каждые пять лет.

Квалификационные требования к негосударственным экспертам, касающиеся их образования и подготовки, должны быть такими же.

Это следует из системного и взаимосвязанного рассмотрения ст. 8 названного Федерального закона № 73-ФЗ, где говорится, что эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме (заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных), и ст. 41 того же закона, которая распространяет на судебно-экспертную деятельность лиц, производящих судебную экспертизу вне государственных судебно-экспертных учреждений и обладающих специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющихся государственными судебными экспертами, действие ст. 2, 3, 4, 6–8, 16 и 17, части второй ст. 18, ст. 24 и 25 упомянутого Федерального закона.

Экспертная специальность судебного эксперта-лингвиста включает совокупность компетенций (знаний, навыков и умений), необходимых и достаточных для проведения судебной лингвистической экспертизы в целях установления фактов и обстоятельств, имеющих значение доказательств, по конкретному уголовному, гражданскому делу или делу об административных правонарушениях [Галяшина 2016]. При этом набор компетенций, необходимый для различных видов, составляющих родовую классификацию судебной лингвистической экспертизы, может существенно различаться. Так, например, для исследования средств индивидуализации товаров и услуг, иных неймов как объектов судебной лингвистической экспертизы наименований («нейминговой экспертизы») требуются помимо фундаментальной лингвистической подготовки дополнительные профессиональные знания в области судебной экспертологии, в рамках которой разрабатываются специфические экспертные методы, учитывающие не только языковую специфику нейма как результата номинации, но и его криминалистическую составляющую [Соколова 2016: 91]. В то же время для исследования текстов экстремистской направленности лингвисту необходимы дополнительные знания в области судебного речеведения, законодательства о противодействии экстремистской деятельности, а также в области теории и практики судебной экспертизы [Подкатилина 2013: 50]. Важным является наличие у лингвиста (филолога) дополнительного профессионального образования (в форме переподготовки или повышения квалификации судебных экспертов по дополнительным

образовательным программам), отсутствие одного вызывает сомнения в наличии у языковеда или литературоведа, являющегося, например, преподавателем высшего учебного заведения, надлежащих компетенций (знаний, навыков и умений) по судебно-экспертной специальности, например, «Исследование продуктов речевой деятельности», по которой аттестуются государственные судебные эксперты Министерства юстиции РФ. Негосударственные судебные эксперты, осуществляющие нейминговую экспертизу, экспертизу рекламных текстов, результатов интеллектуальной деятельности, материалов экстремистской, диффамационной направленности и др. виды судебной лингвистической экспертизы, проходят добровольную сертификацию в НП «Палата судебных экспертов им. Ю. Г. Корухова» (г. Москва) [Судебная экспертология 2017].

В завершение хочется несколько слов сказать и о различии лингвистических методов, допустимых или не допустимых для использования в судебно-экспертной деятельности. Общие принципы допустимости метода или технологии в судебно-экспертном лингвистическом исследовании следующие:

1) принцип научной состоятельности метода, используемого при производстве судебной лингвистической экспертизы — это научная обоснованность метода, объективность и достоверность получаемого результата, надежность, воспроизводимость результатов, возможность их объективной проверки;

2) принцип законности; поскольку метод используется в сфере судопроизводства, он не должен видоизменять, подменять, модифицировать, повреждать, уничтожать объект исследования.

К числу недопустимых методов, видоизменяющих текст как объект судебно-экспертного исследования, относятся, в частности, методы ассоциативного эксперимента, синонимических преобразований, реферирования, объединения в «сложный отдельный текст» — СОТ, соединяющий в себе ряд устных или письменных текстов и некоторые другие [Галяшина 2017с].

6. Заключение

Современный высококвалифицированный лингвист, действующий в юридической сфере судебно-экспертной деятельности, должен иметь двойную компетенцию: обладать знаниями в области лингвистики и юриспруденции (судебной экспертологии), умениями

применять пригодные для судопроизводства экспертные лингвистические методы и средства, владеть языком судебного эксперта, обладать навыками применения экспертных методик (технологий). Частная теория судебной лингвистической экспертизы как самостоятельного рода судебных экспертиз разрабатывается в системе судебной экспертологии как юридической науки.

Судебный эксперт-лингвист, являющийся специалистом двойной компетенции, должен помимо знаний в материнских науках (филологии, лингвистике) и теории судебной экспертологии обладать глубокими юридическими знаниями, необходимыми для соотнесения и разграничения лингвистических фактов и правовых признаков речевого произведения, образующего состав правонарушения.

Судебно-экспертная деятельность лингвиста осуществляется в сфере судопроизводства, и потому она юридически детерминирована. Именно суд в конечном итоге является конечным потребителем экспертных «услуг» на рынке труда, оценивающим не только заключение эксперта как доказательство, но и профессиональное качество работы лингвиста. Игнорировать этот факт при проведении судебной лингвистической экспертизы контрпродуктивно.

Литература

- Баранов 2007 — А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта; Наука, 2007.
- Баранов 2016 — А. Н. Баранов. Методы и методики в лингвистической экспертизе текста // О. В. Барабаш (ред.). Язык. Право. Общество. Сборник статей IV международной научно-практической конференции. Пенза, 11–13 октября 2016. Пенза: Изд-во Пензенского гос. ун-та, 2016. С. 119–128.
- Бринев 2009 — К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: Изд-во Алтайской гос. пед. академии, 2009.
- Галяшина 2002 — Е. И. Галяшина. Использование специальных знаний в судопроизводстве // М. В. Горбаневский (ред.). Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. 3-е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002. С. 244–252.
- Галяшина 2003а — Е. И. Галяшина. Понятийные основы судебной лингвистической экспертизы // М. В. Горбаневский (ред.). Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах

- и информационных спорах: материалы науч.-практич. семинара. Ч. 2. М.: Галерея, 2003. С. 48–64.
- Галяшина 2003b — Е. И. Галяшина. Основы судебного речеведения. М.: СТЭНСИ, 2003.
- Галяшина 2008 — Е. И. Галяшина. Современное состояние и актуальные проблемы судебной лингвистической экспертизы в России и за рубежом // Российское право в Интернете. 2008. № 3. URL: <http://rpi.msal.ru/prints/200803%20galyashina.html> (Дата обращения 22.04.2019).
- Галяшина 2016 — Е. И. Галяшина. Доступ к профессии эксперта и паспорт экспертной специальности // Эксперт-криминалист. 2016. № 2. С. 30–33.
- Галяшина 2017a — Е. И. Галяшина. «О болевых точках» лингвистической экспертизы в уголовном судопроизводстве // Воронежские криминалистические чтения. 2017. № 2 (19). С. 121–131.
- Галяшина 2017b — Е. И. Галяшина. Специальные методы судебной лингвистической экспертизы и экспертные фантомы (размышления после прочтения криминалистических работ Р. С. Белкина) // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. Ч. 3. С. 33–39.
- Галяшина 2017с — Е. И. Галяшина. О допустимости методов судебной лингвистической экспертизы // Т. А. Кулибаев (ред.). Аубакировские чтения. Материалы международной научно-практической конференции. 19 февраля 2017 г. Алматы: Қазақстан Республикасы Ішкі Істер Министрлігі Алматы Академиясы, 2017. С. 19–21.
- Комиссарова 2010 — Я. В. Комиссарова. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2010.
- Кусов 2011 — Г. В. Кусов. Общие и частные задачи методологии судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 217–224.
- Подкатилина 2013 — М. Л. Подкатилина. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов. М.: Юрлитинформ, 2013.
- Россинская 2010 — Е. Р. Россинская. Генезис и проблемы развития новых родов и видов судебных экспертиз. Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3. С. 114–121.
- Соколова 2016 — Т. П. Соколова. Нейминговая экспертиза: организация и производство. М.: Юрлитинформ, 2016.
- Судебная экспертология 2017 — Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина (ред.). Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход). М.: Проспект, 2017.
- Судебно-экспертная деятельность 2017 — Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина (ред.). Судебно-экспертная деятельность: правовое, теоретическое и организационное обеспечение: учебник для аспирантуры по специальности 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность». М.: Норма; ИНФРА-М, 2017.

- Цена слова 2002 — М. В. Горбаневский (ред). Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации. 3-е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002.
- Чернышова 2012a — Т. В. Чернышова. Аналитико-экспертная деятельность: аспекты подготовки филолога-практика // Н. В. Панченко, Т. В. Чернышова, А. А. Чувакин (ред.). Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме: материалы Третьей международной научной конференции (Барнаул, 24–29 апреля 2012 г.). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2012. С. 315–318.
- Чернышова 2012b — Т. В. Чернышова. Методы исследовательской и практической деятельности в области коммуникации и текста как важнейшая составляющая подготовки бакалавра и магистра филологии // Филология и человек. 2012. № 4. С. 174–183.
- Чернышова 2015 — Т. В. Чернышова. Судебная лингвистическая экспертиза: аналитико-экспертная деятельность филолога-практика (Примерная программа профессиональной переподготовки педагогических работников общеобразовательных организаций) // Филология и человек. 2015. № 2. С. 177–183.

Источники

- Большой экономический словарь 2004 — А. Н. Азрилиян (ред.). Большой экономический словарь. 6-е, изд. доп. М.: Институт новой экономики, 2004.

References

- Baranov 2007 — A. N. Baranov. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic expertise of the text: theory and practice] Moscow: Flinta, Nauka, 2007.
- Baranov 2016 — A. N. Baranov. *Metody i metodiki v lingvisticheskoy ekspertize teksta* [Methods and techniques in linguistic text expertise]. O. V. Barabash (ed.). *Yazyk. Pravo. Obshchestvo. Sbornik statey IV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Penza, 11–13 oktyabrya 2016* [Language. Right. Society. Collection of articles of the IV international scientific-practical conference. Penza, 11–13 October 2016]. Penza: Penza State University Press, 2016. P. 119–128.
- Brinev 2009 — K. I. Brinev. *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza*. [Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise.] Barnaul: Altai State Pedagogical Academy Press, 2009.
- Chernyshova 2012a — T. V. Chernyshova. *Analitiko-ekspertnaya deyatel'nost: aspekty podgotovki filologa-praktika* [Analytical and expert activity:

- aspects of practicing philologists' training]. N. V. Panchenko, T. V. Chernyshova, A. A. Chuvakin (ed.). *Kommunikativistika v sovremennom mire: effektivnost i optimizatsiya rechevogo vzaimodeystviya v sotsiume: materialy Tret'yey mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Barnaul, 24–29 aprelya 2012 g.)*. [Communication studies in the modern world: efficiency and optimization of speech interaction in society: materials of the Third international scientific conference (Barnaul, April 24–29, 2012)]. Barnaul: Altai State University Press, 2012. P. 315–318.
- Chernyshova 2012b — T. V. Chernyshova. Metody issledovatel'skoy i prakticheskoy deyatel'nosti v oblasti kommunikatsii i teksta kak vazhneyshaya sostavlyayushchaya podgotovki bakalavra i magistra filologii [Methods of research and practice in the field of communication and text as an important component of bachelor and master of Philology]. *Filologiya i chelovek*. 2012. No 4. P. 174–183.
- Chernyshova 2015 — T. V. Chernyshova. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza: analitiko-ekspertnaya deyatel'nost filologa-praktika (Primernaya programma professional'noy perepodgotovki pedagogicheskikh rabotnikov obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy) [Forensic linguistic examination: the analytical and expert activities of a practicing philologist (A sample professional retraining program for the teaching staff of general education institutions)]. *Filologiya i chelovek*. 2015. No. 2. P. 177–183.
- Galyashina 2002 — E. I. Galyashina. Ispolzovanie spetsial'nykh znaniy v sudoproizvodstve [Use of special knowledge in legal proceedings]. M. V. Gorbanevskiy (ed.). *Tsena slova. Iz praktiki lingvisticheskikh ekspertiz tekstov SMI v sudebnykh protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii* [The Words' Value: Linguistic Expert Opinion Requested in Connection with Honor, Dignity and Business Reputation Defense, Claims Against the Media]. Moscow: Galeriya, 2002. P. 244–252.
- Galyashina 2003a — E. I. Galyashina. Ponyatiynye osnovy sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy [Conceptual foundations of forensic linguistic expertise]. M. V. Gorbanevskiy (ed.). *Teoriya i praktika lingvisticheskogo analiza tekstov SMI v sudebnykh ekspertizakh i informatsionnykh sporakh: materialy nauchno-prakticheskogo seminar'a* [Theory and practice of linguistic analysis of media texts in forensic examinations and information disputes: materials of a scientific research and practice seminar]. Pt. 2. Moscow: Galeriya, 2003.
- Galyashina 2003b — E. I. Galyashina. Osnovy sudebnogo rechevedeniya. [*The Foundation of the court receivedany*]. Moscow: STENSI. 2003.
- Galyashina 2008 — E. I. Galyashina. Sovremennoe sostoyanie i aktual'nyye problemy sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy v Rossii i za rubezhom [Current state and actual problems of forensic linguistic expertise in Russia and abroad]. *Rossiyskoe pravo v Internetе*. 2008. № 3. Available at: <http://rpi.msal.ru/prints/200803%20galyashina.html> (accessed on 22.04.2019).

- Galyashina 2016 — E. I. Galyashina. Dostup k professii eksperta i pasport ekspertnoy spetsialnosti [Access to the profession of expert and passport of expert specialty]. *Ekspert-kriminalist*. 2016. No 2. P. 30–33.
- Galyashina 2017a — E. I. Galyashina. «O bolevykh tochkakh» lingvisticheskoy ekspertizy v ugolovnom sudoproizvodstve ["On pain points" of linguistic expertise in criminal proceeding]. *Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya*. 2017. No. 2 (19). P. 121–131.
- Galyashina 2017b — E. I. Galyashina. Spetsialnye metody sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy i ekspertnye fantomy (razmyshleniya posle prochteniya kriminalisticheskikh rabot R. S. Belkina) [Special methods of forensic linguistic examination and expert phantoms (reflections after reading the forensic works of R. S. Belkin)]. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*. 2017. Vol. 12. Pt. 3. P. 33–39.
- Galyashina 2017c — E. I. Galyashina. O dopustimosti metodov sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy [On the admissibility of forensic linguistic examination methods]. T. A. Kulibaev (ed.). *Aubakirovskie chteniya. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 19 fevralya 2017 goda* [Aubakirov reading. Materials of the international scientific-practical conference. February 19, 2017]. Almaty: Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, 2017. P. 19–21.
- Komissarova 2010 — Ya. V. Komissarova. Kontseptualnye osnovy professionalnoy deyatel'nosti eksperta v ugolovnom sudoproizvodstve [Conceptual bases of professional activity of the expert in criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform, 2010.
- Kusov 2011 — G. V. Kusov. Obshchie i chastnye zadachi metodologii sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy [General and particular tasks of the methodology of forensic linguistic expertise]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2011. No. 5. P. 217–224.
- Podkatilina 2013 — M. L. Podkatilina. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza ekstremistskikh materialov [Judicial linguistic expertise of extremist materials]. Moscow: Yurlitinform, 2013.
- Rossinskaya 2014 — E. R. Rossinskaya. Genesis i problemy razvitiya novykh rodov i vidov sudebnykh ekspertiz [Genesis and problems of development of new genera and types of forensic examinations]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA)*. 2014. No. 3. P. 114–121.
- Sokolova 2016 — T. P. Sokolova. Neymingovaya ekspertiza: organizatsiya i proizvodstvo [Naming expertise: organization and production]. Moscow: Yurlitinform, 2016.
- Sudebnaya ekspertologiya 2017 — E. R. Rossinskaya, E. I. Galyashina (eds). Sudebnaya ekspertologiya: istoriya i sovremennost' (nauchnaya shkola, ekspertnaya praktika, kompetentnostnyy podkhod) [Forensic expertology: history and modernity (scientific school, expert practice, competency-based approach)]. Moscow: Prospekt, 2017.

- Sudebno-ekspertnaya deyatelnost 2017 — E. R. Rossinskaya, E. I. Galyashina (eds). Sudebno-ekspertnaya deyatelnost: pravovoye, teoreticheskoe i organizatsionnoe obespechenie: uchebnik dlya aspirantury po spetsialnosti 12.00.12 «*Kriminalistika; sudebno-ekspertnaya deyatelnost; operativno-rozysknaya deyatelnost*» [Forensic-expert activities: legal, theoretical and organizational support: a textbook for post-graduate studies in the specialty 12.00.12 "Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity"]. Moscow: Norma; INFRA-M, 2017.
- Tsena slova 2002 — M. V. Gorbanevskiy (ed.). Tsena slova: Iz praktiki lingvisticheskikh ekspertiz tekstov SMI v sudebnykh protsessakh po iskam o zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii [The Words' Value: Linguistic Expert Opinion Requested in Connection with Honor, Dignity and Business Reputation Defense, Claims Against the Media]. 3rd ed. Moscow: Galeriya. 2002.

Sources

- Bolshoy ekonomicheskiy slovar 2004 — A. N. Aprilian (ed.). Bolshoy ekonomicheskiy slovar [The Large Economic Dictionary]. Moscow: Institute of New Economy, 2004.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОМОНИМИЯ В ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ: ОПЫТ ТИПОЛОГИИ ПОД УГЛОМ ЗРЕНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ЗАДАЧ

Е. Н. Геккина

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
gekkinina@rambler.ru

Аннотация. В статье обосновывается возможность типологизации омонимичных высказываний с опорой на категориальные характеристики семантики зависимого элемента синтаксической конструкции, обозначающего компонент языковой ситуации. Необходимость и достаточность анализа категориальных признаков при разграничении типов омонимичных высказываний демонстрируется на материале разножанровых текстов из сферы деловой коммуникации. Выбор данного материала предопределен тем местом, какое он стал занимать в лингвоэкспертных исследованиях, а также его иллюстративным потенциалом в представленном опыте типологизации.

Ключевые слова: синтаксическая омонимия, неоднозначность, конструкция, лексическая семантика, грамматическая семантика, языковая ситуация, варьирование семантических признаков, деловой текст.

Syntactic ambiguity in business discourse: the typology experience from the perspective of the expert tasks

E. N. Gekkina

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
gekkinina@rambler.ru

Abstract. The paper describes a typology of ambiguous syntactic constructions, a task motivated by methodological and practical needs, as well as by stylistic peculiarities of texts undergoing linguistic

expertise. As is well known, the issue of syntactic homonymy was addressed earlier by applied linguists for purposes like machine-aided translation, automatic text processing or language teaching. The objects of forensic linguist are business texts reflecting everyday life or professional activities. In business texts, syntactic ambiguity represents a defect potentially leading to serious negative consequences. Linguists are in need of systematized and typologically calibrated parameters that could be applied in analyses and qualification of similar defective constructions as an instrument for resolving meta-language controversies or extra-linguistic (pragmatic) conflicts.

The paper substantiates a possibility to build a typology of ambiguous syntactic constructions based on categorial semantic features of dependent construction components denoting language situation components. These may represent a subject/object, an action parameter qualifier, or a commentary (with conditional, temporal, locative, or other meanings). The paper provides examples to prove the necessity and sufficiency of analyses of the categorial features of language situation components as a means for delimiting ambiguous syntactic construction types.

Analyzing syntactic homonymy as a specific “method” for by-variant measuring of categorial characteristics of language situation components can channel linguists’ attention to the generalized-substantive, logical level of text which, apparently, underlies the destructive mechanisms of grammatical ambiguity. It is obvious that prevention of syntactic homonymy or elimination of homonymy-generating conditions pose a specific task for business text authors.

Keywords: syntactic homonymy, ambiguity, construction, lexical semantics, semantics of grammar, variation of semantic features, business text.

1. Введение (из истории вопроса)

Явление синтаксической омонимии объяснимо находится в поле зрения специалистов, занимающихся решением прикладных лингвистических задач, таких как машинный перевод, автоматическая обработка текстов, методика обучения языку [Дрейзин 1966; Иорданская 1967; Сидорова, Белая 2011].

Существующие классификации также могут быть обусловлены практической необходимостью разграничения и интерпретации

всех возможных случаев синтаксической неоднозначности. В частности, хорошо известная классификация А. В. Гладкого опирается на структурные свойства омонимичных конструкций и допустимость вариантной «естественной разметки»: отнесения элемента X к двум разным лексемам или разной интерпретации синтаксического отношения двух элементов; это предопределило матрицу и метафорику *стрелочной, разметочной* и *конституентной* омонимии, как в «чистом», так в «комбинированном» виде [Гладкий 1985].

2. Постановка проблемы

Для эксперта-лингвиста обоснование типологизации синтаксических омонимов и необходимость описания разновидностей неоднозначных конструкций обуславливается предметом и целью исследования (вариантно интерпретируемый текст или его фрагменты и возможности их однозначного толкования), объемом и жанрово-стилистическим многообразием подлежащего исследованию материала, а также спецификой обстоятельств, в которых востребованы результаты такого исследования.

По спектру жанрово-стилистических и семантических характеристик и по «включенности» в действительность репрезентативны, в частности, материалы современной официальной и неофициальной деловой коммуникации. Факты деловой речи, обладающие потенциалом неоднозначности, становятся предметом экспертного анализа все чаще; но при этом результативность гипотетического, вероятностного толкования почти всегда здесь сведена к нулю. Адресанты и / или адресаты текстов на собственном опыте убеждаются в том, что неоднозначные конструкции приводят к рассогласованности действий и негативно влияют на показатели, имеющие денежное и товарно-сервисное выражение.

Экспертное исследование спорного делового текста неизбежно оказывается в рамках двухступенчатой инспекции. Оно должно удовлетворить требованиям объективированной ретроспекции и ответить на вопрос о том, какова лексическая и/или грамматическая природа неоднозначности высказываний. Но оно должно также определить соотношения, возникающие между высказанными сведениями и параметрами референтного события или ситуации, а это значит, что лингвисту в той или иной мере приходится принимать участие в установлении перспектив взаимодействия коммуникантов.

Диагноз «синтаксическая омонимия» обуславливает поиск опор однозначного толкования высказывания в контексте и/или в референтном событии. Но принцип «омонимию устраняет контекст и/или референтное событие (ситуация)» работает далеко не всегда. Деомонимизация синтаксических построений, если под нею понимать разрешение уже возникшей коллизии, в некоторых случаях может быть неосуществима. Например, смысловой неотчетливостью могут характеризоваться директивные высказывания, организующие поведение и деятельность людей, то есть высказывания, обращенные к будущему. Неясным может быть смысл описательных фрагментов деловых текстов, обращенных к событиям прошлого.

Лингвисту и в «толкуемом», и в «нетолкуемом» случае нужны системно и типологически выверенные ориентиры; также ему важно оперировать прозрачными и близкими к универсальным категориями и терминами, которые были бы понятны его собеседникам, в частности участвующим в судебном разбирательстве сторонам, и предоставляли бы им возможность наблюдать за направленностью доказательных процедур.

3. Теоретические предпосылки анализа материала

Языковые и метаязыковые факторы подводят нас к тому, чтобы рассматривать синтаксическую омонимию в ее «смысловом» измерении, в качестве препятствия в установлении точных характеристик обозначаемого события или ситуации. Соответственно, лингвистическую трактовку «омонимичных» случаев допустимо производить, апеллируя к событийным или ситуационным категориям, имеющим языковое воплощение. Для нас принципиально то, что эти категории структурно организованы или даже скреплены, поскольку понятие «языковая ситуация», как пишут Л. Н. Иорданская и И. А. Мельчук, подразумевает «некоторый сложный факт, т. е. множество фактов и сущностей, связанных отношениями зависимости в единую структуру», к которой отсылает языковая единица или которую отражает языковая единица [Иорданская, Мельчук 2007: 53–54].

В самом общем виде языковые ситуации и их участники представлены в описаниях абстрактного значения, или семантической структуры, простого предложения (см., в частности, [Русская грамматика 1980]). Опыт структурно-типологического изучения языков

и лингвоспецифические описания синтаксической семантики на материале других языков показывают, что результативен углубленный, предельно детализированный анализ «семантических членов предложения» (см. терминологию в работе [Сильницкий 2006: 138], с опорой на концепцию А. А. Холодовича, предполагающую разграничение семантики и синтаксиса и выявление системы соответствий между единицами этих двух уровней).

Уровень категориальной семантики, дифференцирующей компоненты языковой ситуации, представляется релевантным для решения экспертных задач, связанных с исследованием неоднозначных текстов и установлением семантико-функциональных свойств обуславливающих неоднозначность синтаксических единиц.

Уточним важное условие нашего опыта типологизации омонимичных высказываний: выявление и описание зоны «помехи» в них осуществляется в аспекте проблематики зависимого элемента, то есть опирается на «грамматику зависимостей», а не «грамматику составляющих».

4. Описание материала

В качестве материала выбраны простые по структуре предложения. Большая часть из них была предметом экспертного анализа; ряд примеров привлечены в качестве иллюстраций неоднозначных конструкций.

5. Анализ материала

«Семантический» подход позволяет провести разграничение высказываний и представить их в типологически близких объединениях.

Проблема толкования высказываний (1), (2), (3) связана с неопределенностью участника языковой ситуации в диапазоне позиций «субъект» — «объект» обозначенных действий. Формально (структурно) эта неопределенность обусловлена возможностью установления синтаксического отношения между разными предикатными словами либо возможностью вариантной трактовки синтаксического отношения между элементами конструкции.

- (1) *Я, Петров И. С., даю согласие на дарение квартиры моей жене Ларисе.*

Фрагмент из текста доверенности получает вариантную интерпретацию, поскольку компонент *жене Ларисе* может трактоваться, в частности, как а) адресат действия «согласие» ('я даю согласие жене Ларисе'); б) субъект / сосубъект действия «дарение» ('я даю согласие на то, чтобы моя жена Лариса подарила квартиру' / 'мы с женой Ларисой подарили квартиру кому-либо'); в) адресат-объект действия «дарение» ('я даю согласие на то, чтобы моей жене Ларисе подарили квартиру').

(2) *Партнерство гарантирует Участнику подключение к инженерным трассам.*

Фрагмент из текста договора, описывающий действия руководства коттеджным поселком и одного из жителей этого поселка, получает вариантную интерпретацию, поскольку компонент *Партнерство* может трактоваться как: а) субъект двух действий — «гарантирует» ('обеспечивает возможность подключения, создает условия для него') и «подключение [к трассам инженерных сетей]» ('выполняет подключение'; речь идет о подключении принадлежащих Участнику построек к трассам инженерных сетей); б) субъект одного действия «гарантирует». Компонент *Участнику* также может трактоваться двояко, в частности, как: а) объект-бенефициант действия «подключение [к трассам инженерных сетей]», выполняемого стороной *Партнерство* ('партнерство подключает участника к трассам инженерных сетей'); б) субъект действия «подключение» ('участник выполняет подключение к трассам инженерных сетей').

(3) *Торговых агентов просьба не беспокоить.*

В жанрово-стилистическом отношении текст представляет собой стандартный образец неофициального (бытового) объявления, обращенного к определенному или неопределенному кругу лиц и сообщающего, как правило, о необходимости или желательности выполнения неких действий либо о запрете выполнения действия. Анализируемый текст написан офисными сотрудниками и адресован представителям торговых организаций (ср.: *Просим торговых агентов не беспокоить нас*). Он обладает лексико-грамматическими особенностями, типичными для лаконичных сообщений; ср. фрагменты из подобных объявлений: о потерянных документах *Нашедшего просьба вернуть за вознаграждение*; о знакомстве *Женатых*

просьба не беспокоить. Синтаксические позиции компонентов здесь таковы, что допускают несколько трактовок синтаксических связей и отношений. В частности, компонент *торговых агентов* может рассматриваться как: а) адресат просьбы ('мы просим торговых агентов не беспокоить нас'); б) объект действия «беспокоить» ('мы просим не беспокоить торговых агентов'); в) субъект просьбы ('торговые агенты просят не беспокоить их / кого-либо').

Высказывания (4) и (5) отличает то, что совершенно определенный по семантическим особенностям компонент может быть отнесен только к одному из двух (или более) компонентов языковой ситуации.

(4) *Утвержден список экспертов для проверки работ участников экзамена 2 ноября..*

Фрагмент из информационного письма получает вариантную интерпретацию, поскольку темпоратив *2 ноября* может трактоваться как конкретизатор хронологических характеристик разных событий: «утверждение списка экспертов»; «экзамен»; «проверка работ».

(5) *Объем поручительства уменьшается на сто рублей за каждый один рубль задолженности сверх 20 млн рублей по обязательствам из договоров купли-продажи и 170 млн рублей по прочей задолженности.*

Фрагмент из текста договора получает вариантную интерпретацию, поскольку компонент математического действия *170 млн рублей по прочей задолженности* может быть включен в разные ряды однородных членов: а) в однородный ряд с вершиной «уменьшается», где в качестве первого члена выступает конструкция *на сто рублей за каждый один рубль задолженности сверх 20 млн рублей*; б) в однородный ряд, подчиненный звену [*задолженности*] *сверх* и подразумевающий суммирование *20 млн рублей [по обязательствам из договоров купли-продажи]* и *170 млн рублей по прочей задолженности* (анализ высказывания см.: [Геккина 2016: 276–279]).

Высказывания (6), (7), (8), (9) характеризуются семантическим варьированием, «спровоцированным» однородными членами предложения и распространителем, занимающим по отношению к ним препозицию или постпозицию. Неоднозначность обусловлена возможностью отнесения компонента, выраженного

распространителем и имеющего отчетливые семантические признаки, либо к одному из нескольких участников, либо сразу к нескольким участникам ситуации, обозначенным однородными членами предложения. Следует отметить относительную распространенность высказываний с такой структурно мотивированной неоднозначностью.

- (6) *Необходимы копии документов, подтверждающих наличие **отдельного** баланса, расчетного счета и начисление выплат.*

Фрагмент из нормативного акта получает вариантную интерпретацию, поскольку компонент *отдельного* может толковаться как конкретизатор одного или двух параметров финансовой деятельности субъекта: 1) одного параметра «баланс»; 2) двух параметров «баланс» и «расчетный счет». «Слабое» с точки зрения однозначного толкования звено конструкции — параметр «расчетный счет».

- (7) *При уменьшении температуры километровые расходы топлива увеличиваются, а дальность полета уменьшается на три процента.*

Фрагмент из текста документа получает вариантную интерпретацию, поскольку компонент *на три процента*, количественный показатель изменения, может трактоваться как конкретизатор 1) одного параметра «дальность полета» (*уменьшается*); 2) двух параметров «расходы топлива» (*увеличивается*) и «дальность полета» (*уменьшается*). «Слабое» с точки зрения однозначного толкования звено конструкции — параметр «расходы топлива».

- (8) *Организации используют воздушные суда, морские суда или суда внутреннего плавания по договору аренды.*

Фрагмент из текста договора получает вариантную интерпретацию, поскольку компонент *по договору аренды* с обстоятельственным условным значением может быть соотнесен с разным количеством объектов действия: а) только с объектом *суда внутреннего плавания*; соответственно, трактуется как конкретизатор действия с одним из трех объектов; б) со всеми тремя объектами *воздушные суда, морские суда, суда внутреннего плавания*; соответственно, трактуется как конкретизатор действия со всеми тремя объектами. «Слабые» с точки зрения однозначного толкования звенья конструкции — параметры «воздушные суда» и «морские суда».

- (9) *В границах водоохраных зон запрещается движение и стоянка транспортных средств, за исключением их движения по дорогам и стоянки на дорогах и в специально оборудованных местах, имеющих твердое покрытие*¹.

Фрагмент из текста Водного кодекса Российской Федерации получает вариантную интерпретацию, поскольку компонент *имеющих твёрдое покрытие*, обозначающий качественную характеристику, может трактоваться как конкретизатор одного или двух объектов: 1) одного локатива «специально оборудованные места»; 2) двух локативов «дорога» и «специально оборудованные места». Для толкования «слабое» звено конструкции — локатив «дорога»; ср. трактовку рыбаков, владельцев транспортных средств, оспаривающих штрафы рыбинспекции: «словосочетание *имеющих твёрдое покрытие* не на 100 % относится к дороге, а значит, можно двигаться и стоять на грунтовой дороге (обочине) в водоохранной зоне».

Высказывание может обладать потенциалом неоднозначности, созданным его разными участками, обозначающими различные компоненты языковой ситуации. Условно обозначим высказывание с несколькими участками омонимии «сложным». В качестве иллюстрации возьмем высказывание (10), в котором несколько разных участков порождают «смешанную» омонимию: *Банк организует страхование Клиента путем заключения в качестве Страхователя со Страховщиком Договора Страхования*. Это фрагмент текста, предназначенного для заемщиков Сбербанка, которым одновременно с получением кредита предлагается услуга страхования жизни и здоровья. Как минимум три участка процитированного высказывания могут иметь вариантное толкование. Во-первых, высказывание получает вариантную интерпретацию, поскольку компонент *путем заключения (договора)* со значением 'способ действия' может быть соотнесен с разными глагольными номинациями

¹ См. омонимичные высказывания, имеющие аналогичную структуру: *Установить дополнительный отпуск врачам-руководителям, их заместителям и специалистам, непосредственно участвующим в оказании медицинской помощи; Руководитель группы разрабатывает и утверждает нормативные и методические документы по вопросам обеспечения информационной безопасности информационно-телекоммуникационных систем и сетей критически важных объектов, информационных систем, созданных с использованием суперкомпьютерных и грид-технологий.*

и трактоваться как конкретизатор действия а) *организовывает* ('готовит' процедуру, в ходе которой будет осуществлено страхование); б) *страхование* ('осуществляет собственно страхование'). Во-вторых, высказывание получает вариантную интерпретацию, поскольку компонент *в качестве* + РОД с конкретизирующим значением 'статус субъекта действия' может трактоваться как а) 'одинарный' (выражен предложно-именной группой *в качестве Страхователя*); б) 'двойной' (выражен предложно-именной группой *в качестве Страхователя со Страховщиком*). Тему 'действие' раскрывает лексема *заключение* (но эта трактовка учитывает наиболее вероятный сценарий описания ситуации и близость лексемы к именной группе, между тем грамматические особенности предложения таковы, что допускают версии соотнесения субъекта с действиями, обозначенными лексемами *организовывает* и *страхование*; следовательно, даже если эти версии не согласуются с логикой реального события, читателю текста все равно необходимо их проверить). В-третьих, высказывание получает вариантную интерпретацию, поскольку компонент *Страховщиком* со значением 'субъект действия заключение договора' (при условии, что тему 'действие' раскрывает лексема *заклучение*) может трактоваться как участник сделки, которая заключается а) со страхователем; б) с клиентом (когда Страховщик действует совместно со Страхователем, то есть у субъекта действия двойной статус). Другими словами, если страховщик заключает договор, то с кем — со страхователем или с клиентом?

6. Заключение

Описание неоднозначных синтаксических конструкций возможно как экспликация вариантов толкования зависимого компонента в аспекте категорий языковой ситуации. Это позволяет группировать омонимичные высказывания на основе близости категориальных характеристик зоны варьирования, а соответственно, производить их семантическую типологизацию.

Высказывания разделяются на условно простые и сложные в зависимости от того, какое количество омонимичных участков они содержат. Если участков два или более и они различаются по семантическим признакам, то синтаксическую омонимию можно назвать смешанной.

Рассмотрение синтаксической омонимии как «способа» вариантного измерения категориальных характеристик компонентов языковой ситуации фокусирует внимание на обобщенно-содержательном, логико-смысловом уровне, на котором, как следует заключить, и функционирует деструктивный механизм грамматической неоднозначности.

Для экспертной практики, мотивировавшей выделение категориально близких в семантическом плане омонимичных высказываний, опыт такой типологизации и его результаты могут иметь не только практическую ценность, но и методологическую значимость.

У такого опыта может быть и полезное профилактическое следствие, если он поможет мобилизовать дополнительные силы авторов создаваемых текстов на то, чтобы предупредить или устранить синтаксическую омонимию там, где ее быть не должно.

Литература

- Геккина 2016 — Е. Н. Геккина. Время и деньги в сложных грамматических условиях: выбор интерпретации // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2016. Т. XII. Ч. 3. С. 275–290.
- Гладкий 1985 — А. В. Гладкий. Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения. М.: Просвещение, 1985.
- Дрейзин 1966 — Ф. А. Дрейзин. Синтаксическая омонимия: к постановке вопроса // *Машинный перевод и прикладная лингвистика*. Вып. 9. М.: ИМГПИИЯ, 1966. С. 38–43.
- Иорданская 1967 — Л. Н. Иорданская. Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза) // *Научно-техническая информация*. Серия 2. Информационные процессы и системы. 1967. № 5. С. 9–17.
- Иорданская, Мельчук 2007 — Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянских культур, 2007.
- Мельчук 1974 — И. А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – Текст»: Семантика, синтаксис. М.: Наука, 1974.
- Русская грамматика 1980 — Н. Ю. Шведова (ред.). *Русская грамматика: В 2-х т.* М.: Наука, 1980.
- Сидорова, Белая 2011 — М. Ю. Сидорова, Е. В. Белая. О синтаксической неоднозначности полипредикативных конструкций в русском языке (в сопоставлении с французским) // *Мир русского слова*. 2011. № 1. С. 9–16.

Сильницкий 2006 — Г. Г. Сильницкий. Двухуровневая модель предложения Теньера-Холодовича и современная синтаксическая теория // В. С. Храковский, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика (ред.). Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича. Материалы. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 136–141.

References

- Gekkina 2016 — E. N. Gekkina. Vremya i dengi v slozhnykh grammaticheskikh usloviyakh: vybor interpretatsii [Time and money in difficult grammatical conditions: the choice of interpretation]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2016. Vol. XII. Pt. 3. P. 275–290.
- Gladkiy 1985 — A. V. Gladkiy. Sintaksicheskie struktury yestestvennogo yazyka v avtomatizirovannykh sistemakh obshcheniya [Syntactic structures of natural language in automated communication systems]. Moscow: Prosveshcheniye, 1985.
- Dreyzin 1966 — F. A. Dreyzin. Sintaksicheskaya omonimiya: k postanovke voprosa [To the question of Syntactic homonymy]. *Mashinnyy perevod i prikladnaya lingvistika* [Machine Translation and Applied Linguistics]. Issue 9. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages, 1966. P. 38–43.
- Iordanskaya 1967 — L. N. Iordanskaya. Sintaksicheskaya omonimiya v russkom yazyke (s tochki zreniya avtomaticheskogo analiza i sinteza) [Syntactic homonymy in Russian (in terms of automatic analysis and synthesis)]. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Series 2. Informatsionnye protsessy i sistemy*. 1967. No. 5. P. 9–17.
- Iordanskaya, Mel'čuk 2007 — L. N. Iordanskaya, I. A. Mel'čuk. Smysl i sochetayemost v slovare [Meaning and compatibility in the dictionary]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2007.
- Mel'čuk 1974 — I. A. Mel'čuk. Opyt teorii lingvisticheskikh modeley «Smysl – Tekst»: Semantika, sintaksis [Experience of the theory of linguistic models “Sense – Text”: Semantics, syntax]. Moscow: Nauka, 1974.
- Russkaya grammatika 1980 — N. Yu. Shvedova (ed.). Russkaya grammatika [Russian grammar]. In 2 vol. Moscow: Nauka, 1980.
- Sidorova, Belaya 2011 — M. Yu. Sidorova, E. V. Belaya. O sintaksicheskoy neodnoznachnosti polipredikativnykh konstruktсий v russkom yazyke (v sopostavlenii s frantsuzskim) [On the syntactic ambiguity of polypredicative constructions in Russian (in comparison with the French)]. *Mir russkogo slova*. 2011. No. 1. P. 9–16.
- Silnitskiy 2006 — G. G. Silnitskiy. Dvukhurovnevaya model predlozheniya Tintera-Kholodovicha i sovremennaya sintaksicheskaya teoriya [Two-level

model of Tesnière-Kholodovich sentence and modern syntactic theory]. V. S. Xrakovskij, S. Yu. Dmitrenko, N. M. Zaika (ed.). *Problemy tipologii i obshchey lingvistiki. Mezhdunarodnaya konferentsiya, posvyashchennaya 100-letiyu so dnya rozhdeniya prof. A. A. Kholodovicha. Materialy* [Problems of typology and general linguistics. International conference dedicated to the centenary of the birth of prof. A. A. Kholodovich. Materials]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2006. P. 136–141.

О НОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ*

Н. В. Козловская

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
saga@kodeks.com

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема квалификации спорных высказываний в современной лингвистической экспертизе. Представлен обзор терминов, которые существенно соотносятся с устоявшимся понятием «утверждение о фактах»: фактивное высказывание, фактивное суждение, фактологичность. Общепринятый термин «утверждение о фактах» в ряде случаев заменяется на сходный: «утверждение о существовании фактов». На основе методов лексико-семантического и лексикографического анализа сделана попытка оспорить обоснованность использования термина «утверждение о существовании фактов» в лингвоэкспертной практике.

Ключевые слова: юрислингвистика, утверждение, лингвистическая экспертиза, утверждение о фактах, утверждение о существовании фактов, термин, терминологическая система, терминологизирующие, терминологизирующие, терминопорождающие тексты; терминологичность.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-012-00494 А «Лексико-семантическая неология в русском языке начала XXI века».

On new terms in modern forensic linguistics: the functional aspect

N. V. Kozlovskaya

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
saga@kodeks.com

The article addresses topical questions of terminology in modern Forensic Linguistics. Analysis shows objective difficulties arising where one tries to qualify controversial statements. As the terminology system of forensic linguistics is still in the process of formation, formally and semantically similar concepts are often used in linguistic expertise.

The article provides a brief overview of terms, which substantively correlate with the well-established notion of “fact statement”: *information, statement (evaluative statement), factual statement, factual judgment, factuality*.

The generally accepted term “fact statement” denoting this concept is part of the core legal terminology used in modern linguistics. Sometimes this term is replaced by a similar one: “statement about the existence of facts”. Building on lexico-semantic and lexicographic analysis, this paper attempts to challenge the eligibility of “statement about the existence of facts” as a term for forensic linguistic practices.

The article proves that the phrase “statement about the existence of facts” fails to conform to specific features expected of a term: a) it has no clear logical-semantic boundaries, and b) it is not found in other legalese-using texts or dictionaries. A lexicographical analysis revealed that the phrase “statement about the existence of facts” can be described as a sort of semantic tautology with clashing lexical meanings of the words “existence” and “facts”, both representing “reality”.

A semantic and lexicographical analysis of the usage of “statement about the existence of facts” proves its inappropriateness as a term for forensic linguistics.

The article argues that the phrase “fact statement” (the existence of the claim facts) cannot be accepted as a full-fledged or “mature” legal term.

Keywords: Forensic Linguistics, assessment, linguistic expertise, fact statement, term, term system, term-fixing text, term within text, term-generating text, terminability.

1. О метаязыке судебной лингвистической экспертизы

Проблематика статьи связана с процессами формирования и функционирования одного из участков метаязыка современной судебной лингвистической экспертизы: терминологические обозначения утверждений о фактах. Отправной точкой для исследования послужило использование отдельными экспертами необщепринятого терминологического словосочетания «утверждение о существовании фактов».

Термин «метаязык» представляется более удобным по сравнению с несколько громоздким терминологическим сочетанием «язык для специальных целей» (русская калька английского Language for Specific Purposes (LSP)). Вслед за И. С. Куликовой и Д. В. Салминой мы используем термин «метаязык» в обобщенном и в частновидовом смысле [Куликова, Салмина 2017]. При инвариантном употреблении термина на первый план выходит особая функция как сущность метаязыка, не зависящая ни от конкретного языкового воплощения, ни от описываемого объекта, в нашем случае — профессиональный лексикон лингвиста-эксперта. При употреблении термина в частновидовом смысле под метаязыком понимается «определенным образом сформировавшаяся и функционирующая в конкретной научной среде система терминов» [там же]: метаязык судебной лингвистической экспертизы.

В практике судебных лингвистических экспертиз по делам о защите чести и достоинства специалист должен квалифицировать ставшее предметом судебного спора высказывание как утверждение о факте, оценочное суждение, мнение или предположение. Одним из центральных понятий лингвистической экспертизы является «утверждение о фактах»: обозначающий данное понятие термин входит в ядро терминосистемы юрислингвистики как научно-практического раздела языкознания.

Несмотря на то, что понятие «утверждение о фактах» и его составляющие («факт», «утверждение») неоднократно охарактеризованы в многочисленных научных публикациях, в лингвистическом сообществе нет полного единства мнений относительно содержания данного термина. Несовпадение позиций экспертов, различие в понимании смысла понятия в ряде случаев приводят к серьезным ошибкам в квалификации содержания высказывания.

Вторая проблема связана с возникновением смежных понятий; этот процесс обусловлен излишней подвижностью, открытостью терминологической системы формирующейся области знания.

По справедливому замечанию А. А. Карагодина, «на примере утверждения о факте видно, что единого мнения о том, какими же признаками должна обладать данная форма, в юрислингвистической литературе нет. Одни лингвисты наполняют данное понятие логико-лингвистическим содержанием (эксперты ГЛЭДИС), другие, как например А. Н. Баранов, С. В. Доронина, используют для этих целей прагматические и семантические лингвистические теории (...). Для третьих (...) вообще нет четкого понимания того, какими языковыми признаками должны обладать утверждения о факте; фактически ими используется один признак — грамматическая форма повествовательного предложения» [Карагодин 2011: 472–473].

Основным объектом рассмотрения в настоящей статье является относительно новое словосочетание «утверждение о существовании фактов», встречающееся в некоторых экспертных заключениях наряду с общепринятым «утверждение о фактах». Представляется важным определить, насколько оно соответствует требованиям, предъявляемым к термину, и выявить его место в терминосистеме современной юрислингвистики.

2. «Утверждение о фактах» как термин судебной лингвистической экспертизы

Прежде чем перейти к анализу экспертного материала, представим краткий обзор терминов судебной лингвистической экспертизы, которые содержательно соотносятся с устоявшимся понятием «утверждение о фактах»: информация (дескриптивная, событийная), сведения, утверждение (оценочное утверждение), фактивное высказывание, фактивное суждение, фактологичность.

А. Н. Баранов соотносит *утверждение* как термин юрислингвистики с ассеторическими суждениями, в которых сказанное оценивается по критерию истинности. Утверждение как особый тип коммуникативного намерения противопоставляется предположению и выражению мнения [Баранов 2007: 25]. Идея ответственности говорящего за речевой выбор как важнейший аспект семантики утверждения раскрывается А. Н. Барановым в дефиниции термина: «Утверждение — это вербально передаваемая кому-л. информация

о том, что из нескольких возможностей имеет место некоторая одна, причем говорящий в той или иной степени берет на себя ответственность за сообщаемое, а сама информация передается в грамматической форме повествовательного предложения (...), которое не соотносится в явной форме с субъективными представлениями говорящего о действительности» [Баранов 2007: 32].

Модальный и онтологический критерии являются базовыми для выявления семантической и прагматической сущностей фактивного высказывания в большинстве работ, связанных с данной проблематикой. Так, С. В. Доронина признает главным признаком факта «объективность, внеаходимость по отношению к говорящему субъекту» [Доронина 2011: 344]. С семантической точки зрения фактуальность (фактивность) противопоставляется интерпретационности. С прагматической точки зрения различие фактивного суждения и мнения лежит в плоскости «объективное — субъективное»: «Фактивное суждение имеет внешний источник, оно представляет собой описание реально существующей ситуации. Мнение имеет ментальную природу, оно есть результат интеллектуального моделирования действительности» [Доронина 2011: 345].

На различие оппозиции «фактуальное / оценочное», «субъективное / объективное» в лингвистике и юридической сфере указывает Г. С. Иваненко: разница интерпретации указанной оппозиции лингвистами и юристами заключается в том, что в естественном языке и в лингвистике фактуальное и оценочное, субъективное и объективное неразрывно связаны, и эта связь проявляется в языковых единицах разных уровней. В юридической же сфере рассудочное и эмоциональное отграничены друг от друга, поэтому требование правовой системы к лингвистической экспертизе, заключающееся в необходимости строгой дифференциации фактуального и оценочного, часто порождает междисциплинарный конфликт (см.: [Иваненко 2006]).

М. А. Осадчий обоснованно отказывается от лингвистического термина «утверждение» в пользу правового термина «сведения», характеризуя последний с помощью четырех логико-лингвистических параметров. Реализация лексико-грамматического параметра заключается в наличии/отсутствии в спорном высказывании модальной рамки типа «мнение». Как пишет М. А. Осадчий, «этот параметр является самым простым и действенным» [Осадчий 2013: 31]. При отсутствии лексических маркеров субъективности используется

стилистический параметр: анализ экспрессивных изобразительных средств. Прагматический параметр сводится к выявлению интенций участников коммуникации. Особое внимание автор уделяет верификационному параметру, поскольку данный параметр не является собственно лингвистическим. Верификация факта осуществляется путем референции в область объективированных оценок, которые даются «в соответствии с какой-либо кодифицированной нормой на основании кодифицированного регламента» [Осадчий 2013: 49].

Для устранения терминологических разночтений Н. В. Обелюнас предложила использовать термины «событийная информация» (высказывание, достоверно отражающее на семантическом уровне какой-либо фрагмент реальности, которое можно верифицировать) и «оценочная информация» (высказывание, отражающее отношение говорящего к событийной информации). Для разграничения этих двух видов информации Н. В. Обелюнас использует формально-логический критерий (верифицируемость), связанный с формально-языковым (грамматически выраженная модальность). В этом случае, по мнению автора, «разграничиваются не факты и мнения, а утверждения о фактах и утверждения о ментальных состояниях говорящего, что отражается в модальности высказывания» [Обелюнас 2012: 14].

К. И. Бринев считает, что гносеологический критерий (заключающийся в том, что факт можно проверить на соответствие действительности, а мнение нет) не может быть положен в основание противопоставления фактов и мнения, прежде всего потому что «определение потенциальной проверяемости высказывания не входит в компетенцию лингвиста-эксперта» [Бринев 2014: 123]. С этой позицией не согласна О. В. Кукушкина, которая считает, что «лингвистические признаки конкретности и наблюдаемости события, о совершённости которого сообщается в утверждении, делают возможной его проверку на соответствие действительности» [Кукушкина 2016: 138]. Экспертом разработана методика, позволяющая отделить факты от мнений на основе четырех критериев: совершённость, верифицируемость, отсутствие альтернативы и побудительная («порочащая») цель.

Идею К. И. Бриневы о принципиальном различии юридической и лингвистической точек зрения на спорное речевое произведение развивает А. А. Карагодин, рассматривая юридическую оппозицию утверждения о факте и оценочного суждения, мнения,

предположения в сопоставлении с лингвистической оппозицией дескриптивной и оценочной информации в аспекте «описательное / предписательное», «факт / решение», см.: [Карагодин 2011, 2013]. Исследователь убежден, что некоторые спорные высказывания в принципе невозможно квалифицировать однозначно. К таким высказываниям А. А. Карагодин относит высказывания, «грамматически оформленные как повествовательные предложения, но содержащие фразеологизмы, метафоры и другие слова с эмоционально-экспрессивными компонентами значения, а также высказывания о будущих событиях, высказывания о намерениях другого лица» [Карагодин 2011: 474].

Сложность терминологического разграничения мнений и утверждений, а также проблема идентификации формы конкретных высказываний вызывают научные дискуссии, в ходе которых появляются новые термины и понятия. Так, Т. А. Распопова предлагает дополнить существующую в теории лингвистической экспертизы классификацию форм выражения высказывания (утверждение о фактах, мнение, предположение, оценочное суждение) оценочным утверждением. Под оценочным утверждением исследователь понимает «форму высказывания, сочетающую основную фактологическую информацию, эксплицирующую утверждение о факте, и дополнительную, оценочно-характеризующую информацию, репрезентирующую авторскую оценку этого факта» [Распопова 2017: 127]. Оценочные утверждения (например, «Х слепал дом»), по мнению Т. А. Распоповой, обладают свойством истинности-ложности и могут быть верифицированы.

3. Понятие «утверждение о существовании фактов»: содержание и дефиниция

Метаязык юрислингвистики пополняется двумя путями: новое понятие и обозначающий его термин выносятся на обсуждение экспертного сообщества или вводятся непосредственно в заключение специалиста.

Так, рассматриваемое в настоящей статье понятие «утверждение о существовании фактов» возникло именно в экспертной практике. Заслуживает особого упоминания тот факт, что «утверждение о существовании фактов» встречается только в одном из типов текстов, который в терминоведении принято называть

терминопорождающим. Различать терминопорождающие, терминопользующие и терминокфиксирующие тексты — в рамках подхода «от термина к тексту» — предложил В. М. Лейчик [Лейчик 2000: 20–30]. Текст экспертного заключения, в котором на основе процесса когниции происходит порождение нового знака метаязыка, является терминопорождающим. Терминопользующих текстов, в которых происходит восхождение на новый этап познания уже терминированного понятия «утверждение о существовании фактов», обнаружить не удалось. Важно отметить, что традиционно-го родо-видового определения новый термин не имеет, дефиниция носит описательный, контекстуальный характер: по сути дела, это анализ конкретного примера, сопровождающийся отсылками к судебным прецедентам ЕСПЧ. Считаю необходимым привести данный фрагмент текста полностью:

«Порочащий характер могут иметь также выраженные в утвердительной форме домыслы — выводы и суждения, в том числе негативно-оценочные, не основанные на каких-либо фактах. Высказывание *Иван склонен к коррупции* по форме является выводом, не подлежащим верификации, и само по себе не может быть проверено на соответствие действительности. Однако оно, несомненно, негативно характеризует Ивана и содержит пресуппозитивное утверждение о существовании фактов, позволяющих сделать данный вывод. Если говорящий не в состоянии привести истинные факты, на которых основан его вывод, такой вывод приравнивается к утверждению о фактах и должен быть признан порочащим; в противном случае он является обоснованным, позорит, но не порочит соответствующее лицо. Сами факты при этом могут быть изложены в тексте, соответствующие утверждения о фактах в этом случае подлежат верификации. При отсутствии в тексте информации о фактах, лежащих в основе вывода, эта информация может быть представлена автором текста в суд; ее достоверность может быть оценена судом. Данные положения нашли свое отражение в практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), который считает, что от издателей можно требовать демонстрации наличия у них достаточных фактических оснований в поддержку высказанного мнения. Так, в деле „Джерусалем против Австрии“ для защиты оценочного суждения от обвинений в диффамации ЕСПЧ потребовал наличия минимальной фактической основы: „Суд напоминает далее, что даже в случае, когда утверждение сводится к оценочному суждению,

пропорциональность вмешательства может зависеть от того, существует ли достаточное фактическое основание для опровергаемого утверждения, поскольку даже оценочное суждение, не имеющее под собой никакой фактической основы, может быть чрезмерным“. Эта позиция была изложена ЕСПЧ и в более ранних постановлениях, таких как „Де Хаэс и Гийселс против Бельгии“: „Если взглянуть на вещи в контексте данного дела, то обвинения, о которых идет речь, представляют собой не более чем мнения, истинность которых нельзя доказать по определению. Такие мнения могут быть преувеличенными и чрезмерными, в особенности при отсутствии какой-либо фактической основы...“» [Заключение 2012].

Представляется, что термин «утверждение о существовании фактов» трудно признать удачным и по форме, и по содержанию, поскольку в данном словосочетании наличествует семантическая тавтология, обусловленная совпадением компонентов лексических значений входящих в него слов («существование» и «действительность»). По данным Русского семантического словаря, *существование* (1) — это ‘наличие кого-чего-н в действительности, во времени и в пространстве’; *факт* — ‘действительное, вполне реальное событие, явление; то, что действительно произошло, происходит, существует’ [РСС III].

Наличие совпадающих сем подтверждается и при сопоставлении лексических множеств, членами которых являются компоненты анализируемого словосочетания. Лексема *существование* наряду с лексемами *бытие* ‘существование любых жизненных реалий’, *данность* ‘то, что дано, что есть в наличии, объективная действительность’; *реальность* ‘действительность, бытие, существование’ входит в лексическое множество «Бытие. Небытие. Существование. Жизнь. Общие обозначения», которое, в свою очередь, входит в лексический класс «Бытие, жизнь, ее ход и проявления». Лексема *факт* входит в множество «Общие обозначения бытийных деятельностных состояний» и в класс «Бытийные ситуации, деятельностные состояния, положения вещей, сложившиеся жизненные обстоятельства, факты».

Поскольку существование есть бытийное состояние, сочетание «утверждение о существовании фактов» представляется неудачным для обозначения термина, поскольку остается неясным, как различаются «утверждение о фактах» (т. е. о бытийном состоянии фактов) и «утверждение о существовании (бытийном состоянии) фактов».

Формальное и содержательное сходство, а также проблема различения терминов проявляется в том, что словосочетания «утверждение о фактах» и «утверждение о существовании фактов» могут быть переведены на английский язык одинаково (Fact Statement), что свидетельствует о значительной близости семантики этих словосочетаний и о потенциальной сложности их различения в практике правоприменения.

Вторая проблема, связанная с потенциальным использованием нового термина в реализации судебных решений, обусловлена полиморфностью (нежесткостью) семантики лексемы *склонный*. Полиморфными, или мягкими, С. Д. Шелов называет такие термины и дефиниции, которые допускают различную интерпретацию, и поясняет, что «речь идет не о языковой многозначности, полисемии в любых ее проявлениях, а именно о различной интерпретации одних и тех же языковых выражений» [Шелов 2003: 69].

Полиморфные компоненты лексического значения выявляются при анализе дефиниций, включенных в словарную статью Большого толкового словаря под ред. С. А. Кузнецова:

СКЛОННЫЙ, -ая, -ое; -онен, -онна, -онно. *к чему и с инф.*
1. Имеющий наклонность, способность к чему-л. *С. к наукам. С. к занятиям музыкой, живописью. С. философствовать. Мы склонны идеализировать того, кого любим.* 2. Предрасположенность к чему-л. *С. к полноте, к сутулости. С. к диабету, к простудным заболеваниям.* 3. *обычно кратк.* Расположенный к принятию каких-л. решений, мнений, к осуществлению чего-л. *Склонен принять ваше предложение. Я склонен думать иначе. Не склонен дискутировать по данному постановлению. Склонен к мирному урегулированию конфликта.* [БТС].

Семантика прилагательного *склонный* позволяет по-разному интерпретировать высказывание. Можно утверждать, что в предложении *Иван склонен к коррупции* нет ни одного точно устанавливаемого факта: в качестве факта подается скорее оценка. Прилагательное *склонный* (используемое в данном случае, скорее всего, во втором значении), является лексемой с полиморфной, нежесткой семантикой. И действительно: что значит *склонен*? Означает ли это, что Иван неоднократно давал / брал взятку? Нет. Так, из предложения *Марья склонна к полноте* вовсе не вытекает факт «Марья полная / толстая»; но что при соблюдении определенных

условий или совокупности условий Марья может растолстеть. *Склонен к диабету* означает, что при определенном условии тот, о ком идет речь, может заболеть. Следовательно, семантика предиката не позволяет однозначно оценить подобные высказывания как фактуальные.

Остановимся подробнее на двух примерах: *N склонен к коррупции* и *N склонен к воровству*. Второй пример взят из статьи О. В. Кукушкиной, которая пишет о том, что любая негативная информация и любое мнение несут в себе сообщение о некоем факте, то есть обязательно содержат фактологический компонент: «Факт может обходиться без мнения, но мнение без факта — нет. Оно всегда касается какого-то факта (совокупности фактов) и без него не существует. <...> То есть мнение всегда вторично — это реакция на какой-то факт в виде его квалификации, оценки, выражения эмоций по его поводу, принятия какого-то решения, связанного с фактом» [Кукушкина 2016: 136].

Характеризуя метод фактологического квадрата, О. В. Кукушкина предлагает критерий совершенности: чтобы извлечь фактологическую составляющую негативного сообщения, нужно задать следующий вопрос: что он (лицо, организация) совершил негативного, по словам говорящего? Автор выделяет в высказывании *N склонен к воровству* две составляющие: факт и мнение. На основе фактологической информации о том, что N совершил некие действия, можно сделать вывод, что он имеет наклонности вора, т. е. имеет желание, намерения красть [Кукушкина 2016: 137].

В силу полиморфности значения прилагательного *склонен* за его речевым употреблением не обязательно стоят какие-либо активные действия, тем более действия негативного характера. Так, мнение о том, что кто-либо склонен к коррупции или к воровству, может быть сформировано на основе анкетирования, опроса и даже на основе впечатления о внешности. Ярким примером может послужить знаменитая теория Чезаре Ломброзо, который ставил преступное поведение человека в прямую зависимость от внешних морфологических признаков: формы черепа, строения ушной раковины, расстояния между глазами и т. д.

Следовательно, пресуппозицией высказываний *N склонен к коррупции* и *N склонен к воровству* (условие истинности или условие осмысленности) является смысл: N существует. N человек. Импликатура высказываний зависит от контекста.

Традиционно в практике лингвистической экспертизы подобные высказывания квалифицируются как выводы, умозаключения, т. е. мнения. Высказывания типа *N склонен к коррупции* и *N склонен к воровству* являются мнением, сформулированным как вывод, или мнением, основанным на фактах. Поскольку характер этих фактов неясен, экспертная квалификация «утверждение о существовании фактов» может затруднить принятие правильного решения в судебном процессе. Формальный подход к словам полиморфной семантики может порождать нежелательные результаты.

Каждый случай такого рода требует особого рассмотрения. На наш взгляд, целесообразно выявлять экспликацию фактологической и нефактологической составляющих информации, изложенной в форме немаркированных утверждений, пользуясь традиционной терминологией.

4. «Утверждения о существовании фактов»: анализ экспертного заключения

Перейдем к анализу фрагментов экспертного заключения, в котором фигурирует анализируемое понятие. В рассматриваемом кейсе представлен анализ текста выступления депутата З. перед жителями одного из районов Санкт-Петербурга. Тема выступления — расселение аварийного дома. Исследование направлено на выявление наличия / отсутствия негативной информации о строительной компании А. и формы выражения данной информации.

Из объемного текста выступления выбран фрагмент, который содержит высказывания, квалифицированные экспертом-лингвистом как «утверждения о существовании фактов». Первый фрагмент спорного текста — отрывок из публичного выступления депутата.

- (1) *На депутатский прием неоднократно приходили жильцы домов и говорили: «Нам создают невыносимые условия». В первый период людей расселяли по хорошим условиям, и на это потенциальный застройщик шел намеренно, для того чтобы распространить позитивную информацию о себе, то дальше людей ставили перед выбором: «Даем два миллиона — и сразу выезжайте, иначе останетесь и без этих денег».*

С целью удобства анализа фрагмент разделен экспертом на коммуникативные блоки. В процессе анализа выявлено содержание

каждого блока, характер информации, приведено обоснование. Первый аналитический блок состоит из одного предложения: *На депутатский прием неоднократно приходили жильцы домов и говорили: «Нам создают невыносимые условия».*

На основе словарных данных эксперт выявляет следующее информационное содержание данного высказывания: в период времени, когда осуществлялось расселение домов в квартале N, ряд жителей в связи с указанным расселением неоднократно обращались к депутату З. с жалобами на создание для них со стороны фирмы-застройщика нестерпимых, болезненных, неприятных для них условий проживания.

Форма анализируемого высказывания определена экспертом как «негативное явное утверждение о фактах». Основанием для этого вывода являются следующие лингвистические признаки: маркеры предположительности отсутствуют; субъект описываемого данным высказыванием действия является личным, выражен формой множественного числа существительного *жители*, относящегося к лексико-семантическому разряду нарицательных обозначений человека.

Следующее предложение также выделено в отдельный аналитический блок:

- (2) *В первый период людей расселяли по хорошим условиям, и на это потенциальный застройщик шел намеренно, для того чтобы распространить эту позитивную информацию о себе, то дальше людей ставили перед выбором: «Даем два миллиона — и сразу выезжайте, иначе останетесь и без этих денег».*

Данное высказывание, по мнению эксперта, включает информацию различных типов: мнение и т.н. утверждение о существовании фактов. Сведения о том, что некая не названная в тексте организация (компания-застройщик) вначале осуществляла расселение жителей дома по хорошим (то есть таким, какими они должны быть) условиям, относятся к оценочному типу и выражены в форме мнения говорящего. В этой же форме представлены сведения аналитического типа о том, что компания-застройщик создавала хорошие условия расселения с целью распространения о себе положительных сведений, т. е. создания репутации надежного делового партнера.

В данном отрывке спорного текста экспертом выделены и два т. н. утверждения о существовании фактов.

Первое утверждение о существовании фактов:

- (3) *по завершении начального периода расселения компания-застройщик перешла к практике расселения посредством предложения жильцам выкупа находящегося у них в собственности жилья по цене 2 млн. руб.*

Использование термина «утверждение о существовании фактов» вместо общепринятого «утверждение о фактах» эксперт объяснил тем, что адресант не называл конкретные факты описанных коммерческих предложений, связанные с выкупом конкретных квартир. На основе этого обоснования (отсутствие конкретики, детализации) данные сведения в выводной части квалифицированы не как утверждение о фактах, а как некое утверждение о существовании фактов.

Аналогичным образом эксперт охарактеризовал и присоединительное придаточное *иначе останетесь и без этих денег*, квалифицировав его содержание как угрозу или предостережение.

В этом случае использование термина «утверждение о существовании фактов» эксперт обосновал так: информация носит фактический характер, выражена в утвердительной форме, однако конкретные факты описанных угроз или предостережений, относящиеся к предложению выкупа той или иной конкретной квартиры, говорящий не назвал.

Из анализа предложенных примеров становится очевидным смысловой компонент, который отличает встречающееся в отдельных экспертных заключениях понятие «утверждение о существовании фактов» от общепринятого «утверждение о фактах»: отсутствие конкретности, описания вполне точных, определенных фактов, деталей.

Заметим, однако, что данный элемент понятийного содержания представляется слишком неопределенным, чтобы быть положенным в основу терминологического различения. Полиморфность и отсутствие точных критериев признака порождает противоречия уже в рамках проанализированного спорного текста. Трудно установить, где именно проходит граница между понятиями «конкретные факты» и «отсутствие конкретных фактов». Так, в первом фрагменте текста точные, детализированные, определенные конкретные

факты не названы или не уточнены: неясно, насколько длительным был первый период расселения, кто, сколько раз и в каком количестве приходил на прием к депутату — тем не менее содержащиеся в высказывании сведения квалифицированы как «явное утверждение о фактах». Заметим также, что во втором высказывании точных и определенных сведений даже несколько больше: например, предложена конкретная сумма в 2 миллиона рублей.

Нельзя не отметить наличие противоречия между контекстуальным определением «утверждения о существовании фактов» и текстовым функционированием этого словосочетания. В преамбуле к экспертизе говорится о фактах, существующих в пресуппозиции, а в тексте экспертизы — только об отсутствии конкретных фактов. Следовательно, в теоретическом обосновании «существующие факты» — это какие-то факты, предшествующие анализируемой коммуникативной ситуации, а в экспертном кейсе — это факты, представленные обобщенно, неопределенно, без детализации.

Кроме того, при сопоставлении аналитических блоков выявляются схожие черты семантики некоторых слов (оценочный компонент лексем «хороший» и «невыносимый») и возникает вопрос: почему фрагмент высказывания о хороших условиях расселения квалифицирован как мнение, а сведения о невыносимых условиях — как утверждение о фактах.

По всей вероятности, квалификация высказывания *На депутатский прием неоднократно приходили жильцы домов и говорили: «Нам создают невыносимые условия»* как утверждения о фактах является необоснованной. Данное высказывание содержит два блока информации: 1) сообщение о том, что жители приходили с жалобами; 2) сообщение о том, что они (жители) говорили при этом.

Поскольку высказывание оформлено как предложение с прямой речью, его составляющие не могут анализироваться как единое целое.

Сведения о том, что жители приходили на прием к депутату, дескриптивны (описывают действия объективной действительности), объективны (не содержат маркеров выражения субъективного мнения) и верифицируемы (могут быть проверены на соответствие действительности по протоколам приемов). Это негативная информация в форме утверждения о фактах.

Сведения о том, что некие условия для жителей были невыносимы, являются выражением мнения, так как отсутствует объективный критерий их верификации.

Оба слова, образующие словосочетание *невыносимые условия*, характеризуются полиморфностью (неопределенностью), поскольку допускают различные интерпретации. В данном случае речь идет не о языковой многозначности, а именно о различной интерпретации разными людьми одних и тех же языковых выражений. Для разных людей словосочетание *невыносимые условия* будет наполнено разным смыслом: невозможно, к примеру, определить однозначную, четкую границу, с какого количества квадратных метров на человека условия становятся «невыносимыми», «нестерпимыми», «болезненными». Неопределенность семантики анализируемых понятий не позволяет характеризовать реплику жителей как явное утверждение о фактах.

Необоснованным является и вывод о наличии угрозы в высказывании: *«Даем два миллиона — и сразу выезжайте, иначе останетесь и без этих денег»*.

Угроза в лингвистике понимается как средство выражения агрессии в ситуации рассогласованного общения, использующееся говорящим для достижения определенной коммуникативной цели [Эпштейн 2009: 217]. При этом адресант сообщения способен осуществить наказание за негативно оцениваемое действие или бездействие слушающего.

К. И. Бринев характеризует угрозу как способ психического воздействия, с целью вынудить жертву (адресата) к определенным действиям. Угроза как форма речевого поведения предполагает построение высказывания (цепи высказываний) в соответствии с определенной моделью:

- А) Думаю, ты не хочешь, чтобы я сделал тебе нечто плохое.
- Б) Думаю, ты знаешь, что я могу сделать тебе нечто плохое.
- В) Хочу, чтобы ты думал/ знал: если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое.
- Г) Говорю: если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое.
- Д) Говорю это для того, чтобы ты не делал X [Бринев 2014: 158].

В анализируемом высказывании отсутствуют компоненты угрозы В и Г, так как в тексте говорится только о возможных последствиях (*«останетесь и без этих денег»*), но чем именно могут быть вызваны эти последствия (действиями застройщика или какими-то внешними причинами), не говорится. Поскольку в приведенном высказывании нет прямого указания на действие и на субъект этого

действия («я сделаю тебе нечто плохое»), признаков угрозы как формы речевого поведения здесь нет.

5. Отвечает ли словосочетание «утверждение о существовании фактов» требованиям, предъявляемым к термину?

Вернемся к анализу словосочетания «утверждение о существовании фактов» с точки зрения его терминологичности.

Системность анализируемой единицы языка для специальных целей, т. е. взаимосвязь с другими терминами терминологической системы, обусловлена внутрисистемными гиперо-гипонимическими связями лексемы «утверждение», благодаря которым термин предстает в качестве гипонима по отношению к гиперониму «утверждение» и является согипонимом по отношению к «утверждению о фактах».

Если на лексическом уровне системность анализируемого сочетания «утверждение о существовании фактов» очевидна, то о включенности его в терминосистему лингвоэкспертологии говорить преждевременно, так как оно не отражено в терминоиспользующих и терминофиксирующих текстах.

На современном этапе формирования юрислингвистической терминосистемы спорное словосочетание (предполагаемый термин) используется только в одном типе текстов, который по отношению к нему является терминопорождающим. Это говорит о том, что термин находится на стадии формирования.

Данный термин не является общепринятым среди экспертов. Конвенциональность и наличие дефиниции относятся к обязательным, сущностным, важнейшим свойствам термина. Так, Н. З. Котелова, анализируя специфику термина и терминологии как одного из разрядов лексики, выделяет конвенциональность как «основное, неповторимое качество термина» и говорит о конвенциональности наименования и содержания существующего знака-термина [Котелова 2015: 26]. Следовательно, термин должен быть известен сообществу ученых, пользующихся этим термином.

Второе сущностное свойство термина — это наличие у него строгой, точной дефиниции, однозначность содержания. Анализ контекстуальных определений показал, что словосочетание «утверждение о существовании фактов» может быть соотнесено

с несколькими родовыми идентификаторами, что свидетельствует об отсутствии одного из важнейших признаков термина: точность семантических границ. Содержательное наполнение понятия «утверждение о существовании фактов» пересекается с понятием «мнение» и в ряде случаев подменяет его.

Анализируемое словосочетание является номинативной единицей, за которой стоит явление метаязыка, не удовлетворяющее требованиям к терминам. Попытка квалифицировать эту номинацию как терминоподобие или предтермин не была осуществлена, так как в терминоведении не нашлось двух разных источников, в котором качественная и количественная характеристики терминоподобных единиц совпадали бы, поскольку их понятийное разведение крайне затруднительно.

Несмотря на наличие некоторой степени терминологичности, словосочетание «утверждение о существовании фактов» в настоящее время не может быть признано термином: вхождение термина в метаязык судебной лингвистической экспертизы требует, чтобы данный термин был «зрелым», сформировавшимся, общепринятым и имел строгие логико-семантические границы.

Подводя итог размышлениям о терминологичности словосочетания «утверждение о существовании фактов», можно сделать вывод о необоснованности его использования в экспертных заключениях.

Литература

- Баранов 2007 — А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта; Наука, 2007.
- Бринев 2014 — К. И. Бринев. Судебная лингвистическая экспертиза: Методология и методика. М.: Флинта; Наука, 2014.
- Доронина 2011 — С. В. Доронина. Факт: семантика и прагматика // Н. Д. Голев, К. И. Бринев (ред.). Юрислингвистика-11: Право как курс, текст и слово. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 2011.
- Иваненко 2006 — Г. С. Иваненко. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006.
- Куликова, Салмина 2017 — И. С. Куликова, Д. В. Салмина. Лингвистическая терминология в профессиональном аспекте. СПб.: Своё издательство, 2017.
- Карагодин 2011 — А. А. Карагодин. К вопросу о разграничении утверждений о факте и оценочных суждений в юрислингвистике // Н. Д. Голев,

- К. И. Бринев (ред.). Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 2011.
- Карагодин 2013 — А. А. Карагодин. Разграничение утверждений о фактах и оценочных суждений в ходе экспертного исследования спорного высказывания // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2013. № 12–2 (30). С. 86–89.
- Котелова 2015 — Н. З. Котелова. К вопросу о специфике термина // Н. З. Котелова. Избранные работы. СПб.: Нестор-История, 2015.
- Кукушкина 2016 — О. В. Кукушкина. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3(43). С. 132–145. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=34327369&selid=27161920>.
- Лейчик 2000 — В. М. Лейчик. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века // Вопросы филологии. 2000. № 2 (5). С. 20–30.
- Обелюнас 2012 — Н. В. Обелюнас. Конфликт интерпретаций текстов в аспекте оппозиции событийной и оценочной информации (на материале текстов российских СМИ). Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Кемеровский государственный университет, 2012.
- Осадчий 2013 — М. А. Осадчий. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
- Распопова 2017 — Т. А. Распопова. Утверждение о фактах, мнение, предположение и оценочное утверждение как формы выражения высказываний в лингвистической экспертизе // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований Брянского гос. ун-та. 2017. № 1 (9). С. 121–128.
- Шелов 2003 — С. Д. Шелов. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2003.
- Эпштейн 2009 — О. В. Эпштейн. Языковое оформление речевого акта угрозы (на материале английского политического дискурса) // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2009. № 1 (3). С. 216–220.

Источники

- БТС — С. А. Кузнецов (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.
- Заключение 2012 — Заключение комиссии экспертов-лингвистов № 39-10/12 от 22.10.2012 г. Электронный ресурс. URL: <http://www.rusexpert.ru/assets/files/expertizy/3.pdf> (дата обращения 27.07.2018).
- РСС III — Н. Ю. Шведова (ред.). Русский семантический словарь. Т. III: Имена существительные с абстрактным значением. М.: Азбуковник, 2003.

References

- Baranov 2007 — A. N. Baranov. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika [Linguistic expertise of the text: theory and practice]. Moscow: Flinta; Nauka, 2007.
- Brinev 2014 — K. I. Brinev. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza: Metodologiya i metodika [Forensic linguistic expertise: Methodology and methods]. Moscow: Flinta; Nauka, 2014.
- Doronina 2009 — S. V. Doronina. Fakt: semantika i pragmatika [Semantics and pragmatics of fact]. N. D. Golev, K. I. Brinev (eds.). *Yurilingvistika-11: Pravo kak diskurs, tekst i slovo* [Juridical linguistics-11: Law as a discourse, text and word]. Kemerovo: Kemerovo State University Press, 2011. P. 342–349.
- Ivanenko 2006 — G. S. Ivanenko. Lingvisticheskaya ekspertiza v protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva, delovoy reputatsii [Linguistic expertise in court cases on protection of honor, dignity and business reputation]. Chelyabinsk: Poligraf-Master, 2006.
- Kulikova, Salmina 2017 — I. S. Kulikova, D. V. Salmina. Lingvisticheskaya terminologiya v professionalnom aspekte [Linguistic terminology in professional aspect]. St. Petersburg: Svoye izdatelstvo, 2017.
- Karagodin 2011 — A. A. Karagodin. K voprosu o razgranichenii utverzheniy o fakte i otsenochnykh suzheniy v yurilingvistike [On the issue of differentiation of statements of fact and value judgments in Forensic Linguistics]. N. D. Golev, K. I. Brinev (eds.). *Yurilingvistika-11: Pravo kak diskurs, tekst i slovo* [Juridical linguistics-11: Law as a discourse, text and word]. Kemerovo: Kemerovo State University Press, 2011. P. 469–480.
- Karagodin 2013 — A. A. Karagodin. Razgranicheniye utverzheniy o faktakh i otsenochnykh suzheniy v khode ekspertnogo issledovaniya spornogo vyskazyvaniya [Differentiation of statements of facts and estimates in the course of expert study of the controversial statement]. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*. 2013. No. 12-2 (30). P. 86–89.
- Kotelova 2015 — N. Z. Kotelova. K voprosu o spetsifike termina [To the question of the specificity of the term]. N. Z. Kotelova. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2015.
- Kukushkina 2016 — O. V. Kukushkina. Negativnaya informatsiya: utverzhenie o fakte ili vyrazhenie mneniya? [Negative information: fact statement or opinion?] *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*. 2016. No. 3. P. 132–145.
- Leychik 2000 — V. M. Leychik. Problemy otechestvennogo terminovedeniya v kontse XX veka [Problems of terminology studies in Russia in the late XX century]. *Voprosy filologii*. 2000. No. 2. P. 20–30.
- Obelyunas 2012 — N. V. Obelyunas. Konflikt interpretatsiy tekstov v aspekte oppozitsii sobyitiynoy i otsenochnoy informatsii (na materiale tekstov rossiyskikh SMI) [Conflict of text interpretations in the aspect of opposition

- between event and evaluation information (based on the texts of Russian mass media). Author's abstract of a phil. cand. diss., Kemerovo State University]. Kemerovo, 2012.
- Osadchiy 2013 — M. A. Osadchiy. Russkiy yazyk na grani prava: Funktsionirovanie sovremennogo russkogo yazyka v usloviyakh pravovoy reglamentatsii rechi [Russian language on the verge of law: Functioning of the modern Russian language in terms of legal regulation of speech]. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2013.
- Raspopova 2017 — T. A. Raspopova. Utverzhdenie o faktakh, mnenie, predpolozhenie i otsenочноe utverzhdenie kak formy vyrazheniya vyskazyvaniy v lingvisticheskoy ekspertize [Statement of facts, Opinion, Assumption and Value statement as types of utterances in Forensic Linguistics]. *Yezhegodnik NII fundamentalnykh i prikladnykh issledovaniy Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. No. 1 (9). P. 121–128.
- Shelov 2003 — S. D. Shelov. Termin. Terminologichnost. Terminologicheskie opredeleniya [The Term. Terminology. Terminological definitions]. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University Press, 2003.
- Epshtein 2009 — O. V. Epshtein. Yazykovoe oformlenie rechevogo akta ugrozy (na materiale angliyskogo politicheskogo diskursa) [Language explication of a Threat Speech Act (based on English political discourse)]. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*. 2009. No 1 (3). P. 216–220.

Sources

- BTS — S. A. Kuznetsov (ed.). Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint, 1998.
- Zaklyuchenie 2012 — Zaklyuchenie komissii ekspertov-lingvistov № 39-10/12 ot 22.10.2012. [Conclusion of the Commission of Linguistic Experts № 39-10/12 from 22.10.2012] (online resource). Available at: [//www.rusexpert.ru/assets/files/expertizy/3.pdf](http://www.rusexpert.ru/assets/files/expertizy/3.pdf) (accessed on 27.07.2018).
- RSS III — N. Yu. Shvedova (ed.). Russkiy semanticheskii slovar [The Russian Semantic Dictionary]. Vol. III: Imena sushchestvitelnye s abstraktnym znacheniem [Nouns with abstract meaning]. Moscow: Azbukovnik, 2003.

ПРАГМАТИКА ОСКОРБЛЕНИЯ: ИНТЕРАКЦИОННЫЙ ПОДХОД К УНИЖЕНИЮ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА

Д. М. Колядов

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
dkoliadov@eu.spb.ru

Аннотация. В статье представлен анализ оскорбления во взаимодействии лицом к лицу с учетом точки зрения его участников. Оскорбление понимается в терминах теории вежливости как действие, угрожающее социальному лицу адресата. На основании методов разговорного анализа показывается, каким образом участники конфликтного взаимодействия учитывают намеренность, серьезность и весомость угрожающих социальному лицу действий и демонстрируют друг другу свое понимание происходящего.

Ключевые слова: оскорбление, унижение, социальное лицо, угрожающее лицу действие, разговорный анализ, теория вежливости, контекст, взаимодействие лицом к лицу.

The pragmatics of insult: an interactional approach to denigration of honour and dignity

D. M. Koliadov

Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
dkoliadov@eu.spb.ru

Abstract. In order to qualify a speech act as an insult, the expert must decide if the speech act: 1) represents denigration of another person's honour and dignity, and 2) was expressed in indecent form. Proving an act of denigration, however, is not so easy for experts as there is no strict legal/scientific definition of the categories 'honour' and 'dignity'. Therefore, in order to determine whether a particular speech act was denigrating for the speech interaction participants, one must inevitably

address the context of the speech act. The result may produce arbitrary qualifications based on experts' subjective notions of what is/isn't normal for the given participants in the given context. The article proposes a scientific definition of denigration in face-to-face interaction based on participants' viewpoints. It is argued that participants' subjective qualifications of interaction episodes can be objectively investigated. The problem of identifying speaker's actions as denigrating is reformulated in terms of the Brown and Levinson's theory of politeness. Honour and dignity are defined basing on the Goffman's concept of 'face'. Denigration is interpreted as an act that threatens addressee's 'face' and differs from other face-threatening acts (e.g., critical remarks, objection, conversational irony) in several respects, including in its being intentional, earnestly performed, and weighty enough. The methods of conversation analysis applied to a concrete example of conflict interaction lead to the conclusion that the participants of the interaction are well aware of the intentionality, weight, seriousness of their face-threatening actions and show their understanding of the situation to each other. The analysis of the participants' observable behaviour demonstrates that the denigrating character of particular utterances is of relevance to them.

Keywords: insult, denigration of honour and dignity, face, face threatening act, conversation analysis, theory of politeness, context, face-to-face interaction.

1. Постановка проблемы

По-видимому, можно утверждать, что для лингвистической экспертизы проблема унижения чести и достоинства в делах об оскорблении представляет самостоятельный интерес и не сводится к проблеме установления приличной или неприличной формы высказывания. С одной стороны, юридическое понимание оскорбления не является однородным. Оскорбление фигурирует не только в статье 5.61 КоАП РФ, но также в ряде статей УК, ГК, ТК РФ, причем «*неприличная форма*» не для всех из них является существенным признаком [Бринев 2017: 94–104; Изотова и др. 2016: 93]. С другой стороны, использование неприличных выражений (даже если эти выражения осуществляют референцию к адресату) не предполагает с необходимостью унижения чести и достоинства (о чем еще будет сказано ниже).

При этом, если установление приличности / неприличности формы кажется сравнительно непроблематичной задачей [Стернин и др. 2013: 3]¹, то вопрос об унижении чести и достоинства представляется более трудным для разрешения. Отчасти эти трудности, вероятно, связаны с юридической неопределенностью понятий «честь» и «достоинство» [Базылев и др. 2004: 11–13]. Как утверждают авторы цитируемой работы, «объективных, тем более операциональных критериев для доказательства того, что „унижение чести“ имело место, в законе и текстах права вообще нет» [Там же: 12].

Вторая трудность состоит в том, что при квалификации спорного высказывания как направленного на унижение чести и достоинства неизбежно приходится учитывать контекст, в котором данное высказывание появилось (ср. [Жельвис 2004: 293; Изотова и др. 2016: 95]). При этом может иметься в виду как словесный контекст, частью которого является высказывание, так и внелингвистические обстоятельства.

При этом и сам контекст, и его соотношение с высказываниями, которые в нем появляются, могут пониматься по-разному. Так, И. В. Утехин приводит противопоставление «позитивистского» и «феноменологического» пониманий контекста². В рамках первого понимания контекст рассматривается как информация «о некотором наборе характеристик среды, материальной и социальной, причем эти черты уже существуют в мире, независимо от действий людей, и мы можем определить, какие из них релевантны. При этом действия и контекст мыслятся отдельными друг от друга: действия происходят „в контексте“» [Утехин 2013: 92–93]. Этому пониманию противостоит «феноменологический» подход к контексту, в соответствии с которым контекст понимается как результат взаимодействия: «факты не даны заранее, а возникают как результат социального взаимодействия, открыты интерпретации и переинтерпретации и существуют лишь постольку, поскольку индивиды или группы распознают их и на них ориентируются» [Там же: 93].

Представляется, что как для отечественной научной традиции, так и для практики лингвистической экспертизы характерно именно первое — «позитивистское» — представление о контексте.

¹ Ср., однако [Бринев 2017: 123–126].

² О различных подходах к контексту см. также введение редакторов сборника «Rethinking Context» [Duranti, Goodwin 1992: 1–42].

Потенциальная оскорбительность того или иного выражения определяется исследователями на основании представлений о приемлемости / неприемлемости данных выражений среди представителей определенных социальных категорий. В качестве характерного примера можно привести следующую цитату из работы В. И. Жельвиса: «Юная девушка вправе оскорбиться, если в ее присутствии употребят слова типа „говно“ или „жопа“, а завсегдатая пивной может не задеть и самый грубый мат...» [Жельвис 2004: 293]³.

Такой подход к контексту, однако, не является вполне удовлетворительным при анализе коммуникативного взаимодействия, в том числе и в том, что касается вопроса об унижении / оскорблении. Дело не только в том, что можно привести контрпримеры, не согласующиеся с представлениями исследователей о манере общения и речевых привычках в тех или иных социальных слоях и средах. Проблема еще и в том, что, во-первых, если речь идет о цели говорящего [Изотова и др. 2016: 93–94], то необходимо показать, что действие является целенаправленным, намеренным, и, во-вторых, адресат (будь то юная девушка, пожилой профессор, завсегдатай пивной и т. д.) в конкретном случае может посчитать коммуникативное действие партнера унижающим, а может и нет. Иначе говоря, необходимо каким-то образом показать, что «унижение» было актуально для самих участников в момент взаимодействия.

Далее я хотел бы продемонстрировать возможное решение этой задачи, основанное на применении двух подходов из области лингвистической прагматики: теории вежливости и конверсационного анализа.

2. Методология

2.1. Теория вежливости

Одним из оснований теории вежливости П. Браун и С. Левинсона [Brown, Levinson 1987] является понятие *социального лица*

³ Ср. также экспертное заключение по делу «Мухамедова против Сададьского», опубликованное в сборнике «Цена слова»: «Сам стиль „Экспресс-газеты“ и публикации в ней, по нашим наблюдениям, позволяют автору более свободно обращаться со словом, в каком-то смысле считать, что слово *б**дь* для круга читателей „Экспресс-газеты“ не бранное, а свое, „житейское“, находящееся на самой грани просторечной лексики» [Цена слова 2001: 33].

(*face*), взятое из концептуального аппарата И. Гофмана. Социальное лицо Гофман определял следующим образом: «положительная социальная оценка, на которую фактически претендует индивид, следуя определенной линии поведения, которой, с точки зрения других, он придерживается в ходе конкретного взаимодействия» [Goffman 1967: 5]. Поддержание социальных лиц участников, как полагал Гофман, происходит во взаимодействии постоянно, хотя и не является целью взаимодействия. При этом такая работа является совместной — социальное лицо каждого участника зависит не только от его собственных действий, но и от действий его партнеров [Там же: 27–31].

На мой взгляд, понятие «социальное лицо» оказывается очень близким к понятиям «честь» и «достоинство», во всяком случае к тем их определениям, которые были предложены в [Базылев и др. 2004: 12–13]: «С правовой точки зрения честь — это сопровождающееся положительной оценкой отражение качеств лица (физического или юридического) в общественном сознании. (...) Достоинство есть ощущение человеком своей ценности как человека вообще, конкретной личности, профессионала и т. д.». На этом сходстве я основываюсь, предлагая ниже операционализацию «унижения» в терминах теории вежливости.

Браун и Левинсон развили эти идеи Гофмана. Они несколько модифицировали понятие социального лица, выделив в нем два аспекта: позитивный и негативный. Позитивное социальное лицо, по сути, сводится к желанию индивида получать одобрение и положительную оценку со стороны других и оказывается очень близким к социальному лицу у Гофмана. Негативное социальное лицо определяется через желание индивида не подвергаться ограничениям со стороны других. Эти ограничения могут выражаться в претензиях других на материальные и символические ресурсы, которыми обладает индивид (материальная собственность, время и пространство, в т. ч. социальное, свобода действий) [Brown, Levinson 1987: 61].

Одна из целей Браун и Левинсона состояла в том, чтобы объяснить повсеместно распространенные формы речевого поведения, «отклоняющиеся» от прямых, непосредственных и, потенциально, наиболее эффективных способов коммуникации [Там же: 55]. Очевидным примером такого «отклоняющегося» речевого действия может быть выражение просьбы не прямо, в форме императива

(*дайте / скажите / сделайте* и т. п.), а в форме вопроса (*не знаете / не подскажете / не могли бы...*). С их точки зрения, подобные и многие другие формы речевого поведения (косвенные речевые акты), охватываемые понятием *лингвистическая вежливость*, индивиды используют для того, чтобы поддерживать социальные лица друг друга.

В модели Браун и Левинсона (важно подчеркнуть, что речь идет именно о модели, а не об описании реального поведения) рационально действующий агент стремится к тому, чтобы оценить весомость потенциальной угрозы социальным лицам (своему и партнера по взаимодействию) и смягчать ее с помощью тех или иных конвенциональных (таких, например, как выражение просьбы в форме вопроса о способности адресата совершить некоторое действие) или неконвенциональных средств, адекватных угрозе.

Теория вежливости позволяет операционализировать понятие *чести и достоинства* (с помощью понятия *социального лица*), а также дает инструментарий для лингвистического анализа потенциально угрожающих социальному лицу адресата аспектов в конкретном высказывании. Эта теория позволяет установить исходя из формы высказывания с учетом некоторых контекстуальных параметров (власть, дистанция между участниками взаимодействия, «вес» угрозы определенного типа в определенном социокультурном контексте), насколько значимой может быть угроза, чему именно угрожает действие, присутствуют ли действия, направленные на смягчение угрозы, и т. п. При этом модель Браун и Левинсона позволяет учесть не только те выражения, которые осуществляют референцию к адресату (вопрос, который нередко возникает при разговоре об экспертизе высказываний, проходящих по статье КоАП 5.61), но и таких слов и выражений, где референции к адресату нет.

Одновременно применение этой модели порождает и существенные трудности с точки зрения рассматриваемой проблемы. Во-первых, теория вежливости охватывает слишком широкий спектр явлений: потенциально любое речевое действие содержит угрозу лицу. Достаточно сказать, что вопрос (независимо от его содержания) является претензией спрашивающего на время адресата и информацию, которой тот обладает, а также ограничивает свободу его действий (возможно, адресат не желал бы вступать во взаимодействие со спрашивающим). Во-вторых, модель Браун и Левинсона мало что говорит о том, как оценивают определенные действия

участники взаимодействия (как вежливые, грубые, нейтральные, в какой степени вежливые или грубые и т. п.), на что указывали критики теории вежливости (см. обзор [Руднева 2016: 218–220]).

Поскольку речь заходит о перспективе участников взаимодействия, продуктивным представляется обращение к другому подходу, находящемуся на стыке микросоциологии и лингвистической прагматики — разговорному анализу (далее КА).

2.2. Конверсационный анализ

Прежде чем перейти к анализу материала, нужно остановиться на двух методологических положениях, существенных в данном контексте⁴. Во-первых, в центре внимания оказываются не изолированные высказывания, а последовательности, в которые эти высказывания складываются [Stivers 2013]. При этом о прагматике того или иного слова, высказывания или его фрагмента исследователь судит не только по разного рода эксплицитным комментариям говорящего (*я тебя предупреждаю...*, *я хочу сказать, что / имею в виду / и. т. п. ...; сейчас я обращусь к критике данного подхода...*) или формальным лингвистическим признакам, указывающим на прагматику (ср. признак *неприличная форма* при анализе потенциальных оскорблений [Изотова и др. 2016: 94]), но и по тому, как организована последовательность взаимодействия. Чаще всего (хотя и не исключительно), внимание направлено на непосредственно примыкающие друг к другу реплики, поскольку ответное действие одного из участников показывает, как было воспринято предыдущее действие. Для иллюстрации этого тезиса можно привести пример из статьи И. В. Утехина [Утехин 2013: 82] (заимствованный из работы Герберта Кларка и несколько видоизмененный автором):

Что сказал А	Как понял Б	Как Б отреагировал
Присядьте здесь	Приказ	Есть!
Присядьте здесь	Предложение	Спасибо, я постою.
Присядьте здесь	Совет	Хорошая мысль

⁴ Подробное изложение принципов КА можно найти, например, в [Levinson 1983: 284–370] (с лингвистической точки зрения) и [Heritage 1984: 232–292]. На русском языке см. также [Корбут 2015].

Другое принципиальное методологическое требование КА состоит в том, что исследователь, утверждая нечто относительно смысла и причин определенных высказываний, должен исходить из материала — а именно из того, что делают участники взаимодействия и что отражено в транскрипции. Так, например, если утверждается, что ход взаимодействия обусловлен институциональными ролями его участников (например, врача и пациента), исследователь должен показать, что эти роли оказываются актуальными для самих участников и это проявляется в их репликах [Drew, Heritage 1995: 20–21].

3. Анализ материала

Для того чтобы продемонстрировать возможности данного подхода, обратимся к анализу одного из эпизодов конкретного речевого события: взаимодействия между Филиппом Киркоровым и Ириной Ароян на пресс-конференции в Ростове-на-Дону в 2004 г.⁵

*Киркоров — Ароян, пресс-конференция (20.05.2004, Ростов-на-Дону)*⁶

(ФК — Филипп Киркоров, ИА — Ирина Ароян, АС — Анастасия Стоцкая, Ж1, Ж2 — журналисты)

	1	тогда можно вопрос тогда к вам Филипп .
ИА	2	скажите а чем обусловлено столь большое количество ремейков в вашем репертуаре: это нехватка новых мелодий //новых авторов или
	3	
ФК	4	//а: назовите, пожалуйста количество ремейков э: в моем репертуаре . кроме Мама шика дам и Вива ля дива
ИА	6	а: Квин

⁵ Главная причина, по которой был выбран данный материал, состоит в известности и доступности не только самого случая, но и экспертного заключения А. Н. Баранова [Баранов 2007: 537–552] по нему. Это дает читателю возможность критически взглянуть на представленный ниже разбор, сравнив его с существующим анализом, основанным на других методологических позициях.

⁶ Транскрипция была сделана на основе двух источников: стенограммы пресс-конференции, доступной на сайте электронного журнала Текстология.ру <<http://www.textology.ru/article.aspx?aId=156>>, и видеозаписи, размещенной в сети Интернет и доступной по адресу: <<https://www.youtube.com/watch?v=DJjziQcOTo4>>. Транскрипционные обозначения см. в Приложении.

- ФК** 7 что
- ИА** 8 Квин . вот последнее что я слышала на: (с хором Ту-
9 рецкого?)
//((нрзб)
- 10 //так вот вы объясняйте что это был хор Турецкого пни-
11 маете да . и: да но это был репертуар хора Турецкого
12 и в этом концерте были все ремейки . назовите хоть одно
ФК 13 произведение . в этом концерте в которое бы хор Турецко-
14 го спел как самостоятельное а что Басков пел не ремейки
15 . исполняя Калинку-малинку или ((вдох)) Мурка: а: и все
такое это как по вашему тоже нехватка репертуара как вы
считаете
- ИА** 16 //(я не сказала что?)
17 //а я считаю что это . я считаю что это тематический кон-
18 церт в котором были исполнены и Куин и были испол-
ФК 19 нены и: Бамирбистушейн тоже и- и- песня на иврите
20 вы:- обозначили . э:: количество огромное количество ре-
мейков я вас прошу назвать это огромное количество
- ИА** 21 я сразу не назову//
//ну так вы же отвечайте за свои слова . Я ВАМ НАЗО-
22 ВУ ДВА РЕМЕЙКА В СВОЕМ РЕПЕРТУАРЕ . Ой мама
23 шика дам и Вива ля дива а п. теперь я назову . список .
ФК 24 оригинальных песен которые принесли мне популярность
25 и за которые меня собсно говоря наверно за эти двадцать
26 лет х: э:: народ уже: полюбил и уважает . ну вам начать
27 список .ИЛИ ВАМ СНАЧАЛА КОЛИЧЕСТВО РЕМЕЙ-
КОВ
- ИА** 28 никто не требует//
- ФК** 29 //значит пожалуйста . пожалуйста
- ИА** 30 (нрзб)//
//секундочку >вы отвечайте за свои слова я буду отвечать
31 за свои< . значит начнем сначала . Атлантида . собствен-
ФК 32 ная песня . ((взгляд на ИА)) собственная песня . ЧЕ ВЫ
33 МЕНЯ ФОТОГРАФИРУЕТЕ ВЫ СЛУШАЙТЕ .
- ИА** 34 я слушаю=
= Атлантида дальше Тытыгы . чья песня кто исполнял .
ФК 35 Небо и земля кто исполнял . Дана Интернешнл . ш- ш-
36 Таркан Рики Мартин . а
- ИА** 37 (Филипп я не пыталась умалить ваших заслуг и досто-
инств?)

- ФК** 38 Зайка моя кто . Марина . Я поднимаю свой бокал
- ИА** 39 (Филипп да мы знаем что вы великий?)
да я знаю что я великий . да дальше кто . дальше
40 дальше песни ремейки я ду- я жду в своем репертуар-
41 ре исполнения . Небо и земля пошли дальше Я под-
42 нимаю свой бокал Марина Я не рафаэль это кто пел
43 все Софи Лорэ:н . Тина Тёрнер Элтон Джо:н . а .
ФК 44 все ((отворачивается от ИА)) я больше с вами не хо-
45 чу разговаривать дальше следующий вопрос про-
46 сто я не люблю разговаривать не с профессионалами
47 пнимае када говорят БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО
РЕМЕЙКОВ (1)
БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО РЕМЕЙКОВ=
48 =третий канал эмтиви Настя к вам вопрос для вас Филипп
Ж1 49 что больше продюссер учитель гуру э: либо кумир рядом
50 с которым вам очень нравится выступать . три позиции
что больше (2)
51 ну я не разделяю как-то эти вещи . он для меня и друг
АС 52 и кумир и учитель и продюссер х:: поэтому: что-то боль-
53 ше чему-то больше отдавать . ккое-то процентное отноше-
ние . я не могу
- Ж1** 54 Настя а вот вы чему уже научились от Филиппа Киркоро-
ва
- ФК** 55 ремейки делать
56 ((смех))
- ФК** 57 я не хоч_у чтобы вы меня фотографировали ((ручкой ука-
58 зывает на ИА)) вы мне надоели . меня раздражают ваша
розовая кофточка ваши сиськи и ваш микрофон
59 ((смех))
- ФК** 60 да а
- ?** 61 (нрзб)
- ИА** → 62 вы не против если я так и напишу
а . да мне- да мне по х** как вы напишете . также как
и вы (2)
63 я не люблю непро- непрофессионалов (1)
ФК 64 непрофессионалам тут делать нечего >вы что хо-
65 тите чтобы я шас ушел отсюда< я уйду (1) я не уй-
66 ду >потому что уважаю других ваших коллег< . а вы
67 отсюда уйдете (3) все взяла и ушла ((мотает головой
в сторону)) отсюда (2) встали и ушли

- ИА** → **68** вы считаете вы ведете себя норма//льно
69 //ДА Я СЧИТАЮ НОРМАЛЬНО ВСТАЛА И УШЛА ОТ-
70 СЮДА (3) ремейки ей видите ли . большое количество
ФК **71** ((бросает ручку)) НА ПРЕСС КОНФЕРЕНЦИИ К ЗВЕЗ-
72 ДАМ НАДО ПРИХОДИТЬ ПОДГОТОВЛЕННЫМИ .
73 А НЕ ТАК КАК ВЫ: . ВЧЕРА У ПОДВОРОТНИ А СЕ-
 ГОДНЯ ЗДЕСЬ НА ВТОРОМ РЯДУ (1)
Ж2 **74** (нрзб?)
ИА **75** у подворотни //(нрзб)
ФК **76** //все ДОСВИДАНИЯ
ИА **77** до свидания
ФК **78** досвиднь- ДАСЬВИДАНИЯ ГАВАРИТЕ СНАЧАЛА
79 ДА на-научитесь гаварить //сначала па ру:ски да: да сви-
 дания все
ИА → **80** //(а вы научитесь себя вести?) звезда
Ж2 **81** (нрзб?)
ФК **82** да ((поворачивается к ИА?)) п**да

Представленное речевое взаимодействие распадается на два эпизода. Первый эпизод (строки 1–47) начинается с вопроса Ирины Ароян (строки 1–3). Как уже говорилось, с точки зрения теории вежливости, вопрос является действием, угрожающим негативному лицу адресата, ограничивающим его свободу действий, принуждая делиться информацией, вступать в контакт со спрашивающим и т. п. Тем не менее очевидно, что в данном контексте угроза оказывается несущественной: пресс-конференция предполагает вопросы ньюсмейкеру со стороны журналистов.

Однако формулировка *столь большое количество ремейков в вашем репертуаре* приводит к неожиданному развитию событий. Анализ действий Киркорова показывает, что эти слова журналистки он, вероятно, воспринял как угрожающие его социальному лицу — указывающие на его неполноценность в качестве популярного исполнителя. Ср. формулировку, которой Киркоров предваряет перечисление собственного репертуара оригинальных песен (строки 23–26):

- (1) *а п. теперь я назову . список . оригинальных песен которые принесли мне популярность и за которые меня собсно говоря наверно за эти двадцать лет х: э: народ уже: полюбил и уважает.*

При этом Киркоров своими ответными действиями не просто отводит угрозу от собственного социального лица, но одновременно совершает действие, угрожающее социальному лицу задавшей вопрос журналистки — говорит о ее непрофессионализме⁷. Более того, эта угроза не просто не смягчается, но усиливается разнообразными средствами: просодическим оформлением, использованием прямых директивных речевых актов (строки 31, 33), резким завершением разговора (строки 44–45), влияющим одновременно и на негативное лицо журналистки (переводя ее из роли непосредственного адресата в роль члена аудитории, т. е. ограничивая интеракционный статус и, тем самым, свободу действий), и на ее позитивное лицо (показывая, что говорящий считает ее недостойной того, чтобы продолжать с ней разговор). При этом объяснение, которое дается завершению эпизода

(2) *просто я не люблю разговаривать не с профессионалами*

опять-таки усиливает угрозу (позитивному) социальному лицу: в качестве причины инцидента и его резкого завершения, говорящий ссылается на свойства собеседника, выставляющие его в невыгодном свете.

Нужно сказать, что описанные действия Киркорова довольно точно соответствуют семантической экспликации, которую А. Вежбицка предложила для описания иллокутивной силы оскорбления *You X! [neg] (idiot / fool / liar* и т. п.): говорящий считает, что адресат совершил нечто плохое, и хочет, чтобы адресат знал о негативных чувствах говорящего, связанных с действием адресата; чтобы сообщить об этом адресату, а также для того, чтобы адресат почувствовал себя плохо, говорящий произносит определенное высказывание [Wierzbicka 1991: 232–233].

Вместе с тем нужно отметить еще одно обстоятельство. Как видно из транскрипции, Арьян несколько раз пытается остановить Киркорова, уточнить смысл собственного высказывания

⁷ Можно заметить, что и предполагаемый Киркоровым смысл реплики Арьян, и высказывания самого Киркорова в ее адрес объединены одной общей темой — несоответствия исполнителя исполняемой социальной роли (популярного певца, профессионального журналиста). Отметим и то, что это согласуется с интерпретацией Гоффманом потери социального лица как выявления несоответствия между поведением индивида и тем образом, на который он в данном взаимодействии претендует [Goffman 1967: 9].

и завершить разговор на эту тему (строки 16, 28, 37)⁸. Однако она не оспаривает сами его действия и не показывает сколько-нибудь явно, что эти действия для нее неприемлемы.

Теперь обратимся к анализу второго эпизода (строки 54–82). Он начинается с иронического замечания Киркорова, возвращающего взаимодействие к инциденту, который казался исчерпанным⁹.

Может показаться, что следующее за этим непосредственное обращение Киркорова к Ароян (строки 57–58) не отличается от его действий в первом эпизоде. Он точно так же никак не смягчает выражение негативных эмоций по отношению к адресату, но подчеркнуто усиливает их, направляя на адресата, что выражается и вербально (*вы мне надоели* — ср. **мне надоело... , *мне не нравится...*), и невербально — указательным жестом (строка 57)¹⁰.

Однако есть и существенное отличие между первым и вторым эпизодом. Если в первом эпизоде основной темой был некорректный с точки зрения Киркорова вопрос Ароян и ее непрофессионализм, то в возобновившемся диалоге темой становятся внешние характеристики журналистки, которые к контексту — вопросу, заданному ИА вначале, и ее профессиональным качествам — не имеют отношения.

И эта разница оказывается значимой для Ароян, о чем позволяет судить ее ответная реакция (строка 62):

(3) *вы не против если я так и напишу.*

⁸ Отметим, что все эти попытки Киркоров игнорирует или отвергает (строка 31), не давая тем самым возможности для «мирного» завершения речевого обмена.

⁹ Можно предположить, что данная реплика Киркорова связана с предшествующими действиями: как следует из формулировки, она является реакцией на фотографирование. При этом само по себе фотографирование, с одной стороны, не является коммуникативным действием, а с другой — является вполне уместным в контексте пресс-конференции. Впрочем, стоит отметить, что Ароян фотографирует Киркорова после того, как тот снова отпускает иронический комментарий, направленный на нее.

¹⁰ Ср. в связи с этим стратегию имперсонализации, которую Браун и Левинсон выделили в качестве стратегии поддержания негативного лица. Она выражается, в частности, в избегании или плюрализации местоимений 1-го и 2-го лица, использовании пассивного залога и безличных конструкций, использовании вежливых форм обращения («отклоняющихся» от «прямой» формы: показателей 2-го лица единственного числа) [Brown, Levinson 1987: 192–206].

Если говорить о прагматике этого высказывания, то оно является угрозой Киркорову (а не, например, просьбой), которая может быть переформулирована следующим образом:

я хочу, чтобы вы знали, что я опубликую / могу / собираюсь опубликовать то, что вы сейчас сказали, т. е. придать ваши слова широкой огласке.

т. е. в отличие от действий журналистки в первом эпизоде, направленных на то, чтобы извиниться и уточнить смысл своего высказывания, данная реплика является действием, где есть целенаправленная (в отличие от вопроса, заданного в самом начале) угроза социальному лицу Киркорова: обещание совершить некоторое действие, опасное для его репутации в будущем¹¹.

Но в данном случае важно, что само по себе появление угрозы указывает на то, что предшествующее действие оказывается в каком-то смысле ненормальным для Ароян. Для сравнения можно вспомнить, что в предыдущих случаях комментарии Ароян относились к ее собственным словам:

- (4) *я не сказала что*
- (5) *никто не требует*
- (6) *я не пыталась умалить ваших заслуг и достоинств.*

Во втором же эпизоде она комментирует высказывания и действия собеседника (строки 62, 68, 80):

- (7) *вы не против если я **так** и напишу*
- (8) *вы считаете вы **ведете** себя нормально*
- (9) *(а вы **научитесь** себя вести?).*

Как можно заметить, все эти комментарии во втором эпизоде содержат метапрагматический аспект (т. е. показывают, как прагматику действий Киркорова поняла Ароян), который отличается от комментариев первого эпизода и суть которого сводится к указанию на неприемлемость и ненормальность действий Киркорова.

¹¹ При этом можно заметить, что в каком-то смысле эта угроза является избыточной. Кажется, что подобный инцидент имел более чем вероятные шансы стать отдельным информационным событием.

Если участник взаимодействия заметил такого рода указания, то возможны по крайней мере две реакции на них. Первое возможное продолжение состоит в том, что участник может попытаться «отыграть назад» после подобных указаний: извиниться, уточнить смысл своего действия, переформулировать высказывание и т. п., как, например, это делает Ароян в первом эпизоде; ср. уточнение (строка 37):

(10) *я не пыталась умалить ваших заслуг и достоинств.*

Другое возможное продолжение состоит в том, что участник взаимодействия отвергает указания на неприемлемость. Именно это продолжение и выбирает Киркоров. Однако важно то, что он при этом учитывает эти указания со стороны Ароян, хотя и не принимает их. Это видно не только в ответе Киркорова (строка 69):

(11) *ДА Я СЧИТАЮ НОРМАЛЬНО,*

но и в том, что своим неприемлемым для Ароян действиям он дает объяснения (хотя и возлагает при этом ответственность на журналистку — ее неподготовленность, непрофессионализм: строки 64–66, 70–73). Эти объяснения указывают на то, что сам говорящий воспринимал собственные действия как требующие объяснений или оправданий, т. е. как не вполне «нормальные».

4. Заключение

Нередко высказываются опасения по поводу произвольности и субъективности тех или иных трактовок при анализе спорных речевых произведений, в том числе и самими лингвистами-экспертами. Так, например, К. И. Бринев писал: «В теории судебной лингвистической экспертизы, а также при производстве конкретных экспертных исследований, собственно лингвистическое исследование речевого поведения говорящего зачастую „смешивается“ с психологической категорией потенциальной обидности речевого произведения, за которой, очевидно, стоят достаточно субъективные представления эксперта о том, какие из инвективных средств могут обидеть адресата, а какие — нет» [Бринев 2011: 330].

Однако, на мой взгляд, проблема субъективности связана не только с опасностью смешения обыденной («наивной») перспективы и экспертного знания. Некоторая произвольность имеет место и в том случае, когда границы допустимого для «наивных»

носителей определяются исследователем на основании принадлежности участников взаимодействия к определенным слоям или выполнения определенных социальных ролей.

Даже в тех случаях, когда подобное допущение справедливо, степень актуальности тех или иных параметров внелингвистического контекста, а также связанные с ними пресуппозиции и установки участников могут меняться по ходу взаимодействия, хотя сами параметры, как подчеркивал Дж. Гамперц [Gumperz 1977: 192], остаются теми же самыми. Нечто подобное, как я попытался показать в ходе анализа, имеет место в представленном эпизоде взаимодействия. Хотя роли и статусы участников ситуации остаются неизменными, а действия одного из них и в первом, и во втором эпизоде несут существенную угрозу социальному лицу другого, отношение к этим действиям и само определение ситуации для участников изменяется, причем существенно. Во втором эпизоде действия одного из участников с точки зрения другого выходят за рамки допустимого (в отличие от первого эпизода), и этот выход за рамки сам становится темой взаимодействия, т. е. оказывается событием, актуальным для его участников.

В связи с этим важно подчеркнуть два момента. Во-первых, перспектива участников взаимодействия является не *субъективной*, а *интерсубъективной*. Во-вторых, эта *интерсубъективная* перспектива может быть описана в ходе *объективного* анализа последовательности, которую составляют коммуникативные действия участников.

Транскрипционные обозначения

// — место наложения двух реплик участников друг на друга, когда они начинают говорить одновременно;

. — точкой отмечена пауза менее секунды;

а: — двоеточие указывает на увеличенную по сравнению с обычной протяженностью звука;

объясняйте — подчеркивание обозначает, что говорящий просодически выделяет данное слово или его часть;

(с хором Турецкого?) — в скобки с вопросительным знаком в конце взяты слова говорящих, которые недостаточно хорошо слышны, поэтому нет уверенности в том, что именно их произнес говорящий;

((вдох)) — в двойных скобках даются комментарии по поводу невербальных действий участников;

- Я ВАМ НАЗОВУ** — заглавными буквами обозначается повышенная громкость высказывания, слова или его фрагмента;
- > ... < — ломаные скобки, обернутые внутрь, обозначают, что слова были произнесены с более высокой скоростью по сравнению с тем, как они произносятся в данном взаимодействии;
- = ... = — знаки равенства в начале и в конце реплик обозначают, что эти две реплики следуют сразу же друг за другом, без минимальной паузы;
- д- — дефис, примыкающий к слогу или слову, обозначает резкий обрыв при произнесении;
- (1) — цифры в круглых скобках обозначают длительность паузы, если она превышает секунду.

Литература

- Базылев и др. 2004 — В. Н. Базылев, Ю. А. Бельчиков, А. А. Леонтьев, Ю. А. Сорокин. Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации // А. К. Симонов, М. В. Горбаневский (ред.). Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Медея, 2004. С. 9–116.
- Баранов 2007 — А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта; Наука, 2007.
- Бринев 2011 — К. И. Бринев. Проблема экспертной оценки оскорбления. Оскорбление в правосознании лингвиста. Оскорбление как речевой акт // Н. Д. Голев, К. И. Бринев (ред.). Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 2011. С. 330–338.
- Бринев 2017 — К. И. Бринев. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика. М.: Флинта; Наука, 2017.
- Жельвис 2004 — В. И. Жельвис. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // А. К. Симонов, М. В. Горбаневский (ред.). Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Медея, 2004. С. 289–298.
- Изотова и др. 2016 — Т. М. Изотова, В. О. Кузнецов, А. М. Плотникова. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № (41). С. 92–98.
- Корбут 2015 — А. М. Корбут. Говорите по очереди: нетехническое введение в конверсационный анализ // Социологическое обозрение. 2015. № 14 (1). С. 120–141.

- Руднева 2016 — Е. А. Руднева. Антропология вежливости: общекультурные и локальные нормы взаимодействия // Антропологический форум. 2016. № 30. С. 215–242.
- Стернин и др. 2013 — И. А. Стернин, Л. Г. Антонова, Д. Л. Карпов, М. В. Шаманова. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль: ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2013.
- Утехин 2013 — И. В. Утехин. Невопросительные вопросы и интеракционный подход к контексту // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2013. Т. IX. Ч. 3. С. 81–95.
- Цена слова 2002 — М. В. Горбаневский (ред.). Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. 3-е изд., испр. и доп.. М.: Галерея, 2002.
- Brown, Levinson 1987 — P. Brown, S. Levinson. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1987.
- Drew, Heritage 1995 — P. Drew, J. Heritage. Analyzing talk at work: an introduction. // P. Drew, J. Heritage (eds.). Talk at Work: Interaction in Institutional Settings. Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1995. P. 3–65.
- Duranti, Goodwin 1992 — A. Duranti, Ch. Goodwin. Rethinking context: an introduction. // A. Duranti, Ch. Goodwin (eds). Rethinking Context. Language as an Interactive Phenomenon. (Studies in the Social and Cultural Foundations of Language, vol.11). Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1–42.
- Goffman 1967 — E. Goffman. On face-work // E. Goffman. Interaction ritual: Essays on face-to-face behavior. New York: Pantheon Books, 1967. P. 5–46.
- Gumperz 1977 — J. Gumperz. Sociocultural Knowledge in Conversational Inference // M. Saviile-Troike (ed.). 28th Annual Round Table Monograph Series on Languages and Linguistics. Washington, DC: Georgetown University Press. P. 191–212.
- Heritage 1984 — J. Heritage. Garfinkel and Ethnomethodology. Cambridge, New York: Polity Press, 1984.
- Levinson 1983 — S. Levinson. Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Stivers 2013 — T. Stivers. Sequence organization // J. Sidnell, T. Stivers (eds.). The handbook of conversation analysis. Malden, MA: Wiley-Blackwell. P. 191–209.
- Wierzbicka 1991 — A. Wierzbicka. Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991.

References

- Baranov 2007 — A. N. Baranov. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic expertise of the text: theory and practice]. Moscow: Flinta; Nauka, 2007.
- Bazylev et al. 2004 — V. N. Bazylev, Yu. A. Belchikov, A. A. Leontyev, Yu. A. Sorokin. *Ponyatiya chesti i dostoinstva, oskorbleniya i nenormativnosti v tekstakh prava i sredstv massovoy informatsii* [The notions of honour and dignity, insult and obscenity in legal and mass-media texts]. A. K. Simonov, M. V. Gorbanevskiy (eds.). *Ponyatiya chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii: Spornyye teksty SMI i problemy ikh analiza i otsenki yuristami i lingvistami*. [Concepts of honor, dignity and business reputation: Controversial media texts and problems of their analysis and assessment by lawyers and linguists]. Edition 2, revised and enlarged. Moscow: Medeya, 2004. P. 9–116.
- Brinev 2011 — K. I. Brinev. *Problema ekspertnoy otsenki oskorbleniya. Oskorblenie v pravosoznanii lingvista. Oskorblenie kak recevoy akt* [The problem of expertise of an insult. An insult and linguist's sense of justice. An insult as speech act]. N. D. Golev, K. I. Brinev (eds.). *Yurilingvistika-11: Pravo kak diskurs, tekst i slovo* [Juridical linguistics-11: Law as a discourse, text and word]. Kemerovo: Kemerovo State University Press, 2011. P. 330–338.
- Brinev 2017 — K. I. Brinev. *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza: metodologiya i metodika*. [Forensic linguistics: methods and methodology]. Moscow: Flinta; Nauka, 2017.
- Brown, Levinson 1987 — P. Brown, S. Levinson. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1987.
- Drew, Heritage 1995 — P. Drew, J. Heritage. *Analyzing talk at work: an introduction*. P. Drew, J. Heritage (eds.). *Talk at Work: Interaction in Institutional Settings*. Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1995. P. 3–65.
- Duranti, Goodwin 1992 — A. Duranti, Ch. Goodwin. *Rethinking context: an introduction*. A. Duranti, Ch. Goodwin (eds.). *Rethinking Context. Language as an Interactive Phenomenon*. (Studies in the Social and Cultural Foundations of Language. Vol. 11). Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1–42.
- Goffman 1967 — E. Goffman. *On face-work*. E. Goffman. *Interaction ritual: Essays on face-to-face behavior*. New York: Pantheon Books, 1967. P. 5–46.
- Gumperz 1977 — J. Gumperz. *Sociocultural Knowledge in Conversational Inference*. M. Saville-Troike (ed.). *28th Annual Round Table Monograph Series on Languages and Linguistics*. Washington, DC: Georgetown University Press. P. 191–212.

- Heritage 1984 — J. Heritage. *Garfinkel and Ethnomethodology*. Cambridge, New York: Polity Press, 1984.
- Izotova et al. 2016 — T. M. Izotova, V. O. Kuznetsov, A. M. Plotnikova. Metodika provedeniya sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy po delam ob oskorblenii. [Methodology of Forensic Linguistic Analysis in Criminal Insult Investigations]. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*. 2016. No. 1 (41). P. 92–98.
- Korbut 2015 — A. M. Korbut. Govorite po ocheredi: netekhnicheskoe vvedenie v konversatsionnyy analiz [Turn-Talking: Non-technical Introduction to Conversation Analysis]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2015. No. 14 (1). P. 120–141.
- Levinson 1983 — S. Levinson. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Rudneva 2016 — E. A. Rudneva. Antropologiya vzhlivosti: obshchekulturnye i lokalnye normy vzaimodeystviya [Anthropology of Politeness: Cultural and Local Interaction Norms]. *Antropologicheskii forum*. 2016. No. 30. P. 215–242.
- Sternin et al. 2013 — I. A. Sternin, L. G. Antonova, D. L. Karpov, M. V. Shamanova. Vyyavleniye priznakov unizheniya chesti, dostoinstva, umaleniya delovoy reputatsii i oskorbleniya v lingvisticheskoy ekspertize teksta [Detection of markers of denigration of the honor, dignity, derogation of business reputation and insult in forensic linguistics]. Yaroslavl: P. G. Demidov Yaroslavl State University Press, 2013.
- Stivers 2013 — T. Stivers. Sequence organization. J. Sidnell, T. Stivers (eds.). *The handbook of conversation analysis*. Malden, MA: Wiley-Blackwell. P. 191–209.
- Tsena slova 2002 — M. V. Gorbanevskiy (ed.) Tsena slova: Iz praktiki lingvisticheskikh ekspertiz tekstov SMI v sudebnykh protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii. [The Words' Value: Linguistic Expert Opinion Requested in Connection with Honor, Dignity and Business Reputation Defense, Claims Against the Media]. Moscow: Galeriya, 2002.
- Utekhin 2013 — I. V. Utekhin. Nevoprositelnye voprosy i interaktsionnyy podkhod k kontekstu [“Non-Interrogative” Questions and Interactional Approach to Context]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2013. Vol. IX. Pt. 3. P. 81–95.
- Wierzbicka 1991 — A. Wierzbicka. *Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991.
- Zhelvis 2004 — V. I. Zhelvis. Slovo i delo: yuridicheskii aspekt skvernosloviya [Word and deed: legal aspect of foul language]. A. K. Simonov, M. V. Gorbanevskiy (eds.). *Ponyatiya chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii: Spornyye teksty SMI i problemy ikh analiza i otsenki yuristami i lingvistami*. [Concepts of honor, dignity and business reputation: Controversial media texts and problems of their analysis and assessment by lawyers and linguists]. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Medeya, 2004. P. 289–298.

ТЕКСТОВЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ (ПЛАГИАТ) КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Т. С. Садова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
tatsad_90@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена плагиату как предмету лингвистической экспертизы; рассматривается законодательное и обыденное представление о плагиате, о различных вариантах терминологического обозначения этого явления в документах различной стилистической принадлежности, подчеркивается отсутствие четкой дефиниции плагиата в исследовательской лингвистической и юридической литературе. Предлагается методика выявления плагиата в научном тексте на основе логического анализа отдельного предложения, заключающего в себе предмет экспертного исследования.

Ключевые слова: плагиат, логический анализ, лингвистическая экспертиза, текстовые заимствования, метод лингвистической экспертизы.

Textual borrowing (plagiarism) as a matter of linguistic expertise

T. S. Sadova

St. Petersburg State University, St. Petersburg
tatsad_90@mail.ru

The article is devoted to plagiarism as a subject of linguistic expertise; it considers the legislative and mundane concepts of plagiarism, of various variants of the terminological designation of this phenomenon in documents of various stylistic affiliations, emphasizes the absence of a clear definition of plagiarism in the linguistic and legal literature. The absence of a generally accepted definition of plagiarism

is the cause of many copyright offenses. The article informs that technical means and special anti-plagiarism programs cannot always correctly identify the facts of plagiarism. In such cases, linguistic expertise is needed to detect unauthorized borrowings. Moreover, Russian legislation only protects text copyrights, leaving idea authorship unprotected. The article proposes a method for identifying plagiarism in scientific texts based on a logical by-sentence analysis. The logical sentence analysis is based on the method proposed by the Russian linguist V. Z. Panfilov. The method helps to identify not only borrowed text fragments, but the ideological similarity of compared texts. The logical analysis method is used in the article to compare two contexts of scientific content, which have different grammatical structure and different lexical composition. It reveals clear propositions underlying the scientific text and makes it possible to determine whether the texts compared have identical content. Although cumbersome in interpretation, the proposed analysis can produce very tangible results and provide facts sufficient for incorrect borrowing identification.

Keywords: plagiarism, logical analysis, linguistic expertise, text borrowings, method of linguistic expertise.

1. Введение

Плагиат как факт умышленного речевого воровства, сознательного присвоения чужого интеллектуального труда, отраженного в тексте, — отдельный предмет права, однако нечеткое определение плагиата в соответствующих законах, а также существование различных форм «присвоения чужого речевого продукта» создают ряд проблем, в решении которых важное место занимает экспертное мнение специалиста-лингвиста.

2. Плагиат и проблемы лингвистической экспертизы

Большую техническую помощь в обнаружении «незаконных заимствований» оказывают общепризнанные электронные ресурсы, но и они, как показывает практика, не всегда в полной мере способны решить проблему речевого плагиата, поэтому вопросы, касающиеся определения оригинальности / неоригинальности текста, по-прежнему адресуют лингвистам-экспертам. С какими сложностями связана экспертная деятельность в этой сфере?

Во-первых, проверка одного и того же текста на разных электронных ресурсах часто дает различные результаты, так что многие спорные моменты «вручную» решает специалист-лингвист, перед которым, как правило, ставят следующие задачи: а) определение границ заимствованного текста; б) установление факта использования заимствованного текста без ссылки на источник (первую авторизованную фиксацию — письменную или устную); в) установление факта использования заимствованного текста с целью присвоения его идеи. Последнее задание в условиях современных методик исследования оказывается практически невыполнимым.

Во-вторых, в правовом отношении проблема определения плагиата, как оказалось, решена также безупречно. Справка юриста по этому вопросу звучит весьма показательно: «Недостаточность судебных прецедентов по гражданским делам, расплывчатость содержания понятия „плагиат“, отсутствие четких критериев понятия порой не позволяют судам принять самостоятельное решение и определить, имеется или нет плагиат в конкретном случае. В результате чего судом назначаются специальные экспертизы, которые должны определить сходность двух произведений до степени смешения. На полную объективность таких экспертиз также сложно рассчитывать» [Плагиат].

Итак, существует ряд проблем, которые предварительно можно разделить на юридические (правовые) и собственно лингвистические.

3. «Плагиат»: правовая и лингвистическая интерпретация явления

Термин *плагиат*, пришедший в русский язык посредством французского из латинского со значением ‘ограбление, похищение’ [СИС 1989: 390], в современном российском законодательстве используется крайне редко. В качестве эквивалента терминологическому словосочетанию «присвоение авторства» он единственный раз встречается, например, в ст. 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав»¹.

¹ «Присвоение авторства (плагиат), если это деяние причинило крупный ущерб автору или иному правообладателю, — наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей (...)» (ст. 146 УК РФ (в ред. Федерального закона от 08.04.2003 г. № 45-ФЗ)).

Юристы отмечают, что состав данного преступления сводится к двум основным позициям: 1) некое лицо выдает себя за автора произведения или части произведения, созданного другим человеком; 2) некое лицо не указывает соавторов в произведении, написанном совместно.

Законодательную базу для экспертных исследований о плагиате составляют следующие документы:

1. Гражданский кодекс РФ, часть 4 («Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации»)
2. Статья 1229 («Исключительное право») ГК РФ
3. Статья 1257 («Автор произведения») ГК РФ
4. Статья 1265 («Право авторства и право автора на имя») ГК РФ
5. «Рекомендации по отдельным вопросам экспертизы заявленных обозначений» (утв. Приказом № 39 Роспатента от 23 марта 2001 г.)
6. Федеральный закон № 149-ФЗ от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и защите информации»
7. Закон РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1 (ред. от 20.07.2004) «Об авторском праве и смежных правах»
8. Федеральный закон от 8 апреля 2003 г. № 45-ФЗ «О внесении изменения в статью 146 Уголовного кодекса Российской Федерации» [ЦСЭИИ].

С лингвистической точки зрения плагиату как предмету специальной экспертизы уделяется весьма скромное внимание, хотя с активной компьютеризацией современного общения, и научного в том числе, само явление плагиата приобретает угрожающие размеры. Едва ли не единственной полноценной лингвистической работой, специально посвященной проблеме плагиата, следует считать статью Т. И. Стексовой «Дело о плагиате: опыт лингвистической экспертизы» [Стексова 2005].

В качестве частного случая плагиата в юридической литературе часто употребляют термин «заимствование» или «неправомерное заимствование», как правило понимая под ним некорректное, т. е. без указания авторства и оформления ссылок, использование авторского текста или его фрагментов в другом научном тексте. Существуют и другие (почти) терминологические сочетания, поражающие своей содержательной противоречивостью: например, *плагиат умышленный, неумышленный, завуалированный*. Представляется, что *плагиат* в прямом своем значении уже есть ‘осознанное

воровство', поэтому вопрос об умышленности и неумышленности не должен возникать вовсе. Однако на многочисленных сайтах юридических фирм, предлагающих экспертные услуги по обнаружению плагиата, находим — помимо указанных — понятие и *непреднамеренного* (подсознательного) плагиата, под которым «понимается опубликование либо иное распространение чужого труда под своим именем, ошибочно принятого как собственное произведение, в результате неосведомленности либо незнания о существовании автора на этот труд» [ПРП].

Иными словами, умысел следует отдельно доказать, что не всегда возможно; об этом, например, пишет известный юрист, специалист в области авторского права И. А. Близнец: «На практике применение положения об умышленном плагиате затруднено, в частности, в связи с тем, что доказать умысел на совершение плагиата достаточно сложно» [Близнец 2015: 249].

4. Способы обнаружения «плагиата»: современное состояние проблемы

Существенным препятствием в вопросе определения самого феномена «плагиат» является тот факт, что в соответствии с Законом РФ «Об авторском и смежном правах» идеи, мысли, сюжеты авторским правом не охраняются: «Авторское право не охраняет идеи. Охрана может предоставляться только в отношении конкретной формы выражения» [Близнец 2015: 24].

Поэтому признать наличие плагиата можно только в том случае, когда имеются факты прямого заимствования **формы выражения** этих идей, смыслов или сюжетов. Для чего создаются и совершенствуются многочисленные программные продукты, выявляющие эти формы заимствования. При этом следует учесть и то, что не все научные материалы оцифрованы, чтобы полностью доверять машинной обработке имеющихся оцифрованных текстов, в том числе — при определении степени самостоятельности того или иного текста; поэтому часто научная эрудиция специалиста становится единственным источником для обнаружения некорректных заимствований.

Следует учесть также, что многие программные решения блокируются не менее совершенными антирешениями, т. е. создаются программные продукты, позволяющие при любом типе и количестве заимствований избежать обвинения в плагиате.

Например, в открытом доступе работает онлайн-программа «Как обойти антиплагиат» — ANEXP, повышающая т. н. уникальность, индивидуальность, оригинальность текста, поскольку именно эти критерии чаще других указываются как определяющие в обнаружении фактов речевого воровства. Их же (эти критерии) предлагается обнаружить сугубо лингвистическими методами и методиками, когда формулируется задание об определении степени оригинальности исследуемого текста. Иными словами, критерии — оригинальность и уникальность текста — должны обрести собственно лингвистическую интерпретацию, как, например, определяется критерий «уникальности и оригинальности» художественного текста в работах по лингвопоэтике: «Лингвопоэтический анализ текста направлен на выявление его уникальных свойств, (...) нарочито оригинальных, не соотносимых с языковой нормой, что в пределе ведет к поэзии зауми, к созданию „самовитого слова“, к десемантизации традиционного и к семантизации семиологически нерелевантного» [Липгарт 2007: 87]. В лингвоэкспертной практике таких отработанных методик на сегодняшний день не существует.

Как правило, лингвистическую экспертизу по указанным вопросам запрашивают в спорных случаях после компьютерной проверки исследуемого текста на обнаружение текстовых заимствований. Уже при первичном ознакомлении с данными компьютерной программы перед лингвистом встают вопросы (прежде всего) технического свойства, имеющие, однако, и сугубо лингвистическую отнесенность [Чиркин 2015]:

1) существует ли стандартная длина шингла (текстового отрезка), заимствование которого принимается за неправомерное)? Современные ресурсы предлагают от 4 до бесконечного числа слов.

Существует ли решение о соответствии шингла и, например, предложения, высказывания или иного собственно языкового параметра для определения неоригинальности исследуемого текста?

2) как квалифицировать многочисленные клише и стандартные фразы, которые являются следствием требований научного стиля, а порой и некоего «стандарта» конкретной научной школы? Такие конструкции, часто весьма многословные, не могут быть целиком занесены в базу компьютерной программы как допустимые, поэтому автоматически определяются ею как заимствование.

Однако вопрос об определении оригинальности текста при наличии явного рерайтинга, т. е. речевой обработки исходного текста

с сохранением его идеи и содержания, остается наиболее сложным, поскольку по закону текст, подвергнутый ререйтингу, не подпадает под определение плагиата. Поэтому квалификация таких текстов по шкале «оригинальный текст — заимствованный текст» — одна из актуальных проблем в области авторского права, которую предстоит решать комплексно — и с юридической, и с лингвистической точки зрения, о чем свидетельствует специальная литература (см: [Белькова 2013; Колоев 2012]).

5. Методика логического анализа спорного текста

Перейдем к характерному примеру, имеющему измененный вид относительно реального, но «технически» абсолютно ему тождественному.

Т 1: *Притяжение противоположно заряженных ионов в водной среде создает, по теории ионной химической связи, исключительные условия для известной прочности влажного песка.*

Т 2: *В рамках ионной модели прочность мокрого песка объясняется притяжением противоположно заряженных ионов в воде.*

Лингвисту предлагаются два контекста: Т 1 и Т 2, где Т 1 — объект исследования, а Т 2 — предполагаемый источник, из которого, по мнению его автора, заимствовано ключевое положение (открытие), обнаруженное им в Т 1, принадлежащем другому автору. Цель экспертизы — доказать, что автором Т 1 заимствовано «идейное содержание» исследования автора Т 2.

Система «Антиплагиат» фиксирует совпадение терминологического сочетания «притяжение противоположно заряженных ионов», это шингл в 6 слов, который ни о чем существенном в смысле формального заимствования не сигнализирует. Терминологическое совпадение в научном тексте — дело обычное и совершенно естественное.

Однако содержательно ясно, что главная идея исходного текста о том, что влажный песок прочен благодаря обнаруженным особым условиям притяжения ионов в воде, действительно заимствуется, но не определяется электронным «антиплагиатом». Предполагается, что налицо тот самый ререйтинг, который чрезвычайно распространен в современном научном творчестве.

Один из возможных способов обнаружения содержательной идентичности двух отрывков — логический анализ двух предложений. Этот вид анализа сегодня не столь популярен в практике лингвистической экспертизы, тем более — в условиях, когда подобные заимствования не определяются «присвоением авторства». Тем не менее такой анализ, как кажется, вполне возможен.

Термины и структура анализа извлечены из работы В. З. Панфилова «Грамматика и логика» [Панфилов 1963] (т.н. логико-пропозициональный анализ) и учебника А. И. Уёмова «Задачи и упражнения по логике» [Уёмов 1961].

Сравнительный анализ двух отрезков нагляднее представить в таблице (Таблица 1).

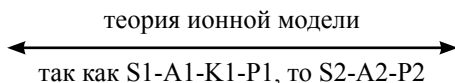
Таблица 1. Логический анализ двух предложений
Logical analysis of two sentences

Исследуемый текст (Т 1)	Предполагаемый источник (Т 2)
<i>Притяжение (P1) противоположно заряженных (A1) ионов (S1) в водной среде (K1) создает, по теории ионной химической связи, исключительные условия для известной прочности (P2) влажного (A2) песка (S2).</i>	<i>В рамках ионной модели прочность (P2) мокрого (A2) песка (S2) объясняется притяжением (P1) противоположно заряженных (A1) ионов (S1) в воде (K1).</i>

Т 1. Полное суждение, соответствующее синтаксическому повествовательному предложению, состоит из двух субъектных предикатов или субъектов *ионы S1* и *песок S2*, каждый из которых имеет атрибутивный комплекс: *ионы (какие?) противоположно заряженные A1*, *песок (какой?) влажный A2*. Первый комплекс имеет квантор среды существования — *в воде K1* и предикат способа существования *притяжение P1*. Второй комплекс имеет предикат формы существования — *прочность P2*. Эти два содержательных ядра суждения относятся друг к другу по типу пропозициональной связи «причина — следствие». Пропозициональная связь может быть выражена примитивом: *так как ионы в воде притягиваются (P1-S1-A1-K1), поэтому влажный песок прочен (S2-A2-P2)*. Всеобщий квантор существования самого суждения — *теория ионной химической связи / ионная модель*.

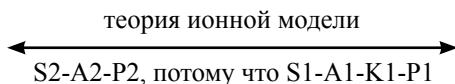
Таким образом, общая логическая модель исследуемого высказывания может выглядеть так, как показано на рисунке 1.

Рис. 1. Логическая модель высказывания T1
Logical model of statement T1

Искомые субъекты, предикаты и пропозициональные связи обнаруживаются и во втором высказывании, также выраженном простым повествовательным предложением, с одной лишь разницей: представлен обратный порядок следования содержательных комплексов предложения-суждения: *влажный песок прочен, потому что ионы в воде притягиваются*.

Рис. 2. Логическая модель высказывания T2
Logical model of statement T2

Таким образом, логико-содержательное тождество двух высказываний может быть признано как аргументированно доказанное.

6. Заключение

Представленный анализ, как видим, громоздкий по интерпретации, может дать весьма ощутимые результаты и факты для квалификации некорректного заимствования.

Литература

- Белькова 2013 — Е. Г. Белькова. Рерайтинг: правовая оценка // Проблемы современного российского законодательства. М.: Всерос. гос. ун-т юстиции (РПА Минюста России), 2013. С. 142–145.
- Близнец 2015 — И. А. Близнец. Авторское право и смежное право. М.: Проспект, 2015.

- Колоев 2012 — А. С. Колоев. Рерайт как новое явление в современной журналистике // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. Вып. 1. С. 221–226.
- Липгарт 2007 — А. А. Липгарт. Основы лингвопозтики. М.: КомКнига, 2007.
- Панфилов 1963 — В. З. Панфилов. Грамматика и логика (грамматическое и логико-грамматическое членение простого предложения). М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
- Плагиат — Плагиат (электронный документ). URL: <https://www.copyright.ru/ru> (дата обращения 23.04.2018).
- ПРП — Плагиат в российском праве (электронный документ). URL: <https://vuzlit.ru> (дата обращения 23.04.2018).
- СИС 1989 — Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1989.
- Стексова 2005 — Т. И. Стексова. Дело о плагиате: опыт лингвистической экспертизы // Н. Д. Голев (ред.). Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2005. С. 269–272.
- Уёмов 1961 — А. И. Уёмов. Задачи и упражнения по логике. М.: Высшая школа, 1961.
- ЦСЭиИ — Центр по проведению судебных экспертиз и исследований (электронный документ) // Интернет-издательство «Контрольный листок». 2015. № 10. URL: <http://sudexpra.ru> (дата обращения 23.04.2018).
- Чиркин 2015 — Е. С. Чиркин. Использование систем антиплагиата в образовании (электронный документ). Интернет-издательство «Контрольный листок» 10. 2015. URL: <http://contrlist.ucoz.ru/index> (дата обращения 23.04.2018).

References

- Belkova 2013 — E. G. Belkova. Rerayting: pravovaya otsenka [Rewriting: legal assessment]. *Problemy sovremennogo rossiyskogo zakonodatelstva*. [Problems of modern Russian legislation]. Moscow: The All-Russian State University of justice Publishing House, 2013. P. 142–145.
- Bliznets 2015 — I. A. Bliznets. Avtorskoe pravo i smezhnoe pravo [Copyright and related rights]. Moscow: Prospekt, 2015.
- Chirkin 2015 — E. S. Chirkin. Ispolzovanie sistem antiplagiata v obrazovanii [The use of anti-plagiarism systems in education] (electronic document). Internet publishing house Kontrolnyy listok. 2015. No. 10. Available at: <http://contrlist.ucoz.ru/index> (accessed on 23.04.2018).
- Koloyev 2012 — A. S. Koloyev. Rerayt kak novoe yavlenie v sovremennoy zhurnalistike [Rewrite as a new phenomenon in modern journalism]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Series 9. *Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika*. 2012. Issue 1. P. 221–226.

- Lipgart 2007 — A. A. Lipgart. *Osnovy lingvopoetiki* [Basics of linguopoetics]. Moscow: KomKniga, 2007.
- Panfilov 1963 — V. Z. Panfilov. *Grammatika i logika (grammaticheskoe i logiko-grammaticheskoe chlenenie prostogo predlozheniya)* [Grammar and logic (grammatical and logical-grammatical division of a simple sentence)]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing house, 1963.
- Plagiat — Plagiat [Plagiarism] (electronic document). Available at: <https://www.copyright.ru/ru> (accessed on 23.04.2018).
- PRP — Plagiat v rossiyskom prave [Plagiarism in Russian law]. Available at: <https://vuzlit.ru> (accessed on 23.04.2018).
- SIS 1989 — *Slovar inostrannykh slov* [The Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Russkiy yazyk, 1989.
- Steksova 2005 — T. I. Steksova. *Delo o plagiate: opyt lingvisticheskoy ekspertizy* [A case of plagiarism: the experience of linguistic expertise]. N. D. Golev (ed.). *Yurislingvistika-6: Invektivnoe i manipulyativnoe funktsionirovanie yazyka* [Juridical linguistics-6: Invective and manipulative functioning of language]. Barnaul: Altai State University Publishing House, 2005. P. 269–272.
- TSSEiI — *Tsentr po provedeniyu sudebnykh ekspertiz i issledovaniy* [Centre for forensic examinations and research] (electronic document). Available at: <http://sudexpa.ru> (accessed on 23.04.2018).
- Uyomov 1961 — A. I. Uyomov. *Zadachi i uprazhneniya po logike* [Tasks and exercises on logic]. Moscow: Vysshaya shkola, 1961.

**МАКРОКОНТЕКСТ:
К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА**

Е. Е. Хазимуллина

Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы, Уфа
lenahk@gmail.com

Ю. С. Фомина

Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы, Уфа
ufom@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются пределы лингвистической компетенции эксперта, выявляется роль макроконтраста при анализе конфликтных текстов. На основе множества проведенных лингвистических и комплексных экспертиз, с применением различных методов исследования (в т. ч. дискурс-анализа, контекстуального, лингвопрагматического, лингвосемиотического анализа и др.) постулируется, что лучшему результату исследования текстов со скрытой семантикой способствует экспертная компетенция, т. е. опыт работы специалиста с разнообразными текстами конкретных экстремистских и террористических организаций, знание их идеологии, особых идеологем, принципов вовлечения. Именно лингвоэкспертная компетенция позволяет адекватно учитывать социально-политический дискурс, макроконтраст, в котором осуществляется коммуникация и который предопределяет скрытое содержание, актуализирует намерения автора, его установки на речевое воздействие.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, дискурс-анализ, контекстуальный анализ, компетенция, скрытая семантика, макроконтраст, стратегии и тактики, интенция, вовлечение, идеологема, экстремизм.

**Macrocontext:
to the question about the borders
of the linguistic competence of the court expert**

E. E. Khazimullina

M. Aknullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa
lenahk@gmail.com

Yu. S. Fomina

M. Aknullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa
ufom@mail.ru

Abstract. The article discusses linguistic competences necessary for court experts, addresses the role of macrocontext in analyses of conflictogenic texts. A forensic linguist does not have to be a lawyer by education. They must, however, be well aware of the subject matter at hand (including language structure, its functioning, its connection with thinking and behavior of individuals and society, interaction between linguistics and other sciences, linguistic methodology) and carefully build their phrases with regard to their legal responsibility.

The article, building on quite a number of linguistic and multi-discipline analyses, including discourse analysis, contextual, linguo-pragmatic, linguo-semiotic analysis, etc., postulates that expert competence (experience of working with various texts by specific extremist or terrorist organizations, awareness of their ideology, specific ideologemes, principles of recruitment) contributes to the best results of studying texts with hidden semantics. It is lingvo-expert competence that makes it possible to take adequately into account the socio-political discourse, the macrocontext of the communication studied which predetermines the hidden content, sheds light on the author's intentions and his/her speech impact intent. Macrocontext is known to affect both speech generation and perception. In particular, the communicative and pragmatic intent of texts includes "implicit context" associated with its author's knowledge of the listener's competences, important for intensifying the intended speech impact.

When analyzing religious and political or purely political texts, the linguist-expert must take into account the propositional, cognitive, and discursive aspects of statements.

It is impossible to adequately assess transmitted content with incentive pathos without knowledge of ideologemes underlying speech clichés characteristic of certain organizations' rhetoric. If the meaning

of statements is unclear within a narrow context (microcontext), the expert must look for other supports to endure their understanding and interpretation. Otherwise, the expert risks missing the gist of manipulating meanings, which are clear for those “initiated” and produce a programmed impact on them.

Keywords: forensic linguistic expertise, discourse analysis, contextual analysis, competence, hidden semantics, macrocontext, strategies and tactics, intention, involvement, ideologem, extremism.

1. Введение

Проблема границ лингвистической компетенции в судебной экспертизе является традиционно дискутируемой: с одной стороны, лингвисты стараются более строго определить круг допустимых вопросов, объектов анализа и подходов, с другой — практика реальных исследований и, в особенности, характер речевого материала подталкивают экспертов к пересмотру априорно принятых положений. Авторитетным, но мало реализуемым представляется требование, сформулированное Е. И. Галяшиной: для анализа и интерпретации высказываний экстремистского характера, в т. ч. ксенофобной направленности, необходима не только лингвистическая, но и юридическая квалификация специалиста [Галяшина 2006]. Такой подход обусловлен осторожностью, продиктованной: 1) нетождественностью лингвистических и юридических понятий, терминов (сложность их соотношения показана в работах М. Е. Воробьевой, Н. Д. Голева, В. И. Жельвиса, В. Б. Исакова, Н. Б. Исолахти, Е. Л. Ключниковой, Н. Б. Лебедевой, Д. И. Милославской и др., см. [Юрислингвистика-2 2000; Юрислингвистика-9 2008]); 2) практикой судов, опирающихся на лингвистическую экспертизу как на доказательство, устанавливающее истинное положение дел и реальные мотивы совершения правонарушений.

Экспертов, имеющих квалификацию лингвиста и юриста одновременно, крайне мало (в противном случае лингвисты могли бы заменить собой юристов). Вместе с тем думается, что это вовсе не обязательно: лингвисту, проводящему лингвистическое исследование, достаточно хорошо знать свой предмет — устройство языка, особенности его функционирования, связи с мышлением и поведением человека, общества, взаимодействие языкознания с другими

науками, его методологию — и тщательно выверять используемые формулировки, ясно осознавая меру своей ответственности (см. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а также рассуждения Е. А. Чубиной о «лингво-правовой компетенции» [Чубина 2016], Е.Л. Ключниковой — о «юрислингвистических» терминах [Ключникова 2017]). При этом важно иметь в виду, что лингвист не должен отвечать на правовые вопросы, связанные с оценкой деяния и входящие в компетенцию суда. В частности, перед ним «не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды» [Постановление 2011].

2. Постановка проблемы

В монографии К. И. Бринева очерчивается круг возможных вопросов и объектов лингвистической экспертизы [Бринев 2009]. С некоторыми из этих ограничений вряд ли можно согласиться: лингвист лишь описывает речевой акт призыва, но содержание призыва он устанавливать не должен (есть ли призыв к захвату властных полномочий, насильственному изменению конституционного строя, см. с. 58, 146 указанного источника). Если общая задача лингвистических экспертиз — установление семантики высказываний, а призыв — это особый жанр высказываний, то возникает вопрос: кто должен устанавливать семантику призыва как важнейшего элемента речевого акта? Необходимость описания содержания призывных действий резонно подчеркивается в [Баранов 2013: 450–475; Бельчиков и др. 2010: 90; Теоретические и методические основы 2011: 134], ведь именно на этой основе следствием и судом оценивается противоправность речевого деяния.

Отметим также, что нередко исключенные из рассмотрения призывы в спорных текстах выражены недвусмысленно, в формулировке, совпадающей с юридической и / или политологической, например¹: *Самыми важными принципами являются следующие:*

- 1. Свержение режима со всеми его структурами и персонами.**
- 2. Освобождение от государств неверия и пресечение их влияния.**

¹ В примерах сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

3. *Установление государства Халифат по методу пророчества; Обращаясь к радикалам и к тем кто готов действовать, мы не сторонники Y-а и Z-а , мы просто те которые хотят действовать и мы решили формировать отряды по городам чтобы в час X объединятся, если вы готовы действовать и хотите **свергнуть режим**; ...просто начинаем хаос, создаем параллельное **правительство** и **объявляем оправдание терроризма с перманентной войной до полного уничтожения**; ...серия **терактов** должна внезапно начинаться, быстро исполнять свою пропагандистскую функцию и также внезапно заканчиваться... Провокационный **террор**... **Террор** несущий своей задачей инициацию каких-либо необходимых **революционному Движению** процессов в государстве, посредством искусственного обострения внутривнутриполитических противоречий и **разжигания розни между определенными слоями общества**.*

Закономерно, что лингвисты соотносят выражаемое в экстремистских текстах побуждение с диспозициями соответствующих статей УК [Баранов 2013: 450–475; Хазимуллина 2016: 456; Громова 2018: 212, 214], ясно осознавая, какое именно содержание носит конфликтогенный характер и представляет интерес для следствия и суда. О. С. Иссерс и Н. В. Орлова в этом плане идут еще дальше и ставят перед экспертами задачу реконструкции речевых признаков «вовлечения в экстремизм» [Иссерс, Орлова 2017: 132–133], что, как ни странно, оказывается применимым для ряда соответствующих контекстов, ср., например: *Эта книга не содержит в себе экстремистские материалы, не призывает совершать противозаконные вещи и сопротивляться системе. Книга создана для ознакомления с... Шучу) Вы сами уже большие и сами понимаете для чего эта книга и как ее использовать.* Автор квалифицирует собственные речевые действия как экстремистские и вовлекает читателей в вещи, называемые им *противозаконными*. В таких случаях лингвистам, памятуя о Постановлении [Постановление 2011], остается лишь делать соответствующие оговорки: юридическая квалификация осуществлена в самом тексте.

Особенно полезной для суда является помощь специалистов по интерпретации речи (есть ли призывы / другие виды побуждения? к каким конкретно действиям?) в случаях вуалирования конфликтогенного содержания с помощью подстрекательства, инструкции, совета, мольбы, угрозы, намека и других жанров, аранжированных религиозными и иными терминами, см.: *Аллах даст*

нам даже **желаемые** вещи: процветание в этом мире, помощь, успех и победу над врагами. Аллах **требует** от нас две вещи. **Первое**, это уверовать в Аллаха и Его Посланника. **Второе**, это вести **джихад** своими душами и имуществом на пути Аллаха. Взамен этого Аллах Та'ала **гарантирует** нам две вещи... В этом мире — свою помощь и успех. **Первое**, что от нас **требуется** — это **иман**. Очевидно, что и **цель нашей работы** такая же, чтобы **получить** богатство **истинного имана**. **Второе**, что от нас **требуется**, — это **джихад**. Хотя, в сущности, **джихад** — это сражение и война с неверными, но на самом деле **цель джихада** есть также **возвышение слова Аллаха, установление Его приказов и приведение их в действие**. Это и есть **основная цель нашего движения**. (<...> **И когда мы доведём эту работу до конца**, то есть уверуем в Аллаха и Его Посланника, и, **усердствуя на Его пути, украсим себя праведными делами**, тогда мы станем **достойными царства и наместничества на всей земле**, и нам **дадут власть и управление**; Аллах, **мы просим тебя, объедини нас всех так же, как и сегодня, в райских садах**. Аллах, **мы просим тебя, окажи помощь в ближайшем времени мусульманам Сирии и всем мусульманам**. Аллах, **сделай нас свидетелями того, как возродится то общество, которым будет править так же, как это, а-а, и жить по законам Аллаха, по тем законам, как это было во времена Пророка, салляллаху ва саллям**. Аллах, **сделай нас источником того, как ислам донесется до всех уголков мира**. Описание семантики подобных высказываний — достаточно распространенная экспертная задача, но ее решение невозможно в рамках узкого понимания пределов лингвистической компетенции, которая участниками судебного процесса может трактоваться исключительно как знание значений и правил употребления узуальных единиц языка, причем лишь исконно русских.

М. В. Батюшкина к профессиональным компетенциям эксперта-лингвиста относит не только лингвистическую, но и экспертную компетенцию. Лингвистическая компетенция подразделяется ею на языковую и речевую, а экспертная — на «теоретическую (совокупность знаний о лингвистической экспертизе) и практическую (совокупность умений, приобретенных на основе опыта экспертной деятельности в определенной сфере: правотворческой, правоприменительной или судебной)» [Батюшкина 2016: 228]. Данный подход не лишен оснований: те лингвисты, которые активно работают

в области судебной экспертизы, хорошо знают тематическое разнообразие и множественность форм конфликтогенного материала, имеют возможность отслеживать речевые тенденции, применяемые говорящими стратегии и тактики ухода от правовых рисков; более полному извлечению ими смысла способствует предшествующий опыт понимания и интерпретации подобных текстов. Он же подталкивает лингвистов к поиску новых решений и методик анализа, с тем чтобы оказать реальную «помощь... для предотвращения... и пресечения проявлений словесного экстремизма», как это заявлено в [Галяшина 2006: 20].

А. Н. Баранов, апеллируя к практике исследований, справедливо отмечает: «Проблемы, обсуждаемые в лингвистических экспертизах, игнорируют междисциплинарные рамки, причем не только внутри лингвистики, но и между различными науками... Лингвистические экспертизы очень часто оказываются головоломными задачами, требующими от лингвиста владения самыми различными навыками — от семантического анализа слова до семиотической интерпретации взаимоотношения текста с изображением и исследования особенностей использования гарнитур в товарных знаках» [Баранов 2013: 554]. Креолизованные тексты могут включать в себя также музыкальное сопровождение, видеоряд, «body language», дискурс — разнообразные неязыковые условия общения, влияющие на содержание речи. В сложных случаях адекватность решения экспертной задачи зависит от развитости смежных отраслей лингвистики (психо-, социолингвистики, лингвосемиотики, коммуникативной, политической, дискурсивной лингвистики, прагма-, паралингвистики, лингвистической мотивологии и др.), осведомленности о них конкретного исследователя.

3. Методы исследования

Результаты данного исследования были получены посредством применения к обширному конфликтогенному речевому материалу следующих методов:

1) дискурс-анализ был направлен на более точную интерпретацию результатов порождения и понимания речи в конкретных социально-политических, культурно-исторических, психологических условиях коммуникации, в которых говорящие определенным образом означивают действительность, реализуют свои роли, намерения,

оказывают воздействие на мысли, чувства, поведение друг друга и которые обуславливают содержательные, жанрово-стилевые, языковые и иные особенности текста в его соотношении с другими текстами (интертекстуальный анализ);

2) контекстуальный анализ использовался для описания высказываний (текстов) как продуктов речевой деятельности говорящих, включенных во взаимодействие с другими людьми, в социально-политический, культурно-исторический контекст, в конкретную сферу и ситуацию общения. Широкий контекст способствует более объемной реконструкции содержания текста, выявлению его имплицитных смыслов и функций;

3) лингвопрагматический анализ применялся для характеристики прямых и косвенных речевых актов, определения замысла говорящих, явных и скрытых коммуникативных намерений (интент-анализ), эксплицитных и имплицитных смыслов, эффективности воздействия на адресата речи с учетом затекста, пропозиций и пресуппозиций, применяемых стратегий и тактик речи;

4) смысловая значимость количественных характеристик исследуемых явлений оценивалась посредством контент-анализа;

5) использовались также лексико-семантический, логико-грамматический анализ, методы семантического, тематического поля, лингвостилистический и лингвосемиотический анализ.

4. Результаты исследования

Опыт проведения лингвистических и комплексных, лингвистико-религиоведческих и / или психологических, политологических, исторических, экспертиз приводит нас к пониманию необходимости учета макроконтекста при интерпретации речевого смысла текстов экстремистской и террористической направленности. Мы скептически относимся к идее детального описания, а тем более — оценки идеологии религиозных и / или политических организаций, как это предлагается в коллективной монографии [Экстремистский текст 2014: 35–75]. Выход лингвиста за пределы своей компетенции имеет место тогда, когда он «решает вопросы, не относящиеся к предмету экспертизы, например, вопросы политологии и религиоведения, социальной психологии» [Галяшина 2006: 75]. Однако нельзя не согласиться с авторами [Экстремистский текст 2014] в том, что лингвист, нацеленный на точное, исчерпывающее

описание речевого материала, должен вникать в идеологию подобных организаций, учитывать их так называемые «базовые тексты».

Наша экспертная компетенция показывает, что организации, которые имеют большой опыт вовлечения adeptов и нацелены на решение таких глобальных задач, как свержение строя, образование новых государств, обеспечение господства какой-либо религии, социальной, национальной, расовой группы, распространяют хорошо продуманные учебные комплексы, включающие в себя обязательную для поэтапного изучения литературу и иные материалы, с интертекстуальными отсылками в виде специфической лексики и фразеологии, точечных цитат, намеков и т. п. Они применяют особые приемы речевой конспирации, направленные на: 1) снижение правовых рисков; 2) вуалирование смыслов, которые не должны быть доступны adeptам на ранних этапах их вовлечения («якорения») в деятельность этих организаций (см. об этом [Хазимуллина 2016]). Ср. наблюдение В. А. Мишланова: «...идеологическая нетерпимость ныне меняет речевой облик. Вместо пропагандистской фразеологии (в стиле передовиц советских партийных газет), гневного обличения инакомыслия в тексте могут быть какие-нибудь внешне нейтральные зарисовки, притчевые аллегории, литературные реминисценции. Говорящий, создавая текст, может использовать не только языковые знаки (в их первичных или вторичных значениях), но и, так сказать, семиотику вещей» [Мишланов 2012: 67]. Это и есть «косвенно выраженная побудительность», по терминологии О. С. Иссерс.

Таким образом, лингвист-эксперт не может не учитывать более широкий контекст (по сути когнитивный, коммуникативно-прагматический и шире — дискурсивный аспекты существования высказываний, пропозицию) при анализе религиозно-политических или же собственно политических текстов. Без опоры на идеологемы, выражаемые речевыми клише, характерными для риторики тех или иных организаций, невозможно адекватно определить передаваемое содержание, обладающее побудительным пафосом. Сходную позицию занимают новосибирские эксперты [Исследование и экспертиза экстремистских материалов 2011: 122–123] (см. также [Иссерс, Орлова 2017: 133; Теоретические и методические основы 2011; Мишланов, Салимовский 2015: 88–90; Резепин 2015: 76–77]). Если смысл высказываний неясен в пределах узкого контекста (микроконтекста), необходимо искать иные опоры для

их понимания и интерпретации. В противном случае эксперт упускает множественные факты манипулирования смыслом, которые считаются «посвященными» и производят на них запрограммированное воздействие.

Важность учета факторов, влияющих на смыслообразование, выразилась в науке в синонимичных обозначениях реалий, стоящих за словесными знаками: понятия вертикального контекста, или фоновых знаний, в трактовке О. С. Ахмановой, И. В. Гюббенет [Ахманова, Гюббенет 1977: 49], экстралингвистического контекста [Колшанский 1980: 76–77], социального контекста [Halliday 1985: 192], пресуппозиции [Звегинцев 2001; Падучева 2002], экстралингвистических параметров текста, по Л. Г. Бабенко [Бабенко 2004: 52–61], дискурсивного контекста [van Dijk 2000, 2014; Мощанская 2014: 29–30], глобального контекста [Черезова 1985: 161; Анисимова 2016: 60; Доминикан 2017: 127] или же коммуникативного контекста, который складывается из лингвистического, ситуативного, психологического, паралингвистического контекстов и контекста культуры (см. [Мыркин 1978: 97]). Филологам хорошо известно, что макроконтекст влияет не только на порождение, но и на восприятие, интерпретацию речи: текст (и в особенности агитационно-пропагандистский, с ярко выраженной фатической функцией), в силу его коммуникативно-прагматической обусловленности, включает в себя так называемый «имплицитный контекст» (понятие Т. Слама-Казаку, цит. по [Мощанская 2014: 30]), установку автора на учет компетенции слушателя, в частности всего того, что «слушатель знает о говорящем субъекте».

Такая информация «существует независимо от исследователя и обеспечивает выражение истинного смысла речевого акта (т. е. референцию, интенцию и модальность высказывания)» [Мыркин 1978: 97]. Дейктическая природа языковых знаков помогает сжать, «упаковать» и репрезентировать тот фрагмент картины мира, который необходим для реализации целенаправленного воздействия; читатель же «распаковывает» скрытое содержание с опорой на 1) интенциональную заданность подтекста и 2) фоновые знания: а) собственные, б) выражаемые в тексте (см., к примеру, прием навязываемых пресуппозиций, описанный А. Н. Барановым). Таким образом, «кодирование и декодирование — комплементарные процессы: кодирование необходимо включает предполагаемое декодирование» [Роммтейт 1972: 55]. Это базовые законы порождения

и понимания текста. И эксперт, ограниченный узкими пределами «лингвистической компетенции» (= узким контекстом), оказывается в искусственной ловушке, лишаящей его возможности правильно решить свою исследовательскую задачу: дать исчерпывающее описание конфликтогенного феномена в соответствии с современным уровнем развития науки.

Макроконтекст выступает компенсирующим фактором, обеспечивающим адекватность восприятия скрытой, в т. ч. намеренно вуалируемой информации. Эта традиционная категория филологии понимается в данном случае как социально-политическая, дискурсивная ситуация, в которой создается и воспринимается конфликтогенный текст. Макроконтекст предполагает наличие пресуппозиции как суммы затекстовых знаний коммуниканта, позволяющих в той или иной мере полно воспринимать заданный смысл высказывания. В экстремистском печатном, аудио- и видеотексте значимыми являются политический, религиозный, идеологический, экономический, исторический, социокультурный, ситуативный, психологический и паралингвистический элементы макроконтекста.

Объективными маркерами целенаправленной инклюзии таких в полотно текста выступают:

1) контраст информационных потоков — внешнего и подтекстового (см. описание в [Коломейцева 2012], к примеру, в заявленное изначально рассуждение о содержании хадисов или религиозных обрядов могут вклиниваться комментарии по поводу несправедливости существующей власти, социальных отношений, процветания ушедшего в небытие Халифата и упадка «кафирской» цивилизации, необходимости изменений); такой контраст может быть выражен также в противопоставленности значений, стилистической маркировки используемых средств;

2) многократный повтор единиц, составляющих базовый идеологический, религиозно-политический тезаурус и скрыто, пошагово репрезентирующих программу деятельности той или иной экстремистской / террористической организации, например: *усердно читать дуа — объединиться в команды, группы / сплотиться — овладеть исламским образом мыслей, становиться исламской личностью, работать — бороться, вести политическую и идеологическую борьбу — возродить исламский образ жизни посредством джихада душой и телом — жить по законам шариата, процветать, как это было во времена Посланника Аллаха;*

3) компоновка постоянного набора высказываний, оформленных как цитаты из религиозных источников, нередко — в одной и той же последовательности (при этом даже истинные хадисы в религиозно-политической литературе используются во вторичной, измененной функции; данное наблюдение согласуется с [Мишланов, Салимовский 2015: 88]);

4) употребление особых идеологем как средств уплотнения информации, интертекста, а также эвфемизации речи в целях снижения правовых рисков (см. [Осадчий 2016: 180]): *истинный / искренний мусульманин, выполнять приказы и требования Аллаха, жить по законам шариата, возобновить исламский образ жизни, претворять ислам полностью, практическое применение ислама, (партийное) сплочение, по методу Пророка, политическая / исламская личность, исправлять недостатки других людей, изменение порочной реальности, нести руководство ислама другим людям* и т. п.;

5) оговорки (в аудио- и видеозаписях): *...стремиться к тому, чтобы вер... соблюдать эти законы, возродить эти законы так, как это было во времена Посланника Аллаха* (восстанавливается речевой смысл ‘вернуть Халифат; работать над восстановлением Халифата’); *Но нет же — люди стали... править, будем всегда думать сами, жить, как хотели* (‘люди отказались от исламского государства, шариатского правления; разрушили Халифат’);

6) применение специальных речевых стратегий и тактик (манипулятивной апелляции к «экспертному мнению» и ценностям, значимым для религиозного сознания мусульман, к примерам успешной реализации призывных действий, к положительной оценке желательных для говорящего действий и отрицательной — их отсутствия, нереализованности и др.), использование косвенных жанров — призыва-мольбы (с обязательным социально-политическим компонентом (само)побуждения), одобрения, осуждения, увещевания, устыжения, угрозы, обещания вознаграждения и др.

Наиболее частотные стратегии, применяемые в конфликтогенных текстах, — это воздействие, информирование и пропаганда, которые в конечном итоге направлены на вовлечение других людей в деятельность экстремистских и террористических организаций посредством изменения мышления и поведения вовлекаемых (в определенном политическом дискурсе и, соответственно, макроконтексте). Данные стратегии реализуются с помощью тактик коррекции картины мира, рефрейминга и т. п., например, с помощью

внедрения в сознание вовлекаемых новых понятий, выражаемых специальной терминологией, — идеологем. Как правило, риторика конкретных террористических и экстремистских организаций имеет специфический набор таких идеологем. Он может служить идентификатором того, в какую именно организацию осуществляется вовлечение (мы раскроем данную тему в последующих публикациях).

Идеологемы по своей природе имеют отсылочный характер, это «многоуровневые концепты», которые адресуют читателя, зрителя, слушателя к ряду определенных идейных, социальных, политических установок и обладают оценочной коннотацией, а также функцией воздействия (по [Михальская 2018]). Идеологемы объективируются в словах, синтаксических конструкциях и, в случаях их использования в тактике рефрейминга, представляют собой незначительное варьирование базовых категорий, религиозных, политических и др. понятий, которое, в силу наличия в них особой отсылки к макроконтексту, переводит их в разряд речевых деликтов, ср.: *мышление* — **озаряющее мышление** ('просвещенное в духе идеологии террористической партии «Хизб ут-Тахрир»'); *мусульманин* — **искренний мусульманин** ('работающий над установлением Халифата, в т. ч. в рядах партии «Хизб ут-Тахрир»'); *личность* — **исламская / политическая личность** ('просвещенная в духе идеологии партии «Хизб ут-Тахрир» и работающая над установлением Халифата в ее рядах'); *исламский призыв* — **носитель исламского призыва** ('член партии «Хизб ут-Тахрир», который осуществляет идеологическое просвещение других людей в целях установления Халифата по методу этой партии'); (*исповедовать*) *ислам* — **претворять ислам (практически), претворять ислам полностью** ('работать над установлением Халифата по методу партии «Хизб ут-Тахрир» — посредством политической борьбы и вооруженного джихада'); *Пророк* — **по методу Пророка** ('работать над установлением Халифата по методу партии «Хизб ут-Тахрир»: посредством сплочения мусульман, исламского призыва, политической борьбы и вооруженного джихада'); «*Халифат*» — **«работать над установлением Халифата»** ('осуществлять политические действия согласно идеологии партии «Хизб ут-Тахрир» в целях установления всемирного Халифата'); «*сплочение*» — **«партийное сплочение»** ('объединение мусульман в рядах террористической партии «Хизб ут-Тахрир»'); «*лечить людей*»

— «лечить людей **Кораном**» (‘осуществлять исламское просвещение / просвещение в духе идеологии террористической партии «Хизб ут-Тахрир» в целях избавления людей от неверия, другой веры’) и т. д.

Более сложной для лингвоэкспертного анализа представляется стратегия вуалирования, которая может быть реализована тактиками эвфемизации, намека, умолчания, неточности или даже противоречивости изложения и др. Без знания макроконтекста (в частности, базовых текстов той или иной экстремистской либо террористической организации, принципов их речевого вовлечения, инструкций) адекватная дешифровка содержания в таких случаях невозможна. См., к примеру, следующие контексты: *Мы должны чувствовать, что мы заместители Пророка; Для этого нам необходимо освоить тот метод, который предводитель пророков и посланников использовал для исправления многобожников Аравии; ...является путём для тех, кто хочет быть политиком и работать для установления государства Халифат (короны всех фардов), который полноценно преворит Ислам; И только тогда мусульмане начнут развиваться и понесут Ислам ко всему миру путём призыва и джихада; ...так же будет продолжаться и хиджра, куда входит оставление своей родины для распространения религии, ее изучения и защиты* (см. примеры инструкций по вовлечению, реализованных посредством вуалирования конфликтогенной информации в [Хазимуллина 2017]).

Подобные факты как нельзя лучше демонстрируют известный тезис о том, что информативность текста является относительным свойством и степень его информативности / интерпретируемости зависит от воспринимающего субъекта [Дридзе 1976: 35; Валгина 2004: 231], в т. ч. эксперта, выполняющего лингвистический анализ. С одной стороны, «текст предстает как система языковых средств, структур, форм, объединенных коммуникативной стратегией отправителя, закладывающего в текстовую ткань разного рода сигналы, влияющие на адресата, направляющие его восприятие и управляющие им», с другой — реципиент имеет «собственные фоновые знания, заставляющие по-разному (вариативно!) «мерцать» те или иные текстовые смыслы, заложенные в тексты и актуализированные так или иначе субъектом речи» [Чернявская 2014: 27–28]. При этом интерпретация может считаться верной «лишь тогда, когда реципиент толкует основную идею (цель) сообщения в соответствии с замыслом коммуникатора» [Дридзе 1976: 36].

5. Выводы

Эксперты-филологи, как правило, имеют широкое гуманитарное образование, подразумевающее знание культурологии, психологии, социологии, политологии, философии, мировой истории, истории религий, искусства и мн. др., помогающее им профессионально декодировать многослойное содержание самых разнообразных текстов. Однако именно лингвоэкспертная компетенция, постепенно накапливаемая в опыте изучения спорного материала, позволяет им достигать все большей глубины понимания намеренно вуалируемого конфликтогенного содержания — с опорой на макроконтекст, целостный социально-политический дискурс, знание идеологии конкретных экстремистских и террористических организаций. Данный факт необходимо учитывать как при формулировании требований к лингвистической экспертизе, так и при оценке ее результатов.

Литература

- Анисимова 2016 — А. Т. Анисимова. Риторика и лингвистика текста // Научный вестник Южного института менеджмента. 2016. № 2. С. 56–61.
- Ахманова, Гюббенет 1977 — О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 47–54.
- Бабенко 2004 — Л. Г. Бабенко. Филологический анализ текста: Основы теории, принципы и аспекты анализа. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004.
- Баранов 2013 — А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М.: Флинта; Наука, 2013.
- Батюшкина 2016 — М. В. Батюшкина. Лингвистическая и правовая модели классификации лингвистических экспертиз // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 222–230.
- Бельчиков и др. 2010 — Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. М.: Информкнига, 2010.
- Бринев 2009 — К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: Алтайская гос. пед. академия, 2009.
- Валгина 2004 — Н. С. Валгина. Теория текста. М.: Логос, 2004.
- Галяшина 2006 — Е. И. Галяшина. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам. М.: Юридический Мир, 2006.

- Громова 2018 — Н. С. Громова. «Вербальный экстремизм» и «язык ненависти» в контексте юрислингвистического функционирования: опыт терминологического анализа // Вестник Костромского гос. ун-та. 2018. № 2. С. 248–252.
- Доминикан 2017 — А. И. Доминикан. Виды контекстов при разных научных подходах // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия «Филология». 2017. № 4. С. 125–131.
- Дридзе 1976 — Т. М. Дридзе. Интерпретационные характеристики и классификация текстов (с учетом специфики интерпретационных сдвигов) // Т. М. Дридзе, А. А. Леонтьев (ред.). Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М.: Наука, 1976. С. 34–45.
- Звегинцев 2001 — В. А. Звегинцев. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Иссерс, Орлова 2017 — О. С. Иссерс, Н. В. Орлова. Лингвистические корреляты понятия «вовлечение в экстремистскую деятельность» // Политическая лингвистика. 2017. № 3 (63). С. 132–136.
- Исследование и экспертиза экстремистских материалов 2011 — Л. В. Савинов (ред.). Исследование и экспертиза экстремистских материалов. Новосибирск: Издательство СибАГС, 2011.
- Ключникова 2017 — Е. Л. Ключникова. Семантика языковых единиц различных уровней. Юрислингвистический термин // Современный взгляд на будущее науки: приоритетные направления и инструменты развития. СПб.: КультИнформПресс, 2017. С. 167–170.
- Коломейцева 2012 — Е. М. Коломейцева. Инвариантность подтекста в психологической прозе (электронный документ) // Альманах современной науки и образования. 2012. № 3 (58). С. 67–70. Тамбов: Грамота, 2012 (электронный документ). URL: www.gramota.net/materials/1/2012/3/22.html (дата обращения 27.05.2019).
- Колшанский 1980 — Г. В. Колшанский. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980.
- Михальская 2018 — М. В. Михальская. Идеологема как элемент глобального вертикального контекста (электронный документ) // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. 2018. № 2. URL: <https://bookonlime.ru/lecture/10-ideologema-kak-element-globalnogo-vertikalnogo-konteksta-0> (дата обращения 27.05.2019).
- Мишланов 2012 — В. А. Мишланов. Законодательство РФ об экстремизме и задачи лингвистической экспертизы текстов // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. № 3 (19). С. 62–69.
- Мишланов, Салимовский 2015 — В. А. Мишланов, В. А. Салимовский. Современный церковно-религиозный дискурс в аспекте проблем судебной лингвистики // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2015. № 2 (30). С. 84–96.

- Мощанская 2014 — Е. Ю. Мощанская. Роль невербального контекста в восприятии и понимании устного дискурса // Вестник Пермского нац. иссл. политех. ун-та. Проблемы языкознания и педагогики. 2014. № 9. С. 29–36.
- Мыркин 1978 — В. Я. Мыркин. Типы контекстов. Коммуникативный контекст // Филологические науки. 1978. № 1. С. 95–100.
- Осадчий 2016 — М. А. Осадчий. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016.
- Падучева 2002 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Эдиториал УРСС, 2002.
- Постановление 2011 — Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 г. Москва «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (электронный документ). URL: <https://rg.ru/2011/07/04/vs-dok.html> (дата обращения 27.05.2019).
- Резепин 2015 — А. В. Резепин. Психолого-лингвистический анализ продуктов коммуникативной деятельности по делам о религиозном экстремизме // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 3 (6). С. 76–82.
- Роммевейт 1972 — Р. Роммевейт. Слова, значения и сообщения // А. А. Леонтьев, Л. В. Сахарный (ред.). Психолингвистика за рубежом. М.: Наука, 1972. С. 53–87.
- Теоретические и методические основы 2011 — О. В. Кукушкина, Ю. А. Сафонова, Т. Н. Секераж. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2011 (электронный документ). URL: <http://www.rusexpert.ru/public/guild/6.pdf> (дата обращения 27.05.2019).
- Хазимуллина 2016 — Е. Е. Хазимуллина. Механизм речевого вовлечения в деятельность экстремистских организаций // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2016. Т. XII. Ч. 3. С. 453–469.
- Хазимуллина 2017 — Е. Е. Хазимуллина. О механизме речевого вовлечения в деятельность экстремистских организаций // Идеология терроризма: пропаганда и контрпропаганда. Современные вызовы. Материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции (2 ноября 2017 г.). Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2017. С. 129–137.
- Черезова 1985 — Т. Л. Черезова. О сопоставительном изучении вертикального контекста художественных произведений (на материале творчества Энтони Троллопа и Ч. П. Сноу). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. МГУ. М., 1985.

- Чернявская 2014 — В. Е. Чернявская. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: Ленанд, 2014.
- Чубина 2016 — Е. А. Чубина. Судебная лингвистическая экспертиза рекламного текста: компетенция эксперта // О. В. Барабаш, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова (ред.). Язык. Право. Общество. Пенза: Пензенский гос. ун-т, 2016. С. 173–176.
- Экстремистский текст 2014 — Экстремистский текст 2014 — Ю. А. Антонова, Л. Е. Веснина, М. Б. Ворошилова, К. В. Злоказов, Ю. Р. Тагильцева, А. А. Карапетян. Экстремистский текст и деструктивная личность. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2014.
- Юрислингвистика-2 2000 — Н. Д. Голев (ред.). Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000.
- Юрислингвистика-9 2008 — Н. Д. Голев (ред.). Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2008.
- van Dijk 2000 — T. A. van Dijk. Ideology and discourse. A Multidisciplinary Introduction. English version of an internet course for the Universitat Obrerta de Catalunya (UOC). July 2000. Available at: <http://www.discourses.org/UnpublishedArticles/Ideology%20and%20discourse.pdf> (accessed on 27.05.2019).
- van Dijk 2014 — T. A. van Dijk. Discourse-Cognition-Society. Current State and Prospects of the Socio-Cognitive Approach to Discourse // Ch. Hart and P. Cap (eds.). Contemporary Critical Discourse Studies. London: Bloomsbury, 2014. P. 121–146.
- Halliday 1985 — M. A. K. Halliday. Systemic background // J. D. Benson and W. S. Greaves (eds.). Systemic Perspective on Discourse. Vol. 1: Selected Theoretical Papers from the Ninth International Systemic Workshop, (Advances in Discourse Processes 15). Ablex: Ablex Publishing, P. 1–15. Reprinted: M.A.K. Halliday and J. Webster. On Language and Linguistics. Collected Works of M. A. K. Halliday. Vol. 3. London: Continuum, 2003. P. 185–198.

References

- Akhmanova, Gyubbenet 1977 — O. S. Akhmanova, I. V. Gyubbenet. «Vertikalnyy kontekst» kak filologicheskaya problema [«Vertical context» as a philological problem]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1977. No. 3. P. 47–54.
- Anisimova 2016 — A. T. Anisimova. Ritorika i lingvistika teksta [Rhetoric and linguistics of text]. *Nauchnyy vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta*. 2016. No. 2. P. 56–61.
- Babenco 2004 — L. G. Babenco. Filologicheskii analiz teksta: Osnovy teorii, printsipy i aspekty analiza [Philological analysis of the text: the

- fundamentals of the theory, principles and aspects of analysis]. Moscow: Akademicheskii proekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga, 2004.
- Baranov 2013 — A. N. Baranov. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniya i praktika [Linguistic expertise of the text: theoretical foundations and practice]. Moscow: Flinta; Nauka, 2013.
- Batyushkina 2016 — M. V. Batyushkina. Lingvisticheskaya i pravovaya modeli klassifikatsii lingvisticheskikh ekspertiz [Classification of linguistic expertise: linguistic and legal models]. *Politicheskaya lingvistika*. 2016. No. 6. P. 222–230.
- Belchikov et al. 2010 — Yu. A. Belchikov, M. V. Gorbanevskiy, I. V. Zharkov. Metodicheskie rekomendatsii po voprosam lingvisticheskoy ekspertizy spornykh tekstov SMI [Methodical recommendations about questions of linguistic examination of controversial texts of media]. Moscow: Informkniga, 2010.
- Brinev 2009 — K. I. Brinev. Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza [Theoretical linguistics and judicial linguistic examination]. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy Press, 2009.
- Cherezova 1985 — T. L. Cherezova. O sopostavitel'nom izuchenii vertikal'nogo konteksta khudozhestvennykh proizvedeniy (na materiale tvorchestva Entoni Trollopa i Ch. P. Snou). Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [On the comparative study of the vertical context of works of art (based on the work of Anthony Trollope and C. P. Snow). Author's abstract of a phil. cand. diss., Moscow State University]. Moscow, 1985.
- Chernyavskaya 2014 — V. E. Chernyavskaya. Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa [Text linguistics. Discourse Linguistics]. Moscow: Lenand, 2014.
- Chubina 2016 — E. A. Chubina. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza reklam'nogo teksta: kompetentsiya eksperta [Forensic examination of language of advertising: expert competence]. O. V. Barabash, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova (eds). *Yazyk. Pravo. Obshchestvo* [Language. Law. Society]. Penza: Penza State University Press, 2016. P. 173–176.
- van Dijk 2000 — T. A. van Dijk. Ideology and discourse. A Multidisciplinary Introduction. English version of an internet course for the Universitat Obrerta de Catalunya (UOC). July 2000. Available at: <http://www.discourses.org/UnpublishedArticles/Ideology%20and%20discourse.pdf> (accessed on 27.05.2019).
- van Dijk 2014 — T. A. van Dijk. Discourse-Cognition-Society. Current State and Prospects of the Socio-Cognitive Approach to Discourse. Ch. Hart and P. Cap (eds.) *Contemporary Critical Discourse Studies*. London: Bloomsbury, 2014. P. 121–146.
- Dominikan 2017 — A. I. Dominikan. Vidy kontekstov pri raznykh nauchnykh podkhodakh [Types of contexts according to different scientific approaches]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2017. No. 4. P. 125–131.

- Dridze 1976 — Т. М. Dridze. Interpretatsionnye kharakteristiki i klassifikatsiya tekstov (s uchedom spetsifiki interpretatsionnykh sdvigov) [The properties of interpreting and the classification of texts (in furtherance of specific interpreting change)]. T. M. Dridze, A. A. Leont'ev (eds.). *Smyslovoye vospriyatie rechevogo soobshcheniya (v usloviyakh massovoy kommunikatsii)* [Meaning perception of speech messages (in terms of mass communication)]. Moscow: Nauka, 1976. P. 34–45.
- Galyashina 2006 — E. I. Galyashina. Lingvistika vs ekstremizma: V pomoshch sudyam, sledovatelyam, ekspertam [Linguistics vs extremism: To help the judges, investigators, experts]. Moscow: Yuridicheskiy Mir, 2006.
- Gromova 2018 — N. S. Gromova. «Verbalnyy ekstremizm» i «yazyk nenavisti» v kontekste yurislingvisticheskogo funktsionirovaniya: opyt terminologicheskogo analiza [«Verbal extremism» and «hate speech» in the context of juridical linguistics functioning: the experience of the terminological analysis]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. No. 2. P. 248–252.
- Halliday 1985 — M. A. K. Halliday. Systemic background. J. D. Benson and W. S. Greaves (eds.). *Systemic Perspective on Discourse*. Vol. 1: Selected Theoretical Papers from the Ninth International Systemic Workshop, (Advances in Discourse Processes 15). Ablex: Ablex Publishing, P. 1–15. Reprinted: M.A.K. Halliday and J. Webster. *On Language and Linguistics. Collected Works of M. A. K. Halliday*. Vol. 3. London: Continuum, 2003. P. 185–198.
- Issers, Orlova 2017 — O. S. Issers, N. V. Orlova. Lingvisticheskie korrelyaty ponyatiya «vovlechenie v ekstremistskuyu deyatelnost» [Linguistic correlates of the concept «engagement in extremist activity»]. *Politicheskaya lingvistika*. 2017. No. 3 (63). P. 132–136.
- Issledovanie i ekspertiza ekstremistskikh materialov 2011 — L. V. Savinov (ed.). Issledovanie i ekspertiza ekstremistskikh materialov [Extremist materials research and examination]. Novosibirsk: Siberian Academy of Public Service Press, 2011.
- Khazimullina 2016 — E. E. Khazimullina. Mekhanizm rechevogo vovlecheniya v deyatelnost yekstremistskikh organizatsiy [Mechanism of speech involvement by extremist organizations]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2016. Vol. XII. Pt. 3. P. 453–469.
- Khazimullina 2017 — E. E. Khazimullina. O mekhanizme rechevogo vovlecheniya v deyatelnost ekstremistskikh organizatsiy [About the mechanism of speech involvement by extremist organizations]. *Ideologiya terrorizma: propaganda i kontrpropaganda. Sovremennye vyzovy. Materialy IV Mezhhregionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (2 noyabrya 2017 g.)* [The ideology of terrorism: propaganda and counter-propaganda. Modern challenges. Information materials of the 4th Interregional Scientific and Practical Conference (November 2, 2017)]. Makhachkala: Publishing House «Dagestan», 2017. P. 129–137.
- Klyuchnikova 2017 — E. L. Klyuchnikova. Semantika yazykovykh yedinit razlichnykh urovney. Yurislingvisticheskiy termin [Semantics of language

- units at different levels. The term of Juridical linguistics]. *Sovremennyy vzglyad na budushchee nauki: prioritnyye napravleniya i instrumenty razvitiya* [Modern view on the future of science: priorities and development tools]. St. Petersburg: KultInformPress, 2017. P. 167–170.
- Kolomeytseva 2012 — E. M. Kolomeytseva. Invariantnost podteksta v psikhologicheskoy proze [Invariance of the subtext in psychological prose] (electronic document). *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 2012. No. 3 (58). P. 67–70. Available at: www.gramota.net/materials/1/2012/3/22.html (accessed on 27.05.2019).
- Kolshanskiy 1980 — G. V. Kolshanskiy. Kontekstnaya semantika [Contextual semantics]. Moscow: Nauka, 1980.
- Mikhalskaya 2018 — M. V. Mikhalskaya. Ideologema kak element globalnogo vertikalnogo konteksta [On ideologically-bound units as integral elements of global vertical context] (electronic document). *Yazyk. Kultura. Peregod. Kommunikatsiya*. 2018. No. 2. Available at: <https://bookonlime.ru/lecture/10-ideologema-kak-element-globalnogo-vertikalnogo-konteksta-0> (accessed on 27.05.2019).
- Mishlanov 2012 — V. A. Mishlanov. Zakonodatelstvo RF ob ekstremizme i zadachi lingvisticheskoy ekspertizy tekstov [Legislation of the Russian Federation on extremism and tasks of linguistic expertise of texts]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2012. No. 3 (19). P. 62–69.
- Mishlanov, Salimovskiy 2015 — V. A. Mishlanov, V. A. Salimovskiy. Sovremennyy tserkovno-religioznyy diskurs v aspekte problem sudebnoy lingvistiki [Modern clerical and religious discourse in terms of forensic linguistics issues]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2015. No. 2 (30). P. 84–96.
- Moshchanskaya 2014 — E. Yu. Moshchanskaya. Rol neverbalnogo konteksta v vospriyatii i ponimanii ustnogo diskursa [Role of a nonverbal context in perception and understanding of oral discourse]. *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*. 2014. No. 9. P. 29–36.
- Myrkin 1978 — V. Ya. Myrkin. Tipy kontekstov. Kommunikativnyy kontekst [Types of contexts. Communicative context]. *Filologicheskie nauki*. 1978. No. 1. P. 95–100.
- Osadchiy 2016 — M. A. Osadchiy. Russkiy yazyk na grani prava: Funktsionirovanie sovremennogo russkogo yazyka v usloviyakh pravovoy reglamentatsii rechi [Russian language on the verge of law: The functioning of the modern Russian language in terms of the legal regulation of speech]. Moscow: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2016.
- Paducheva 2002 — E. V. Paducheva. Vyskazyvanie i yego sootnesennost s deystvitel'nostyu (referentsialnye aspekty semantiki mestoimeniy) [The statement

- and its correlation with reality (referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow: Editorial URSS, 2002.
- Postanovlenie 2011 — Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 28 iyunya 2011 g. No. 11 g. Moskva «O sudebnoy praktike po ugovolnym delam o prestupleniyakh ekstremistskoy napravlenosti» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 No. 11 Moscow «About judiciary practice on criminal cases about crimes of an extremist orientation»]. Available at: <https://rg.ru/2011/07/04/vs-dok.html> (accessed on 27.05.2019).
- Rezepin 2015 — A. V. Rezepin. Psikhologo-lingvisticheskiy analiz produktov kommunikativnoy deyatel'nosti po delam o religioznom ekstremizme [Psychological-and-linguistic analysis of communicative activity products in religious extremism cases]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 2015. No. 3 (6). P. 76–82.
- Rommetveyt 1972 — R. Rommetveyt. Slova, znacheniya i soobshcheniya [Words, Meanings and Messages]. A. A. Leontyev, L. V. Sakharnyy (eds.). *Psikholingvistika za rubezhom*. [Psycholinguistics abroad]. Moscow: Nauka, 1972. P. 53–87.
- Teoreticheskiye i metodicheskiye osnovy 2011 — O. V. Kukushkina, Yu. A. Safonova, T. N. Sekerazh. Teoreticheskiye i metodicheskiye osnovy sudebnoy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy tekstov po delam, svyazannym s protivodeystviyem ekstremizmu. [Theoretical and methodological foundations of psychological and forensic linguistic examination on matters related to counter extremism] (electronic document). Moscow: Russian Federal Center of Forensic Science under the Ministry of Law of the Russian Federation, 2011. Available at: <http://www.rusexpert.ru/public/guid/6.pdf> (accessed on 27.05.2019).
- Valgina 2004 — N. S. Valgina. Teoriya teksta [Theory of the text]. Moscow: Logos, 2004.
- Ekstremistskiy tekst 2014 — Yu. A. Antonova, L.E. Vesnina, M. B. Voroshilova, K. V. Zlokazov, Yu. R. Tagiltseva, A. A. Karapetyan. Ekstremistskiy tekst i destruktivnaya lichnost [Extremist text and destructive personality]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University Press, 2014.
- Yurilingvistika-2 2000 — N. D. Golev (ed.). Yurilingvistika-2: russkiy yazyk v yego yestestvennom i yuridicheskom bytii [Juridical linguistics-2. Russian Language in its natural and legal being]. Barnaul: Altai State University Press, 2000.
- Yurilingvistika-9 2008 — N. D. Golev (ed.). Yurilingvistika-9: Istina v yazyke i prave. [Juridical linguistics-9: The truth in language and law]. Kemerovo; Barnaul: Altai State University Press, 2008.
- Zvegintsev 2001 — V. A. Zvegintsev. Predlozhenie i yego otnoshenie k yazyku i rechi [Sentence and its relation to language and speech]. Moscow: Editorial URSS, 2001.

**МЕТОДЫ АНАЛИЗА РЕЧЕВЫХ АКТОВ:
ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ЛИНГВОЭКСПЕРТНОЙ
И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ**

Т. В. Чернышова

Алтайский государственный университет, Барнаул
labrlexis@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждается проблема эффективности использования в экспертной российской практике лингвистического анализа конфликтных текстов с применением методического инструментария теории речевых актов. Новым аспектом разрабатываемой проблематики является попытка осмысления возможностей, которые предоставляются теорией речевых актов в интерпретации речевого правонарушения, и ограничений этих возможностей, обусловленных требованиями современного российского законодательства, современной судебной практикой РФ.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, теория речевых актов, речевой акт оскорбления, речевые акты утверждений и мнений, инвариант речевого акта, коммуникативная направленность высказывания, законодательство Российской Федерации.

**Methods of analysis of speech acts:
opportunities and problems of use in practice
of conducting forensic linguistic examinations**

T. V. Chernyshova

Altai State University, Barnaul
labrlexis@mail.ru

Abstract. The article discusses effective application of speech-act analysis methods to conflictogenic text expertise in Russian forensic linguistics practices. It describes an attempt to understand the

possibilities of using the speech-act theory as an instrument for interpreting speech offenses, as well as its limitations imposed by the modern Russian legislation.

The goal is to assess the effectiveness and relevance of using speech-act analysis results in modern Russian judicial practices.

The method of semantic-pragmatic analysis (J. R. Searle, K. I. Brinev, etc.) was used to describe speech acts found in conflictogenic texts, and comparative analyses conducted.

The purpose was to identify the difficulties of using the theory of speech acts methodology in forensic linguistics, gauge its advantages as an instrument for interpreting a speech act as a speech offense, and determine its applicability under the existing Russian legislation norms and judicial practices.

A comparative analysis of linguistic expertise findings shows that the speech act theory can be effectively used in legal cases regarding speech conflicts (insults or other speech acts requiring identification of statements as statements about facts), while its active application is restricted both by the Russian legislation concerning criminalization of speech acts, and, to some extent, by certain vagueness of the existing legislative formulae which allow for different qualification of the same speech act.

Keywords: judicial linguistic examination, theory of speech acts, speech act of insult, speech acts of statements and opinions, invariant of speech act, communicative orientation of utterance, legislation of the Russian Federation.

1. Введение и постановка задачи

В данном сообщении мы вновь возвращаемся к проблеме выбора методов и приемов исследования спорных текстов в рамках проведения лингвоэкспертного анализа текста [Чернышова 2016], а также к проблеме эффективности использования полученных результатов исследования в судебной российской практике. Новым аспектом разрабатываемой проблематики является попытка осмысления анализируемых речевых актов с позиций современного российского законодательства, существующей лингвоэкспертной практики и теории речевых актов.

Одним из стимулов написания данного доклада послужила статья А. Н. Баранова «Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина)»:

«Роль лингвистики в лингвистической экспертизе требует специального рассмотрения как минимум по двум причинам: во-первых, потому, что, вопреки здравому смыслу, новые подходы в системе подготовки соответствующих специалистов полностью игнорируют собственно лингвистический характер знаний лингвистов-экспертов, сводя его к юридической образованности, и, во-вторых, потому, что падение уровня лингвистических знаний, а также прагматические факторы ... приводят к падению научного уровня экспертных исследований, превращая их в тексты жанра „чего изволите“. Нет нужды говорить, что это пагубная тенденция развития лингвистической экспертизы, которая в ближайшей перспективе определенно приведет к исчезновению обсуждаемого направления как общественно полезной и востребованной деятельности» [Баранов 2017: 19].

Объектом нашего рассмотрения является теория речевых актов как лингвистический метод, используемый в лингвоэкспертной практике для анализа спорных текстов, предметом — эффективность и **востребованность** полученных результатов исследования, добытых с помощью данного метода, в современной судебной российской практике.

Исследователи, опираясь на имеющуюся судебную практику, отмечают эффективность использования теории речевых актов (далее — ТРА) при анализе речевых ситуаций, речевого поведения участников разговора [Ли, Карымсакова 2016] и т. д. Приведу несколько примеров:

А. Н. Баранов: «Не менее существенна для экспертизы текста лингвистическая прагматика. В особенности теория речевых актов, определяющая коммуникативную направленность высказывания (его иллокутивную силу) и сущность таких важнейших речевых категорий, как утверждение, оценка, призыв» [Баранов 2011: 18–19];

Т. Б. Радбиль, В. А. Юматов: «Именно использование теории речевых актов в лингвистической экспертизе позволяет достоверно квалифицировать определенные высказывания, содержащиеся в анализируемом тексте, как действия с помощью слов, подлежащие впоследствии, в процессе судопроизводства, правовой оценке» [Радбиль, Юматов 2013: 287];

К. И. Бринев: «В данном случае задача лингвистической экспертизы — описать тот вариант поведения, который выбирает субъект

речевого произведения в той ситуации, которая квалифицируется как юридический факт в том смысле, что влечет юридически значимые последствия. Сюда относятся задачи по выявлению следующих тождеств (в том смысле, что мы отвечаем на вопрос, кодирует ли говорящий соответствующую информацию в своем сообщении или нет).

1. Отождествление речевых актов:
 - оскорбления;
 - призыва;
 - утверждения;
 - угрозы.
2. Отождествление семантических характеристик высказывания:
 - А) Отождествление утверждения о фактах:
 - а) ментального состояния субъекта, порождающего текст;
 - б) описывающих фрагменты окружающей действительности.
 - Б) Отождествление оценки» [Бринев 2009: 54].

Исследователи также отмечают, что «все вышеуказанные проблемы, при всем их смысловом различии, объединяет... только один признак: во всех этих случаях лингвист на самом деле анализирует не семантику употребленных слов и выражений, он анализирует действия, совершенные с помощью слов» [Радбиля, Юматов 2013: 286].

Цель данного исследования — на примере лингвоэкспертного анализа конфликтных текстов, ставших предметом судебного разбирательства по двум категориям дел: 1) квалифицируемых российским законодательством как оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ и ст. 319, 297 УК РФ), 2) по делам о защите чести, достоинства, деловой репутации и возмещении морального вреда (ст. 152, 151 ГК РФ), — выявить проблемные аспекты, связанные с использованием методического инструментария ТРА в ходе проведения лингвистической экспертизы, в частности, рассмотреть возможности, которые предоставляются ТРА в интерпретации речевого правонарушения, и соотнести результаты исследования с требованиями современного российского законодательства, современной судебной практикой РФ.

2. Теория речевых актов и отождествление речевого оскорбления

Речевой акт (далее — РА) оскорбления — речевой акт **«оценочной**, а именно — **негативно-оценочной квалификации** (квалифика-

тивы)» [Радбиль, Юматов 2013: 288], изучен исследователями довольно хорошо и разноаспектно: выделена группа лексических единиц, которые отнесены к разряду оскорбительных (И. А. Стернин); проанализированы составляющие РА оскорбления (Т. Б. Радбиль, В. А. Юматов); описаны с помощью примитивов А. Вежбицкой функции высказываний и коммуникативные (иллокутивные) намерения автора (К. И. Бринев); оценены условия успешности данного речевого акта (А. Н. Баранов).

В российской законодательной практике оскорбление как речевое правонарушение отражено в статьях Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (статья 5.61 «Оскорбление», введена Федеральным законом от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ) и Уголовного кодекса РФ (статья 319 «Оскорбление представителя власти», статья 297 «Неуважение к суду»).

Представляется, однако, что проблема юридизации речевых конфликтов, относящихся к оскорблениям, не может быть признана решенной. Каждая новая ситуация оскорбления вызывает новые вопросы и вскрывает нерешенные проблемы. Полагаем, что одной из наиболее актуальных проблем является признание конкретного высказывания (группы высказываний) оскорбительным. Обусловлено это, на наш взгляд, рядом факторов. С одной стороны, тем, что представления лингвистов¹ об иллокутивной силе высказывания в пределах РА не вполне совпадают с понятием «речевого правонарушения» в современном российском законодательстве и судебной практике — иначе говоря, не все варианты реализации РА оскорбления подпадают под соответствующий закон; с другой стороны, «важнейшими аспектами взаимоотношений естественного языка (ЕЯ) и языка юридического (ЮЯ) (...) Основной юрлингвистический пафос в связи с этим заключается в требовании максимального (точнее здесь сказать — максимально возможного) учета внутренних закономерностей ЕЯ при его правовом регулировании. Идеальным здесь является положение, при котором естественные, выработанные самим языком законы, нормы органически детерминируют юридические каноны. Достичь этого идеала, конечно, трудно, так как антиномическое устройство языка предполагает активное действие в нем разнонаправленных сил, охватить которые

¹ О разнице метаязыкового сознания юристов и лингвистов см.: [Лебедева 2000].

юридические презумпции никак не могут (в определенном смысле — и не должны)» [Голев 2000: 10]. Наконец, функции судебных и «несудебных» лингвистов-экспертов различны: роль первых, как следует из Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», состоит в оказании «содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям и прокурорам в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла» [Федеральный закон]; задача вторых, наряду с вышеизложенным, заключается в том, чтобы по мере возможностей формировать нормы речевого поведения и способствовать повышению речевой культуры в социуме.

Обратимся к содержательному анализу каждой из указанных законодательных статей.

А. Содержание статьи 5.61 «Оскорбление»: «...оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное **в неприличной форме**» [Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях].

Не останавливаясь на проблеме «неприличной формы», которая освещена во многих исследованиях (И. А. Стернин и др.) и до сих пор еще окончательно не решена, сформулируем вопросы, которые возникают при идентификации речевого акта как оскорбления в повседневной экспертной практике:

1. Означает ли формулировка статьи, что оскорбление, осуществленное при помощи иной, кроме неприличной, лексики, оскорблением не является?

2. Меняется ли коммуникативная направленность оскорбительного высказывания (его иллокутивная сила), если оценка выражена иной лексикой?

Исследования экспертов, осуществленные с использованием инструментария ТРА, не всегда дают на эти вопросы однозначные ответы.

Так, К. И. Бринев в своей монографии, с одной стороны, отмечает осуществленную вариативность степени причинения вреда, что «снимает необходимость в подведении всех речевых актов, содержащих инвективу, к оппозиции оскорбительно / неоскорбительно ...»

[Бринев 2009: 83], а с другой стороны, завершает этот абзац следующей фразой: «Признаки речевых актов инвективы настолько разнообразны, что, по нашему мнению, в будущем **позволит юридизировать различные степени причинения морального вреда, а также его отсутствие**» [Бринев 2009: 83] (выделено мною — *Т. Ч.*).

Согласно описанию К. И. Бринева, «речевой акт оскорбления характеризуется коммуникативным намерением говорящего причинить психологический ущерб слушающему путем использования стилистически сниженного речевого оборота, содержащего негативную оценку, реализованную при помощи эмоций презрения и неодобрения» [Бринев 2013: 60]. Данное утверждение значительно расширяет круг лексем, обладающих оскорбительным потенциалом, вводя в группу неприличных не только обценные слова (мат), но все многообразие лексем русского экспрессивного просторечия.

Типовые признаки речевого акта негативно-оценочной квалификации (квалификативы), иначе — оскорбительного речевого поведения говорящего, можно описать следующей формулой:

- А) Знаю, что X способно причинить тебе психологический ущерб;
- Б) Хочу, чтобы ты знал, что я говорю X;
- В) Говорю X, чтобы причинить тебе психологический ущерб [Бринев 2013: 61]

Или:

Г) Говорю тебе X, чтобы показать, что твой статус ниже моего; где X — оскорбительное (неприличное) высказывание или слово.

Данная формула представляет собой инвариант речевого акта оскорбления, который в ситуациях межличностного и публичного общения реализуется в нескольких вариантах. На наш взгляд, коммуникативная направленность высказывания, отождествляющая оскорбительный РА, остается величиной постоянной и направлена на снижение статуса оппонента и причинение ему психологического ущерба независимо от формы высказывания (приличной или неприличной), что дает основание для следующих утверждений:

1) в реальной повседневной коммуникации оскорбительным потенциалом обладают не только (и не столько) высказывания,

выраженные в неприличной форме, но и другие инвективы, содержащие негативную оценку личности инвектума и обращенные в его адрес;

2) лингвист, отождествляющий речевой акт, содержащий оскорбление лица, выраженное любым способом, может (должен) указать на его оскорбительный характер, если, оценивая условия речевого акта, он приходит к выводу о том, что в ходе данного речевого акта через использование оценочной лексики и фразеологии произошло снижение статуса инвектума по отношению к статусу инвектора.

Данные выводы подтверждаются и экспертной практикой, в ходе которой возможны различные варианты заключения эксперта на основании анализа речевых актов оценочной (а именно — негативно-оценочной) квалификации. Приведу несколько примеров:

1. Вывод эксперта не противоречит статье закона (в коммуникации использована неприличная форма):

— Пример из заключения специалиста от 14 сентября 2017 г. по материалам дела о ссоре соседей по поводу неправомерных действий одного из них. Обладающими нецензурной формой (обsceneй и вульгарной) и оскорбительными являются следующие высказывания, произнесенные М1 в адрес М2 (*п**ор ё**ный, сука*).

2. Вывод эксперта частично противоречит статье закона (в коммуникации использованы единицы разного стилистического статуса).

— На исследование специалиста предоставлены следующие высказывания, произнесенные С. в адрес К.: *колхозанка ё**ная, нищебродка*.

Существительное *колхозанка* имеет значение ‘человек необразованный, некультурный, примитивный, обычно приехавший из деревни, провинции’ (имеет пометы *просторечное* или *диалектное*). Слово жаргонного происхождения, относится к бытовому жаргону, зафиксировано в «Словаре русского арго» В. С. Елистратова [Елистратов]. Направлено на снижение социального статуса объекта речи, т. е. оскорбление.

В речи С. это слово употреблено в сочетании с нецензурным определением *ё**ная*, значение которого — ‘скверный, отвратительный, дурной’. Данное слово в «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химика [Химик 2004] сопровождается пометой «презрительное». Данный эпитет усиливает негативный потенциал высказывания.

2) Существительное *нищоброд* зафиксировано в словарях жаргонной речи [Александрова 2001], распространено в молодежном сленге, в интернет-сленге. Употребляется в значении ‘человек, который не способен заработать достаточное количество денег на разнообразные нужды, любящий считать чужие деньги’. Относится к категории бранных, социально-оценочных. Направлено на снижение социального статуса объекта речи, т. е. оскорбление.

Таким образом, оба выражения относятся к группам бранной просторечной или жаргонной лексики, обладают высоким оценочным потенциалом, содержат негативную оценку личности и личностных качеств К. и направлены на снижение ее социального статуса, т. е. на оскорбление.

К наиболее грубым оскорбительным высказываниям относится сочетание *колхозанка ё**ная*, в состав которого входит нецензурное определение *ё**ная*.

3. Вывод эксперта входит в противоречие со статьей закона (оскорбление есть, но оно не обладает неприличной формой):

— Пример из экспертного заключения от 19 января 2010 г. о ссоре двух женщин, последовавшей после ссоры их детей:

Высказывание *Нарожала бы своих детей и тогда бы их воспитывала* представляет собой утверждение и адресовано К. Данное высказывание входит в состав речевого действия, которое может быть названо *понижение статуса* адресата. Данное действие описывается следующей формулой:

- А) Знаю, что истинно X;
- Б) Говорю тебе, что истинно X;
- В) Говорю тебе это для того, чтобы ты знал, что истинно X.

При этом если говорящий употреблял эти высказывания в присутствии К., то он осознавал, что они (высказывания) способны понизить ее статус в глазах третьих лиц.

Высказывание *Я (В.) на х*й знаю, что ребенок не твой, никого не рожала, взяла ребенка на воспитание из детского дома, все об этом знают и молчат, я же молчать не буду, ты не в состоянии иметь своих детей, потому что бесплодная* представляет собой утверждение и адресовано К. Данное высказывание входит в состав речевого действия, которое также может быть названо *понижение статуса* адресата. Данное действие описывается следующей формулой:

- А) Знаю, что тебе свойственно X;
- Б) Знаю, что X считается негативно ценным;
- В) Говорю тебе, что тебя характеризует X;
- Г) Говорю это тебе для того, чтобы ты знал, что твой статус ниже моего.

Подобные речевые акты производятся с целью утверждения о своем превосходстве по отношению к адресату сообщения. В основе этих речевых произведений лежат описательные высказывания. В анализируемом случае для утверждения своего превосходства В. использует фоновые знания о состоянии здоровья адресата (*бесплодна*), о секретах, которые могут быть в семье адресата (*взяла ребенка на воспитание из детского дома*). Другими словами, говорящий в речевом отношении ведет себя так, как если бы он знал, что К. присуще какое-то качество, которое является негативно ценным.

При этом если говорящий употребил эти высказывания в присутствии К., то он осознавал, что они (высказывания) способны понизить ее статус в глазах третьих лиц (общение происходило публично, во дворе дома, где живут обе женщины).

Все фразы содержат отрицательную оценку личности того, в чей адрес они направлены, — К. Данные высказывания обладают оскорбительным потенциалом, следовательно, речевое поведение В. должно быть квалифицировано как оскорбительное.

Б. Содержание статей УК РФ: 319-й «Оскорбление представителя власти» («Публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением...») и 297-й «Неуважение к суду» («1. Неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства...») [Уголовный кодекс РФ].

Содержание данных статей также вызывает ряд вопросов, например:

1. Всегда ли для признания высказывания оскорблением необходима неприличная форма? (ст. 279 и 319 УК РФ об этом умалчивают). По замечанию К. И. Бринева, «вопрос об обязательности неприличной формы выражения оскорбления так же, как и в случае со ст. 297 («Неуважение к суду»), остается к настоящему времени открытым» [Бринев 2012: 59].

2. Можно ли признать оскорблением высказывание в адрес представителя власти в неприличной форме, если оно совершено непублично?

Таким образом, с точки зрения ТРА, в рамках которой на основе инварианта происходит отождествление высказывания как оскорбительного РА, иллокутивная сила (коммуникативная направленность) высказывания остается величиной постоянной, направленной на снижение статуса оппонента и причинение ему психологического ущерба независимо от формы высказывания (приличной или неприличной), что позволяет экспертам при анализе подобных речевых актов пользоваться разными методиками в зависимости от исходных теоретических и методических посылок. Перечень оскорбительных языковых единиц при этом обусловлен исходными теоретическими посылками, отраженными в методиках анализа, и может сужаться, включая только обценную лексику и фразеологию, или же расширяться (кроме обценных языковых единиц к числу оскорбительных относят просторечия — например, вульгаризмы, жаргонные слова и некоторые группы слов литературного языка).

3. Анализ утверждений и мнений сквозь призму теории речевых актов (ст. 152, 151 ГК РФ — дела о защите чести, достоинства, деловой репутации и возмещении морального вреда)

Высказывания этого типа исследователи относят к группе **репрезентативов** (в другой терминологии — ассертивов), они «имеют общее коммуникативное намерение — сообщение о факте / событии, но различаются степенью выражения иллокутивной силы и типом интенционального ... состояния говорящего» [Радбиль, Юматов, 2013: 288].

Согласно исследованиям Дж. Р. Серля, суть их состоит в том, «... чтобы зафиксировать (в различной степени) ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения. Все элементы класса репрезентативов могут оцениваться по шкале, включающей *истину* и *ложь*» [Серль 1986а]. По мнению исследователей, репрезентативы представляют собой «высказывания-утверждения, основной функцией которых является передача некой актуальной информации, сообщение адресату

о реальном положении дел» [Здесенко, 2015], информирование адресата о чем-либо с целью изменения его сознания [Караваева 2013].

В рамках данного исследования представляется актуальным следующее высказывание Дж. Р. Серля: «Самый простой тест для репрезентативов — следующий: можете ли вы буквально оценить высказывание (кроме прочего) как истинное или ложное. Сразу же добавлю, что это — **ни необходимое, ни достаточное условие**» [Серль 1986а] (выделено мною — *Т. Ч.*). Тем не менее в рамках ст. 151, 152 ГК РФ данное условие оказывается весьма актуальным для признания каких-либо распространенных сведений порочащими честь, деловую репутацию или умаляющими достоинство лица, поскольку в современной лингвоэкспертологии сформировалась традиция противопоставлять утверждения о фактах и выражения мнений по следующему основанию: «утверждения о фактах сообщают то, что имело место в реальности, а мнение сообщает о том, какой образ реальной ситуации сложился в ментальности говорящего» [Бринев 2012: 92]. По мнению К. И. Бринева, которое мы разделяем, «в гносеологическом плане нет никакой разницы между высказываниями „Идет дождь“ и „Я считаю, что идет дождь“, оба могут соответствовать действительности, а могут быть ложными» [Бринев 2012: 93].

Кроме того, как свидетельствует опыт проведения лингвистических экспертиз, на практике оказывается достаточно сложным непротиворечиво разграничить факты и мнения ввиду их смысловой связанности (как правило, мнения или оценочные суждения сопровождают фактологическую информацию, и именно они позволяют квалифицировать факт как негативно ценный). Немаловажно и то, что в некоторых сферах общения (например, публичная и массовая коммуникация) порочащим честь, деловую репутацию или умаляющим достоинство лица часто оказывается не перечисление конкретных фактов, а общая негативная оценка деятельности, деловых качеств личности, ставшей объектом дискредитации.

Обусловлено это, на наш взгляд, тем, что, «совершая иллокутивный акт, говорящий намерен получить определенный результат, заставив слушающего опознать свое намерение получить этот результат, и далее, если он употребляет слова в буквальном смысле, он хочет, чтобы это опознание было осуществлено благодаря тому факту, что правила употребления произносимых им выражений связывают эти выражения с получением данного результата» [Серль 1986б]. Продолжая свое рассуждение, Дж. Р. Серль утверждает:

«ясно (или станет потом ясно), что гипотетическое утверждение, *что р*» (т. е. высказанное автором суждение в форме предположения или собственного мнения), «и простая констатация, *что р*» (суждение о факте) «находятся в одной и той же плоскости», при этом «степень убеждения и ответственности может приближаться к нулю или даже быть ему равна» [Серль 1986б].

А. Содержание статьи 152 «Защита чести, достоинства и деловой репутации»:

Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности [ГК РФ].

Таким образом, ст. 152 ГК РФ предполагают защиту чести, достоинства, деловой репутации человека в том случае, если о нем распространены **порочащие сведения**.

Как следует из [Постановление Пленума Верховного Суда РФ], «порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица».

Словарный анализ лексемы *порочащий* позволяет ввести ее в следующий ряд синонимических понятий: *шельмующий, поносящий, замарывающий, позорящий, бесчестящий, дискредитирующий, бесславящий, срамящий, компрометирующий, охаивающий, охульный, пятнающий, чернящий, грязнящий, поносный, инсинуационный, опорочивающий, обесславливающий, ославляющий* [Словарь синонимов], что вводит РА репрезентативов в число побудительных речевых актов дискредитирующего типа.

Назовем лишь некоторые из этих особенностей, составляющие «дискурсивный фон» развертывания дискредитирующего речевого акта [Чернышова 2013], как правило, сопровождающегося ситуацией речевого конфликта:

1) фактор публичности как явление объективного порядка, обусловленное освещением конфликтной ситуации средствами массовой информации, в ходе которого к обсуждению привлекаются представители различных профессий, политических партий и общественных объединений, а также ученые, политики, политологи и социологи, на авторитетное мнение которых ссылаются журналисты, и частные лица, как правило, выражающие «общественное» мнение.

2) человеческий фактор как явление субъективного характера, роль которого определяется **психологическим состоянием** конфликтующих сторон, **наличием** явного или скрытого **конфликта** между ними, обостряющегося при стечении неблагоприятных обстоятельств; провокационным сигналом в разворачивании речевого конфликта в сфере медиакommunikации, в качестве которого может выступать **негативная оценочная лексика** (фразеология), влекущая за собой сознательное или неосознанное нарушение пишущим правил и норм речевого поведения, принятых в публичной сфере социального взаимодействия, либо распространение **негативной** (порочающей, позорящей) **фактологической информации** о субъекте публикации [Чернышова 2013: 165–166].

Как указывалось ранее, оценочные суждения пишущего и говорящего, как и его личное мнение, **не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности**, поэтому не принимаются судом в качестве доказательств по статье 152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации». Однако природа РА репрезентативов как речевых актов дискредитирующего типа требует от эксперта анализа не только фактологической, но и оценочной информации, которая определяет возможность оценки распространенной фактологической информации как негативно окрашенной (т. е. такой, которая может быть оценена впоследствии судом как «позорящая» или «порочающая» — дискредитирующая).

Инвариантная формула репрезентантов порочающего (дискредитирующего) типа в межличностном и институциональном общении с опорой на лингвоэкспертную практику может быть сформулирована следующим образом:

- А) Мы (Я) знаем X о лице;
- Б) Думаем, что ты не знаешь X о лице;
- В) Думаем, что ты должен это знать;
- Г) Говорим тебе это, потому что хотим, чтобы ты это знал;

где X — негативная информация о лице фактологического или оценочного типа.

Полагаем, что коммуникативная направленность высказывания, отождествляющая порочащий (дискредитирующий) РА, остается величиной постоянной (вариативность обусловлена отбором фактов: реальных или приписываемых лицу), направленной на умаление чести, деловой репутации или ущемления достоинства лица и причинение ему морального вреда **независимо от формы высказывания**.

Типологические признаки медиатекстов дискредитирующего типа представлены автором данной статьи в публикации [Чернышова 2014]. Анализ разных типов текстов, содержащих РА дискредитирующего типа, позволил выделить несколько вариантов изучаемого РА. В качестве инструмента описания используем положения семантической теории элементарных смысловых единиц («semantic primitives») А. Вежбицкой [Вежбицка 2007: 68–80], которые часто применяются лингвистами для описания различных речевых актов (Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, М. Я. Гловинская и др.) и РЖ (А. Вежбицка, В. В. Дементьев, И. Г. Дьячкова, В. И. Жельвис, К. Ф. Седов и др.), а также в юрислингвистике, когда есть необходимость доказать наличие в спорном высказывании того или иного конфликтного РА (К. И. Бринев, Т. В. Чернышова и др.)

Как следует из типологии текстов [Чернышова 2013: 161–174], вариантов реализации этой типовой формулы может быть как минимум четыре — в зависимости от той информации о личной и общественной деятельности субъекта публикации, которой располагает автор медиатекста (см. схему 1). Иллокутивный элемент модели, общий для всех РА дискредитирующего типа, может быть сформулирован следующим образом: «Субъект публикации — плохой человек; все, что он делает — плохо (X), так как делает это он ради собственной выгоды; он делал это плохо в прошлом, будет делать это плохо в будущем и т. п.».

Примером реализации одного из вариантов модели РА дискредитирующего типа может быть публикация «Мертвые сраму не имут?» («МК на Алтае», 6–13 июля 2011 г.), повествующая об очередной олимпиаде сельских спортсменов, проходившей в минувшие выходные в одном из районов края. В ней говорится о том, что нехватку средств для проведения этого спортивного мероприятия местные власти *пытались решить с помощью своего высокопоставленного земляка — депутата АКЗС, председателя Союза*

Схема 1. Типология побудительных РА дискредитирующего типа

1. Typology of inducement speech acts of a defamatory type

крестьянских и фермерских формирований Алтая А. <...> Увы, вопреки ожиданиям А. продемонстрировал себя куркулем. Используемая автором в качестве общественно значимой оценки поведения депутата АКЗС лексема *куркуль* («Неодобрительное, разговорное, употребляемое как бранное слово. Жадный, скупой человек» [Химик 2004: 206–207]) представляется недостаточно мотивированной всем предшествующим и последующим контекстом, а информация о сельской олимпиаде дается автором лишь с целью концентрации внимания на личности А. как возможного (по мысли автора, недостойного) кандидата в АКЗС нового созыва.

Структура РА дискредитирующего типа с помощью примитивов А. Вежбицкой может быть описана следующим образом:

- А) Мы (Я) знаем X о лице;
- Б) Мы знаем, что X является негативно ценным в социуме и осуждается** (вариативный компонент модели);
- В) Думаем, что ты не знаешь X о лице;

- Г) Думаем, что ты должен это знать;
- Д) Говорим тебе это, потому что хотим, чтобы ты это знал;

где X — негативная оценочная информация о лице.

Стратегия дискредитации, маскируемая под личное мнение автора статьи, представленная в данном варианте РА, не содержит аргументации и фактологической информации, но изобилует негативной авторской оценкой; построенное таким образом высказывание представляет собой обобщенное отрицательное суждение говорящего, опирающееся на национальные аксиологические представления и не поддерживаемое в медиатексте системой доказательств (фактов) [Чернышова 2013: 166].

Вывод, напрашивающийся после анализа таких речевых актов: наличие РА дискредитирующего типа обусловлено не видом передаваемой автором информации, а иллокутивной силой намерения автора, организующей данный РА, которая остается постоянной независимо от вида информации.

4. Выводы

Подведем некоторые итоги.

1) На наш взгляд, проблема юридизации речевых конфликтов, относящихся как к оскорблениям, так и к прочим речевым действиям, связанным с отождествлением высказываний как призывов, утверждений, угроз и проч., обусловлена, с одной стороны, развитием экспертных лингвистических методик, предоставляющих большие возможности для отождествления речевых действий говорящих с указанными речевыми актами, с другой — ограничениями, которые налагаются российским законодательством на квалификацию речевых действий как преступлений, и, в какой-то мере, размытостью законодательных формулировок, позволяющих по-разному квалифицировать одно и то же речевое действие.

2) В качестве дискредитирующих высказываний признаются только утверждения о фактах. При этом вне внимания судебных и следственных органов остается тот факт, что оценочные высказывания, как правило, должны **что-то оценивать**, а негативное мнение автора высказывания должно опираться **на систему фактов и аргументацию пишущего**: таким образом, не принимается во внимание и остается безнаказанным речевое поведение

говорящих, содержащее только оценочные суждения, — факты автор опускает, но обыденное сознание читателей и слушателей негативную оценку личностных и деловых качеств субъекта речи безусловно фиксирует («нет дыма без огня!») и, говоря словами Дж. Р. Серля, коммуникативные намерения автора «опознает» безошибочно, к каким бы речевым уловкам он ни прибегал.

Литература

- Баранов 2011 — А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учеб. пособие. Изд. 3. М.: Флинта; Наука, 2011.
- Баранов 2017 — А. Н. Баранов. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. С. 18–27.
- Бринев 2009 — К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: Изд-во Алтайского пед. ун-та, 2009.
- Бринев 2013 — К. И. Бринев. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М.: Книжный дом «Либроком», 2013.
- Голев 2000 — Н. Д. Голев. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Н. Д. Голев (ред.). Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. С. 8–40.
- Здесенко 2015 — Е. Ю. Здесенко. Особенности использования речевых актов в российской социальной рекламе // Р. Р. Газизов, М. Х. Фатыхова (ред.). Мультимедийная журналистика Евразии — 2015: Медиатизация социально-культурного пространства и медиакратия в условиях новой медиареальности Востока и Запада. Евразия молодая — 2015: Сборник материалов и научных статей IX Международной научно-практической конференции. 2015. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2016. С. 337–342.
- Караваева 2013 — Н. А. Караваева. Заметки переводчика: характер выражаемой интенции говорящего // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 152–156.
- Лебедева 2000 — Н. Б. Лебедева. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы) // Н. Д. Голев (ред.). Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. С. 56–71.
- Ли, Карымсакова 2016 — В. С. Ли, Р. Д. Карымсакова. Лингвистическая прагматика и теория речевых актов как научный метод судебной лингвистической экспертизы (из лингвоэкспертной практики) // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2016. № 3. С. 155–159.

- Радбиль, Юматов 2013 — Т. Б. Радбиль, В. А. Юматов. Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского гос. ун-та им. Н. Н. Лобачевского. 2013. № 1 (1). С. 286–290.
- Серль 1986а — Дж. Р. Серль. Классификация иллокутивных актов // Б. Ю. Городецкий (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. URL: http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_4.htm (дата обращения 10.01.2019).
- Серль 1986б — Дж. Р. Серль. Что такое речевой акт? // Б. Ю. Городецкий (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. URL: http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_4.htm (дата обращения 10.01.2019).
- Чернышова 2013 — Т. В. Чернышова. Типологические признаки медиатекстов с псевдосоциальной оценочностью // Филология и человек. 2013. № 3. С. 161–174.
- Чернышова 2014 — Т. В. Чернышова. Типологические признаки речевого жанра дискредитации в медиадискурсе // Филология и человек. 2014. № 1. С. 31–39.
- Чернышова 2016 — Т. В. Чернышова. Аналитико-экспертная деятельность филолога и проблема выбора метода в современной лингвоэкспертной практике // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2016. Т. XII. Ч. 3. С. 335–350.

Источники

- Александрова 2001 — З. Е. Александрова. Словарь синонимов русского языка. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 2001.
- Гражданский кодекс РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148454/3d0ca60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100158 (дата обращения 10.01.2019).
- Елистратов — В. С. Елистратов. Словарь русского арго (электронный ресурс). URL: <http://gramota.ru/slovari/argo/>
- Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.04.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения 10.01.2019).
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ — Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (дата обращения 10.01.2019).

- Словарь синонимов — Словарь синонимов (электронный документ). URL: https://all_words.academic.ru/69221/порочащий (по состоянию на 10.01.2019).
- Уголовный кодекс РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 10.01.2019).
- Федеральный закон — Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/12123142/741609f9002b-d54a24e5c49cb5af953b/> (дата обращения 10.01.2019).
- Химик 2004 — В. В. Химик. Большой словарь русской разговорной речи. СПб.: Норинт, 2004.

References

- Baranov 2011 — A. N. Baranov. *Lingvističeskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic expertise of the text: theory and practice]. 3rd edition. Moscow: Flinta; Nauka, 2011.
- Baranov 2017 — A. N. Baranov. *Lingvistika v lingvističeskoj ekspertize (metod i istina)* [Linguistics in linguistic expertise (method and truth)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 2. Yazykoznanije*. 2017. Vol. 16. No. 2. P. 18–27.
- Brinev 2009 — K. I. Brinev. *Teoretičeskaya lingvistika i sudebnaya lingvističeskaya ekspertiza* [Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise]. Barnaul: Publishing house of the Altai state Pedagogical University, 2009.
- Brinev 2013 — K. I. Brinev. *Spravočnik po sudebnoy lingvističeskoj ekspertize* [Handbook of judicial linguistic expertise]. Moscow: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2013.
- Chernyshova 2013 — T. V. Chernyshova. *Tipologičeskie priznaki mediatekstov s psevdosotsialnoy otsenočnostyju* [Typological signs of media texts with pseudo-social assessment]. *Filologiya i chelovek*. 2013. No. 3. P. 161–174.
- Chernyshova 2014 — T. V. Chernyshova. *Tipologičeskie priznaki rečevogo zhanra diskreditatsii v mediadiskurse* [Typological features of defamation as a speech genre in media discourse]. *Filologiya i chelovek*. 2014. No. 1. P. 31–39.
- Chernyshova 2016 — T. V. Chernyshova. *Analitiko-ekspertnaya deyatel'nost' filologa i problema vybora metoda v sovremennoy lingvоекспертной практике* [Analytic and expert activities of a philologist and the problem of choosing a method in modern lingvo-expert practice]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskikh issledovaniy RAN*. 2016. Vol. XII. Pt. 3. P. 335–350.
- Golev 2000 — N. D. Golev. *Yuridizatsiya yestestvennogo yazyka kak lingvističeskaya problema* [Legalization of natural language as a linguistic problem]. N. D. Golev (ed.). *Yurislingvistika-2: Russkiy yazyk v yego yestestvennom*

- i yuridicheskoy bytii*. [Juridical linguistics-2. Russian Language in its natural and legal being]. Barnaul: Altai State University Press, 2000. P. 8–40.
- Karavayeva 2013 — N. A. Karavayeva. Zametki perevodchika: kharakter vyrazhayemoy intensii govoryashchego [Translator's notes: the nature of the speaker's intention expressed]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series: *Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2013. No. 1. P. 152–156.
- Lebedeva 2000 — N. B. Lebedeva. O metazykovom soznanii yuristov i predmete yurisl'ingvistiki (k postanovke problemy) [On the metalinguistic consciousness of lawyers and the subject of legal studies (to the formulation of the problem)]. *Yurisl'ingvistika-2: Russkiy yazyk v yego yestestvennom i yuridicheskoy bytii*. [Juridical linguistics-2. Russian Language in its natural and legal being]. Edited by N. D. Golev. Barnaul: Altai State University Press, 2000. P. 56–71.
- Li, Karymsakova 2016 — V. S. Li, R. D. Karymsakova. Lingvisticheskaya pragmatika i teoriya rechevykh aktov kak nauchnyy metod sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy (iz lingvоекспертной практики) [Linguistic pragmatics and theory of speech acts as a scientific method of judicial linguistic expertise (from linguistic expert practice)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016. No. 3. P. 155–159.
- Radbil, Yumatov 2013 — T. B. Radbil, V. A. Yumatov. Vozmozhnosti i perspektivy primeneniya teorii rechevykh aktov v lingvisticheskoy ekspertize [Opportunities and prospects for the application of the theory of speech acts in linguistic expertise]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.N. Lobachevskogo*. 2013. No. 1 (1). P. 286–290.
- Searle 1986a — J. R. Searle. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov [A Classification of Illocutionary Acts]. B. Yu. Gorodetskiy (ed.). *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vyp. 17. Teoriya rechevykh aktov [New in foreign linguistics. Issue 17. Theory of speech acts]. Moscow: Progress, 1986. Available at: http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_4.htm (accessed on 10.01.2019).
- Searle 1986b — J. R. Searle. Chto takoye rechevoy akt? [What is a speech act?]. B. Yu. Gorodetskiy (ed.). *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vyp. 17. Teoriya rechevykh aktov [New in foreign linguistics. Issue 17. Speech Act Theory]. Moscow: Progress, 1986. Available at: http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_4.htm (accessed on 10.01.2019).
- Zdesenko 2015 — Ye. Yu. Zdesenko. Osobennosti ispolzovaniya rechevykh aktov v rossiyskoy sotsial'noy reklame [Features of the use of speech acts in the Russian social advertising]. *Multimediyaya zhurnalistika Yevrazii — 2015: Mediatizatsiya sotsialno-kulturnogo prostranstva i mediakratiya v usloviyakh novoy mediarealnosti Vostoka i Zapada. Yevraziya molodaya — 2015*. [Multimedia journalism of Eurasia-2015: Mediatization of social and

cultural space and media democracy in the new media reality of the East and West. *Eurasia young* — 2015]. A collection of materials and research papers of the IX International research and practice conference. 2015. Kazan: Kazan State University Press, 2016. P. 337–342.

Sources

- Aleksandrova 2001 — Z. E. Aleksandrova. *Slovar sinonimov russkogo yazyka*. [Dictionary of Synonyms of the Russian]. Moscow: Russkiy yazyk, 2001.
- Federalnyy zakon — Federalnyy zakon ot 31 maya 2001 g. № 73-FZ «O gosudarstvennoy sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii». [Federal Law of May 31, 2001 No. 73-FL "On the state forensic activity in the Russian Federation"]. Available at: <http://base.garant.ru/12123142/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/> (accessed on 10.01.2019).
- Grazhdanskiy kodeks RF — Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii [Civil Code of the Russian Federation]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148454/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100158 (accessed on 10.01.2019).
- Yelistratov — V. S. Yelistratov. *Slovar russkogo argo* [The Russian Argo Dictionary] (electronic resource). Available at: <http://gramota.ru/slovari/argo/> (accessed on 10.01.2019).
- Khimik 2004 — V. V. Khimik. *Bolshoy slovar russkoy razgovornoy rechi* [The Large Dictionary of Russian Colloquial Speech]. St. Petersburg: Norint, 2004.
- Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyyakh — Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyyakh ot 30.12.2001 N 195-FZ (red. ot 23.04.2018). [The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 12/30/2001. N 195- FL (revised from 04.23.2018)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (accessed on 10.01.2019).
- Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF — Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24.02.2005 N 3 «O sudebnoy praktike po delam o zashchite chesti i dostoinstva grazhdan, a takzhe delovoy reputatsii grazhdan i yuridicheskikh lits». [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 24, 2005 No. 3 "On judicial practice in cases of protecting the honor and dignity of citizens, as well as the business reputation of citizens and legal entities"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (accessed on 10.01.2019).
- Slovar sinonimov — Slovar sinonimov [The Synonym Dictionary]. Available at: https://all_words.academic.ru/69221/%D0%BF%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%87%D0%B0%D1%89%D0%B8%D0%B9 (accessed on 10.01.2019).
- Ugolovnyy kodeks RF — Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii [Criminal Code of the Russian Federation]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed on 10.01.2019).

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА РЕКЛАМЫ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Е. А. Чубина

Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина, Москва
chubina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена важным для правоприменительной практики вопросам, связанным с исследованием рекламного текста, который по природе своей является конфликтотенным. С опорой на теоретические положения судебной экспертологии определены объект, предмет, задачи экспертизы этого вида. Описаны методические подходы к решению диагностических задач, связанных с выявлением признаков сравнений в рекламном тексте. Обозначена логическая модель сравнения, внимание уделено конструкциям с опущенным основанием сравнения. Обозначена проблема точности используемых экспертом понятий, недопустимости псевдотерминологических сочетаний.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза рекламы, методы исследования, ненадлежащая реклама, недобросовестная реклама, достоверность, доказательность.

Forensic linguistic expertise of advertising: debatable questions

E. A. Chubina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow
chubina@mail.ru

Abstract. The article addresses issues, important for law-enforcement practices involving expertise of advertising (inherently conflictogenic) texts. Building on the theoretical provisions of forensic expertology, the article determines the subject, the object, and the goals of this

type of expertise. It provides a description of methodological approaches to diagnostic solutions, incidental to revealing indications of parallels in advertising texts. A logical pattern of parallels is proposed, with special attention to constructions with missing bases for comparison. The article also highlights the problem of precise application of legal concepts by experts to avoid using pseudo-terminology combinations.

Keywords: forensic linguistics, forensic linguistic expertise of advertising, methods of analysis, legally improper advertising, reliability, evidentiary.

1. Предварительные замечания

Идея написать статью и проанализировать в ней ряд спорных вопросов, касающихся лингвистического исследования рекламных текстов, возникла как реакция на бытующее мнение о том, что рекламный текст по природе своей лишен конфликтности. «Важной отличительной чертой креолизованных текстов, ставших объектом судебной лингвистической экспертизы, является так называемая конфликтная природа данных текстов. Как и у любого другого текста, у конфликтного креолизованного текста присутствует автор и круг читателей — целевая аудитория. Конфликт, который может спровоцировать такой текст, возникает между неким объектом, которому дается оценка в этом тексте, и целевой аудиторией, между объектом и самим автором текста, дающим оценку этому объекту. Несколько иную структуру коммуникативного акта имеет рекламный текст. Есть изготовитель / автор рекламного текста, есть рекламируемый объект, наделенный исключительно положительными характеристиками, и есть целевая аудитория, которой данный текст адресован и которая подвергается воздействию. Цель такого воздействия — побудить адресата приобрести рекламируемый объект. Конфликт в данной ситуации априори возникнуть не может» [Кожевникова, Осадчий 2012: 25].

Тем не менее конфликт возникает: реклама разрабатывается для определенной целевой аудитории (это закон рекламной деятельности), но получателем этой рекламы (приемником информации) становится неопределенный круг лиц (лица, которые не могут быть заранее определены в качестве получателя рекламной информации). Их права и законные интересы часто нарушаются использованием

в рекламе, например, непристойных и оскорбительных образов и выражений. Нередко рекламодатели вводят потребителей в заблуждение недостоверной информацией, а конкурентов «глушат» недобросовестными сравнениями.

О несомненной конфликтогенности рекламы свидетельствует приведенная на сайте Федеральной антимонопольной службы РФ статистика. Так, в 2012 году антимонопольные органы рассмотрели более 16 тысяч фактов, указывающих на нарушения законодательства Российской Федерации о рекламе, в 2013 году — более 19,5 тысяч фактов; а в 2014 году — более 28 тысяч. Высок процент нарушений, связанных с распространением рекламы, вводящей в заблуждение: в 2015 году — это 7,48 % всех нарушений, в 2016-м — 8,09 %. Растет количество недостоверной рекламы: в 2015 году такие нарушения составили 9,75 % от общей численности претензий к рекламе, в 2016 году — 10,81 %. Практически не уменьшается количество неэтичной рекламы: в 2015 году такие нарушения составляли 1,98 %, в 2016-м — 1,89 %.

Становясь причиной судебного разбирательства, рекламный текст оказывается объектом судебной лингвистической экспертизы.

2. Судебная лингвистическая экспертиза рекламы: общие положения

Особенности рекламы как продукта речемыслительной деятельности человека, характер привлекаемых для ее исследования специальных знаний, а также специфика решаемых задач дают основание рассматривать судебную лингвистическую экспертизу рекламы (далее — СЛЭР) в качестве самостоятельного вида судебной лингвистической экспертизы и понимать под ним процессуально регламентированное лингвистическое исследование рекламы как информации особой функционально-коммуникативной направленности, зафиксированной на материальном носителе. Исследование завершается дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных знаний.

Объектом СЛЭР является рекламный текст как поликодовый (креолизованный) текст. Информация, содержащаяся в тексте, кодируется по-разному, языковой код — доминирующий, но отнюдь не единственный. В лингвистической науке принято говорить, что фактура таких текстов состоит из двух негомогенных частей:

вербальной (языковой / речевой) и невербальной, принадлежащей к другим знаковым системам [Сорокин, Тарасов 1990: 180].

В зависимости от соотношения вербальной и визуальной информации в лингвистической науке предложено выделять следующие содержательно-смысловые типы креолизованных текстов: 1) «текст + изображение» (Т + И), 2) «изображение + текст» (И + Т), 3) «изображение = текст» (И = Т) [Валгина 2003:127]. Совершенно очевидно, что исследование креолизованных текстов первой и третьей группы для лингвиста предпочтительнее в связи с безусловной самостоятельностью вербальной части, но определенную сложность представляет анализ текстов второй группы, где доминирующей является визуальная информация.

Взаимодействие вербального и невербального (в том числе — изобразительного) компонента может строиться по-разному: могут использоваться приемы повтора, усиления, противопоставления, монтажа, но это всегда взаимодействие внутри целого.

Закон единства формы и содержания речевого произведения диктует единственно возможный подход к анализу поликодовых текстов: методически необходимо при проведении исследования рассматривать вербальный компонент в единстве с невербальным — и это первая важная проблема экспертизы коммерческой рекламы. См. [Постановление от 29.06.2017]: суд справедливо, на наш взгляд, не принял во внимание психолого-лингвистическое исследование спорной рекламы, составленное исключительно на анализе вербального компонента без учета изобразительного.

И вербальный, и невербальный компоненты работают на создание рекламного образа в единстве формы и содержания. Иначе говоря, связь вербального и визуального компонентов происходит на уровне содержательном (предметно-тематическом), композиционном и языковом.

Как справедливо отмечает Е. Л. Дайлоф, «декодирование информации, выраженной средствами иной, чем языковая, знаковой системы предполагает визуальную интерпретацию изображения и его вербализацию — словесное описание, воспроизведение в форме высказывания содержания и смысла визуального образа» [Дайлоф 2016: 77]. Здесь, конечно, кроется опасность вольного или невольного перехода от объективности анализа к субъективности описания.

Чтобы этого избежать, надо опираться на теоретические положения закона единства формы и содержания рекламного произведения.

Будь изображение статическим (рекламные щиты, растяжки, плакаты и прочее) или динамическим (рекламные клипы), это всегда единство в своих внутренних связях — и структурных, и семантических.

Такое понимание объекта СЛЭР коррелирует с тем, как законодатель определяет рекламу и как правоприменитель ее оценивает. Показательна в связи с этим позиция представителя ФАС Т. Е. Никитиной на сессии «Фарма: те, которых нельзя называть: реклама фармацевтических препаратов, запреты и возможности сегодня» на Национальном рекламном форуме: «В рекламе, которую ФАС России признает ненадлежащей, дело не только в словах. Потребитель воспринимает рекламу в целом и считает все целиком. И даже если в рекламе лекарств нет слов «быстро излечит», она может создавать впечатление гарантии эффективности препарата» [Пресс-релиз ФАС].

Еще одна проблема — расширительное толкование объекта судебной лингвистической экспертизы рекламного текста, встречающееся в ряде работ, а также на сайтах отдельных негосударственных экспертных учреждений. Мы считаем, что ставить знак равенства между PR-коммуникацией и рекламой в корне неверно. PR не является одной из форм рекламирования, это значительно более широкий вид деятельности, включающий в себя такие направления, как работа с государственными учреждениями (*government relations*), корпоративные отношения (*corporate relations*), отношения со СМИ (*media relations*), организация и проведение специальных мероприятий (*special events*), создание имиджа (*image making*), управление кризисными ситуациями (*crisis management*), управление восприятием сообщения (*message management*).

В отличие от рекламных текстов речевые произведения, созданные в рамках PR-коммуникации, имеют иную функциональную направленность: информирование (донесение до общественности сообщения о событии, новостном поводе), убеждение (формирование с помощью текста у общественности устойчивого положительного отношения к субъекту PR), поддержание коммуникативных связей и некоторые другие. Непонимание того, что является объектом исследования — тексты PR-коммуникации или рекламные тексты, порождает при проведении судебной лингвистической экспертизы ошибочную трактовку экспертных задач.

Под предметом СЛЭР понимаются факты и обстоятельства, подлежащие доказыванию по конкретному делу посредством

разрешения вопросов, требующих специальных знаний. Мы не ставим перед собой задачи перечислить и описать те области научного знания, которые могут быть востребованы при проведении СЛЭР: реклама развивается, появляются ее новые формы, которые, без сомнения, потребуют для своего анализа специальных знаний в области компьютерно-технических, программных и иных средств. Все эти процессы объясняются базовыми закономерностями судебной экспертологии: «интеграция и дифференциация научного знания обуславливают возможность использования в доказывании все новых и новых достижений современной науки» [Россинская и др. 2009: 83].

Говоря об общих положениях СЛЭР, нельзя не упомянуть о тех методах исследования, которые вправе использовать эксперт. И это третья проблема.

Вызывает опасение, что возведенный в статус аксиомы лозунг эпохи постмодернизма «Факта нет, есть лишь наша интерпретация этого факта», активно реализующий себя в глобальном медийном пространстве и часто являющийся причиной двойных стандартов в СМИ, переносится в практику судебной лингвистической экспертизы, причем понятие *интерпретация* толкуется расширительно, в значении 'раскрытие (прочтение) текста, определяющееся индивидуальными особенностями толкователя, его миропониманием', в результате чего на место судебного эксперта — герменевта с профессиональным инструментарием — приходит толкователь с множеством произвольных интерпретаций.

Под влиянием философии постмодернизма, пропагандирующего, что объективная сущность — это иллюзия, а человеческое познание не отражает мир, а интерпретирует его, поэтому истина неоднозначна и ни одна интерпретация не имеет преимуществ перед другой, в филологической науке активизировались теории, согласно которым число «смыслов» текста оказывается бесконечным, а сам текст — неисчерпаемым. Но теория множественности интерпретаций опасна в судебной экспертизе, поскольку «научные методы и средства используются в деятельности судебных экспертов и экспертных учреждений не для открытия новых законов и закономерностей природы и общества, не для установления научных фактов, не для создания теории и проверки научных гипотез, а для решения практических задач по установлению истины по гражданскому или уголовному делу либо по делу об административном правонарушении» [Россинская и др. 2009: 102].

Переносить постмодернистские представления о безгранично широком круге допустимых интерпретаций, о принципиальной равноправности всех (или большинства) толкований текста в сферу судебной лингвистической экспертизы, методологическую основу которой составляет всеобщий диалектический метод, нельзя, иначе рассыплется вся система методов. Судебная экспертиза входит в группу юридических специальностей, является юридической наукой, ее методология базируется на фундаментальных положениях диалектики — о способности материи к отражению, о взаимосвязи и взаимообусловленности явлений, о соотношении единичного, особенного и общего.

Те тенденции, которые отмечены в области методологии языкознания [Алефиренко 2008: 20–26] — отказ от исключительности общего метода, стремление сочетать и комбинировать метафизику, диалектику, феноменологию, герменевтику, синергетику, — переносятся в методологию судебной лингвистической экспертизы.

Феноменологический метод, который лег на антропоцентрическую парадигму в лингвистике, предопределил проникновение в языкознание из психологии метода интроспекции (лат. *introspectare* ‘смотреть внутрь’), означающего «самонаблюдение, изучение психических процессов (сознания, мышления) самим переживающим эти процессы» [Немов 2003: 661]. Некоторыми исследователями интроспекция рассматривается уже как базовый лингвистический метод. М. К. Тимофеева с опорой на работы Леонарда Талми пишет о наблюдениях, производимых вне связи с текущим процессом коммуникации (офлайновые наблюдения), которые могут производиться «ретроспективно, по сохранившимся в памяти следам, или проспективно, на основе воображения некоторой будущей коммуникации» [Тимофеева 2010: 3–12]. Совершенно очевидно, что этот метод использоваться в судебной лингвистической экспертизе не может. Опасно, если эксперт будет анализировать не речевой продукт, а свои впечатления от него, подменяя материальный объект исследования своими ощущениями. Опасно, если ощущения будут формировать вывод, а доказательства подгоняться под желаемое (чувствуемое), тогда специальные знания нужны только для того, чтобы «подогнать» одно к другому.

Не менее спорным видится нам предложение использовать метод семантического дифференциала в судебной экспертизе: «...все чаще мы — специалисты по лингвистической экспертизе — становимся

заложниками данной ситуации, связанные по рукам и ногам классическими методами экспертного исследования, оружием, которое хорошо знакомо нашим противникам. В этой ситуации необходимо расширять круг научного инструментария, обогащая его за счет привлечения не новых, а уже хорошо известных и апробированных методов, объективных и проверяемых. Одним из таких методов мы считаем метод семантического дифференциала» [Ворошилова, Чудинов 2016: 143–146].

Метод семантического дифференциала (от греч. *semantikos* — означающий и лат. *differentia* — разность), хотя и относится к методам шкалирования, основан на выявлении субъективных (индивидуальных) семантических полей, равно как и метод ассоциативного эксперимента. В настоящее время признается, что ассоциации являются психической реальностью [Залевская 1998: 35–54]. Ассоциативные эксперименты различных видов, а также метод семантического дифференциала могут использоваться как проективные методики при изучении отдельных аспектов речевой коммуникации. Так, например, несколько лет назад пилотный ассоциативный эксперимент был проведен автором в составе рабочей группы по разработке туристского бренда Подмосковья [Надеина и др. 2010: 72–80]. Однако использовать эти методы в сфере судебной лингвистической экспертизы представляется нам ошибочным, тем более «в качестве проверки полученных классическими методами результатов» [Ворошилова, Чудинов 2016: 143–146]. Дело в том, что выявление ассоциативного сходства в строгом смысле — не задача лингвистической экспертизы, такое выявление опирается на результаты ассоциативных экспериментов. Получается, что представленный для исследования речевой продукт заменяется результатами ассоциативного эксперимента, исследуются ассоциации. Здесь не следует забывать о главном требовании, которое предъявляется к экспертному методу, — он должен обеспечить воспроизводимость результатов при повторном применении, что сложно (если вообще возможно) достичь при использовании данного метода

В качестве возможного метода нам бы хотелось обратить внимание на использование функционально-коммуникативного подхода к анализу текста в судебной лингвистической экспертизе рекламы. Механизм анализа позволяет распознать и классифицировать содержащуюся в спорном речевом продукте информацию. Анализ основан на выделении макрокомпонентов (параметров) значения.

Определяя статус параметра, Ю. Н. Караулов отмечал: «...под параметром понимается некоторый квант информации о языковой структуре, который в экстремальном случае может представлять для пользователя самостоятельный параметр, но, как правило, выступает в сочетании с другими квантами (параметрами)» [Караулов 1981: 51]. Принято выделять денотативный (дескриптивный) (Д), грамматический (Г), оценочный (О), мотивационный (М), эмотивный (Э) и стилистический (С) параметры. Каждому параметру значения фразеологической единицы присваивается свой когнитивный маркер.

Использование параметрической модели поможет перейти от описательности, пересказа (чем нередко грешат судебные лингвистические экспертизы рекламных текстов), от вольной интерпретации к установлению фактов и обстоятельств, имеющих значение для дела.

Приведем пример: рассмотрение спорной рекламы, содержащей в своем составе слоган *Без ТОРЭКС как без дверей*, длилось около года, были назначены и выполнены разными организациями четыре лингвистические экспертизы, но выводы их мало помогли суду, поскольку исследователи текста увлеклись его интерпретацией: «... „без ТОРЭКС как без рук” и „без ТОРЭКС — как без дверей” содержат различный смысл. В первом случае объект и субъект сравнения, взятые из разных сфер, соединяются в сознании через ассоциацию (квартира без дверей ТОРЭКС сравнивается с жизнью человека без рук). Во втором случае („без ТОРЭКС — как без дверей”) объект и субъект сравнения взяты из одной сферы — видовое понятие „двери”, в связи с чем рекламный слоган воспринимается как „ТОРЭКС — лучше всех дверей”» [Постановление от 11.06.2015].

Несложно убедиться, что экспертом допущены гносеологические ошибки: неверно определены компоненты логической модели сравнения (объект сравнения — то, что сравнивают, эталон сравнения — с чем сравнивают), никак не проявлен модуль сравнения (общий признак сравнения, компаративная константа), не обозначены показатели сравнительного отношения, однако сделан категорический вывод, что слоган воспринимается как «ТОРЭКС — лучше всех дверей».

Следовало бы сказать, что слоган *Без ТОРЭКС как без дверей* строится на трансформации устойчивого выражения *как без рук* с заменой последнего компонента. Денотативная информация

(Д) — это указание на то, что X (субъект, лицо, группа лиц) крайне нуждается в предмете Z. Модель: X без Z как без Y, где Z и Y — равно необходимые для X предметы, выступает в роли именной части сказуемого (Г). Оценочная информация (О) выражает положительное отношение говорящего к ценности обозначаемого объекта — X нуждается в Z, Z необходим для X. Характерна конкретно-образная мотивировка (М). Эмотивная информация (Э) — одобрение. Функционально-стилистическая маркированность (С) — употребление выражения ограничивается по социально-функциональному признаку. Но наличие одобрения и положительной оценки не дает основания говорить о наличии недобросовестного сравнения.

В качестве дальнейших размышлений хотелось бы обратить внимание на методы синонимических преобразований (о них подробнее: [Баранов 2016: 119–123]), на чрезвычайную осторожность использования этих методов в судебной экспертизе с учетом общих принципов допустимости и рекомендаций применять неразрушающие (недеструктивные) методы исследования.

3. Диагностические задачи судебной лингвистической экспертизы рекламы

Наряду с тем, что СЛЭР решает ряд традиционных для судебной лингвистической экспертизы задач (установление смыслового содержания спорного текста; установление композиционной или лексико-грамматической формы выражения, присущей спорному тексту; разъяснение допущенных в тексте нарушений норм современного русского языка; разъяснение специфики приемов языковой игры, использованных при построении спорного текста), есть ряд диагностических задач, методические подходы к решению которых недостаточно разработаны на сегодняшний день; к ним следует подходить с особым вниманием и особой осторожностью. К числу таких задач можно отнести диагностику следующих признаков:

- рекламного текста в спорном речевом продукте;
- маскировки рекламного текста;
- двусмысленных утверждений в спорном тексте;
- некорректного сравнения;
- иных форм недобросовестного сравнения в спорном тексте;
- недостоверной рекламы.

Рассмотрим первые две из названных нами задач.

4. Диагностика признаков рекламного текста в спорном речевом продукте

Актуальность этой диагностической задачи объясняется потребностями правоприменительной практики: необходимостью отделять вывески и указатели, содержащие сведения рекламного характера, от информационных вывесок и указателей, информационные щиты, устанавливаемые, например, на стройплощадках, от наружной рекламы строящегося объекта, и др.

Недооценивая возможности судебной лингвистической экспертизы и полагая, что «для определения рассматриваемого сообщения как носящего рекламный характер не требуется специальных познаний в области лингвистики» [Постановление от 17.03.2014], правоприменители нередко по-разному определяют сходные по содержанию и форме речевые продукты. Был признан рекламным текст: *Магазин Энергоснаб, светодиодная продукция, кабель, провод, розетки, выключатели, шиты, боксы, счетчики, модульное оборудование, светильники, люстры под заказ*, однако текст: *Автосвук, сигнализации, антирадары, видеорегистраторы, ксенон, GPS, парктроники, светодиоды, автолампы, т. 272-70-66* (расположенный, как и первый, у входа в магазин) — рекламным признан не был, вопреки правовой позиции, согласно которой конструкции, содержащие номер телефона и / или ссылку на официальный сайт, могут быть расценены как вывески, содержащие сведения рекламного характера, и на такие конструкции также будут распространяться требования ФЗ «О рекламе».

При диагностике признаков рекламы в спорном продукте целесообразно использовать функционально-коммуникативный подход к анализу текста, поскольку он (подход) дает возможность не только понять сложную семантическую природу рекламного текста, но и моделировать его смысловое содержание, позволяет исследователю точнее определить цели высказывания, в соответствии с которыми создатель рекламного текста использовал определенные принципы (максимы). Например, он мог адекватно нормировать сообщаемую информацию (максима количества), сообщать только истинную информацию и обоснованные оценки (максима качества), делать сообщение релевантным относительно темы (максима отношения), делать речь ясной, недвусмысленной и последовательной (максима манеры речи) или, напротив, нарушать их. Эти принципы,

сформулированные Гербертом Полом Грайсом, получили в лингвистике название конверсационных максим.

Методически верно в процессе исследования спорного текста и установления совокупности признаков, позволяющих доказать, что это информационная вывеска или, напротив, реклама, учитывать такой показатель, как максима количества информации.

Согласно обычаям делового оборота, вывеска имеет определенный вербальный объем, характерную композицию, содержит название объекта, часы работы, адрес. Если же организация с целью привлечения внимания и создания интереса к объекту вносит в текст сведения, касающиеся характера оказываемых услуг и предоставляемых товаров, их оценки, условий реализации, происходит изменение максимы количества информации, количество переходит в качество, появляется текст иного качества, текст приобретает признаки рекламного.

Иначе говоря, номинативность вывески (направленность на называние, обозначение объекта) сменяется риторичностью рекламы: появлением вопросно-ответных конструкций, фигур речи, эмоционально-оценочной лексики, повторов, экспрессивных синтаксических конструкций.

Анализ судебной практики позволил выявить, что в большинстве случаев суд приходит к выводу о наличии признаков рекламы в текстах, построенных по схеме:

N O, O, O + тел. + «зацепляющий крючок»

— где N — наименование организации,

O, O, O — перечисления (важно: это ряды перечислений, часто имеющие разные основания (*Продуктовый магазин «Звезда», продукты, хозяйственные товары, пиццерия «Звезда», пицца, гриль, салаты, шашлык, доставка бесплатно*),

тел. — телефон,

«зацепляющий крючок» — слово, словосочетание или предложение, которые привлекают внимание, интригуют, вызывают интерес. Как правило, это выгодные условия приобретения товара, наличие скидок, сроки акции и другое. К числу таких конструкций относятся: *распродажа, доставка бесплатно, всегда доступные цены, под заказ, рассрочка 0%, ставка от 1%, срок до 45 дней* и другие.

Функцию «зацепляющего крючка» может играть вопросно-ответная конструкция, стоящая в препозиции к объекту рекламирования,

например: «*Нужны деньги? Звони! Займы от ООО „Нано-Финанс“ 88001008861*». Суды приходят к выводу, что такие тексты являются рекламными.

В большинстве случаев суды принимают решения о наличии признаков рекламы, если в речевом продукте, который представлен создателем как вывеска, используются степени сравнения прилагательных, например: «*Мебель от лучших европейских производителей*» [Постановление от 14.03.2016].

Вывески, содержащие в себе оценочные конструкции, также признаются судами не информационными, а рекламными: *Красивые люстры от ведущих производителей, Шкап. Хорошая мебель*. При этом виды оценки могут быть разными: эмоциональными (*любимый, милый* и др.), интеллектуальными (*истинный, сложный, реальный* и др.), утилитарными (*выгодный, нужный, необходимый, полезный, удобный* и др.), эстетическими (*красивый, изысканный* и др.) и иными.

Эксперт, устанавливая те факты и обстоятельства, которые необходимы суду для правильного решения дела, исследует закономерности построения и функционирования рекламного текста, понять которые помогает принятая в практике рекламы и маркетинга модель потребительского поведения, описывающая последовательность событий, ведущих к принятию решения о покупке: внимание → интерес → потребность → действие (AIDA — Attention, Interest, Desire, Action). Рекламной является информация, специально направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования. Для квалификации информации как рекламной существенным является именно то, что само привлечение внимания составляет важное предназначение данной информации.

Следовательно, выявляя совокупность признаков, имеющих высокую степень значимости для решения данного вида диагностических задач, эксперт должен установить наличие в тексте вербальных и невербальных средств привлечения внимания. В научной литературе вербальные средства привлечения внимания достаточно подробно описаны по всем уровням языка, поэтому перечислять их здесь во всем объеме нет необходимости, однако заметим: для решения вопроса, что собой представляет спорный текст — вывеску или рекламу, важно проанализировать средства привлечения внимания на синтаксическом уровне. О рекламном характере текста говорит наличие в нем парцеллированных, сегментированных или

вопросно-ответных конструкций, самых разных повторов (в том числе анафор и эпифор), параллелизма, антитезы, градации, эллипсиса или умолчания, риторических обращений, риторических восклицаний и риторических вопросов, побудительных конструкций. Если в качестве невербального средства привлечения внимания используется изобразительный компонент креолизованного (поликодового) рекламного текста, то следует анализировать используемые при его создании композиционные приемы, шрифтовое выделение и иные параграфемные средства.

5. Диагностика приемов маскировки рекламной информации

Часто недобросовестные рекламодатели прибегают к маскировке рекламных сообщений под сообщения справочно-информационного, аналитического характера. Под маскировкой мы понимаем намеренное изменение представления о свойствах объекта, именно намеренное.

Неверным представляется используемый рядом исследователей [Давтян 2006: 163–171] термин «рекламная мимикрия», под которым понимается «явление, в ходе которого сообщение определенного вида коммуникации заимствует элементы другого вида коммуникации, чтобы скрыть свои цели полностью или частично» [там же]. «Мимикрия» не является в строгом смысле синонимом слова «маскировка», есть важные компоненты значения, которые их разводят: произвольное, физиологическое (в случае с мимикрией) — намеренное, сознательное (если речь идет о маскировке). Для юридического дискурса эти компоненты значения чрезвычайно важны, поэтому верным представляется использование термина «маскировка».

Многие вопросы, которые возникают при рассмотрении дел, не относятся к вопросам факта и требуют для своего решения специальных знаний. Речь, в частности, идет о тех ситуациях, когда рекламная информация интегрирована в самостоятельное произведение, которое по формальным и содержательным признакам имеет иную жанровую принадлежность. Не секрет, что недобросовестные рекламодатели пользуются лазейкой, своевольно трактуя ч. 9 п. 2 ст. 2 ФЗ «О рекламе», согласно которой настоящий закон не распространяется на «упоминания о товаре, средствах его

индивидуализации, об изготовителе или о продавце товара, которые органично интегрированы в произведения науки, литературы или искусства и сами по себе не являются сведениями рекламного характера» [ФЗ «О рекламе»].

Так, в жанре редакционной статьи «Светлое настроение к Пасхе» была представлена информация о традициях празднования Пасхи, о наполнении праздничного стола, статья завершалась фрагментом: *Пожалуй, самой подходящей для праздника водкой будет Netiroff «Пшеница украинская отборная», так как именно пшеница была у крестьян символом достатка и гостеприимства.* В процессе лингвистического исследования эксперту необходимо установить те факты, которые будут иметь значение для решения дела: если при изъятии спорного фрагмента ни форма, ни содержание текста не пострадают, тогда говорить о том, что информация была органично интегрирована, нельзя. Напротив, если при изъятии спорного фрагмента изменяется форма или содержание текста, меняется характер их взаимодействия (что тоже устанавливает эксперт), тогда есть основания считать информацию органично интегрированной. В приведенном примере спорный текст можно легко изъять без ущерба для статьи.

Считаем ошибочным при решении подобных задач вычислять отношение вербального объема спорного текста к вербальному объему статьи. Важно доказать наличие / отсутствие признаков, свидетельствующих о целостности текста.

Применительно к исследованию аналогичных ситуаций эксперту следует быть очень осторожным с используемой терминологией. Маскировку рекламной информации под информацию нерекламного характера, в том числе интегрирование рекламной информации в речевое произведение иной жанровой принадлежности, нельзя называть скрытой рекламой. Необходимо четко разграничивать скрытую рекламу, product placement, органично интегрированные упоминания о товаре и суррогатное рекламирование (термин, применяемый в толкованиях ФАС РФ) — это различные по своим признакам явления, смешивать которые в исследовании недопустимо. И это еще одна лингвоэкспертная проблема, которая заслуживает отдельного обсуждения.

Подводя итог, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что повышение доказательственного значения экспертных заключений по делам о нарушениях законодательства в области рекламы возможно

только при условии понимания исследователем теоретических основ судебной лингвистической экспертизы рекламы.

Литература

- Алефиренко 2008 — Н. Ф. Алефиренко. Дискурсивная синергетика «живого» слова // Г. Н. Манаенко (ред.). Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Краснодар: Изд-во СГПИ, 2008. С. 20–26.
- Баранов 2016 — А. Н. Баранов. Методы и методики в лингвистической экспертизе текста // О. В. Барабаш, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова (ред.). Язык. Право. Общество. Пенза: Пензенский гос. ун-т, 2016. С. 119–123.
- Валгина 2003 — Н. С. Валгина. Теория текста. М.: Логос, 2003.
- Ворошилова, Чудинов 2016 — М. Б. Ворошилова, А. П. Чудинов. Семантический дифференциал в практике лингвистической экспертизы: из опыта применения // О. В. Барабаш, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова (ред.). Язык. Право. Общество. Пенза: Пензенский гос. ун-т, 2016. С. 143–146.
- Давтян 2006 — А. А. Давтян. Рекламная мимикрия как способ выживания на товарно-сервисном и информационном рынках // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия Филология. Журналистика. 2006. № 2. С. 163–171.
- Дайлоф 2016 — Е. Л. Дайлоф. К вопросу о лингвистическом анализе невербального компонента креолизованного текста: проблемы вербализации смыслового содержания // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3. С. 76–81.
- Залевская 1998 — А. А. Залевская. Значение слова и возможности его описания // Н. В. Уфимцева (ред.). Языковое сознание: формирование и функционирование. М.: Институт языкознания РАН, 1998. С. 35–54.
- Караулов 1981 — Ю. Н. Караулов. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981.
- Кожевникова, Осадчий 2012 — Е. А. Кожевникова, М. А. Осадчий. Креолизованный текст как объект судебно-лингвистической экспертизы // Вестник Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств. 2012. № 19. С. 22–28.
- Надеина и др. 2010 — Т. М. Надеина, Л. М. Гончарова, Е. А. Чубина. Туристский бренд Подмосковья: проективные методики построения и исследования // Сервис в России и за рубежом. 2010. № 4 (19). С. 72–80.
- Немов 2003 — Р. С. Немов. Психология. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003.
- Постановление от 17.03.2014 — Постановление от 17 марта 2014 г. по делу № А06-7142/2013. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/K3jWrB9mA8mW/> (дата обращения 16.11.2019)

- Постановление от 11.06.2015 — Постановление от 11 июня 2015 г. по делу № А57-8254/2013. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/vjc8sGokGpmc/> (дата обращения 16.11.2019)
- Постановление от 14.03.2016 — Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14 марта 2016 г. по делу № А12-12956/2015. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/vOsJJWQsy5m6> (дата обращения 16.11.2019)
- Постановление от 29.06.2017 — Постановление 4 ААС от 29 июня 2017 г. по делу № А19-21340/2016. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/pCHZDCtcNIQC/> (дата обращения 16.11.2019)
- Пресс-релиз ФАС — ФАС: в рекламе фармпрепаратов дело не только в слове «быстро» (электронный ресурс). URL: <https://fas.gov.ru/publications/13480> (дата обращения 16.11.2019)
- Россинская и др. 2009 — Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин. Теория судебной экспертизы: учебник. М.: Норма, 2009.
- Сорокин, Тарасов 1990 — Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Р. Г. Котов (ред.). Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–186.
- Тимофеева 2010 — М. К. Тимофеева. Интроспекция как предмет и как метод лингвистики // Вестник Новосибирского гос. ун-та. 2010. № 9. С. 3–12.
- ФЗ «О рекламе» — Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О рекламе». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения 16.11.2019)

References

- Alefrenko 2008 — N. F. Alefrenko. Diskursivnaya sinergetika «zhivogo» slova [Discursive synergy of the “living” word]. G. N. Manaenko (ed.). *Yazyk. Tekst. Diskurs: Nauchnyy almanakh Stavropolskogo otdeleniya Rossiyskoy assotsiatsii lingvistov-kognitologov* [Language. Text. Discourse: Humanities Almanac of the Stavropol Branch of Russian Association of Cognitive Linguists]. Krasnodar: Stavropol State Pedagogical Institute Press, 2008. P. 20–26.
- Baranov 2016 — A. N. Baranov. Metody i metodiki v lingvisticheskoy eksper-tize teksta [Methods and techniques in forensic linguistics]. O. V. Barabash, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova (eds). *Yazyk. Pravo. Obshchestvo*. [Language. Law. Society]. Penza: Penza State University Press, 2016. P. 119–128.
- Davtyan 2006 — A. A. Davtyan. Reklamnaya mimikriya kak sposob vyzhivaniya na tovarno-servisnom i informatsionnom rynkakh [Advertising mimicry as a way of survival in the commodity-service and information markets]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Series Filologiya. Zhurnalistika*. 2006. No. 2. P. 163–171.

- Daylof 2016 — E. L. Daylof. K voprosu o lingvisticheskom analize neverbalnogo komponenta kreolizovannogo teksta: problemy verbalizatsii smyslovogo sodержaniya [The linguistic research of nonverbal component of a composit verbal / visual text: problems of verbalization sense]. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*. 2016. No. 3. P. 76–81.
- FZ «O reklame» — Federalnyy zakon ot 13.03.2006 No. 38-FZ (red. ot 31.12.2017) «O reklame» [Federal Law of 13.03.2006 No 38-FZ (as amended on 12/31/2017) “On Advertising”]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (accessed on 16.11.2019).
- Karaulov 1981 — Yu. N. Karaulov. Lingvisticheskoe konstruirovaniye i tezaurus literaturnogo yazyka [Linguistic construction and thesaurus of the language]. Moscow: Nauka, 1981.
- Kozhevnikova, Osadchiy 2012 — E. A. Kozhevnikova, M. A. Osadchiy. Kreolizovannyy tekst kak obekt sudebno-lingvisticheskoy ekspertizy [Creolised text as object of judicial and linguistic examination]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*. 2012. No. 19. P. 22–28.
- Nadeina et al. 2010 — T. M. Nadeina, L. M. Goncharova, E. A. Chubina. Turistskiy brend Podmoskovya: proyektivnye metodiki postroyeniya i issledovaniya [Tourist brand of Moscow area: projective techniques of construction and research]. *Servis v Rossii i za rubezhom*. 2010. No. 4 (19). P. 72–80.
- Nemov 2003 — R. S. Nemov. Psikhologiya. [Psychology]. Moscow: Humanitarian publishing center VLADOS, 2003.
- Postanovlenie ot 17.03.2014 — Postanovlenie ot 17 marta 2014 g. po delu № A06-7142/2013 [Ordinance of June 11, 2015 on case No. A06-7142/2013]. Available at: <https://sudact.ru/arbitral/doc/K3jWrB9mA8mW/> (accessed on 16.11.2019)
- Postanovlenie ot 11.06.2015 — Postanovlenie ot 11 iyunya 2015 g. po delu № A57–8254/2013 [Ordinance of June 11, 2015 on case No. A57-8254 / 2013]. Baza sudebnykh I normativnykh aktov RF [The base of Laws and regulations of the Russian Federation]. Available at: <https://sudact.ru/arbitral/doc/vjc8sGokGpmc/> (accessed on 16.11.2019)
- Postanovlenie ot 14.03.2016 — Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Povolzhskogo okruga ot 14.03.2016 g. po delu № A12 –12956/2015 [Ordinance of the Arbitration Court of the Povolzhsky District of March 14, 2016 on case No. A12 –12956/2015]. Baza sudebnykh I normativnykh aktov RF [The base of Laws and regulations of the Russian Federation]. Available at: <https://sudact.ru/arbitral/doc/vOsJJWQsy5m6> (accessed on 16.11.2019)
- Postanovlenie ot 29.06.2017 — Postanovlenie 4 AAS ot 29 iyunya 2017 g. po delu № A19-21340/2016 [Ordinance of the Arbitration Court 4 of June 29, 2017 on case No. A19-21340/2016]. Available at: <https://sudact.ru/arbitral/doc/pCHZDCtcNIQC/> (accessed on 16.11.2019)

- Press-reliz FAS — Press-reliz FAS. FAS: v reklame farmpreparatov delo ne tolko v slove «bystro» [FAS press release. FAS: this is not about «quickly» in advertising pharmaceuticals] (electronic document). Available at: <https://fas.gov.ru/publications/13480> (accessed on 16.11.2019)
- Rossinskaya et al. 2009 — E. R. Rossinskaya, E. I. Galyashina, A. M. Zinin. *Teoriya sudebnoy ekspertizy* [Theory of Forensic Examination]. Moscow: Norma, 2009.
- Sorokin, Tarasov 1990 — Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov. *Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya* [Creolized texts and their communicative function]. R. G. Kotov (ed.). *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya*. [Optimization of Speech Exposure]. Moscow: Nauka, 1990. P. 180–186.
- Timofeeva 2010 — M. K. Timofeeva. *Introspektsiya kak predmet i kak metod lingvistiki* [Introspection as an object and as a method of linguistics]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. No. 9. P. 3–12.
- Valgina 2003 — N. S. Valgina. *Teoriya teksta* [Text Theory]. Moscow: Logos, 2003.
- Voroshilova, Chudinov 2016 — M. B. Voroshilova, A. P. Chudinov. *Semanticheskii differentsial v praktike lingvisticheskoy ekspertizy: iz opyta primeneniya* [Semantic differential in linguistic expertise: practical experience]. O. V. Barabash, T. V. Dubrovskaya, A. K. Dyatlova, N. A. Pavlova (eds). *Yazyk. Pravo. Obshchestvo* [Language. Law. Society]. Penza: Penza State University Press, 2016. P. 143–146.
- Zalevskaya 1998 — A. A. Zalevskaya. *Znachenie slova i vozmozhnosti yego opisaniya* [The meaning of the word and the possibility of its description]. N. V. Ufimtseva (ed.). *Yazykovoe soznanie: formirovanie i funktsionirovanie* [Language consciousness: formation and functioning]. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 1998. P. 35–54.

II. VARIA

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ: *ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖ*

С. С. Волков

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
sergejvolkov2006@yandex.ru

Н. В. Карева

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
natasha.titova@gmail.com

Аннотация. На примере термина *предложный падеж* в статье показаны пути формирования новых терминов в языке для специальных целей русской грамматики XVIII в. В «доломоносовских» грамматиках русского языка для обозначения предложного падежа использовались латинские наименования *casus ablativus*, *casus narrativus*, *casus objectivus*. В грамматиках польского языка появляется термин *casus localis*. Кроме того, продолжал использоваться термин *сказательный падеж*, предложенный в грамматике Смотрицкого. Считается, что М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» впервые использовал термин *предложный падеж*. Однако в его подготовительных лингвистических заметках — «Материалах к Российской грамматике» выявлен латинский термин *casus praepositionis*, восходящий, по всей видимости, к труду испанского филолога Ф. Санчеса «*Minerva, sive de causis Latinae linguae*» (1587) или сочинениям грамматистов Пор-Рояль. Вероятно, в результате калькирования русским языком латинского *casus praepositionis* возникло наименование *предложный падеж*, которое после выхода в свет «Российской грамматики» закрепилось в отечественной традиции грамматического описания. В статье рассматривается также другая версия происхождения термина: возможно, прилагательное *предложный* было образовано суффиксальным способом от слова *предлог*, — по модели, по которой образованы наименования некоторых падежей в трудах Ю. Крижанича.

Ключевые слова: русский язык, термины, грамматика, предложный падеж, М.В. Ломоносов, XVIII век.

**Formation of Russian grammar terminology:
predložnyi padezh ‘prepositional case’**

S. S. Volkov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
sergejvolkov2006@yandex.ru

N. V. Kareva

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
natasha.titova@gmail.com

Abstract. Taking the term *predložnyi padezh* ‘prepositional case’ as an example, the paper shows the ways new terms for Russian grammar descriptions were coined in the 18th century. Pre-Lomonosov, 18th century grammars of Russian (by H. W. Ludolf, V. Adodurof, etc.) used Latin terms for the prepositional case: *casus ablativus*, *casus narrativus*, or *casus objectivus*. As of the mid-17th century, Polish grammars introduced the term *casus localis* (M. Gutthäter-Dobracki), while Russian grammars also continued to use *skazatel’nyi* ‘narrative case’, proposed earlier by M. Smotritsky (1619, Moscow edition 1648). Introduction of the modern *predložnyi padezh* used to be ascribed to M. Lomonosov’s *Rossijskaja Grammatika* [Russian Grammar] (1757). His earlier preliminary works, *Materialy k rossijskoj grammatike* [Materials for a Russian grammar] (1744–1757), however, mention a Latin term, *casus praepositionis*, probably traceable back to *Minerva, sive de causis Latinae linguae* (1587) by F. Sanchez (Spain) or to writings by Port-Royal grammarians. Thus the Russian *predložnyi padezh* may have emerged as a calque of this term to be perpetuated in grammatical descriptions in the wake of Lomonosov’s *Grammar*. The paper also considers another plausible though unprovable version, whereby Lomonosov may have formed the adjective *predložnyi* by suffixation from *predlog* ‘preposition’ following the case-name formation pattern applied by Ju. Križanić, a Croatian Catholic missionary in Russia, in his treatise *Gramatichno izkazaniye ob ruskom yeziku* [A grammatical sketch of the Russian Language] (1666). Yet another possible source of the term was indicated by Prof. H. Keipert who believes Lomonosov could borrow it from I. Boediker’s *Grundsätze der teutschen Sprache*.

Keywords: Russian language, terminology, grammar, prepositional case, Lomonosov, XVIII century.

1. Введение

За последние тридцать лет появилось много содержательных исследований, посвященных описанию грамматической системы русского языка XVIII в. и её развитию, — работы В. М. Живова [Живов 1996; Живов 2004; Живов 2017], Г. Кайперта [Keipert 1983; Keipert 1991 и др.] и Б. А. Успенского [Успенский 1988; Успенский 1997 и др.]; Е. Э. Бабаевой и Н. Н. Запольской [Бабаева, Запольская 1993 и др.]; С. В. Власова и Л. В. Московкина [Власов, Московкин 2014 и др.]; П. А. Клубкова [Клубков 2011]; Р. Рёнкя [Rönkä 2005]; Л. Дюровича [Đurovič, Sjöberg 1987 и др.]; С. Аршембо [Archambault 1999] и С. Менгель [Mengel 2016 и др.]. Подготовлены комментированные издания грамматик этого периода — трудов В. Е. Адодурова [Волков и др. (ред.) 2014], И. В. Пауса [Keipert 2016 (ed.)], И.-Э. Глюка [Keipert et al. (ed.) 2002], М. Шванвица [Keipert et al. (ed.) 2002]. Однако по-прежнему нуждается в более подробном изучении формальная сторона грамматических описаний XVIII столетия, в том числе особые знаковые системы и средства, служащие для изложения грамматических фактов, иначе говоря — *метаязык* первых учебных руководств по русскому языку и, в частности, их *терминология*¹.

Во многих научных и справочных изданиях встречается указание на то, что в метаязык русской грамматики термин *предложный падеж* был введен М. В. Ломоносовым (например, [Виноградов 2001: 144, 151]). Материалы картотеки «Словаря русского языка XVIII века» также однозначно подтверждают тот факт, что грамматика Ломоносова является первым опубликованным² текстом, в котором употреблен термин *предложный падеж*.

¹ Как указывает К. А. Филиппов, в *метаязык* грамматик входят терминология, свойственная научной литературе, вообще общенаучная лексика, а также разнообразная символика и графика; графический метаязык включает таблицы, схемы, графики, шрифтовые выделения (курсив, разрядка) и пр. [Филиппов 2014: 47]. *Терминология* справедливо ставится на первое место среди метаязыковых средств: она играет важную роль в формировании научной концепции автора и выступает определяющим фактором в понимании читателем излагаемого содержания.

² Ранее термин встречается только в рукописных «Материалах к Российской грамматике», датированных предположительно 1744–1757 гг. [Ломоносов 1952: 901], см. об этом ниже.

В «Российской грамматике» при описании системы падежей русского языка Ломоносов использует риторическую фигуру *умедления* или *сустентации*, чтобы «читатели, долго ожидавши, вдруг нечаянным восхищены были» [Ломоносов 1952: 271]. Сначала он пишет о шести имеющихся в русской грамматике падежах, затем отвлекает внимание читателя объяснением того, насколько важна категория падежа и какие падежи существуют в европейских языках, и только после этого сообщает «самое настоящее великое дело»:

- (1) «Российский язык избыточествует перед прочими для некоторых предлогов седьмым особливым падежом, который без них нигде не употребляется. Например: *городѣ, городахъ, рукахъ, побѣдахъ* просто сказать нельзя, но с предлогами: *въ городѣ, при городахъ, на рукахъ, въ побѣдахъ*. В Славенской грамматике назван он *сказательным*, но свойственное назван быть может *предложным*» [Ломоносов 1952: 412].

Ломоносов не указывает, называл ли кто-либо из грамматистов этот падеж *предложным* до него; в последующих грамматиках и исследованиях по истории лингвистики предыстория этого наименования также не комментировалась. Поэтому вопрос о том, является ли терминотворчество Ломоносова языковой новацией или же эта единица возникла в русской терминологии под влиянием некой научной традиции, до настоящего времени остается открытым.

Для того чтобы разрешить его, необходимо обратиться к грамматической терминологии наиболее влиятельных в России середины XVIII в. лингвистических учений и представить *«терминологический ресурс»* Ломоносова, т. е. исследовать метаязык известных ему грамматик. Опись личной библиотеки ученого свидетельствует о том, что Ломоносов отлично знал литературу по языкознанию своего времени [Коровин 1961: 291–309] — церковнославянские грамматики, европейские лингвистические сочинения Нового времени и «грамматики Академической гимназии»³ первой половины

³ К «грамматикам Академической гимназии» относят написанные на немецком, латыни или французском учебные руководства по русскому языку, а также написанные на русском языке или с русским параллельным текстом грамматики иностранных языков — латыни, немецкого и французского, созданные преподавателями Академической гимназии и университета в 1730–1750-е гг. [Đurović, Sjöberg 1987].

XVIII в. Обращение к этим источникам, а также к корпусу черновых материалов Ломоносова, сопоставительное исследование использованных в них грамматических терминов позволит более точно установить исходную точку терминологизации сочетания *предложный падеж*, внесет существенные дополнения в устоявшееся мнение о том, что термин был создан именно Ломоносовым и представит новые сведения о путях формирования терминологических новаций в XVIII в.

2. Наименования падежей в церковнославянских и западнославянских грамматиках XVI–XVII вв.

В Западной и Восточной Европе в XVI–XVIII вв. грамматическое описание национальных языков обычно осуществлялось по модели латинской грамматики [Мечковская 1984: 92–93]. В том, что касалось описания категории падежа, существовали две традиции: либо свойственная латыни шестичленная оппозиция — *nominativus, genetivus, dativus, accusativus, ablativus, vocativus* — переносилась в языковую систему описываемого языка; либо выделялось семь или более падежей [Mengel 2016].

Обе указанные практики нашли отражение в передаче категории падежа в церковнославянских грамматиках XVI–XVII вв. [Клубков 2011: 112–113]. Так, например, Д. Герасимов в «Донате» (1522) выделил шесть падежей (*падежий*) и использовал для их обозначения славянские наименования, являющиеся по большей части переводами латинских терминов: *именователное, родственное, дателное, виновное, отрицателное, звателное* [Ягич 1885–1895: 824]. Л. Зизаний в «Славенской грамматике» (1596) также выделил шесть падежей: *именовный, родный, дателный, творителный, винителный, звателный* [Кузьминова и др. (ред.) 2000: 49] и ввел термин *творителный*, являющийся переводом латинского *instrumentalis*, использовавшегося для наименования одного из значений аблатива. Дважды десятилетиями позже М. Смотрицкий в «Грамматике славенской правильное синтагма» (1619) описал падежную систему церковнославянского языка с помощью семичленной оппозиции *именителного, родителного, дателного, винителного, звателного, творителного* и *сказателного* падежей [Кузьминова и др. (ред.) 2000: 170]. Схема описания и терминология Смотрицкого были восприняты последующей традицией

описания русского языка, за исключением наименования *сказательный*⁴ — именно этот падеж позднее стал *предложным*. В XVI–XVII вв. стремление трансформировать традиционную латинскую схему падежной парадигмы и адаптировать ее к особенностям собственной системы именного словоизменения становится тенденцией и для западнославянских языков. Г. Кайперт отметил употребление терминов *ablativus instrumentalis* и *ablativus locativus* в грамматиках польского языка П. Статориуса-Стоенского (1568) и М. Фолькмара (1594) [Keipert 1991: 281–282]. Добавим, что авторы грамматик польского языка Ф. Менье-Менински (1649) и Я. К. Война (1690), преподаватель польского языка в Академической гимназии Гданьска, описали на материале польского языка *ultimus casus*, названный так, по-видимому, по критерию «дополнительности» к классической схеме или финальной позиции в падежной парадигме. *Ultimus casus* отличался от других падежей тем, что имел особое локативное или нарративное значение и употреблялся только с предлогами [Zwoliński 1988: 31–66]. Другой польский грамматист, лексикограф и переводчик М. Гутхэтер-Добрачки, преподававший в Торуни (нем. Thorn), где позднее учился в гимназии Шванвиц [Московкин 2009], в книге «Vorbott der Polnischen Sprachkunst. Goniéc grámátyki Polskiey» (1668) включил в систему падежей *Ortendung* или *Localis*:

- (2) «die *Ortendung (Localis)* ...die in einem Ort zu seyn bedeutet» [Gutthäter-Dobracki 1668: 12]
(пер. «*Местный падеж* ... обозначает нахождение в том или ином месте» — ав.).

3. Наименования падежей в грамматиках русского языка первой половины XVIII в.

Первая грамматика русского языка появилась в конце XVII в. — это была написанная на латыни «*Grammatica russica*» (1696) Г. В. Лудольфа. Автор этой книги использовал латинскую терминологию и, чтобы вписать русский материал в латинскую схему, выделил две разновидности аблатива — *ablativus* без уточняющего определения

⁴ В московском издании грамматики Смотрицкого 1648 г. термин *сказательный падеж* сохраняется [Кузьминава (ред.) 2007: 89–90].

и *ablativus instrumentalis*. Наличие *ablativus instrumentalis* рассматривалось Лудольфом как характерная особенность русского языка:

- (3) «Nam praeter sex casus vulgares, habent unum linguae Slavonicae induque derivates dialectis peculiarem, quem *ablativum instrumentalem* nonnulli vocant» [Ларин 2002: 552]
 (пер. «Кроме шести общеизвестных падежей есть седьмой, свойственный Славянскому и произошедшим от него языкам, который некоторые называют *инструментальным аблативом*» [Ларин 2002: 608]).

Точное повторение схемы и формулировки Лудольфа [Успенский 1988: 98–99] мы найдем позже в написанной по-французски рукописной грамматике русского языка Ж. Соје (1724):

- (4) «... outre les six cas ordinaires des autres Langues, les Russiens en ont un particulier à leur dialecte, qui dérive de la langue Esclavonne, et qu'ils appellent *ablatif Instrumental*» [Успенский (ред.) 1987: 1, 20–21]
 (пер. «Кроме шести свойственных другим языкам падежей, у русских есть седьмой, свойственный их языку, произошедшему от славянского, который они называют *инструментальным аблативом*» — авт.).

В 1730–1750-х гг. особая линия терминологической традиции начала формироваться в т. н. «грамматиках Академической гимназии» — учебниках немецкого, французского и латыни, в которых иностранным терминам давались русские аналоги. Например, в «Сокращении грамматики латинской» В. И. Лебедева (1746) и «Новой французской грамматике» В. Е. Теплова (1752) латинскому *casus ablativus* и французскому *ablatif* соответствовал русский *творительный падеж* [Лебедев 1746: 63; Теплов 1752: 29, 218], а в двуязычной «Немецкой грамматике» М. Шванвица (1730) латинский *ablativus* был переведен как *относительный падеж*:

- (5) «In dem Lateinischen hat man noch den *Ablatiuum*, welchen auch andere in ihren Teutschen Grammaticis beybehalten ...
 Въ Латинскомъ языкѣ имѣется еще *Аблативусъ* [*относительный*] которыи такожде и протчіе нѣмцы въ своихъ граматикахъ употребляютъ» [Шванвиц 1730: 142–143].

Кроме того, в кругу преподавателей Академической гимназии в это время шла работа не только по написанию учебных руководств по иностранным языкам. Создавались также грамматики русского языка [Живов 2017: 2, 991–1012] — написанные по-немецки «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache» И.-В. Пауса (1705–1729) [Keipert 2016 (ed.)], «Anfangs-Gründe der russischen Sprache» В. Е. Адодурова (1731) [Волков и др. (ред.) 2014] и анонимный «Compendium grammaticae russicae» (1731), над которым, по мнению Г. Кайперта, работали Шванвиц, Адодуров и другие сотрудники Академии наук [Keipert et al. (ed.) 2002: 22–30]. Из этих грамматик только «Anfangs-Gründe der russischen Sprache» были напечатаны в приложении к Вейсманнову лексикону; другие тексты дошли до нас только в виде черновых рукописей.

В том, что касается описания падежной системы русского языка в этих грамматиках, традиционная латинская схема снова адаптировалась для описания фактов русского языка. В «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache» Паус выделил семь падежей в русском и церковнославянском языках. Шестой и седьмой падежи, по мысли Пауса, соответствовали латинскому *ablativus*, и для их обозначения использовались наименования *objectivus* (для шестого падежа) и *effectivus* или *instrumentalis* (для седьмого) [Keipert (ed.) 2016: 107]. О наличии в русском языке семи падежей говорится также в «Compendium grammaticae russicae». Для обозначения шестого падежа в «Compendium» использовался термин *instrumentalis*, а для седьмого — *narrativus* или *localis*, им соответствовали русские *творительный* и *сказательный* падежи [Keipert et al. (ed.) 2002: 174–175]. Адодуров в «Anfangs-Gründe der russischen Sprache» (1731) назвал шестой падеж *instrumentalis*, а седьмой — *narrativus* или *obiectivus*⁵:

⁵ Паус был против терминологии Адодурова и в 1732 г. написал президенту Академии наук Л. Блюментросту донесение («Observationes, inventiones et experimenta circa literaturam et historiam rassicam...»), в котором настаивал на том, что предложенные им наименования русских падежей лучше отражают семантику именных форм, нежели предложенные Адодуровым. См. о наименованиях шестого и седьмого падежей:

«Von denen zwei letzten habe ich den einen *effectivum* genennet weil er fraget: *womit?* Den andern aber *objectivum* von seinem object mit der Präposition *w von*, *na*, *въ* genennet, welche unumstößlich ist. Dargegen ein gewisser Neuling den

- (6) «Casus zehlt man in der Rußischen Sprache sieben (...). Die Benennung derselben ist *Nominatiuus, Genetiuius, Datiuius, Accusatiuius, Vocatiuius, Instrumentalis* und *Narratiuius* oder *Obiectiuius*» [Волков и др. (ред.) 2014: 114]
(пер. «Падежей в русском языке насчитывается семь (...). Эти падежи называются *именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, творительный* и *сказательный* или *объектный*» — авт.).

Термины *instrumentalis* и *narrativus* использовались и в последующей традиции грамматического описания русского языка. Они встречаются в написанной на шведском языке «Российской грамматике» М. Гренинга 1750 г. [Unbegaun (ed.) 1969]. Кроме того, мы находим их в «Материалах к Российской грамматике» — черновых заметках, относящихся к филологической деятельности Ломоносова, хранящихся в составе коллекции документов Ф. 20. Оп. 1. Д. 5 в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН). В «Материалах к Российской грамматике» Ломоносов, воспроизводя парадигму падежного словоизменения существительного *морь*, отмечает:

- (7) «*Narrativo caret*» [Ломоносов 1952: 633]
(пер. «Сказательного нет» [Там же]).

В другом месте замечает:

- (8) «*Ad interrogationem quâ respondetur instrumentali*» [Ломоносов 1952: 604]
(пер. «На вопрос *каким путем* отвечает *творительный падеж*» [Там же]).

Помимо наименований *narrativus* и *instrumentalis*, в «Материалах к Российской грамматике» был использован новый термин, ранее незнакомый традиции грамматического описания русского

ersten zwar statuiert, welches gut, aber andern *narrativum* nennet, welches nährisch heraukömmt» [Winter 1958: 760]

(пер. «Из этих двух последних один я назвал *effectivum*, поскольку он отвечает на вопрос *womit?* (*чем?*). Другой же назвал *objectivum* поскольку он выражает объект с предлогом *и von* (*о*), *на*, *въ*, что бесспорно. Известный же новичок (имеется в виду Адодуров — авт.), напротив, первый падеж хотя и признает, что хорошо, но другой называет *narrativum*, а это выходит по-дурацки» — авт.).

языка, — *casus praepositionis*. На одном из листов «Материалов» — что примечательно, на том же самом, на котором встречаются термины *narrativus* и *instrumentalis*, — находится заметка, где используется это новое терминологическое сочетание. Ломоносов пишет:

- (9) «De *casu praepositionis* nominum masculini generis, quae desinunt in ъ. 1. Animata habent in hoc casu ѣ: на быкъѣ, въ слонѣѣ, о Петрѣѣ, о сынѣѣ. 2. Inanimata habent у: на лугу на полу. Ехс. [іре] на столѣѣ, во снѣѣ, <въ озерѣѣ>⁶ въ ковшѣѣ, на ножѣѣ, о холстѣѣ, въ клочѣѣ [?] щотѣѣ, щотѣѣ» [Ломоносов 1952: 632–633] (пер. «О предложном падеже существительных мужского рода, которые кончаются на ъ. 1. Одушевленные имеют в этом падеже ѣ: на быкъѣ, въ слонѣѣ, о Петрѣѣ, о сынѣѣ. 2. Неодушевленные имеют у: на лугу на полу. За исключением на столѣѣ, во снѣѣ, <въ озерѣѣ> въ ковшѣѣ, на ножѣѣ, о холстѣѣ, въ клочѣѣ [?] щотѣѣ, щотѣѣ» [Там же]).

4. История термина *casus praepositionis*

Удалось проследить историю наименования *casus praepositionis*. В европейскую традицию грамматического описания этот термин был введен в XVI в. испанским филологом Ф. Санчесом. В трактате «*Minerva, sive de causis Latinae linguae*» (1587) он сделал попытку на основе латыни выявить универсальную логико-грамматическую структуру, свойственную всем языкам [Малявина 1985: 42–43], и в разделе о синтаксисе падежей отметил, что для обозначения шестого падежа (*ablativus*) более подходит термин *casus praepositionis*, так как он всегда используется с предлогом:

- (10) «*Sextus casus proprium nomen non habet (...)* Nos *sextum casum* appellamus, aut *casum praepositionis*; quia semper a praepositione tegitur» [Sanctius 1664: 83].

(пер. «Шестой падеж не имеет собственного имени (...) Мы называем его *шестым* или *предложным падежом*, поскольку он всегда употребляется с предлогом» — авт.).

Термин *casus praepositionis* также использовался как дублированное наименование аблатива французскими грамматистами школы

⁶ Зачеркнуто.

Пор-Рояль [Lakoff 1976: 363–373]. В грамматике греческого языка К. Лансло «Nouvelle méthode pour apprendre facilement la langue grecque» (1655) мы находим следующую формулировку со ссылкой на Санчеса:

- (11) «l'*Ablatif*, qu'on pourroit pout-estre appeller plus proprement avec Sanctius, *Casus Praepositionis*, le *Cas perpetuel de Preposition*, parce qu'il en dépend toujours, soit qu'elle y soit exprimée, ou non» [Lancelot 1656: 456].

(пер. «*аблатив*, который, по всей видимости, вслед за Санчесом, следовало бы назвать *предложным надежом*, *надежом*, который всегда употребляется с предложом, потому что он от него всегда зависит, выражен предлог или нет» — авт.).

Ломоносов мог воспринять термин *casus praepositionis* как из трактата Санчеса — экземпляры «Минервы» имелись в библиотеке Академии наук в первой половине XVIII в. [Bibl. Imp. Petr. 1742: 231, 235], так и из сочинения К. Лансло: на переключки «Российской грамматики» с сочинениями школы Пор-Рояль указывают М. И. Сухомлинов и С. Аршембо [Ломоносов 1898; Archaimbault 1999: 121; см. также Клубков 2011: 95–96].

5. Термин *предложный надеж* в «Российской грамматике» и подготовительных материалах к ней

«Материалы к Российской грамматике» включают в себя не только заметки самого Ломоносова — некоторые листы написаны рукой его помощника, который, по-видимому, по заданию Ломоносова делал выписки из грамматики М. Смотрицкого, модернизируя при этом грамматическую терминологию [Ломоносов 1952: 908]. Личность этого помощника до сих пор не установлена [Ломоносов 2011: 800–801]; однако Г. Н. Моисеева, работавшая вместе с криминалистом М. Г. Любарским, высказала предположение, что это мог быть И. С. Барков [Моисеева 1971: 43].

На одном из написанных неломоносовской рукой листов в разделе о склонении местоимений встречается первое употребление термина *предложный надеж*, который, возможно, был создан в результате перевода на русский язык латинского *casus praepositionis*. При этом термин *сказательный надеж* продолжал использоваться

в качестве дублетного наименования — в материалах помощника Ломоносова наименования *сказательный* и *предложный* встречаются рядом. См., например, в главе об употреблении предлогов:

- (12) «Родительного падежа требуют четыре: *у, отъ, изъ* или *съ, до. <...>* Предложного два: *при* и *по <...>* Винительного и *сказательного* три: *въ <...> о, объ* и *обо, на*» [Ломоносов 1952: 756].

В печатном варианте «Российской грамматики» Ломоносов устранил терминологическую вариативность; седьмой падеж русской парадигмы именного словоизменения называется *предложным*, при этом указывается, что он соответствует *сказательному* у Смотрицкого. Однако термин *сказательный падеж* довольно неожиданно появляется снова уже не в языке «Российской грамматики», а в её *метаязыке*: в таблицах первой главы пятого наставления «О местоимении», иллюстрирующих склонение местоимений *чей* и *оний*, на месте предложного падежа употребляется сокращенное название *Сказ.*, хотя в остальных таблицах, иллюстрирующих, например, склонение личных или притяжательных местоимений, употребляется сокращение *Предл.* или *Пред.* [Ломоносов 1952: 543–545]. Можно предположить, что это или была своеобразная «дань» предшествовавшей традиции, или что Ломоносов составлял таблицы склонения местоимений для «Российской грамматики» не сам, а поручил это кому-либо из своих ассистентов.

6. Термин *предложный падеж* в грамматиках русского языка второй половины XVIII в.

Новация Ломоносова была воспринята традицией грамматического описания второй половины XVIII в. В «Кратких правилах российской грамматики» (1773), «Российской грамматике» А. А. Барсова (1783–1788), «Краткой российской грамматике» Е. Б. Сырейщикова (1787) и, наконец, в «Российской грамматике, сочиненной Императорской Российской Академией» (1802) седьмой падеж именной парадигмы словоизменения называется *предложным* [Краткие правила 1773: 12; Успенский (ред.) 1981: 102; Сырейщиков 1787: 9; Росс. грамм. 1802: 42]. Добавим, что А. Л. Шлёцер, недобрые отношения которого с Ломоносовым известны, в «*Rusische Sprachlehre*» (1764) тоже использует термин *casus praepositivus* [Булич 1904: 82–83].

Что же касается «ломомоновской» традиции обозначения предложного падежа, то она продолжала оказывать влияние на терминопотребление. Так, Н. Г. Курганов в «Российской универсальной грамматике» (1769) использует термин *сказательный падеж* [Курганов 1769: 11], а А. Д. Байбаков в «Грамматике руководствующей к познанию славено-российскаго языка» (1794) употребляет наименования *предложный* и *сказательный* как синонимы [Байбаков 1794: 16]. Кроме того, в некоторых переводах «Российской грамматики» на немецкий язык продолжали функционировать латинские термины из грамматик «Академической гимназии». Так, Я. Родде в «Russische Sprachlehre» (1773) использовал термины *instrumentalis* и *narrativus* для обозначения разновидностей аблатива [Rodde 1773: 17]. Однако большинство переводчиков «Российской грамматики» на иностранные языки стремились сохранить внутреннюю форму ломомоновских терминов: в переводе «Российской грамматики» на немецкий язык, выполненном И. Л. Стафенгагеном, русскому *предложному падежу* соответствует немецкий и латинский термины *casus praepositivus* и *Vorwortsfall* [Lomonosov 1764: 32], а в переводе «Российской грамматики» на французский Ж.-Б. Шарпантье используется термин *prépositif* [Charpentier 1768: 22].

7. Альтернативные источники термина *предложный падеж*

Изложенное выше представляет собой только одну из возможных версий происхождения термина. Есть основания предположить иное: что это не калька, а созданное по активной словообразовательной модели языка XVIII в. [Петрова 1983: 14–16; Сандуца 2017: 124–128] новое слово; в качестве исходного материала было использовано слово *предлог*, которое фиксируется в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» с XVI в. [Богатова (ред.) 1992: 195]. Заметим, что подобный прием использовал также хорватский священник и ученый-полимаг Ю. Крижанич в трактате «Грамагично изказанје об руском језику» (1666), в котором разрабатывалась идея «всеславянского языка» или «интерслава» [Дуличенко 2008: 91] — гипотетического языка межнационального общения, который мог бы способствовать объединению славянских народов⁷. Крижанич

⁷ Одной из причин подобных суждений, указывает Н. Н. Запольская, «является недостаточное понимание экстралингвистической и лингвистической мотивации

предложил необычную систему наименований семи падежей этого языка, в их числе наименования *крозник*, *јскерник*, *противник* и другие, мотивированные предлогами *кроз*, *против*, *јскер*, с которыми эти падежи употреблялись [Бодянский 1859: 3]⁸.

Крижанич прибыл в Москву в один из самых бурных периодов жизни Московского государства XVII в.: реформы царя Алексея Михайловича, патриаршество Никона, раскол, деятельность Епифания Славинецкого, «книжная справа». Известно, что в Москве Крижанич встречался и беседовал с книжниками, переводчиками Посольского приказа и справщиками Печатного двора [Емельянов 2012: 86]. О. М. Бодянский, автор одной из первых биографий Крижанича, пишет: «возможно, и он в это время *волнений переводных*, не мог удержаться от предложения услуг своих по делу исправления <церковных книг — *авт.*>» [Бодянский 1859: XI] — как мы знаем,

замысла Крижанича и, как следствие, неадекватное понимание структуры и функции предлагаемого им варианта литературного языка» [Запольская 2003: 97]. Проведенное ей исследование позволило установить, что предметом рефлексии Крижанича был церковнославянский язык русского извода, который он исправлял с целью поддержания правильности и понятности. Лингвистическая рефлексия Крижанича носила формально-семантический, конвергентный, корректирующий характер; а названная выше правильность и понятность книжного «русского языка достигались посредством устранения грамматической синонимии и омонимии, а также выбором грамматической семантики, общей для «русского» и хорватского языков [Запольская 2003: 148].

⁸ Укажем также, что в первой в истории грамматике хорватского языка, написанной католическим священником, иезуитом Б. Кашичем, «*Institutionum linguae illyricae libri duo*» (1604), система падежей представлена в соответствии с латинской традицией:

«*Nominatiuus siue Rectus, Genitiuus, Datiuus, Accusatiuus, Vocatiuus, & Ablatiuus: quibus nos addimus in singulari casum Septimum, & in Plurali praeter septimum etiam Octauum. Septimus in utroque numero erit concomitantiam, uel causam, uel modum, uel instrumentum significans. Octauus in Plurali tantum cum praepositione ù idest, in, significabit statum in loco*» [Cassius 1604: 21–22]

(пер. «Именительный, или прямой, Родительный, Дательный, Винительный, Звательный и Аблатив, к которым мы добавляем в единственном числе *Седьмой падеж* и во множественном числе кроме *Седьмого* еще *Восьмой*. *Седьмой падеж* в обоих числах будет обозначать сопровождение, или причину, или образ действия, или инструмент. *Восьмой падеж* только во множественном числе только с предлогом *ù*, то есть *в*, будет обозначать состояние в месте» — авторы благодарят н. с. ИЛИ РАН А. С. Смирнову за перевод и комментирование текста).

Крижанич отчасти осуществил свое желание, выполнив «своеобразную справу псалмов, инкорпорированных в правила-комментарии» [Запольская 2003: 139] в его грамматике. Во время встреч с переводчиками и справщиками затрагивались языковые вопросы, и размышления московских знатоков и ревнителей русской словесности о грамматической системе церковнославянского языка могли позднее найти отражение в сочинении Крижанича — вспомним, например, что в 1648 г. в Москве вторым изданием вышла грамматика Смотрицкого [Кузьминова (ред.) 2007].

Фактов, свидетельствующих о знакомстве Ломоносова с трудами Крижанича, нет; однако можно предположить, что некоторые сведения о грамматико-терминологических дискуссиях второй половины XVII в. Ломоносов мог получить, например, от преподавателей во время обучения в Московской Славяно-греко-латинской академии: рукописи Крижанича после его отъезда из России поступили на Московский печатный двор и имели некоторое хождение в Москве [Пушкарев 1984: 187; также Бессонов 1870: 129–158].

В заключение отметим, что по мнению Г. Кайперта [Keipert 1991: 286], термин *предложный падеж* мог появиться в «Российской грамматике» Ломоносова под влиянием немецкой грамматики И. Бёдикера «*Grundsätze der teutschen Sprache*», дополненной И. Л. Фришем и И. Я. Виппелем (1746):

- (10) «*Der Ablativus ist der Präpositions-Casus, es steht allezeit ein e dabei, nebst von, an, mit, vor, auf etc.*» [Bödiker 1746: 147]
(пер. «*Аблатив* — это *предложный падеж*, имеющий всегда окончание *e*, после предлогов *von, an, mit, vor, auf* и т. д.» — авт.).

Нет оснований не соглашаться с этим мнением, однако заметим, что издание грамматики Бёдикера 1746 г. едва ли было известно Ломоносову — оно не входит в число книг личной библиотеки Ломоносова [Коровин 1961; Карначев и др. 2011]; отсутствует в составленных самим Ломоносовым библиографических списках книг и не упоминается в записях библиотекарей Кунсткамеры о выданных Ломоносову книгах. Однако в первой половине XVIII в. в библиотеке Академии наук имелось издание грамматики Бёдикера 1723 г. [Bibl. Imp. Petr. 1742: 231, 235], и, как представляется, Ломоносов мог быть знаком именно с этим более ранним изданием грамматики. Издание 1723 г. содержало ортологическую информацию

о правильном употреблении слов, орфографии и формообразовании и могло быть рекомендовано в качестве справочника и учебного пособия по немецкому языку для студентов Академической гимназии и университета — среди последних в первой половине 1736 г. был и Ломоносов, получивший в Петербурге базовые знания немецкого языка под руководством адъюнкта Академии наук Адодурова [Волков и др. (ред.) 2014: 219–221]⁹.

Однако отметим, что словосочетание *Praepositions-Casus* используется у Бёдикера не в терминологическом, а, скорее, в характерном для учебных пособий объяснительном, интерпретационном контексте; его статус как терминологической единицы языка для специальных целей грамматики амбивалентен. Скорее это своеобразная номинативная перифраза, которую следует интерпретировать как ‘падеж, употребляющийся с предлогами’. Добавим, что термин *Praepositions Casus* не входит в словник самого большого (64 тома и 4 тома дополнений) энциклопедического словаря на немецком языке, созданного в XVIII в., — «Большого полного энциклопедического словаря всех искусств и наук», подготовленного книгоиздателем И. Г. Цедлером. Отсутствует словосочетание *Praepositions Casus* и в богатом разнообразной лингвистической информацией немецком электронном историческом архиве текстов (1473–1927) DWDS (Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart)¹⁰. Наконец, и это представляется важным, в изданиях «Grundsätze der deutschen Sprache» Бёдикера и Фриша 1723 и 1729 гг. термин *Praepositions Casus* написан не фактурой, а антиквой, что говорит о его связи с европейской научной латынью и, возможно, с упоминавшимися выше трудами Санчеса или Лансло.

8. Заключение

Для истории термина часто оказывается достаточно трудно создать точную и объективную картину его вхождения в состав языка

⁹ Возможно, знакомство с этой книгой в стенах Санкт-Петербургской Академии наук послужило причиной появления у Ломоносова интереса к трудам Фриша, в результате чего в Марбурге в 1738 г. Ломоносов приобрел его «Nouveau Dictionnaire des Passagers francois-allemand et allemand-francois, oder neues Frantzösisch-Teutsches und Teutsch-Frantzösisches Wörter-Buch» [Коровин 1961: 298].

¹⁰ См. <https://www.dwds.de>.

для специальных целей. Чаще результатом историко-терминологических штудий становятся разнообразные более или менее правдоподобные *версии*, очерк которых мы постарались предложить в настоящей статье. Однако представленные сведения, без сомнения, позволяют определить исходную точку терминологизации сочетания *предложный падеж* — это «Материалы к Российской грамматике» Ломоносова, датируемые 1744–1757 гг. [Ломоносов 1952: 901]. Хотим подчеркнуть, что активное взаимодействие, «сосредоточение» и «фокусировка» направлений терминологизации, «скрещивание» и «слияние» различных языковых и концептуальных стихий и традиций (классической, европейской, славянской) осуществилось в XVIII в. в пределах уникальной поликультурной ситуации научной и просветительской деятельности Санкт-Петербургской Академии наук, где в этот период формировалось особое многоязыковое терминологическое «койне», послужившее базой для создания метаязыка многих грамматических сочинений.

Литература

- Бабаева, Запольская 1993 — Е. Э. Бабаева, Н. Н. Запольская. Языковой континуум Петровской эпохи: обзор грамматических трактатов первой четверти XVIII века // Б. А. Успенский, М. Н. Шевелёва (ред.). Исследования по славянскому историческому языкознанию. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1993. С. 188–205.
- Бессонов 1870 — П. А. Бессонов. Юрий Крижанич, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII веке // Православное обозрение. 1870. № 1. С. 129–158.
- Богатова 1992 — Г. А. Богатова (ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 18. М.: Наука, 1992.
- Виноградов 2001 — В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 4-е изд. М.: Русский язык, 2001.
- Власов, Московкин 2014 — С. В. Власов, Л. В. Московкин. Учебники русского языка для иностранцев конца XVII — начала XVIII века: их адресат и лингвометодические основы // Проблемы современного образования. 2014. № 6. С. 119–127.
- Дуличенко 2008 — А. Д. Дуличенко. Юрий Крижанич и проект всеславянского языка // Русский язык в школе. 2008. № 6. С. 85–91.
- Емельянов 2012 — Б. В. Емельянов. Феномен Юрия Крижанича // Культура и текст. 2012. № 1. С. 85–90.
- Живов 1996 — В. М. Живов. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

- Живов 2004 — В. М. Живов. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Живов 2017 — В. М. Живов. История языка русской письменности: В 2 т. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2017.
- Запольская 2017 — Н. Н. Запольская. «Общий» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. М.: Индрик, 2003.
- Карначев и др. 2011 — А. Е. Карначев, И. Н. Лебедева, Е. А. Савельева. Библиотека М. В. Ломоносова: научное описание рукописей. М.: Ломоносовъ, 2011.
- Клубков 2011 — П. А. Клубков. Формирование петербургской традиции лингвистической русистики (XVIII — начало XIX в.). Историко-лингвистические очерки. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2011.
- Коровин 1961 — Г. М. Коровин. Библиотека Ломоносова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Малявина 1985 — Л. А. Малявина. У истоков языкознания Нового времени (Универсальная грамматика Ф. Санчеса «Минерва» 1587 г.). М.: Наука, 1985.
- Мечковская 1984 — Н. Б. Мечковская. Ранние восточнославянские грамматики. Минск: Изд-во «Университетское», 1984.
- Моисеева 1971 — Г. Н. Моисеева. Ломоносов и древнерусская литература. Л.: Наука, 1971.
- Петрова 1983 — З. М. Петрова. Развитие лексического состава русского языка XVIII века (имена прилагательные). Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Л., Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР, 1983.
- Пушкарев 1984 — Н. Л. Пушкарев. Юрий Крижанич: очерк жизни и творчества. М.: Наука, 1984.
- Сандуца 2017 — А. А. Сандуца. Активные процессы в русском словообразовании XVIII века (на материале памятников тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.). Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2017.
- Успенский 1988 — Б. А. Успенский. Одна из первых грамматик русского языка (Грамматика Жана Соје 1724 г.) // Вопросы языкознания. 1988. № 1. С. 94–109.
- Успенский 1997 — Б. А. Успенский. Доломоносовские грамматики русского языка (Итоги и перспективы) // Б. А. Успенский. Избранные труды. Том III: Общее и славянское языкознание. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 437–572.
- Филиппов 2014 — К. А. Филиппов. Лингвистика текста и современный анализ устной речи. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2014.

- Archaimbault 1999 — S. Archaimbault. *Préhistoire de l'aspect verbal. L'émergence de la notion dans les grammaires russes*. Paris: CNRS éd., 1999.
- Bibl. Imp. Petr. 1742 — *Bibliothecae imperialis Petropolitanae. Pars IV. Vol. I*. St. Petersburg: Typis Academiae imperialis Scientiarum, 1742.
- Đurovič, Sjöberg 1987 — L. Đurovič, A. Sjöberg. Древнейший источник парадигматики современного русского языка // *Russian Linguistics*. 1987. Vol. 11. No. 3. P. 255–278.
- Keipert 1983 — H. Keipert. Die Peterburger «Teutsche Grammatica» und die Anfänge der Russistik in Russland. *Studia Slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch. Teil 3: Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert*. München: Otto Sagner, 1983. S. 77–140.
- Keipert 1991 — H. Keipert. Bezeichnungsmotive für den Präpositiv im Slavischen // *Festschrift für Johannes Schröpfer zum 80. Geburtstag*. München: Slavica Verlag Dr. Anton Kovač, 1991. S. 277–290.
- Lakoff 1976 — R. Lakoff. *La Grammaire generale et raisonnée, ou la grammaire de Port-Royal* // H. Parret (ed.). *History of Linguistic Thought and Contemporary Linguistics*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1976. P. 348–373.
- Mengel 2016 — S. Mengel. Универсальная матрица латинского для описания языков западноевропейской грамматологической традиции XVI–XVIII веков // A. A. Alekseev et al. (ed.). *Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen, 2*. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH. 2016. S. 181–195.
- Rönkä 2005 — R. Rönkä. У истоков русской и славянской аспектологической мысли. Описание темпорально-аспектуальных систем от первых трактатов до Николая Греча и Александра Востокова. Tampere: Tampere University Press, 2005.
- Winter 1958 — E. Winter. Ein Bericht von Johann Werner Paus aus dem Jahre 1732 über seine Tätigkeit auf dem Gebiete der russischen Sprache, der Literatur und der Geschichte Rußlands // *Zeitschrift für Slawistik*. 1958. No. 3. S. 752–778.
- Zwoliński 1988 — P. Zwoliński. *Gramatyki języka polskiego z XVII wieku jako źródło poznania ówczesnej polszczyzny* // P. Zwoliński. *Szkice i studia z historii slawistyki, wyboru dokonał Mieczysław Basaj*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 1988. S. 31–66.

Источники

- Байбаков 1794 — А. Д. Байбаков. *Грамматика руководствующая к познанию славено-российскаго языка*. Киев: Типография Киево-Печерской лавры, 1794.
- Бодянский 1859 — О. Бодянский (изд.). *Грамматично изказанје об руском језику попа Јурка Крижаница [1666]*. М.: Университетская типография, 1859.

- Булич 1904 — С. К. Булич. August Ludwig Schläzer. Rußische Sprechlehre. Т. I–II. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1904.
- Волков и др. (ред.) 2014 — С. С. Волков, К. А. Филиппов (ред.). Василий Евдокимович Адодуров. «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» или «Первые основания русского языка». СПб.: Нестор-История, 2014.
- Краткие правила 1773 — Краткия правила российской грамматики, собранныя из разных российских грамматик в пользу обучающагося юношества в гимназиях Императорского Московскаго университета. М.: Типография Императорского Московского университета, 1773.
- Кузьмина и др. (ред.) 2000 — Е. А. Кузьмина, М. Л. Ремнева (ред.). Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2000.
- Кузьмина (ред.) 2007 — Е. А. Кузьмина (ред.). Грамматика 1648 г. М.: МАКС Пресс, 2007.
- Курганов 1769 — Н. Г. Курганов. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие. СПб.: Типография Морского Кадетскаго Корпуса, 1769.
- Ларин 2002 — Б. А. Ларин. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2002.
- Лебедев 1746 — В. И. Лебедев. Сокращение грамматики латинской, в пользу учащегося латинскому языку русского юношества. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1746.
- Ломоносов 1898 — М. В. Ломоносов. Сочинения: с объяснительными примечаниями акад. М. И. Сухомлинова. Т. 4. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1898.
- Ломоносов 1952 — М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии, 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
- Ломоносов 2011 — М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. 2-е изд., испр. и доп. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758. М.: Наука, 2011.
- Росс. грам. 1802 — Российская грамматика сочиненная Императорскою Российскою Академиею. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1802.
- Сырейщиков 1787 — Е. Б. Сырейщиков. Краткая российская грамматика, изданная для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующия имп. Екатерины Вторыя. СПб.: Типография Гека, 1787.
- Теплов 1752 — В. Е. Теплов. Новая французская грамматика, сочиненная вопросами и ответами. Собрана из сочинений господина Ресто и других грамматик, а на Российский язык переведена Академии наук переводчиком Васильем Тепловым. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1752.

- Успенский (ред.) 1981 — Б. А. Успенский (ред.). «Российская грамматика» А. А. Барсова. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1981.
- Успенский (ред.) 1987 — Б. А. Успенский (ред.). Sohier, Jean. Grammaire et Méthode Russes et Francoises. 1724. Vol. I–II. München: Sagner, 1987.
- Шванвиц 1730 — М. Шванвиц. Немецкая грамматика из разных авторов собрана и россииской юности в пользу издана от учителя немецкаго языка при Санкт Петербургской гимназии. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1730.
- Ягич 1885–1895 — И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке // Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1885–1895. С. 289–1023.
- Bödiker 1746 — J. Bödiker. Grundsätze der teutschen Sprache: mit dessen eigenen und Johann Leonhard Frischens vollständigen Anmerkungen. Durch neue Zusätze vermehret von Johann Jacob Wippel, nebst nöthigen Registern. Berlin: Verlegts Christoph Gottlieb Nicolai, 1746.
- Cassius 1604 — B. Cassius. Institutionum linguae illyricae libri duo. Authore Bartholomaeo Cassio Cucritensi Societatis Jesu. Editio prima. Romae: Apud Aloysium Zannettum, 1604.
- Charpentier 1768 — J.-B. Charpentier. Eléments de la langue russe ou méthode courte et facile pour apprendre cette langue conformément à l'usage. Saint-Petersbourg : Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences, 1768.
- Gutthäter-Dobracki 1668 — M. Gutthäter-Dobracki. Vorbott Der Polnischen Sprachkunft. Goniéc grámátyki Polskiew. Oleśnica: Jan Seiffert, 1668.
- Keipert et al. (ed.) 1994 — H. Keipert, B. Uspenskij, V. Živov (ed.). Johann Ernst Glück. Grammatik der russischen Sprache. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1994.
- Keipert et al. (ed.) 2002 — H. Keipert, A. Huterer (ed.). Compendium grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften; Verlag C. H. Beck, 2002.
- Keipert (ed.) 2016 — H. Keipert (ed.). J. W. Paus. Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache. Transkript des Autographs der Akademiebibliothek St. Petersburg. Bearbeitet von A. Huterer. Schlussredaktion von H. Keipert. Als Manuskript ausgedruckt für Deutsche Forschungsgemeinschaft (Bonn), Biblioteka Akademii nauk, Otdel rukopisej (S.-Petersburg) und Archiv der Franckeschen Stiftungen (Halle/S.). Bonn, 2016.
- Lancelot 1656 — A. Lancelot. Nouvelle méthode pour apprendre facilement la langue grecque. Seconde édition. Paris : de l'Imprimerie d'Antoine Vitré, 1656.
- Lomonossov 1764 — M. Lomonossov. Russische Grammatik verfasset von Hern Michael Lomonossov. Aus dem Russischen übersetzt von Johann

- Lorenz Stavenhagen. St. Petersburg: Kayserliche Academie der Wissenschaften, 1764.
- Rodde 1773 — J. Rodde. Russische Sprachlehre, zum Besten der deutschen Jugend. Riga: J. F. Hartknoch, 1773.
- Sanctius 1664 — F. Sanctius. Minerva, sive de Causis Latinae linguae Commentarius. Amstelodami: Judocum Pluymmer, 1664.
- Unbegaun (ed.) 1969 — B. O. Unbegaun (ed.). Drei russische Grammatiken des 18 Jahrhunderts. München: Wilhelm Fink Verlag, 1969.

References

- Archaimbault 1999 — S. Archaimbault. Préhistoire de l'aspect verbal. L'émergence de la notion dans les grammaires russes. Paris: CNRS éd., 1999.
- Bibl. Imp. Petr. 1742 — Bibliothecae imperialis Petropolitanae. Pars IV. Vol. I. St. Petersburg: Typis Academiae imperialis Scientiarum, 1742.
- Babaeva, Zapolskaya 1993 — E. E. Babaeva, N. N. Zapolskaya. Yazykovoy kontinuum Petrovskoy epokhi: obzor grammaticheskikh traktatov pervoy chetverti XVIII veka [The language continuum of the Petrine era: a review of grammatical treatises of the first quarter of the XVIII century]. B. A. Uspenskiy, M. N. Shevelyova (ed.). *Issledovaniya po slavyanskomu istoricheskomu yazykoznaniiyu* [Studies in Slavic historical linguistics]. Moscow: Moscow State University Press, 1993. P. 188–205.
- Bessonov 1870 — P. A. Bessonov. Yuriy Krizhanich, revnitel vossoedineniya tserkvey i vsego slavyanstva v XVII veke [Juraj Krizanić, an advocate for reunion of churches and the whole of Slavdom in the XVII century]. *Pravoslavnoe obozrenie*. 1870. № 1. P. 129–158.
- Bogatova (ed.) 1992 — G. A. Bogatova (ed.). Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language in the XI–XVII centuries]. Vol. 18. Moscow: Nauka, 1992.
- Dulichenko 2008 — A. D. Dulichenko. Yuriy Krizhanich i proyekt vseslavyanskogo yazyka [Yuriy Krizhanich and the Pan-Slavic language project]. *Russkiy yazyk v shkole*. 2008. No. 6. Pp. 85–91.
- Đurovič, Sjöberg 1987 — L. Đurovič, A. Sjöberg. Drevneyshiy istochnik paradigmاتيki sovremennogo russkogo yazyka [The earliest source of the paradigmatics of Modern Russian]. *Russian Linguistics*. 1987. Vol. 11. No. 3. P. 255–278.
- Filippov 2014 — K. A. Filippov. Lingvistika teksta i sovremennyy analiz ustnoy rechi [Text linguistics and modern colloquial speech analyses]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2014.
- Karnachev et al. 2011 — A. E. Karnachev, I. N. Lebedeva, E. A. Savelyeva. Biblioteka M. V. Lomonosova: nauchnoe opisanie rukopisey [M. V. Lomonosov's library: A scientific description of manuscripts]. Moscow: Lomonosov, 2011.

- Keipert 1983 — H. Keipert. Die Peterburger «Teutsche Grammatica» und die Anfänge der Russistik in Russland. *Studia Slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch*. Teil 3: Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert. München: Otto Sagner, 1983. S. 77–140.
- Keipert 1991 — H. Keipert. Bezeichnungsmotive für den Präpositiv im Slavischen. *Festschrift für Johannes Schröpfer zum 80. Geburtstag*. München: Slavica Verlag Dr. Anton Kovač, 1991. S. 277–290.
- Klubkov 2011 — P. A. Klubkov. Formirovanie peterburgskoy traditsii lingvističeskoy rusistiki (XVIII — nachalo XIX v.) [The making of the St. Petersburg tradition in Russian linguistic studies (XVIII — the early XIX centuries)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2011.
- Korovin 1961 — G. M. Korovin. Biblioteka Lomonosova [Lomonosov's library]. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1961.
- Lakoff 1976 — R. Lakoff. La Grammaire générale et raisonnée, ou la grammaire de Port-Royal. H. Parret (ed.). *History of Linguistic Thought and Contemporary Linguistics*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1976. P. 348–373.
- Malyavina 1985 — L. A. Malyavina. U istokov yazykoznanija Novogo vremeni (Universalnaya grammatika F. Sanchesha «Minerva» 1587 g.) [The dawn of New Age linguistics (“Minerva”: a universal grammar by F. Sanctius (1587)]. Moscow: Nauka, 1985.
- Mechkovskaya 1984 — N. B. Mechkovskaya. Rannie vostochnoslavyanskije grammatiki [Early East Slavic Grammars]. Minsk: University Publishing House, 1984.
- Mengel 2016 — S. Mengel. Universalnaya matritsa latinskogo dlya opisaniya yazykov zapadnoevropejskoy grammatologičeskoy traditsii XVI–XVIII vekov [A universal Latin matrix for description of languages of West European grammarology tradition in the XVI–XVIII centuries]. A. A. Alekseev et al. (ed.). *Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen*, 2. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2016. S. 181–195.
- Moiseeva 1971 — G. N. Moiseeva. Lomonosov i drevnerusskaya literatura [Lomonosov and Old Russian literature]. Leningrad: Nauka, 1971.
- Petrova 1983 — Z. M. Petrova. Razvitie leksičeskogo sostava russkogo yazyka XVIII veka (imena prilagatelnye). Avtoreferat diss. na soiskanie uče-noj stepeni doktora filol. nauk [Development of the 18th century Russian vocabulary (adjectives). Abstract of a Doct. of Philology diss.]. Leningrad: Leningrad Branch of the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences, 1983.
- Pushkariov 1984 — N. L. Pushkariov. Yuriy Krizhanich. Očerok zhizni i tvorčestva [Jurij Krizanić: An essay on his life and legacy]. Moscow: Nauka, 1984.

- Rönkä 2005 — R. Rönkä. U istokov russkoy i slavyanskoj aspektologičeskoj mysli. Opisanie temporalno-aspektualnykh sistem ot pervykh traktatov do Nikolaya Grecha i Aleksandra Vostokova [The dawn of Russian and Slavic aspectology. A description of temporal-aspectual systems: from the first treatises to Nikolai Grech and Alexander Vostokov]. Tampere: Tampere University Press, 2005.
- Sandutsa 2017 — A. A. Sandutsa. Aktivnye protsessy v russkom slovoobrazovanii XVIII veka (na materiale pamyatnikov tyumenskoy delovoy pismennosti 1762–1796 gg.). Diss. na soiskaniye uchenoy stepeni kand. fi lol. nauk [Active derivation processes in the 18th century Russian. A Doct. of Philology diss.]. Yekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yelcin. 2017.
- Uspenskiy 1988 — B. A. Uspenskiy. Odná iz pervykh grammatik russkogo yazyka (Grammatika Zhana Soye 1724 g.) [One of the first grammars of Russian (A grammar by Jean Sohier, 1724)]. *Voprosy yazykoznaníya*. 1988. No. 1. P. 94–109.
- Uspenskiy 1997 — B. A. Uspenskiy. Dolomonosovskie grammatiki russkogo yazyka (Itogi i perspektivy) [Pre-Lomonosov grammars of Russian (Findings and prospects)]. B. A. Uspenskiy. *Izbrannye trudy*. Tom III: Obshchee i slavyanskoe yazykoznaníe. [Selected works. Vol. III: General and Slavic linguistics]. Moscow: Shkola Yazyki russkoy kultury, 1997. P. 437–572.
- Vlasov, Moskovkin 2014 — S. V. Vlasov, L. V. Moskovkin. Uchebniki russkogo yazyka dlya inostrantsev kontsa XVII — nachala XVIII veka: ikh adresat i lingvometodicheskie osnovy [Russian language textbooks for foreigners of the late XVII — early XVIII centuries: their intended audience and the linguistic and methodology framework]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 2014. No. 6. P. 119–127.
- Vinogradov 2001 — V. V. Vinogradov. Russkiy yazyk (Grammaticheskoye ucheniye o slove) [Russian Language (A Grammatical Theory of Speech)]. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk, 2001.
- Winter 1958 — E. Winter. Ein Bericht von Johann Werner Paus aus dem Jahre 1732 über seine Tätigkeit auf dem Gebiete der russischen Sprache, der Literatur und der Geschichte Rußlands. *Zeitschrift für Slawistik*. 1958. No. 3. S. 752–778.
- Yemelyanov 2012 — B. V. Yemelyanov. Fenomen Yuriya Krizhanicha [The phenomenon of Jurij Krizanić]. *Kultura i tekst*. 2012. No. 1. P. 85–90.
- Zapolskaya 2017 — N. N. Zapolskaya. «Obshchíy» slavyanskiy literaturnyy yazyk: tipologiya lingvisticheskoy refleksii [A “common” Slavic literary language: a typology of linguistic reflection]. Moscow: Indrik, 2003.
- Živov 1996 — V. M. Živov. Yazyk i kultura v Rossii XVIII veka [Language and culture in the XVIII century Russia]. Moscow: Shkola Yazyki russkoy kultury, 1996.
- Živov 2004 — V. M. Živov. Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII vekov [Essays on the historical morphology of the Russian

language of the XVII–XVIII centuries]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 2004.

Živov 2017 — V. M. Živov. Istorija yazyka russkoj pismennosti [A history of the language of Russian writings]. 2 vol. Moscow: Dmitry Pozharsky University Press, 2017.

Zwoliński 1988 — P. Zwoliński. Gramatyki języka polskiego z XVII wieku jako źródło poznania ówczesnej polszczyzny. P. Zwoliński. *Szkice i studia z historii slawistyki, wyboru dokonał Mieczysław Basaj*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1988. S. 31–66.

Sources

Baybakov 1794 — A. D. Baybakov. Grammatika rukovodstvuyushchaya k poznaniyu slaveno-rossiyskago yazyka [A grammar facilitating the learning of the Slavic-Russian language]. Kiev: The typography of the Kiev-Pechersk Lavra, 1794.

Bödiker 1746 — J. Bödiker. Grundsätze der teutschen Sprache: mit dessen eigenen und Johann Leonhard Frischens vollständigen Anmerkungen. Durch neue Zusätze vermehret von Johann Jacob Wippel, nebst nöthigen Registern. Berlin: Verlegts Christoph Gottlieb Nicolai, 1746.

Bodyanskiy 1859 — O. Bodyanskiy (ed.). Gramatichno izkazaniye ob ruskom yeziku popa Yurka Krizhanishcha [1666] [A grammatical sketch of the Russian Language by Priest Jurij Križanić (1666)]. Moscow: University Press, 1859.

Bulich 1904 — S. K. Bulich. August Ludwig Schlözer. Rußische Sprechlehre. Vol. I–II. St. Petersburg: Russian Imperial Academy of Sciences Press, 1904.

Cassius 1604 — B. Cassius. Institutionum linguae illyricae libri duo. Authore Bartholomaeo Cassio Cucritensi Societatis Jesu. Editio prima. Romae: Apud Aloysium Zannettum, 1604.

Charpentier 1768 — J.-B. Charpentier. Eléments de la langue russe ou méthode courte et facile pour apprendre cette langue conformément à l'usage. Saint-Petersbourg : Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences, 1768.

Gutthäter-Dobracki 1668 — M. Gutthäter-Dobracki. Vorbott Der Polnischen Sprachkunft. Goniéc grámátyki Polskiej. Oleśnica: Jan Seiffert, 1668.

Jagić 1885–1895 — I. V. Jagić. Rassuzhdeniya yuzhnoslavyanskoy i russkoj stariny o tserkovno-slavyanskom yazyke [Essays of the South Slavic and Russian Antiquity on the Church Slavonic]. Issledovaniya po russkomu yazyku. Vol. 1. St. Petersburg: Russian Imperial Academy of Sciences Press, 1885–1895.

Keipert et al. (ed.) 1994 — H. Keipert, B. Uspenskij, V. Živov (ed.). Johann Ernst Glück. Grammatik der russischen Sprache. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 1994.

- Keipert et al. (ed.) 2002 — H. Keipert, A. Huterer (ed.). *Compendium grammaticae Russicae (1731)*. Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften; Verlag C. H. Beck, 2002.
- Keipert (ed.) 2016 — H. Keipert (ed.). J. W. Paus. *Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache*. Transkript des Autographs der Akademiebibliothek St. Petersburg. Bearbeitet von A. Huterer. Schlussredaktion von H. Keipert. Als Manuskript ausgedruckt für Deutsche Forschungsgemeinschaft (Bonn), Biblioteka Akademii nauk, Otdel rukopisej (St. Petersburg) und Archiv der Franckeschen Stiftungen (Halle/S.). Bonn, 2016.
- Kratkiya pravila 1773 — *Kratkiya pravila rossiyskoy grammatiki, sobrannyya iz raznykh rossiyskikh grammatik v polzu obuchayushchagosya yunoshestva v gimnazyakh Imp. Moskovskago universiteta* [Concise Russian grammar rules, collected from different Russian grammars in favor of young students in gymnasiums of the Imperial Moscow University]. Moscow: Moscow University Press, 1773.
- Kurganov 1769 — N. G. Kurganov. *Rossiyskaya universalnaya grammatika, ili Vseobshcheye pismosloviye* [A Russian Universal Grammar, or A Universal Writing Manual]. St. Petersburg: The typography of the Naval Cadet Corps, 1769.
- Kuzminova et al. (ed.) 2000 — E. A. Kuzminova, M. L. Remneva (ed.). *Grammatiki Lavrentiya Zizaniya i Meletiya Smotritskogo* [Lavrentiy Zizaniy's and Meletiy Smotritskiy's Grammars]. Moscow: Moscow State University Press, 2000.
- Kuzminova (ed.) 2007 — E. A. Kuzminova (ed.). *Grammatika 1648 g.* [Grammar of 1648]. Moscow: MAKS Press, 2007.
- Lancelot 1656 — A. Lancelot. *Nouvelle méthode pour apprendre facilement la langue grecque*. Seconde édition. Paris : de l'Imprimerie d'Antoine Vitré, 1656.
- Larin 2002 — B. A. Larin. *Tri inostrannykh istochnika po razgovornoy rechi Moskovskoy Rusi XVI–XVII vekov* [Three foreign sources on the colloquial speech of Muscovite Russia of the XVI–XVII centuries]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2002.
- Lebedev 1746 — V. I. Lebedev. *Sokrashchenie grammatiki latinskoy, v polzu uchashegosa latinskomu yazyku rossiyskogo yunoshestva* [An Abridged Latin Grammar, for the Benefit of Young Russian Students of Latin]. St. Petersburg: Russian Imperial Academy of Sciences Press, 1746.
- Lomonosov 1898 — M. V. Lomonosov. *Sochineniya s obyasnitelnyimi primechaniyami akad. M. I. Suhomlinova* [Collected works with explanatory notes by acad. M. I. Suhomlinov]. Vol. 4. St. Petersburg: Russian Imperial Academy of Sciences Press, 1898.
- Lomonosov 1952 — M. V. Lomonosov. *Polnoe sobranie sochineniy v 11 tomah*. Tom 7: *Trudy po filologii* [Complete works in 11 volumes. Vol. 7: Works

- on philology, 1739–1758]. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1952.
- Lomonosov 2011 — M. V. Lomonosov. *Polnoe sobranie sochineniy v 10 tomah: 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Tom 7: Trudy po filologii* [Complete works in 10 volumes: second edition, revised and amended. Vol. 7: Works on philology, 1739–1758]. Moscow: Nauka, 2011.
- Lomonossov 1764 — M. Lomonossov. *Russische Grammatik verfasst von Hern Michael Lomonossov. Aus dem Russischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen*. St. Petersburg: bey der Kayserliche Akademie der Wissenschaften, 1764.
- Rodde 1773 — J. Rodde. *Russische Sprachlehre, zum Besten der deutschen Jugend*. Riga: bey J. F. Hartknoch, 1773.
- Ross. gramm. 1802 — Rossiyskaya grammatika sochinennaya Imperatorskoyu Rossiyskoyu Akademiyeyu [A Russian grammar composed by the Imperial Russian Academy]. St. Petersburg: Russian Imperial Academy of Sciences Press, 1802.
- Sanctius 1664 — F. Sanctius. *Minerva, sive de Causis Latinae linguae Commentarius*. Amstelodami: Apud Judocum Pluymer, 1664.
- Schwanwitz 1730 — M. Schwanwitz. *Nemetskaya grammatika iz raznykh avtorov sobrana i rossiiskoi yunosti v polzu izdana ot uchitelya nemetska-go yazyka pri Sankt Peterburgskoi gimnazii* [A German grammar, compiled from works by different authors and published for the benefit of Russian youth by a teacher of German at St. Petersburg Gymnasium]. St. Petersburg: Russian Imperial Academy of Sciences Press, 1730.
- Syreishchikov 1787 — E. B. Syreishchikov. *Kratkaya rossiyskaya grammatika, izdannaya dlya narodnykh uchilishch Rossiyskoy imperii po vysochayshemu poveleniyu tsarstvuyushchiya imp. Ekateriny Vtoryya* [An abridged Russian grammar, published for public schools of the Russian Empire on a highest decree by the reigning Empress Catherine II]. St. Petersburg: Gek Publishing House, 1787.
- Teplov 1752 — V. E. Teplov. *Novaya frantsuzskaya grammatika, sochinnaya voprosami i otvetami. Sobrana iz sochineniy gospodina Resto i drugikh grammatik, a na Rossiyskiy yazyk perevedena Akademii nauk perevodchikom Vasilem Teplovym* [A New French grammar in questions and answers. Compiled from works by Mr. Resto and other grammar guides and translated into Russian by Vasiliy Teplov, a translator for the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg: Russian Imperial Academy of Sciences Press, 1752.
- Unbegaun (ed.) 1969 — B. O. Unbegaun (ed.). *Drei russische Grammatiken des 18 Jahrhunderts*. München: Wilhelm Fink Verlag, 1969.
- Uspenskiy (ed.) 1981 — B. A. Uspenskiy (ed.). «Rossiyskaya grammatika» A. A. Barsova [“Russian Grammar” by A. A. Barsov]. Moscow: Moscow State University Press, 1981.

- Uspenskiy (ed.) 1987 — B. A. Uspenskiy (ed.). *Sohier, Jean. Grammaire et Méthode Russes et Francoises. 1724. Vol. I–II. München: Sagner, 1987.*
- Volkov et al. (ed.) 2014 — S. S. Volkov, K. A. Filippov (ed.). *Vasiliy Evdokimovich Adodurov. “Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache” ili “Pervyye osnovaniya rossiyskogo yazyka” [Vasiliy Evdokimovich Adodurov. “Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache” or “First foundations of the Russian language”]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014.*

АНДАТИВ И ВЕНТИВ В ЯЗЫКАХ СИБИРИ: К ТИПОЛОГИИ ГЛАГОЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ*

О. С. Волков

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва
kot_gitarist@mail.ru

И. А. Стенин

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва
ystein88@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются глагольные показатели со значениями ‘пойти, чтобы Р’ и ‘прийти, чтобы Р’ в языках Сибири и Дальнего Востока. Особое внимание уделяется противопоставлению андатива и вентива в лесном ненецком языке и дейктически неориентированным направительным показателям в ряде тунгусо-маньчжурских языков. Кроме того, привлекаются данные языков других семей и ареалов, в которых обнаруживаются морфемы со схожей, но не идентичной семантикой, описываемые в литературе как показатели глагольной ориентации, «сопутствующего движения» или «движения с целью». Статья содержит также обсуждение возможных путей грамматикализации направительных показателей и предварительный список их свойств, являющихся параметрами межъязыкового варьирования.

Ключевые слова: андатив, вентив, глагольная ориентация, движение с целью, сопутствующее движение, языки Сибири, лесной ненецкий язык, чукотско-камчатские языки, тунгусо-маньчжурские языки, грамматическая типология.

* Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02081) в МГУ имени М. В. Ломоносова.

**Andative and ventive in the languages of Siberia:
towards a typology of verbal orientation**

O. S. Volkov

National Research University Higher School of Economics,
Lomonosov Moscow State University, Moscow
kot_guitarist@mail.ru

I. A. Stenin

National Research University Higher School of Economics,
Lomonosov Moscow State University, Moscow
ystein88@gmail.com

Abstract. The paper discusses verbal markers meaning ‘go in order to P’ and ‘come in order to P’ in languages of Siberia and the Russian Far East. Special attention is paid to Forest Nenets and some Tungusic languages. Andative vs. ventive opposition (expressing, respectively, motion from and to the deictic center) is identified in Forest Nenets for the first time. In Forest Nenets, these markers are non-implicative, i. e., in order to use them, the goal situation P does not need to have taken place in the actual world (even where they mark finite verbs in indicative sentences with past reference), only the motion situation. Though most Tungusic languages also have more than one directional-purposive marker, these usually show a different type of an opposition, namely that between ‘go in order to P’ and ‘go in order to P and come back’. The former markers are not deictically oriented, while the latter differ from typical andative markers in that their meaning has a reditive component (‘returning to the initial point’).

As a typological background, the paper also briefly considers data of some languages spoken in other areals. Morphemes with similar, but often not entirely identical meanings, attested cross-linguistically, are usually described as markers of associated motion or motion-cum-purpose categories. The latter term suits the discussed Siberian-language markers best, because, in contrast to the former term, it highlights both the syntactic role of the motion situation participant (where *s/he* is coreferent with the S/A-participant of the goal situation) and the temporal sequence of the situations.

The article also proposes some observations on the possible grammaticalization paths of motion-cum-purpose markers and provides a tentative list of typological parameters which can be relevant for this domain.

Keywords: andative, ventive, verbal orientation, motion-cum-purpose, associated motion, languages of Siberia, Forest Nenets, Chukotko-Kamchatkan languages, Tungusic languages, grammatical typology.

1. Введение¹

Данная статья является скромной попыткой взглянуть на глагольные показатели, выражающие значения, которые можно истолковать в первом приближении как ‘пойти, чтобы Р’ и ‘прийти, чтобы Р’. Подобные значения имеют непосредственное отношение к зоне глагольной ориентации, однако, как представляется, семантика показателей такого рода устроена несколько сложнее, чем семантика обычных ориентационных морфем. Аффиксы первого типа, обозначающие движение субъекта от дейктического центра с целью совершить действие Р, мы будем называть *андативными*, а аффиксы второго типа, обозначающие, напротив, движение субъекта к дейктическому центру с целью совершения Р, — *вентивными*. В этом мы будем следовать предложению, высказанному в [Плунгян 2002], хотя терминологический разнобой в этой области, как будет показано ниже, весьма серьезный.

В языках Сибири и Дальнего Востока, материалом которых мы здесь ограничимся, андатив встречается чаще вентива; он засвидетельствован в чукотско-камчатских, эскимосско-алеутских, тунгусо-маньчжурских, юкагирских и некоторых самодийских языках.

¹ Статья была написана для сборника в честь восьмидесятилетия А. П. Володина (1935–2017). Исследовательский ландшафт в данной области претерпевает в последние годы существенные трансформации; ср., в частности, новые работы о категории «сопутствующего движения» (associated motion) [Rose 2015; Guillaume 2016], о несобственных употреблении дейктических показателей [Belkadi 2015], о грамматикализации показателей андатива и вентива в классическом маньчжурском [Alonso de la Fuente, Jacques 2018], о показателях «движения с целью» (motion-cum-purpose) [Стойнова 2016; 2017]. В связи с этим многие наблюдения, представленные здесь, кажутся нам еще более поверхностными, а терминологические решения — еще более сомнительными, чем изначально, однако мы публикуем настоящие заметки практически без изменений в том виде, в котором они были написаны к юбилею А. П. Володина.

В частности, андатив отмечается в ительменском языке; ср. *no-kes* (есть-INF) vs. *now-ata-kes* (есть-AND-INF) ‘пойти, чтобы есть’. Ориентироваться в ительменских данных помогает не только прекрасно структурированная грамматика [Володин 1976], но и комментарии к текстам, записанным и расшифрованным А. П. Володиным, причем как к изданным [Володин 2008], так и к неизданным [Володин рук.], которыми с нами в свое время любезно поделился автор. Из этих кратких, но емких замечаний можно, например, узнать, что формы с показателем *-ata*, которые в грамматике характеризуются как имеющие направительно-целевое значение, постепенно утрачивают свою семантику. Промежуточная стадия этого процесса представлена в текстах на северном (седанкинском) диалекте, записанных в 1970-х гг., где встречаются примеры плеонастических конструкций, которые включают глагол перемещения и нефинитную форму с показателем андатива, выполняющую функцию обстоятельства цели. Ср. два следующих примера из [Володин рук.].

ИТЕЛЬМЕНСКИЙ² (седанкинский; Камчатский край)

(1a) *t-lay-ata-l-kipe(?)nen*

1SG.S.IND-сказать-AND-FUT-3PL.OBL

‘{Ну-ка снова выйду,} пойду скажу им’ (Текст 25).

(1b) *qutx k'-it-knen əłčko-ta-s*

Кутх NARR-пойти-NARR.SG смотреть-AND-INF

‘Кутх пошел посмотреть’ (Текст 39).

В первом примере глагол с аффиксом андатива является вершиной независимого предложения и согласуется как с Агенсом (за это отвечает префикс), так и с Адресатом (с помощью суффикса из специальной серии показателей косвенно-объектного согласования). Во втором случае вершиной является глагол *it-* ‘пойти’ (он представлен в специальной нарративной форме т. н. III инфинитива, при которой возможно согласование с подлежащим только по числу, но не по лицу), а глагол *əłčko-* ‘смотреть’ с аффиксом андатива является сирконстантом цели. В экспедиции на Камчатке зимой 2014 г. нам посчастливилось встретиться и пообщаться с несколькими ительменами, которые еще помнят свой родной язык, и мы можем

² Поморфемная нотация примеров наша, в остальных случаях глоссы, используемые в различных источниках, частично изменены.

только подтвердить, что ситуация обстоит примерно так, как было зафиксировано А. П. Володиным в 1970-х гг. Носители седанкинского диалекта по-прежнему опознают и используют в своей речи андативные дериваты, однако не замечают тавтологичности конструкций типа (1b) и также употребляют их.

Дальнейшая часть статьи организована следующим образом. В **разделе 2** мы рассматриваем данные лесного ненецкого языка, в котором существует оппозиция андатива и вентива. В **разделе 3** на материале чукотско-корякских языков обсуждаются возможные пути грамматикализации показателя андатива. В **разделе 4** рассматриваются дейктически неориентированные направительные показатели в некоторых тунгусо-маньчжурских языках. В **разделе 5** андатив и вентив сопоставляются с близкими, но не идентичными показателями, отмечаемыми среди ориентационных глагольных систем в других языковых ареалах. Статья завершается обсуждением параметров варьирования, которые могут быть релевантны для дальнейшего типологически ориентированного изучения андатива и вентива.

2. Лесной ненецкий³: андатив vs. вентив

Лесной ненецкий отличается от ительменского прежде всего тем, что в нем отмечен не только андативный (2), но и вентивный (3) показатель. Насколько нам известно, данные показатели не выделялись ранее в литературе, а в текстах на лесном ненецком они глоссировались весьма хаотичным образом.

- лесной ненецкий (пуровский; с. Халясавэй, ЯНАО)
- (2) *mânu*^o *nyá-j*^o *nyata-soq-m*^{oq}
 я товарищ-(ACC.)POSS.1NPL помочь-AND-1SG.S
 ‘Я пошел помочь другу’.
- (3) *pâm*^o*syâm-sy*^o *syíq-j*^o *nyata-soja-ji-n*^o
 стемнеть-CVB PN.ACC-POSS.1NPL помочь-VEN-COND-2SG.S
 ‘Вечером приходи помочь мне’.

³ Разрозненные данные пуровского говора лесного ненецкого языка собраны в ходе экспедиции в с. Халясавэй (Пуровский район, ЯНАО) зимой 2013 г. В настоящей работе используется рабочий вариант транскрипции, основанный на соображениях, высказанных в [Salminen 2007]. Примеры без ссылок являются элицированными.

(5a) *lap°ka-n° to-ŋa-tâ-sy° wuɛsya-j°*
 поселок-DAT прийти-GFS-1SG.S-PST железо-(ACC.)POSS.1NPL
nyâqm°-soja-°q
 получить-VEN-CVB

‘Я приехал в поселок получить деньги’.

(5b) *lap°ka-n° kâ-n°-ŋa-t° wuɛsya-j°*
 поселок-DAT уйти-FUT-GFS-1SG.S железо-(ACC.)POSS.1NPL
nyâqm°-soq-sy°
 получить-AND-CVB

‘Я поеду в поселок получить деньги’.

Из неиндикативных форм андатив и вентив употребляются в лесном ненецком по крайней мере в императиве (6b), кондиционалисе (оптативе) (3) и гортативе, при этом, как отмечается в [Гусев 2013: 67–71], императив является типологически наиболее естественным, а иногда и единственным контекстом употребления андатива.

(6a) *tîxul°-q!*
 собирать.ягоду-IMP.2SG.S

‘Собирай ягоду!’ {уместно в ситуации, когда ягода прямо под ногами у адресата сообщения}.

(6b) *tîxul°-sos°-q!*
 собирать.ягоду-AND-IMP.2SG.S

‘Иди собирай ягоду!’ {уместно в ситуации, когда адресату, чтобы начать собирать ягоду, необходимо преодолеть сперва некоторое расстояние}.

Отдельный вопрос состоит в том, каким образом показатели андатива и вентива взаимодействуют с аспектом. Согласно устоявшимся представлениям (ср., в частности, [Шлуинский 2012]), вид в лесном ненецком, как и в тундровом ненецком и других самодийских языках, является словоклассифицирующей, а не словоизменяющей категорией (об особенностях нганасанской аспектуальной системы см. [Гусев 2012]). Все глагольные лексемы делятся на перфективные и имперфективные, а вид производного

но и в рамках одной словоформы. Соответствующие примеры можно, в частности, найти в текстах на аллоторском языке.

глагола определяется по последнему словообразовательному аффиксу. Кроме того, считается, что в ненецких, энецких и селькупских диалектах противопоставление перфективности vs. имперфективности однозначно совпадает с противопоставлением событийности vs. несобытийности в терминах [Шлуинский 2012]. Таким образом, принято считать, что в этих языках нет не только имперфективных событийных глаголов (т. е. описывающих ситуацию с изменением фазы), но и перфективных несобытийных (т. е. описывающих ситуацию без изменения фазы). К сожалению, у нас нет данных о сочетаемости андативных и вентивных дериватов с обстоятельствами длительности и срока, однако их временная референция в наименее маркированной форме свидетельствует о том, что они, по всей видимости, являются перфективирующими деривациями.

- лесной ненецкий (аганский; с. Варьёган, ХМАО-Югра)
- (7) Кука́хана' — вандка́на — касама' кантясо'на' [Вэлла 2008].
kúkā-xāna wanl°q-kāna kasama-q kanja-soq-ŋa-q
 который-LOC легенда-LOC мужчина-PL охотиться-AND-GFS-3PL.S
 'Однажды, по легенде, пошли мужчины охотиться'.

Так, в примере (7) андативный показатель сочетается с имперфективным глаголом *kanja-* 'охотиться' и полученный в результате деривации новый глагол реферирует к прошлому, тогда как непродеривированный глагол *kanja-* реферировал бы к настоящему.

Кроме того, данный пример, взятый в более широком контексте, иллюстрирует тот факт, что в условия истинности употребления андативного (и предположительно — вентивного) деривата входит только реальность осуществления ситуации перемещения в актуальном мире, тогда как ситуация Р, ради которой собственно и совершается перемещение, не обязана иметь место. В легенде, из которой взят этот пример, повествуется о том, что однажды охотники, прослышав, что гуси где-то рядом, отправились на охоту и заночевали на яру, чтобы с утра напасть на стаю, однако ночью бог Тяпту-кахэ⁶ прокрался в гусином обличье к их лодкам и обгрыз

⁶ По крайней мере у некоторых лесных ненецких родов (Айваседа) гусь считается священной птицей и охотиться на него запрещено. Тяпту-кахэ (*jāptu käh°*, букв. 'гусь идол') — имя бога, покровительствующего оленятам и летающего в гусиной стае в гусином обличье.

все ручки на веслах, так что утром они были вынуждены прекратить охоту, так и не начав ее.

Таким образом, названная особенность употребления андатива в лесном ненецком позволяет высветить необходимость постулирования целевого компонента в семантике андативного деривата. Ситуация Р, ради которой совершается перемещение субъекта из точки А в точку В в направлении от дейктического центра, не обязательно имеет место в актуальном мире. Как видно из примера (7), андативный дериват в перфективной клаузе ничего не сообщает об осуществлении ситуации Р. Однако в норме, конечно, если человек пошел в тундру или в лес, чтобы охотиться, и никакие посторонние силы не вмешиваются в естественный ход вещей, то во всех лучших мирах он в итоге охотится. Если бы андатив в лесном ненецком имплицировал реальность искомой ситуации Р, структура его значения выглядела бы несколько проще, — грубо говоря, ‘пойти и Р’, а не ‘пойти, чтобы Р’ — и налагала бы на эти два события только ограничения, связанные с их временной последовательностью.

Если в других языках Сибири ситуация обстоит аналогичным образом, то это объясняет, почему авторы некоторых грамматик помещают соответствующие аффиксы в ряду модальных (как в удэгейской грамматике [Nikolaeva, Tolskaya 2001]), а некоторые — просто называют его «целевым» показателем (ср. *purposive* в чукотской грамматике [Dunn 1999]). Однако на самом деле свойство имплицативности является параметром межъязыкового варьирования, как будет показано ниже в разделе 5 на примере одного из гьялронгских языков.

Показатели *-soq* и *-soja* очевидным образом не возводимы ни к одному из базовых глаголов перемещения, которые выглядят в лесном ненецком следующим образом: *tuin-* ‘идти, двигаться’, *jatâ-* ‘идти пешком’, *kä-* ‘уйти, отправиться’, *to-* ‘прийти, прибыть’. Наиболее вероятными их источниками кажутся глаголы *xoq-* ‘вычерпать что-л.; достать, набрать что-л. откуда-л.’ < **soq-* и *xoja-* ‘добиться чего-л.’ < **soja-* (Тапани Салминен, л. с.). Подчеркнем, что в тундровом ненецком показателей андатива или вентива не обнаружено, хотя исследован этот язык в целом значительно лучше. Из других уральских языков андатив отмечается только в нганасанском [Гусев 2012] (где его показателем выступает гортанная смычка), а вентив — нигде более.

3. Пути грамматикализации направительных показателей: чукотско-корякские языки

В чукотско-корякских языках андатив выражается когнатными показателями *-cqiw/ -sqiv/ -tqiw* (в порядке перечисления даны телькепский чукотский, собственно алюторский и паланский корякский варианты, отмечаемые в работах [Dunn 1999; Кибрик и др. 2000; Мальцева 2013] соответственно).

- чукотский (телькепский; Анадырский р-н Чукотского АО)
 (8) *cake-qaj tə-re-piri-cqiw-ŋə-n*
 sister-DIM.3SG.ABS 1SG.A-FUT-take-PURP-FUT-3SG.P
 ‘I’ll go to take back [my] sister’ [Dunn 1999: 370].

- АЛЮТОРСКИЙ (с. Вывенка, Камчатский край)
 (9) *nuŋ-alu-sqiv-a mən-itə-tkən*
 NEG-собирать.ягоды-идти-ANAL 1NSG.S+OPT-быть-IPFV
 ‘Не надо будет нам ходить за ягодами’ [Кибрик и др. 2000: 34].

- КОРЯКСКИЙ (паланский; Камчатский край)
 (10) *javo mə-lehu-tqiw-ne-w*
 подожди.ка 1SG.A+OPT-увидеть-PER-3NSG.P-PL
 ‘Подожди-ка, схожу навестить их’ [Мальцева 2013: 148].

Как отмечается в работе [Dunn 1999: 238], чукотский суффикс *-cqiw* этимологически родственен глаголу *lqət-* ‘отправляться’. Аналогичный взгляд отражен в сравнительном словаре [Fortescue 2005: 414], где соответствующий показатель реконструируется на прачукотско-корякском уровне как *-lqiv* и этимологизируется как сочетание глагольной основы (*lə*)*qət-* и интенсификатора *-jəv*. Глагол *lqət-* при этом, наряду с еще несколькими действительными глаголами движения, может инкорпорировать другие глагольные основы. Инкорпорироваться могут только непереходные глаголы, в частности, не являющиеся действительными ориентированными глаголы, обозначающие способ движения.

- чукотский (телькепский; Анадырский р-н Чукотского АО)
 (11) *ekwew-u jəp-an-nen jara-ŋqaca-ytə,*
 reindeer.type-EQU dress-TH-3SG.A.3SG.P house-SIDE-ALL

laxi-[?]ire-lqat-y[?]i

INTS-gallop-set.off-TH

‘He put it on as the leftside reindeer; they galloped off homewards’
[Dunn 1999: 231].

При другой возможной интерпретации таких сложных глаголов инкорпорируемая основа выражает цель, для достижения которой производится перемещение, обозначаемое вершиной. Инкорпорироваться при этом могут как глаголы движения, так и ряд других глагольных основ (12), в том числе стативных. Однако от чего именно зависит интерпретация образа действия vs. цели и является ли она фиксированной при определенном композите, грамматика М. Данн не сообщает.

- (12) *qanwet anqen teŋ-ənjiw raju-lqat-y[?]i=ʔm*
finally DEM.3SG.ABS good-uncle.3SG.ABS stand.watch-set.off-TH=EMPH
‘Finally the good uncle went to stand watch’ [ibid.].

М. Данн отмечает, что данный тип инкорпорации напоминает, с одной стороны, глагольную сериализацию⁷, а с другой, — категорию т. н. сопутствующего движения (*associated motion*), отмечаемую в грамматиках многих австралийских языков [ibid.: 231–232]. К категории сопутствующего движения мы вернемся в разделе 5 в связи с материалом языков других ареалов. Пока же отметим лишь, что семантика *-cqiw* и *lqat-* в примерах (8) и (12) представляется весьма похожей. Показатель *-cqiw*, в отличие от *lqat-*, сочетается в том числе с переходными глаголами (8). При этом случаев, в которых аффиксы *-cqiw* / *-sqiv* / *-tqiw* присоединялись бы к глаголам перемещения, в доступных нам текстах и грамматических описаниях обнаружить не удалось, за исключением глагола ‘войти’, который в разных частях чукотско-камчатского ареала демонстрирует в разной степени идиосинкратическое поведение⁸.

⁷ О том, почему и как эти явления следует разграничивать, см. [Виняр 2016].

⁸ Например, в телькепском чукотском, описанном в грамматике [Dunn 1999], глагол ‘войти’ выглядит как *re.cqiw-*, т. е. исходно содержит андативный показатель, однако уже не употребляется без него. В той разновидности аллоторского языка (говор с. Вывенка), которая описана в [Кибрик и др. 2000], *ra.lqiv-* ‘войти’ также исходно является производным, но синхронно не членится и допускает образование андативного деривата *ra.lqivə-sqiv-*.

В разделе 2 говорилось, что показатели андатива и вентива в лесном ненецком не могут изменять аргументную структуру исходного предиката, и модель управления остается прежней. В нашем распоряжении тем не менее имеются примеры из чукотско-камчатских и тунгусо-маньчжурских языков, демонстрирующие, что в общем случае это не так. В примере (13) иллюстрируется случай, когда при андативном деривате может поверхностно выражаться Цель, т. е. конечный пункт движения (в данных примерах — с помощью именной группы в дативе).

- АЛЮТОРСКИЙ (с. Вывенка, Камчатский край)
- (13) *sisisʔə-n* *u.ptə-sqiv-i* *yillanə-ŋ*
 Сисисын-НОМ+SG рубить.деревья-идти-3SG.S+PF ольха-ДАТ
 ‘Сисисын пошел за дровами в ольховник’ [Кибрик и др. 2000: 54].

Исходный глагол в примере (13), ‘рубить деревья’, является непереходным, и если бы он присоединял обстоятельство места, последнее выражалось бы наречием или именной группой в локативе, но не в дативе. Очевидным образом, возможность выражения факультативного семантического актанта с ролью Цели возникает вследствие андативной деривации.

В работе [Татевосов 2015: 251] выделяются три наиболее типичных функции глагольной деривационной морфологии, воздействующей на экстенционал предиката: 1) изменение состава подсобытий, описываемых событийным предикатом; 2) изменение количественных характеристик событийного предиката; 3) изменение фазовых характеристик событийного предиката. Несмотря на то, что говорить об андативе как об актантной деривации вряд ли представляется возможным, по крайней мере, при традиционном определении этого понятия (ср. [Плунгян 2000]), в терминах структуры события (см., например, [Лютикова и др. 2006]) андативизация, вероятно, может быть описана как операция, модифицирующая состав (под)событий, описываемых предикатом. Иными словами, она попадет в тот же тип деривационной морфологии, что и операция, известная как каузативизация. Если такой взгляд оправдан, то немедленно встает вопрос о том, каким образом сложная⁹ событийная

⁹ Ср. замечание относительно соответствующего ительменского показателя в грамматике, написанной А. П. Володиным в соавторстве с Шт. Георгом: «-ata,

структура андатива ведет себя по отношению к различным тестам, направленным на выявление структуры события, а именно какова в случае андативного деривата сфера действия отрицания, различных обстоятельств, каковы возможности эллипсиса и пр. В настоящий момент мы, к сожалению, не располагаем соответствующими данными, так что это остается задачей будущего.

В аллюторском языке также засвидетельствован частотный суффикс *-lqiv*, выражающий широкий спектр значений из аспектуальной зоны: в работах А. А. Мальцевой (см. подробнее [Мальцева 1998: 36–41; 2013: 147–149]) он трактуется как показатель инхоатива и длительного вида, в [Кибрик и др. 2000: 439] — как «глагольный видовой суффикс со значением начинательности, однократности действия или длительности действия». Диахроническая связь показателей *-lqiv* и *-sqiv* очевидна, однако не совсем ясно, каким именно образом проходила грамматикализация: данные показатели могли параллельно развиваться из глагола *lqat-*, или же один из них мог произойти из другого; семантически, как кажется, любому из этих переходов можно было бы найти оправдание.

Семантическая связь андатива и инхоатива побуждает А. А. Мальцеву рассматривать *-sqiv* и *-lqiv* в числе «акциональных постфиксов» [Мальцева 1998: 154–157]. М. Данн помещает аффикс *-sqiv* в ряду модальных показателей и называет его *purposive*, по-видимому, выделяя из его семантики только целевой компонент и оставляя за скобками направительный. Нам кажется, что семантика андатива не вписывается ни в аспектуальную, ни в модальную зону, однако является близкой к некоторым аспектуальным и модальным значениям и, соответственно, в некоторых случаях можно ожидать развития андативных показателей в видовые и модальные. Так, среди аспектуальных значений андатив обнаруживает определенную близость с инхоативом (ср. конструкции с глаголом *пойти* в русском языке, типа «Опять направо и налево // пойдет хозяйничать зима» (Б. Л. Пастернак)) и с проспективом (ср. английские конструкции с *going to*), что объясняет, в частности, существование

direktiv, d. h. das durch dieses Suffix gebildete Verbum bildet ein semantisch komplexes Prädikat, bestehend aus der Bedeutung des Grundverbs + „hingehen“» [Georg, Volodin 1999: 161]. Ср. ниже в разделе 5 данные австралийского языка вамбая, описываемые в статье [Nordlinger 2010] с помощью понятия *complex predicate*.

схожих путей грамматикализации данных показателей. Возможность модального анализа показателей такого рода может объясняться ирреальным статусом ситуации Р, ради осуществления которой совершается перемещение субъекта из точки А в точку В. Данная семантическая связь, возможно, также является причиной, по которой значительная часть употреблений андативного показателя приходится на словоформы, маркированные императивом, оптативом или будущим временем.

4. Дейктически неориентированные направительные показатели: тунгусо-маньчжурские языки

Таким образом, в чукотско-корякских, ительменском, нганасанском отмечается только один показатель «движения с целью», и лишь в лесном ненецком зафиксирована оппозиция андатива и вентива. Согласно ряду описаний тунгусо-маньчжурских языков, в них также существует более одного направительно-целевого показателя, однако они отражают иное противопоставление: ‘пойти, чтобы Р’ vs. ‘сходить, чтобы Р (и вернуться)’¹⁰.

Так, например, в работе [Роббек 1982], в которой подобные морфемы в эвенском языке рассматриваются среди видовых показателей, в группу «направление движения» включаются четыре аффикса: *-на / -нэ*, *-рга / -ргэ*, *-лга / -лгэ*, *-нас / -нэс*. Однако два из них несомненно принадлежат рефактивной семантической зоне (более подробно см. [Стойнова 2012]): *-рга / -ргэ*, судя по примерам, выражает редитивное значение ‘вернуться в исходную точку’ (*эмэ-ргэ* ‘вернуться’ < *эмэ* ‘прийти’), а *-лга / -лгэ* — реверсивное значение ‘вернуться в исходное состояние’ (*чора-лга* ‘снимать жерди яранги’ < *чора* ‘ставить жерди яранги’, *алу-лга* ‘распрягать’ < *алу* ‘запрягать’).

Аффикс *-на / -нэ*, на первый взгляд, имеет стандартное андативное значение (*гэлэт-нэ* ‘пойти искать’ < *гэлэт* ‘искать’). Относительно этого аффикса сообщается, что он продуктивен, и лишь часть глаголов движения и состояния не присоединяет его, что

¹⁰ Это не относится как минимум к классическому маньчжурскому языку, в котором, согласно [Alonso de la Fuente, Jacques 2018], выделяются показатели андатива ‘пойти, чтобы Р’, вентива ‘прийти, чтобы Р’ и андатива-каузатива ‘послать делать Р’.

согласуется с наблюдениями, данными выше, и представляется логичным в свете семантики андатива. Что касается последнего аффикса, он заслуживает несколько большего внимания. Согласно [Роббек 1982: 73], «глаголы с суффиксом *-нас / -нэс* обозначают действие, которое осуществляется при перемещении из какого-либо пункта, и возвращение обратно»; ср. *гургэвчи-нэс* – ‘сходить на работу (один раз и вернуться)’ < *гургэвчи* – ‘работать’. Не следует, однако, понимать данную формулировку так, что действие Р происходит во время движения. Более точным, возможно, было бы сказать, что аффикс *-нас / -нэс* маркирует перемещение из точки А в точку В, где осуществляется искомое действие Р, выражаемое исходной глагольной основой, и возвращение в исходную точку. Таким образом, наиболее простой и очевидный анализ данного аффикса предполагает, что структура его значения сложнее структуры значения андатива ровно на редитивный компонент.

В то же время, как показывает материал других тунгусо-маньчжурских языков, эвенский аффикс *-нас / -нэс* на самом деле является составным. Так, в удэгейском языке аналогичное значение ‘сходить, чтобы Р (и вернуться)’ выражается, согласно [Nikolaeva, Tolskaya 2001], сочетанием¹¹ директивного показателя *-nA* и показателя *-sA*, имеющего экспериентивное¹² значение ‘ситуация Р имела место по крайней мере раз в прошлом’. Ср. деривационную цепочку: *wakca-na-sa* – ‘come back after hunting’ < *wakca-na* – ‘go to hunt’ < *wakca* – ‘hunt’ [ibid.: 321].

В грамматике сообщается [ibid.: 322], что данный показатель чрезвычайно продуктивен и сочетается практически с любыми нестативными основами, если результат семантически приемлем. Как отмечалось еще в [Шнейдер 1936: 141], аффикс *-nA* выражает идею движения в самом общем виде, т. е. перемещение не обязательно должно осуществляться пешком, но может также по воздуху, по воде, бегом и т. д. Кроме того, в [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 264] говорится, что в формах императива словообразовательный суффикс *-nA*

¹¹ В орокском языке такое значение также возникает при сочетании двух морфем: направительного аффикса *-нда / -ндэ* и показателя *-ma / -mэ* [Петрова 1967: 92].

¹² Согласно [Nikolaeva, Tolskaya 2001], редитивное (regressive) значение показателя *-sA*, примеры на которое можно найти в [Шнейдер 1936], в современном удэгейском языке не обнаруживается, если не считать его сочетаний с аффиксом *-nA*.

зачастую присоединяется даже тогда, когда компонент перемещения уже присутствует в семантике исходной глагольной основы, — показатель *-nA* оказывается таким образом избыточным.

- удэгейский (северный)
- (14) *jegdige, guy-ki-ni, dau-ne-je*
 hero say-PST-3SG carry.over-DIR-IMP.2SG
 ‘{She said:} hero, carry (us) over’ [Кормушин 1998: 107] (цит. по [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 264]).

Если такого рода употребления можно было бы объяснить спецификой императива, с которым андативные и вентивные показатели склонны нетривиальным образом взаимодействовать в самых разных языках (подробнее см. [Гусев 2013: 67–71]), то каков семантический вклад аффикса *-nA* в примерах типа следующего, без специального исследования выяснить вряд ли возможно.

- удэгейский (южный; с. Красный Яр, Приморский край)
- (15) *sita-ni tuka-na:-ni zugdi-tigi*
 child-3SG run-DIR.PST-3SG house-LAT
 ‘His son ran home’ [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 846].

Однако наиболее важной особенностью директивного показателя в удэгейском языке является, на наш взгляд, то, что он не является дейктически ориентированным. Несмотря на то, что обычно данный показатель переводится на русский язык глаголом *пойти*, он же используется и в тех случаях, когда предполагается перемещение в место, где находится говорящий.

- удэгейский (аннойский; Хабаровский край)
- (16) *uj'ei tam'asa, sina-di-i dije-u-ge-i,*
 Уей старуха котомка-DAT-SS.SG давить-PASS-PF-1SG
bele-ne-je!
 помогать-DIR-IMP
 ‘Старуха Уей, я носилками придавлен, иди помоги!’ [Шнейдер 1937].

То же самое касается дериватов, последовательно присоединяющих показатели *-nA* и *-sA*: они употребляются в том числе в тех случаях, когда Агнс совершает перемещение в место, где находится во время ситуации Р говорящий, и возвращается обратно в исходную точку.

- удЭГЕЙСКИЙ (южный; с. Красный Яр, Приморский край)
 (17) *ge, si ei dogbo-ni bi aji-we-i bi duŋsi:*
 well you this night-3SG me INDEF-ACC-1SG me thing.1SG
zomi-ne-se:-i?
 steal-DIR-EXP.PST-2SG

‘{Well, she went and said to this man, she said:} Well, did you come to steal my things last night?’ [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 893].

Таким образом, значение удэгейского показателя *-nA*, по всей видимости, не связано с глагольной ориентацией, и называть его андативом, по крайней мере в том же смысле, в котором этот термин употребляется выше, некорректно, в связи с чем он глоссируется здесь как директивный показатель, вслед за [Nikolaeva, Tolskaya 2001]. Нельзя исключать, что и в ряде других языков Сибири, где не засвидетельствована оппозиция андатива и вентива, единственный направительно-целевой показатель также не обязательно связан с глагольной ориентацией. В частности, полевые данные, собранные в с. Амгуэма в 2016–2018 гг., говорят о том, что в чукотском языке показатель *-sqiw* также может значить не только ‘пойти, чтобы Р’, но и ‘прийти, чтобы Р’. Для таких показателей можно было бы зарезервировать термин *перегринатив*, отмеченный в [Мельчук 1998: 414], однако в практике последних лет [Стойнова 2016; 2017], как кажется, закрепилось более простое и понятное (хотя в то же время и более громоздкое) название — показатели «движения с целью» (ср. английский термин «*motion-cum-purpose*»).

5. Типологические параллели

Показатели, напоминающие андатив и вентив в языках Северной Евразии, обнаруживаются в ряде языковых семей Африки, прежде всего в банту, а также в чадских, нилотских и атлантических языках [Плунгян 2002]; ср. пример из языка зулу.

- зулу (банту < бенуэ-конголезские; ЮАР)
 (18a) *u-zo-sebenza*
 I-VEN-работать
 ‘Он пришел работать’ [van Eeden 1956: 266] (цит. по [Гусев 2013: 67]).

(18b) *u-yo-lima*

I-AND-пахать

‘Он пошел пахать’ [ibid.].

Эти аффиксы фигурируют в различных грамматиках под разными именами: в частности, вместо *andative* можно встретить *itive*, *centrifugal*, *translocative*, *allative*, вместо *ventive* (или *venitive*, хотя такой вариант представляется некорректным) — *centripetal*, *cislocative* и др. В наши цели не входит обзор всех возможных терминологических вариантов, однако стоит отметить, что необходимо различать показатели, которые специализированы на выражении дейктической ориентации и ни при каких условиях не могут сами обозначать событие перемещения, и те, которые выражают событие перемещения (при этом обычно ориентируя его относительно дейктического центра) в сочетании не с глаголами перемещения. Один из возможных вариантов: использовать пару «центробежный» (*centrifugal*) vs. «центростремительный» (*centripetal*) для первого рода показателей (ср. примеры (19a–b) из австронезийского языка тоабаита ниже), а для последнего — зарезервировать пару андатов (итив) vs. вентив, как уже предлагалось в [Плунгян 2002].

ТОАБАИТА (океанийские < австронезийские; Соломоновы острова)

(19a) *Nau ku fale-a kau teqe necklace fa-mu*
 1SG 1SG.NFUT send-3.OBJ CFG one necklace REC-2SG.PRS
 ‘I am sending you a necklace’ [Lichtenberk 2008: 218].

(19b) *Ngali-a mai kate baa.*
 carry-3.OBJ CPT card that
 ‘Bring the (playing) cards’ [ibid.].

Показатели, аналогичные *kau* и *mai* в тоабаита, отмечаются во многих других языках Океании, но вообще они встречаются в самых разных языковых ареалах; ср., например, грузинские превербы *mi-* vs. *mo-* или немецкие *hin-* vs. *her-* соответственно (как минимум последние в сочетании не с глаголами движения склонны к лексикализации [Lehmann 1991: 515]).

Относительно большинства чадских и нилотских языков, данные по которым подробны, стоит отметить, что показатели андativa и вентива в них в сочетании не с глаголами движения, как

правило, не могут систематически выражать контраст, иллюстрируемый в примерах (18a–b) из бантуского языка зулу. Так, например, в [Kiessling 2007] заявляется, что в нилотском языке датог (Datooga; Танзания) центростремительный показатель *-un*, присоединяясь к нединамическим глаголам, выражает обычно автобенефактивное, а центробежный показатель *-d* — альтрилокативное значение ‘Р в другом месте’, однако эти показатели, по-видимому, не могут маркировать само событие перемещения. Подробнее о ситуации в чадских и нилотских языках см. классические работы [Frajzyngier 1987; Jungraithmayr 1998; Dimmendaal 2003].

Другая традиция описания похожих, но не идентичных, показателей берет свое начало в исследованиях по австралийским языкам и состоит в выделении особой категории «сопутствующего движения» (*associated motion*); ср. основополагающие статьи [Koch 1984; Wilkins 1991]. Рассмотрим примеры из австралийского языка вамбая.

ВАМБАЯ (западно-барклийские < миндийские; Австралия)

(20a) *Gannga mirnd-**amany***

return 1.DU.INC.S-PST.VEN

‘We came back’ [Nordlinger 2010: 237].

(20b) *Gannga mirnd-**any***

return 1.DU.INC.S-PST.AND

‘We went back’ [ibid.].

(21) *Gulugbi ng-**uba** ngawurniji*

sleep 1.SG.S-NPST.AND 1.SG.NOM

‘I’ll go (away) and sleep’ [ibid.: 244].

Аффиксы андатива и вентива в вамбая кумулятивно выражают время и присоединяются к вспомогательному глаголу, несущему показатели лица и числа. Как видно из примеров (19a–b), в сочетании с недейктическими глаголами движения, андатив и вентив задают как раз направление движения от дейктического центра или к нему соответственно. В сочетании с другими глаголами (не движения; ср. (21)) они регулярно выражают как направление движения, так и само событие перемещения. Как следует из описания Р. Нордлингер, событие перемещения в такой конструкции происходит строго до основного события, Агенса ситуации перемещения всегда совпадает с главным аргументом смыслового глагола, а аргументная

структура и переходность конструкции полностью определяются смысловым глаголом. Таким образом, ограничения, связанные с темпоральной упорядоченностью событий, кореферентностью аргументов и (в общем случае) переходностью, наблюдаемые в вамбая, аналогичны тем, которые встречаются в языках Сибири, с той разницей, что в вамбая данные показатели могут также сочетаться с глаголами движения, маркируя в таком случае именно дейктическую ориентацию. К сожалению, статья [Nordlinger 2010] не содержит информации о других семантических свойствах этих показателей, поскольку в целом посвящена описанию синтаксиса этой конструкции.

В ряде языков Южной Америки т. н. категория «сопутствующего движения» является словоизменяющей и может содержать более десяти граммем, которые противопоставляются в первую очередь по следующим трем параметрам: 1) выражение дейктической ориентации (+/-; если +, то движение от дейктического центра или к нему); 2) синтаксическая роль участника ситуации перемещения в клаузе (подлежащее vs. прямое дополнение); 3) темпоральная упорядоченность ситуации перемещения относительно ситуации Р, обозначаемой смысловым глаголом (ситуация перемещения предшествует во времени ситуации Р, осуществляется одновременно с ней или следует за ней). Ср. описания сложных систем в пано-таканских языках [Guillaume 2009; Vuillermet 2012], где соответствующие аффиксы сочетаются в том числе с глаголами движения. При этом граммы категории сопутствующего движения, в отличие от показателей глагольной ориентации, маркируют не только направление движения, но и саму ситуацию перемещения. Таким образом, андативные и вентивные показатели, встречающиеся в языках Сибири, могут рассматриваться как подтип категории «сопутствующего движения», при котором фиксированы синтаксическая роль участника ситуации перемещения (S/A) и временная последовательность ситуации перемещения и ситуации Р (первая предшествует второй).

Аналогичные ограничения существуют, например, в гьялронгском языке Jarhug (IPA: [tɕɣpʰɯ]), где отмечаются два показателя со значениями 'go to' и 'come to' соответственно. В то же время в Jarhug, как и в других рассмотренных выше случаях, данные показатели сочетаются в том числе с глаголами движения, однако в статье [Jacques 2013] не указывается, существуют ли различия

в поведении андативных и вентивных показателей в такого рода конструкциях и во всех остальных. Показатели андатива и вентива в этом языке очевидным образом являются результатом грамматикализации глаголов *se* ‘пойти’ и *yi* ‘прийти’, при этом они употребляются как префиксы, хотя данный язык демонстрирует строгий порядок слов с глаголом в конечной позиции. Большая часть статьи [Jacques 2013] посвящена как раз обсуждению возможных путей грамматикализации, в результате которой показатели, происходящие от глаголов, оказались префиксами. Нас, однако, интересует другая особенность употребления андативных и вентивных показателей в языке Jarhug, иллюстрируемая следующими примерами и представляющая собой один из важных параметров межъязыкового варьирования.

JARHUG (гьялронгские < тибето-бирманские; уезд Баркам, провинция Сычуань, Китай)

(22a) *azo tʃm^hum ɛ-tʃ-χtu-t-a*

I meat AND-AOR-buy-PST-1SG

‘I went to buy meat (and bought it)’ [Jacques 2013: 203].

(22b) *azo tʃm^hum u-ku-χtu jʃ-ari-a*

I meat 3SG-NMLZ:S/A-buy AOR-go-1SG

‘I went to buy meat (I may or may not have bought it)’ [ibid.].

(23a) *laχte^ha u-ku-χtu jʃ-ari-a ri*

thing 3SG-NMLZ:S/A-buy AOR-go-1SG but

tʃ-χtu-t-a maka me

AOR-buy-PST-1SG at.all NPST:not.have

‘I went to buy things but did not buy anything’ [ibid.].

(23b) **laχte^ha ɛ-tʃ-χtu-t-a ri*

thing AND-AOR-buy-PST-1SG but

tʃ-χtu-t-a maka me

AOR-buy-PST-1SG at.all NPST:not.have

Ожидаемое значение: = ‘23a’ [ibid.].

В языке Jarhug, как и в большинстве других названных выше языков, сосуществуют две конструкции: с морфологическим показателем андатива / вентива и с финитным глаголом движения. Однако контраст между этими конструкциями гораздо более значителен, чем, например, в лесном ненецком языке. Только в конструкции

с финитным глаголом движения ситуация Р, ради которой осуществляется перемещение, является целью и необязательно имеет место в актуальном мире, что показывается в примере (23а) с помощью теста на отрицание. Напротив, в случае андативного и вентивного дериватов отрицание ситуации Р невозможно. На языке Jarhug нельзя сказать ‘Я пошел спать, но не смог уснуть’, используя морфологический показатель андатива в первой клаузе, что доказывает, что андатив и вентив в этом языке демонстрируют положительное значение параметра «импликативность», предполагая реальность осуществления ситуации Р в актуальном мире. На этом мы закончим краткий обзор типологических параллелей и перейдем к заключению.

6. Заключение

Настоящая статья была посвящена глагольным показателям, обозначающим перемещение субъекта с целью совершить действие Р, в языках Сибири. Ранее подобные морфемы в языках данного ареала не привлекали широкого внимания типологов, а в различных грамматиках описывались в кругу различных явлений, в частности, среди аспектуальных или модальных показателей. В данной работе мы стремились показать, что такой взгляд если и может быть оправдан, то лишь отчасти.

С типологической точки зрения направительные показатели в языках Сибири, по-видимому, могут рассматриваться как подтип особой категории т. н. «сопутствующего движения»¹³ (имеющей традицию описания в исследованиях по языкам Австралии и Южной Америки), при котором фиксированы синтаксическая роль участника ситуации перемещения (он кореферентен S/A-участнику ситуации, обозначаемой исходным глаголом) и временная последовательность ситуации перемещения и ситуации Р (первая предшествует второй). Отдельная оговорка здесь касается того, что в языках Сибири это очевидным образом словообразовательные, а не словоизменительные показатели.

¹³ В то же время мы в целом поддерживаем терминологические предложения, высказанные в статьях [Стойнова 2016; 2017], и согласны, что в идеале следует различать показатели андатива/вентива, сопутствующего движения и движения с целью.

Таковы основные общие свойства, разделяемые направлятельными показателями во всех рассмотренных языках. Остальные свойства являются параметрами межъязыкового варьирования и нуждаются в дополнительном изучении. Разумеется, в рамках этой короткой статьи невозможно было обсудить все языки Сибири и все релевантные параметры. К тому же многие важные сведения, касающиеся исследуемых показателей, отсутствуют в имеющихся описаниях и текстах и требуют полевой работы. Нашей целью было скорее очертить круг возможных вопросов, чем дать на них окончательные ответы. Ниже в виде списка представлены основные параметры варьирования, выявленные в рамках настоящей работы:

- характер ориентации (дейктический vs. недейктический);
- противопоставление по направлению движения (андатив vs. вентив);
- имплицативность, т. е. следует ли из реальности ситуации перемещения реальность ситуации Р;
- сочетаемость с неагентивными глаголами;
- сочетаемость с базовыми глаголами перемещения;
- влияние на видовые характеристики основы;
- влияние на модель управления предиката.

Кроме того, разумеется, важным является изучение путей грамматикализации соответствующих показателей, их связей и взаимодействия с другими глагольными категориями (в частности, рефактивом). Все это и многое другое остается предметом будущих исследований, однако, надеемся, нам удалось продемонстрировать, что и в рамках данной семантической зоны языки Сибири представляют чрезвычайный интерес с точки зрения типологии и общей теории грамматики, что, в частности, убедительно показано во многих работах Александра Павловича Володина.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; А — агенсоподобный актанта переходного глагола; ABS — абсолютив; ACC — аккузатив; ALL — аллатив; AND — андатив; ANAL — компонент аналитической формы глагола; AOR — аорист; CAUS — каузатив; CFG — центробежный показатель; COND — кондиционал; CPT — центростремительный показатель; CVB — конверб; DAT — датив; DEM — указательное местоимение; DIM — диминутив; DIR — направлятельный показатель; DU — двойственное число; EMPH — эмфаза; EQU — экватив;

ERG — эргатив; EXP — экспериентив; FUT — будущее время; GFS — общая финитная основа; IMP — императив; INC — инклюзивность; IND — индикатив; INDEF — неопределенное местоимение; INF — инфинитив; INTS — интенсификатор; IPFV — имперфектив; IRR — ирреалис; LAT — латив; LOC — локатив; NARR — нарратив; NEG — отрицание; NFUT — небудущее время; NMLZ — номинализация; NOM — номинатив; NPL — множественное число; NPST — непрошедшее время; NSG — неединственное число; OBJ — прямое дополнение; OBL — косвенное дополнение; OPT — оптатив; P — пациенсоподобный актанта переходного глагола; PASS — пассив; PER — перергинатив; PF — перфект; PL — множественное число; PN — личное местоимение; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PURP — направительно-целевой показатель; REC — реципиент; S — единственный актанта непереходного глагола / субъектная согласовательная серия (лесной и тундровый ненецкий); SG — единственное число; SIDE — словообразовательный суффикс со значением ‘сторона’; SS — односубъектность; TH — тематический суффикс; VEN — вентив

Литература

- Виняр 2016 — А. И. Виняр. Чукотские глагольно-глагольные компаунды: к противопоставлению инкорпорации и сериализации глагольных основ // М. Б. Коношенко, Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2016. С. 66–87.
- Володин 1976 — А. П. Володин. Ительменский язык. Л.: Наука, 1976.
- Гусев 2012 — В. Ю. Гусев. Аспект в нганасанском языке // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2012. Т. VIII. Ч. 2. С. 311–360.
- Гусев 2013 — В. Ю. Гусев. Типология императива. М.: Языки славянских культур, 2013.
- Кибрик и др. 2000 — А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. А. Муравьёва. Язык и фольклор аллоторцев. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000.
- Кормушин 1998 — И. В. Кормушин. Удыхейский (удэгейский) язык. Материалы по этнографии. Очерк фонетики и грамматики. Тексты и переводы. Словарь. М.: Наука, 1998.
- Лютикова и др. 2006 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Мальцева 1998 — А. А. Мальцева. Морфология глагола в аллоторском языке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.

- Мальцева 2013 — А. А. Мальцева. Способы выражения начала действия в чукотско-корякских языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 12. Вып. 2: филология, 2013. С. 142–153.
- Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. II. Ч. 2: Морфологические значения. Москва: Языки русской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1998.
- Петрова 1967 — Т. И. Петрова. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Плунгян 2002 — В. А. Плунгян. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2. Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: Русские словари, 2002. С. 57–98.
- Роббек 1982 — В. А. Роббек. Виды глагола в эвенском языке. Л.: Наука, 1982.
- Стойнова 2012 — Н. М. Стойнова. Рефактив и смежные глагольные значения // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2012. Т. VIII. Ч. 2. С. 867–949.
- Стойнова 2016 — Н. М. Стойнова. Показатели «движения с целью» и событийная структура: суффикс *-nda* в нанайском языке // Вопросы языкознания. 2016. № 4. С. 86–111.
- Стойнова 2017 — Н. М. Стойнова. Показатели движения с целью в южно-тунгусских языках и категория associated motion // Е. М. Девяткина (отв. ред.). Проблемы языка: Сб. науч. ст. по материалам Пятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (16–17 февраля 2017 г.). М.: Институт языкознания РАН; Канцлер, 2017. С. 321–339.
- Татовосов 2015 — С. Г. Татовосов. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Шлуинский 2012 — А. Б. Шлуинский. Фактатив и смежные категории: опыт типологии // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2012. Т. VIII. Ч. 2. С. 950–996.
- Шнейдер 1936 — Е. Р. Шнейдер. Краткий удэйско-русский словарь. С приложением грамматического очерка. М.; Л.: Учпедгиз, 1936.
- Alonso de la Fuente, Jacques 2018 — J. A. Alonso de la Fuente, G. Jacques. Associated motion in Manchu in typological perspective // Language and Linguistics. 2018. № 19 (4). P. 501–524.
- Belkadi 2015 — A. Belkadi. Associated motion with deictic directionals: A comparative overview // SOAS Working Papers in Linguistics. 2015. № 17. P. 49–76.
- Dimmendaal 2003 — G. J. Dimmendaal. Locatives as core constituents // E. Shay, U. Seibert (eds.). Motion, Direction and Location in Languages: In honor of Zygmunt Frajzyngier. (Typological Studies in Language 56).

- Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. P. 91–109.
- Dunn 1999 — M. Dunn. A Grammar of Chukchi. PhD thesis. Australian National University, 1999.
- Fortescue 2005 — M. Fortescue. Comparative Chukotko-Kamchatkan Dictionary. (Trends in Linguistics. Documentation 23). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2005.
- Frajzyngier 1987 — Z. Frajzyngier. Ventive and centrifugal in Chadic // *Afrika und Übersee*. 1987. № 70 (1). P. 31–47.
- Georg, Volodin 1999 — S. Georg, A. P. Volodin. Die itelmenische Sprache: Grammatik und Texte. (Tunguso-Sibirica 5). Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1999.
- Guillaume 2009 — A. Guillaume. Les suffixes verbaux de ‘mouvement associé’ en cavineña // *Faits de Langues*. 2009. № 34 (2). P. 181–204.
- Guillaume 2016 — A. Guillaume. Associated motion in South America: Typological and areal perspectives // *Linguistic Typology*. 2016. № 20 (1). P. 81–177.
- Jacques 2013 — G. Jacques. Harmonization and disharmonization of affix ordering and basic word order // *Linguistic Typology*. 2013. № 17 (2). P. 187–215.
- Jungraithmayr 1998 — H. Jungraithmayr. The ventive/allative dichotomy in some West African languages // P. Zima, V. Tax (eds.). *Language and Location in Space and Time*. München: LINCOM Europa, 1998. P. 85–91.
- Kiessling 2007 — R. Kiessling. Space and reference in Datooga verbal morphology // D. Payne, M. Reh (eds.). *Advances in Nilo-Saharan Linguistics. Proceedings of the 8th Nilo-Saharan Linguistics Colloquium*. Hamburg, August 22–25, 2001. Köln: Rüdiger Köppe, 2007. P. 123–142.
- Koch 1984 — H. Koch. The category of ‘associated motion’ in Kaytej // *Language in Central Australia*. 1984. № 1. P. 23–34.
- Lehmann 1991 — Ch. Lehmann. Grammaticalization and related changes in contemporary German // B. Heine, E. C. Traugott (eds.). *Approaches to Grammaticalization*. (Typological Studies in Language 19). Vol. 2. Focus on types of grammatical markers. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1991. P. 493–535.
- Lichtenberk 2008 — F. Lichtenberk. A Grammar of Toqabaqita. (Mouton Grammar Library 42). Vol. 1. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — I. Nikolaeva, M. Tolskaya. A Grammar of Udihe. (Mouton Grammar Library 22). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2001.
- Nordlinger 2010 — R. Nordlinger. Complex predicates in Wambaya: detaching predicate composition from syntactic structure // M. Amberber, B. Baker, M. Harvey (eds.). *Complex Predicates: Cross-Linguistic Perspectives on Event Structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 237–258.

- Rose 2015 — F. Rose. Associated motion in Mojeño Trinitario: Some typological considerations // *Folia Linguistica*. 2015. № 49 (1). P. 117–158.
- Salminen 2007 — T. Salminen. Notes on Forest Nenets phonology // J. Ylikoski, A. Aikio (d.). Sámit, sánit, sátnehámit. Riepmočála Pekka Sammallahtii miessemánu 21. beavivve 2007 [Sámi, Words, Word Shapes. A Festschrift for Pekka Sammallahti on the 21st May 2007]. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 253). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura — Société Finno-Ougrienne, 2007. P. 349–372.
- van Eeden 1956 — B. I. C. van Eeden. Zoeloe-grammatika. Stellenbosch; Grahamstad: Die Universiteitsuitgewers en -boekhandelaars, 1956.
- Vuillermet 2012 — M. Vuillermet. A Grammar of Ese Ejja, a Takanan language of the Bolivian Amazon. PhD thesis. Université Lyon 2, 2012.
- Wilkins 1991 — D. P. Wilkins. The semantics, pragmatics and diachronic development of ‘associated motion’ in Mparntwe Arrernte // *Buffalo Papers in Linguistics*. 1991. № 1. P. 207–257.

Источники

- Володин 2008 — А. П. Володин. Ительменские тексты. Т. 1. Фольклорные тексты. Южный диалект. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.
- Володин рук. — А. П. Володин. Ительменские тексты. Рукопись.
- Вэлла 2008 — Ю. К. Вэлла. Поговори со мной: книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу: (вариант пятый, с переводами на язык ханты). Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008.
- Шнейдер 1937 — Е. Р. Шнейдер. Материалы по языку анойских удэ. М.; Л.: Государственное уч.-пед. изд-во, 1937.

References

- Alonso de la Fuente, Jacques 2018 — J. A. Alonso de la Fuente, G. Jacques. Associated motion in Manchu in typological perspective. *Language and Linguistics*. 2018. No. 19 (4). P. 501–524.
- Belkadi 2015 — A. Belkadi. Associated motion with deictic directionals: A comparative overview. *SOAS Working Papers in Linguistics*. 2015. No. 17. P. 49–76.
- Dimmendaal 2003 — G. J. Dimmendaal. Locatives as core constituents. E. Shay, U. Seibert (eds.). *Motion, Direction and Location in Languages: In honor of Zygmunt Frajzyngier*. (Typological Studies in Language 56). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. P. 91–109.
- Dunn 1999 — M. Dunn. A Grammar of Chukchi. PhD thesis. Australian National University, 1999.

- Fortescue 2005 — M. Fortescue. Comparative Chukotko-Kamchatkan Dictionary. (Trends in Linguistics. Documentation 23). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2005.
- Frajzyngier 1987 — Z. Frajzyngier. Ventive and centrifugal in Chadic. *Afrika und Übersee*. 1987. No. 70 (1). P. 31–47.
- Georg, Volodin 1999 — S. Georg, A. P. Volodin. Die itelmenische Sprache: Grammatik und Texte. (Tunguso-Sibirica 5). Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1999.
- Guillaume 2009 — A. Guillaume. Les suffixes verbaux de ‘mouvement associé’ en cavineña. *Faits de Langues*. 2009. No. 34 (2). P. 181–204.
- Guillaume 2016 — A. Guillaume. Associated motion in South America: Typological and areal perspectives. *Linguistic Typology*. 2016. No. 20 (1). P. 81–177.
- Gusev 2012 — V. Yu. Gusev. Aspekt v nganasanskom yazyke [Aspect in Nganasan]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistscheskikh issledovaniy RAN*. 2012. Vol. VIII. Pt. 2. P. 311–360.
- Gusev 2013 — V. Yu. Gusev. Tipologiya imperativa [Typology of imperative]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2013.
- Jacques 2013 — G. Jacques. Harmonization and disharmonization of affix ordering and basic word order. *Linguistic Typology*. 2013. No. 17 (2). P. 187–215.
- Jungraithmayr 1998 — H. Jungraithmayr. The ventive/allative dichotomy in some West African languages. P. Zima, V. Tax (eds.). *Language and Location in Space and Time*. München: LINCOM Europa, 1998. P. 85–91.
- Kibrik et al. 2000 — A. E. Kibrik, S. V. Kodzasov, I. A. Muravyeva. Yazyk i folklor alyutortsev [Language and the folklore of the Alutor people]. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences; Nasledie, 2000.
- Kiessling 2007 — R. Kiessling. Space and reference in Datooga verbal morphosyntax. D. Payne, M. Reh (eds.). *Advances in Nilo-Saharan Linguistics. Proceedings of the 8th Nilo-Saharan Linguistics Colloquium*. Hamburg, August 22–25, 2001. Köln: Rüdiger Köppe, 2007. P. 123–142.
- Koch 1984 — H. Koch. The category of ‘associated motion’ in Kaytej. *Language in Central Australia*. 1984. No 1. P. 23–34.
- Kormushin 1998 — I. V. Kormushin. Udykheyskiy (udegeyskiy) yazyk. Materialy po etnografii. Ocherk fonetiki i grammatiki. Teksty i perevody. Slovar [Udihe. Materials on ethnography. Sketch of phonetics and grammar. Texts and translations. Dictionary]. Moscow: Nauka, 1998.
- Lehmann 1991 — Ch. Lehmann. Grammaticalization and related changes in contemporary German. B. Heine & E. C. Traugott (eds.). *Approaches to Grammaticalization*. (Typological Studies in Language 19). Vol. 2. Focus on types of grammatical markers. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1991. P. 493–535.
- Lichtenberk 2008 — F. Lichtenberk. A Grammar of Toqabaqita. (Mouton Grammar Library 42). Vol. 1. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008.

- Lyutikova et al. 2006 — E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov, M. Yu. Ivanov, A. G. Pazelskaya, A. B. Shluinskiy. *Struktura sobytiya i semantika glagola v karachayevo-balkarskom yazyke* [Event structure and verb semantics in Karachay-Balkar]. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, 2006.
- Maltseva 1998 — A. A. Maltseva. *Morfologiya glagola v alyutorskom yazyke* [Verbal morphology in Alutor]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 1998.
- Maltseva 2013 — A. A. Maltseva. *Sposoby vyrazheniya nachala deystviya v chukotsko-koryakskikh yazykakh* [Ways of expressing the beginning of an action in the Chukchi-Koryak languages]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2013. Vol. 12. Issue 2. P. 142–153.
- Mel'čuk 1998 — I. A. Mel'čuk. *Kurs obshchey morfologii*. Tom II, Ch. 2: *Morfologicheskie znacheniya* [The course of general morphology. Vol. II. Part 2: Morphological meanings]. Moscow: Yazyki russkoy kultury; Vienne: Wiener Slawistischer Almanach, 1998.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — I. Nikolaeva, M. Tolskaya. *A Grammar of Udihe*. (Mouton Grammar Library 22). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2001.
- Nordlinger 2010 — R. Nordlinger. *Complex predicates in Wambaya: detaching predicate composition from syntactic structure*. M. Amberber, B. Baker, M. Harvey (eds.). *Complex Predicates: Cross-Linguistic Perspectives on Event Structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 237–258.
- Petrova 1967 — T. I. Petrova. *Yazyk orokov (ulta)* [The language of the Orok people (Uilta)]. Leningrad: Nauka, 1967.
- Plungian 2000 — V. A. Plungian. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: An introduction]. Moscow: Editorial URSS, 2000.
- Plungian 2002 — V. A. Plungian. *O spetsifike vyrazheniya imennykh prostranstvennykh kharakteristik v glagole: kategoriya glagolnoy oriyentatsii* [On the expressing nominal spatial characteristics in the verb: the category of verbal orientation]. V. A. Plungian (ed.). *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Investigations into the theory of grammar]. Issue 2. *Grammatikalizatsiya prostranstvennykh znacheniy v yazykakh mira* [Grammaticalization of spatial meanings in the languages of the world]. Moscow: Russkiye slovari, 2002. P. 57–98.
- Robbek 1982 — V. A. Robbek. *Vidy glagola v evenskom yazyke* [Verbal aspect in Even]. Leningrad: Nauka, 1982.
- Rose 2015 — F. Rose. *Associated motion in Mojeño Trinitario: Some typological considerations*. *Folia Linguistica*. 2015. No. 45 (1). P. 117–158.
- Salminen 2007 — T. Salminen. *Notes on Forest Nenets phonology*. J. Ylikoski, A. Aikio (eds.). *Sámit, sánit, sátnehámít. Riepmočála Pekka Sammallahtii*

- miessemánu 21. beaivve 2007* [Sámi, Words, Word Shapes. A Festschrift for Pekka Sammallahti on the 21st May 2007]. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 253). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura — Société Finno-Ougrienne, 2007. P. 349–372.
- Shluinskiy 2012 — A. B. Shluinskiy. Faktativ i smezhnye kategorii: opyt tipologii [Factative and adjacent grams: a tentative typology]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2012. Vol. VIII. Pt. 2. P. 950–996.
- Shneyder 1936 — E. R. Shneyder. Kratkiy udeysko-russkiy slovar. S prilozheniem grammaticheskogo ocherka [A short Udihe-Russian dictionary, with a grammatical sketch]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1936.
- Stoynova 2012 — N. M. Stoynova. Refaktiv i smezhnye glagolnye znacheniya [The refactive: types of polysemy]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2012. Vol. VIII. Pt. 2. P. 867–949.
- Stoynova 2016 — N. M. Stoynova. Pokazateli «dvizheniya s tselyu» i sobytiynaya struktura: suffiks -nda v nanayskom yazyke [Markers of “motion-cum-purpose” and event structure: -nda suffix in Nanai]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2016. No. 4. P. 86–111.
- Stoynova 2017 — N. M. Stoynova. Pokazateli dvizheniya s tselyu v yuzhnoutungusskikh yazykakh i kategoriya associated motion [Motion-cum-purpose markers in the Southern Tungusic languages and the typology of associated motion]. E. M. Devyatkina (editor-in-chief). *Problemy yazyka: Sbornik nauchnykh statey po materialam Pyatoy konferentsii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh» (16–17 fevralya 2017 g.)* [Problems of language: Proceedings of the Fifth conference/school “Problems of language: view of young scholars” (16–17 February, 2017)]. Moscow: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences; Kantsler, 2017. P. 321–339.
- Tatevosov 2015 — S. G. Tatevosov. Aktsionalnost v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya [Actionality in lexicon and grammar. Verb and event structure]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2015.
- van Eeden 1956 — B. I. C. van Eeden. Zoeloe-grammatika. Stellenbosch; Grahamstad: Die Universiteitsuitgewers en -boekhandelaars, 1956.
- Vinyar 2016 — A. I. Vinyar. Chukotskie glagolno-glagolnyye kompaundy: k protivopostavleniyu inkorporatsii i serializatsii glagolnykh osnov [Chukchi verb-verb compounds: towards a distinction between verb incorporation and verb root serialization]. M. B. Konoshenko, E. A. Lyutikova, A. V. Tsimmerling (eds.). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2016»*. Vyp. 3 [Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of the international conference “Typology of morphosyntactic parameters 2016”. Issue 3]. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2016. P. 66–87.

- Volodin 1976 — A. P. Volodin. Itelmenskiy yazyk [Itelmen]. Leningrad: Nauka, 1976.
- Vuillermet 2012 — M. Vuillermet. A Grammar of Ese Ejja, a Takanan language of the Bolivian Amazon. PhD thesis. Université Lyon 2, 2012.
- Wilkins 1991 — D. P. Wilkins. The semantics, pragmatics and diachronic development of ‘associated motion’ in Mparntwe Arrernte. *Buffalo Papers in Linguistics*. 1991. No. 1. P. 207–257.

Sources

- Shneyder 1937 — E. R. Shneyder. Materialy po yazyku anyuyskikh ude [Materials on the language of the Anyuy Udege]. Moscow; Leningrad: State educational and pedagogical publishing house, 1937.
- Vella 2008 — Yu. K. Vella. Pogovori so mnoy: kniga dlya nenetskogo studenta i dlya togo, kto khotel by poslushat nenetskuyu dushu: (variant pyatyy, s perevodami na yazyk khanty) [Speak with me: a book for Nenets students and for those who would like to listen to a Nenets soul (the fifth version, with translations into Khanty)]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist, 2008.
- Volodin 2008 — A. P. Volodin. Itelmenskie teksty [Itelmen texts]. Vol. 1. Folklornye teksty. Yuzhnyy dialekt [Folklore texts. The Southern dialect]. St. Petersburg: St. Petersburg University, Faculty of Philology and Arts, 2008.
- Volodin ms. — A. P. Volodin. Itelmenskie teksty [Itelmen texts]. Manuscript.

**НАЗВАНИЯ «ЧАЙНОГО» РАСТЕНИЯ
ДУШИЦА ОБЫКНОВЕННАЯ
(*ORIGANUM VULGARE* L.)
В БАЛКАНСКОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ
КОНТЕКСТЕ***

М. В. Домосилецкая

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
marinaling@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются балканские наименования душицы обыкновенной (*Origanum vulgare* L.), проводится их полный ономаσιологический анализ, в результате чего устанавливаются признаковые типы номинаций и их распространение по региону: лечебность растения, его душистость, использование как горячего напитка или красящего вещества. Вычленяется мотивационно ясный фитонимический код номинации и мотивационно неясный зоонимический. Обнаруженные в данной фитонимии взаимозаимствования и семантические сдвиги являются результатами разновременных языковых контактов в Юго-Восточной Европе.

Ключевые слова: балканские языки и диалекты, фитонимия, чай, душица обыкновенная *Origanum vulgare* L., ономаσιология, этимология, заимствования.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00244 «Балканский билингвизм в доминантных и равновесных контактных ситуациях в диагопии, диахронии и диастратии»).

**The names of a tea surrogate plant oregano
(*Origanum vulgare* L.) within the Balkan linguistic context***

M. V. Domosiletskaya

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
marinaling@mail.ru

Abstract. The paper analyses the Balkan folk plant names of oregano (*Origanum vulgare*) which is widely used as raw material for aromatic hot beverages. The analysis shows, however, that the “tea” concept is untypical for the Balkan names of oregano — unlike the *phytonyms of other Balkan* quasi-tea plants (e.g., ironwort *Sideritis*, sage *Salvia officinalis*, etc.). It only appears in Albanian (‘wild tea’, ‘mountain tea’, ‘tea-flower’) and in some Bulgarian dialects (‘tea’, ‘forest tea’, ‘Russian tea’, ‘mount Vitosha tea’. etc.). The healing properties of oregano is reflected in only Serbian and Croatian folk plant names (*боља душица, dušica bolja, žičnjak, сушица, бабина дубчица, dubčica babina*), as well as in Rumanian dialects (*forostău, furustău, ferăstău, flori de foale, spurcarniță*). Despite the strong Rumanian tradition of using oregano as a dye, this property of the plant is widely represented in only South-Slavic *phytonyms*: Bulg. *черновръхче, вранилова трева*, Serb. and Croat. *црноврх, црноврика, вранилова трава, vranilovka*.

Cases of structural isomorphism (“pattern replication”) were found in the *phytonymic code* for oregano naming. These plant names emphasize the balsamic aroma of oregano by comparing it with fragrant basil, thyme, mint, or resin: Rum. dial. *busuioc de pădure, busuiocul feciorului* — Bulg. dial. *овчарски босилек*; Rum. *iarba rășinii* — Grk. *λιβανόχορτο*; Rum. *flori de foale* — Grk. *στομαχοβότανο, σταματόχορτο*; Bulg. dial. *чубрица, кеклич* — Serb. dial. *чобер* — Turk. *keklik-otu* etc. No pattern replication was found in the *zoonymic code*: *phytonomastic* phrases with the names of birds and animals are rather unique: ‘frog’ (only in Rum. dialects), ‘raven/crow’ (only in Bulg. dialects), ‘deer’ (only in Serb. dialects), and ‘ant’ (only in Dalmatian Croat.).

Phytonyms borrowings and semantic influences result from long-standing linguistic contacts in South-Eastern Europe. One can notice here a great influence of Greek *όρίγανος* (and M.Gr. *ρίγανη*), *άμάρακον/άμάρακος* (and M.Gr. *μαντζουράνα, ματζουράνα*), *μυρίζω*,

* This work is supported by the Russian Science Foundation under grant № 19-18-00244.

Lat. *ment(h)a*. Although South Slavic loan-words were found neither in Albanian nor in Modern Greek, they are widely spread in Rumanian (*busuioc, sovîrf, poala sf. Mării* etc.). More recent German and Hungarian borrowings are specific to Serbian /Croatian and Rumanian in Transylvania.

Keywords: Balkan languages and dialects, phytonyms, tea, oregano (*Origanum vulgare* L.), onomasiology, etymology, loan-words.

1. Душица: описание, практика использования, культурная традиция

Род душица (*Origanum* L.) насчитывает 15–20 видов. Один из них — душица обыкновенная (*Origanum vulgare* L.) — многолетнее травянистое растение, которое выпускает из корневища красноватые пушистые стебли. Мелкие темно-красные цветки вырастают в пазухах пурпурных прицветников и образуют густую кисть. Растение обладает приятным пряным запахом, поскольку, как и все губоцветные, содержит большое количество эфирного масла [Тахтаджян 1981: 411].

Траву душицы срезают, связывают в пучки¹ и быстро сушат, а затем используют для заваривания душистых горячих напитков как суррогат чая и в качестве полезного для здоровья отвара, а также как заменитель хмеля в пивоварении. Пчеловоды многих стран используют душицу как аттрактант пчел и натирают ею ульи.

В Сербии, к примеру, душицей традиционно лечили прежде всего расстройства желудочно-кишечного тракта, а также применяли ее для устранения головной боли, бессонницы, для облегчения признаков простуды и бронхита [Ethnobotany 2014: 100]. На западе Северной Македонии душицей до сих пор лечат респираторные заболевания, а также используют ее для повышения аппетита [Ethnobotany 2014: 78]. В Черногории душица считается незаменимым средством при воспалении мочевыводящих и дыхательных путей, а также стимулятором пищеварения [Ethnobotany 2014: 218].

В горных районах Северной Албании целебный напиток из душицы — это, с точки зрения народной медицины, действенное

¹ См. фото [Ethnobotany 2014: 58, 192].

снадобье для улучшения пищеварения и хороший диуретик. Дают его также при больном горле, кашле и простуде, для оздоровления печени и желудка и вообще воспринимают как своего рода «панацею», не говоря уже о его социальной роли — напиток, сопровождающий отдых и беседу [Ethnobotany 2014: 187–188, 191–192].

В более северном дакороманском же ареале душицей пользовались прежде всего как красителем для получения золотисто-желтого цвета тканей. Интуитивно опираясь на принцип этимологической магии (псевдоэтимологической связи созвучных слов), цветки душицы собирали в основном на святого Фоку (23 июля) в надежде, что полученная из растений краска будет сиять, как огонь (рум. *foc(ul)* ‘огонь, пламя; костер’ < лат. *focus* ‘очаг, жаровня, костер’) [Marian 2010: 353]². Для создания других оттенков — красного, красно-коричневого, темно-серого — соединяли отвар душицы с отварами с иных растений [Butură 1979: 219–220]. Однако у румын не исключено было и медицинское ее применение, причем отличающееся по регионам: для избавления от сифилиса, от лихорадки, лишаев, головной боли, боли в груди и зубной боли, дурного запаха изо рта, от колотья в боку [Marian 2010: 352–356].

Сохранились предания об использовании травы в качестве древнейшего легкого опьяняющего средства: фракийцы бросали вечером в огонь верхушки душицы, дышали приятным ароматным дымом, якобы пьянея от этого, и засыпали [Ахтаров 1939: 224].

Для дальнейшего рассуждения важно подчеркнуть, что душица обыкновенная близкородственна *майорану* (*Origanum majorana* L.)³, издавна известной в регионе Средиземноморья пряности и лекарственному сырью. Листья майорана используют в пищу как специю и для придания аромата уксусу и чаю⁴. Душица же служит

² Интересен устоявшийся фольклорный образ (в Трансильвании, Банате), также опирающийся на сопряжение созвучных слов и играющий на нем. Если девушка не хотела выходить замуж за немилого, она пела дойну-обращение к матери, в которой угрожала, что повесится на верхушке душицы: “*la cel vârv de solovârv*”, “*de vârvu sovârvului*”, “*întru-un vârf de solovârf*” [Marian 2010: 354–355], где *vârf (vârv)* ‘верх, верхушка’ < слав. (ст.-слав. *врѣхъ*, болг. *врѣх*, серб. / хорв. *врх*, др.-рус. *врѣхъ* и др.)

³ Серый опушенный кустик с белыми цветками.

⁴ Известны и народные лечебные (воображаемые и реальные) свойства майорана — см. представление сербов об этом растении как о средстве для «облегчения дыхания» и для избавления от испуга [Чайканович 1985: 171].

в качестве вкусовой и ароматической добавки, равнозначной майорану, — в тех районах, где он не культивируется [Мацку, Крейча 1970: 310; Новак 1985: 420].

В народном сознании (там, где население знакомо с обоими растениями) ботаническая близость майорана и душицы отражается в использовании для называния обоих цветков самой родовой лексемы: нгр. *riçavη*, алб. *rigon*, арум. *(a)riyan* [Fjalor 2003: 204; Lloshi 2010: 526; Vrabie 2000: 500]⁵. При этом различие майорана и душицы основано на противопоставлении признаков:

а. ‘дикий’ (душица) / ‘не дикий, культивируемый’ (майоран). Во втором члене оппозиции дифференциальный признак со знаком минус не закреплен лексически, а представлен родовой лексемой. Первый член оппозиции представляет собой плеонастическое выражение, приобретшее терминологическую устойчивость. См. греч. *αγριορίγανη* букв. «дикий орегано» / *ρίγανη*; алб. *rigon i egër* букв. «дикий орегано» / *rigon* [Dictionary 1987: 168]. Ср. также рум. *măgeran sălbatic* букв. «майоран дикий», обозначающий душицу [Borza 1968: 121];

б. ‘красный’ (душица) / ‘не красный’ (майоран). Душица обладает пурпурными цветками, майоран — белыми, розовыми и красноватыми. См. алб. *rigoni i kuq* букв. “орегано красный” / *rigoni* [Lloshi 2010: 283]. Первый член оппозиции так же, как и в вышеописанном случае (а.), представляет собой плеоназм. Во втором члене оппозиции по сути неназванный признак не закреплен лексически, а передан своего рода гиперонимом. Кроме как в албанском подобное противопоставление встретить не удалось.

Особое место в материальной культуре Средиземноморья занимает **критская душица** (*Origanum dictamnus* L.) — полукустарник-эндемик, прославленный в качестве целебного растения в Средние века и считавшийся еще во времена Гиппократов сильным кровогонным средством [Анненков 1878: 234; Новак 1985: 420]. Согласно мифам, Зевс, сын Крона и Реи, рос на Крите, опекаемый нимфами Адрастеей и Ио, вскармливаемый медом и молоком божественной козы Амалфеи. Тот мед пчелы собирали с чудесного растения, покрывающего склоны горного хребта Дикти на востоке

⁵ Ср. также англ. лексику *marjoram*, которая служит в обиходе для обозначения обоих растений ‘*Origanum majorana* L.; *Origanum vulgare* L.’ (< старофранц. *majorane*).

острова. Им же питалась и сама Амалфея, кормящая Зевса молоком. Согласно новогреческим поверьям, не забытым до сих пор, животные используют критскую душицу *δίκταμνο* для исцеления своих ран. Критяне также применяют это растение в народной медицине, для залечивания ран и порезов [Сиднева 2008: 132].

См. греческие фитонимы для именованя критской душицы: *δίκταμνο*, *έρωντας*, *λιβανόχορτο*, *σταματόχορτο*, *στομαχοβότανο*.

Δίκταμνο (*δίκταμ(ν)ο*) < др.-греч. *δίκταμνον*, *δίκταμον*, что восходит к орониму *Δίκη* — названию горного массива на Крите [Chantraine 1968: 284].

Ερωντας < *έρωτας* ‘любовь, страсть, желание’. С точки зрения С. А. Сидневой, растение могло получить такое название в связи с тем, что произрастает оно в труднодоступных местах, на обрывистых склонах, и для его поиска требуется действительно сильное желание и настойчивость [Сиднева 2008: 132–133]. Пожалуй, с данным высказыванием можно и согласиться. Однако, скорее всего, в этом свернутом названии скрыта какая-то местная легенда.

Λιβανόχορτο букв. «ладанная трава» < *λιβάνι* ‘ладан; фимиам’, *λίβανος* ‘растение ладанник (*Cistus* L.)⁶; ладан’ + *χόρτο[v]* ‘трава; сено; зелень, овощи’. Растение обладает приятным пряным запахом.

Στομαχοβότανο букв. «желудочная лекарственная трава» < *στόμαχος* ‘желудок’ + *βότανο* ‘лекарственное растение, лекарственная трава; эликсир’. *Σταματόχορτο* букв. «трава для рта» < *στόμα* ‘рот’ + *χόρτο[v]* ‘трава; сено; зелень, овощи’. Как упоминалось выше, растение способствует улучшению пищеварения.

Высушенная трава критской душицы вывозилась в разные регионы Средиземноморья в качестве ценного лечебного сырья. В сербскохорватском она была известна под названием *јеленска трава* букв. «оленья трава» [Симоновић 1959: 329]. Никаких портретных признаков растения, которые бы проявились в данной номинации и были бы так или иначе связаны с оленем, по-видимому, не существует⁷.

⁶ Ладанник (*Cistus* L.) — средиземноморский род многолетних кустарниковых растений («скальная роза»). Их листья выделяют ароматическую смолу, из которой получают ладанное масло.

⁷ Критская душица никак не может быть в сербскохорватском входить в группу «оленьих» растений, таких как относящийся к папоротникам *jelenski jezik*, *jelenji jezik*, *jelinji jezik*, *jelenji zajik* ‘костенец (*Phyllitis* Hill)’ [Vajs 2003: 237] и *jelenji jezik* ‘чернокорень, песий язык *Cynoglossum*’ [Vajs 2003: 188].

2. Ономаσιологические наблюдения

Что касается видов душицы, произрастающих более широко, по всему региону Юго-Восточной Европы, а не только в островной Греции, то в основу их именовании положены следующие внешние признаки и внутренние свойства растения и связанные с ними аспекты его применения человеком.

2.1. Функциональное использование в качестве горячего *заваренного напитка (наподобие чая)*⁸.

2.1.01. 'чай': болг. диал. (южная Болгария — Чепеларе, Асеновград) *чай* [Ахтаров 1939: 224].

2.1.02. 'дикий чай': алб. *çaj i egër* [Fjalor 2003: 204; Lloshi 2010: 283]; серб. / хорв. диал. *дивљи чај* [Симоновић 1959: 329].

2.1.03. 'горный чай': алб. *çaj mali* [Fjalor 2003: 204; Dictionary 1987: 168], *çaj i malit* [Susuri 2006: 215] букв. «чай горы»; сюда же можно отнести и албанские фитонимы для душицы типа «чай горного пастбища»: алб. *çaj bjeshkë* [Fjalor 2003: 204], *çaji i bjeshkës* [Lloshi 2010: 283] < *bjeshkë* 'горное пастбище', что предположительно из балканороман. **pastica* < лат. *pāstus* 'кормление; корм; пастбище' [Orel 1998: 28]. См. здесь же наименование по названию конкретной горы — болг. *витошки чай* [ERPZ 2018] < *Витоша* — горный массив на западе центральной части Болгарии.

2.1.04. 'лесной чай': болг. *горски чай* [ERPZ 2018]⁹.

2.1.05. 'русский чай': болг. диал. (южная Болгария — Чепеларе, Асеновград) *руски чай* [Ахтаров 1939: 224]. Здесь сталкиваемся с типичным случаем «ксенономинации», где этнонимический компонент указывает не на типичное место произрастания растения, не на его «культурный адрес», а на восприятие его как «неправильного», «чужого» [Березович 2006: 5], в данном случае подчеркивается суррогатность этого «чайного» напитка.

Второе — это растения рода *Cynoglossum* с жесткими шершавыми листьями, напоминающими на ощупь язык животного. Скорее всего, здесь сталкиваемся с частичным калькированием в сербскохорватском либо ботанической латыни (*Cynoglossum* — 'собачий язык'), либо с итальянским (*lingua cervina, lingua di cane*) или немецким (*Hirschzungenfarn*) влиянием.

⁸ О прочих чайных суррогатах на Балканах и их именовании см. [Новик 2017].

⁹ О восприятии душицы болгарами как «лесного чая» см. [Ethnobotany 2014: 48].

2.1.06. ‘цветок чая’: алб. *lulë çaji* [Fjalor 2003: 204], *lulja e çajit* [Lloshi 2010: 283], *lule e çajit* [Susuri 2006: 215], где *lule (lulë)* ‘цветок’ — исконное слово затемненного происхождения.

2.2. Функциональное использование в качестве *лечебного средства*. См. прежде всего рум. диал. и устар. *forostău, furustău, ferăstău* и др. [Borza 1968: 121; Drăgulescu 2018: 119], что, с нашей точки зрения, скорее всего, связано с глаголами *a forostui, a forost(ro)i* (Трансильв.) ‘выпрямлять, разгибать; исправлять; вылечивать, излечивать’ < венг. *fórrasztani* ‘паять’ [Cioarănescu 2001: 339]. Об общем целительном воздействии растения на человека свидетельствуют и серб. / хорв. фитонимы *боља душица* [Симоновић 1959: 329] и *dušica bolja* [Šulek 1879: 79; Šugar 2008: 919] < *боља* ‘болезнь’.

Положительное влияние душицы на *определённый орган* — и прежде всего желудок — отражает рум. диал. (Сорşa Mică, жудец Сибиу) фитоним *flori de foale* букв. «цветы желудка, брюха» [Drăgulescu 2018: 119]. Вероятно, по свойству очистительного действия отвара душицы для желудочно-кишечного тракта растение могло получить румынское народное именование *spurcarniță* [Drăgulescu 2018: 119] < *a spurca* ‘пачкать, запоганить, изгадить’. Свойство душицы улучшать пищеварение положено также в основу нгр. *стомахо̀вота̀во* и *ста̀мато̀хорто* (см. выше).

Близок по номинационному признаку (больной орган) и хорв. диал. фитоним *žučnjak* ‘душица’ [Vajs 2003: 301¹⁰]. Ср. серб. / хорв. *žučnjak* ‘жёлчный пузырь’ (< *žut* ‘желтый’). По всей видимости, метонимический перенос, поскольку душица как отвар используется при заболеваниях желчного пузыря и застоях желчи, резко усиливая ее отделение. Предположительно, тот же механизм номинации (болезнь > название растения, способствующего ее излечению) положен в основу серб. диал. названия душица — *сушица* [Симоновић 1959: 329], где *сушица* ‘чахотка’, т. е. то, что *высушивает* человека. Однако не исключены и иные варианты использования понятия ‘сухой’ (*сушити*): *Origanum vulgare* L. помогает при обильном газообразовании, при женских заболеваниях с сильным кровотечением, климактерических осложнениях. Вообще, данному

¹⁰ По наблюдениям Нады Вайс, существование фитонима не подтверждено достоверными источниками [Vajs 2003: 302].

растению приписывается особое положительное влияние на женский организм, неудивительно поэтому встретить такие диалектные его именованя как серб. *бабина дубчица* [Симоновић 1959: 329] и хорв. (Далмация) *dubčica babina* [Šulek 1879: 77; Šugar 2008: 919]. Эти фитонимы-словосочетания, основанные на антропонимическом коде, возвращают нас к южнославянским названиям другого душистого «чайного» растения Балкан — тимьяна (род *Thymus* L.), а точнее тимьяна ползучего, или чабреца обыкновенного (*Thymus serpyllum* L.): болг. *бабина душица*, серб. / хорв. *бабина душа*, *babina duša*, *dušica bakina*, *babja duša*, *bablja dušica* и мн. др., где *baba* ‘знахарка, ведунья’, т. е. опытная женщина, в основном пожилого возраста, не только сведущая в народной медицине, но и помогающая женщинам при родах. О взаимном переосмыслении двух созвучных славянских корней *душ-* (*anima*) и *душ-* (*odog*) при формировании славянских фитонимов для тимьяна см. [Колосова 2009: 82–83; Novotný 1964: 35–36], обзор южнославянских этимологических рассказов о происхождении многочисленных наименований чабреца типа *мајкина душица* см. [Чайканович 1985: 170; Софрић 1990: 156–157].

2.3. Функциональное использование в качестве *красящего средства*. Болг. *черновръхче*, а также диал. *черновръхчи*, *черновръшка* [Ахтаров 1939: 224] и серб. / хорв. *црноврх*, *црновршка* [Симоновић 1959: 329] < болг. *черн-*, серб./хорв. *црн* ‘черный’ + болг. *връх*, *врѣх*, серб./хорв. *врх* ‘верх’.

Душица — прекрасный краситель. Цветущие пурпурные головки растения высушивают, затем растирают в порошок, добавляют его в воду и вываривают в ней шерсть, окрашивая таким образом в оранжево-красный цвет. Если добавить к цветочному порошку также высушенную измельченную траву, железный купорос или просто сильно увеличить время выдержки, то можно получить черную краску для тканей. Этим и можно объяснить подобный прозрачный, на первый взгляд, южнославянский фитоним, с компонентом ‘черный’. Однако возможно и несколько иное объяснение, а именно — восприятие южными славянами темных фиолетовых, розово-пурпурных верхушек-соцветий душицы как черных. См. ниже отнесение душицы, по-видимому, также на основании окраски соцветий — в «вороньим» растениям: болг. диал. *вранилова трева*, серб. / хорв. *вранилова трава*, *vranilovka*.

2.4. Душистость растения. Данный признак актуализируется либо через использование корня с общим значением ‘душистый, приятно пахнущий, благовонный’, либо через фитонимический код — эксплицитное сравнение (или смешение) с другими сходными по пряному запаху растениями.

2.4.00. ‘**душистый**’: серб. / хорв. диал. *миришљавац* ‘душица’ [Симоновић 1959: 329] < *mirišliv* ‘душистый’ < *mirisati* ‘пахнуть, благоухать’ < греч. *μυρίζω* ‘нюхать, обонять; пахнуть, благоухать’ < *μύρο[v]* ‘мирра; аромат, благоуханье’, *μύρρα* ‘ароматная смола, мирра’ [ERHJ 2016: 615–616];

2.4.01. сравнение с **базиликом**, а точнее — с базиликом душистым (б. благородным, б. обыкновенным) (*Ocimum basilicum* L.)¹¹, который имеет специфический несладкий приятный запах стеблей и листьев, является древнейшей ароматической добавкой Средиземноморья. См. болг. диал. *овчарски босилек* ‘душица’ букв. «пастуший базилик» [Ахтаров 1939: 224]. Ключевая лексема фитонимического словосочетания восходит к лат. *basilicus* ‘царский, княжеский, великолепный, пышный’, что, в свою очередь, из др.-греч. *βασιλικόν* ‘царственный’ от *βασιλεύς* ‘царь’ [Домосилецкая 2006: 116]. См. здесь же рум. названия душицы: *busuioc de pădure (pădurii)* букв. «базилик леса» (т. е. дикий базилик, не произрастающий в огороде), *busuiocul feciorului* букв. «базилик юноши» (т. е. не настоящий базилик, псевдобазилик) — оба фитонима в жудеце Алба в Трансильвании [Bozga 1968: 121], см. также южнотрансильванские наименования душицы — *busuioc(u) la ali tari* и *busuiocul feciorilor* [Drăgulescu 2018: 119]. Само *busuioc* в румынском южнославянского происхождения (ср. серб. *бóсиок, бóсиљак*, болг. *босілек*, диал. *босиљак*);

2.4.02. сравнение с **тимьяном ползучим**, или **чабрецом обыкновенным** (*Thymus serpyllum* L.)¹²: болг. диал. *чубрица* ‘душица’ [Ахтаров 1939: 224], ср. болг. *чубрица, чубрика* ‘чабрец?’, серб./хорв. диал. *чобер* ‘душица’ [Симоновић 1959: 329]¹³. См. аналогичный обратный метонимический перенос в болг. ‘душица’ (*риган*) > ‘тимьян’: диал. *овчарски риган, риганина*, а также *риганче* ‘билка овчарска’ (Еленско) [БЕР 2002: 248].

¹¹ См. [Домосилецкая 2006].

¹² См. [Домосилецкая 2018а]. Сравнение может основываться, кроме запаха, также на внешнем сходстве окраски соцветий.

¹³ О происхождении лексемы см. [Домосилецкая 2018а: 438–440].

Как известно, в славянских языках Балканского региона корень **čebřь* представлен преимущественно в сербскохорватском континууме и служит для обозначения схожих растений рода чабер (*Satureja*)¹⁴: *čubar*, *планински чубар*. В болг. и макед. *чабер* в национальном узусе обозначается уже суффигированными формами: болг. *чубрица*, макед. *чубрика*, *чубрица*, а также диал. *čumbrica* (западно-макед. костурские говоры) [Budziszewska 1991: 57]. Данный фитоним применяется и к «чайному» растению тимьян ползучий, но только в диалектном диапазоне: болг. диал. *чобрица*, *чубрика*, *чюбрица*, *дива чубрица* (букв. «дикая чубрица»), *овчарска чубрица*, *чобанска чубрица* (букв. «пастушья чубрица») — все ‘тимьян ползучий (*Thymus serpyllum* L.)’ [Ахтаров 1939: 293–294; Стоянов 1974: 186].

Также см. болг. диал. *кеклич* ‘душица (*Origanum vulgare* L.)’ [Ахтаров 1939: 224; БЕР 1979: 319], что явно связано с болг. диал. *кеклик* (север и северо-восток) ‘тимьян’, а также *кеклик-оту* (южная Хасковская обл.) ‘чабер *Satureja*; тимьян *Thymus*’ [Стоянов 1974: 186, 190] < тур. *kekik* ‘тимьян обыкновенный, богородская трава’ [Юсипова 2005: 331], *kekik otu*, *keklik otu* ‘тимьян обыкновенный, богородская трава; душица обыкновенная’¹⁵ букв. «трава горной куропатки» [ЭСТЯ 1997: 63]¹⁶.

Таким образом, здесь результат либо локального смешения и неразличения двух «чайных» растений, либо (в случае непроизрастания тимьяна ползучего в конкретной местности) использование лексем *чубрица* и *кеклич* для называния сходного (запах, окраска соцветий, внешний облик, использование) растения;

¹⁴ Однолетнее растение — кустарничек или полукустарничек с невзрачными мелкими белыми или розоватыми цветками. Служит пряной приправой, но не относится к «чайным» растениям.

¹⁵ И чабрец обыкновенный и душица обыкновенная являются в повседневном балканском узусе «чайными» растениями. Смешение в повседневном сознании этих растений, по всей видимости, и повлияло на возникновение полисемии тур. *kekik otu*, *keklik otu*. Аналогичная полисемия обнаруживается и в тур. фитониме *ada çayı* ‘железница (*Sideritis*) (род); шалфей лекарственный (*Salvia officinalis* L.)’, обозначающем параллельные утилитарно равноправные денотаты — опять же «чайные» растения, см. [Домосилецкая 2018b; Домосилецкая 2019]. Ср. также болг. диал. *риганика*, *риганина* ‘тимьян (*Thymus*)’, тимьян ползучий (*Thymus serpyllum* L.)’ и литер. *риган*, *риганова трева* ‘душица (*Origanum vulgare* L.)’ — оба растения в Болгарии используются для заварки чая.

¹⁶ О параллели в мотивационной связи «чабрец < куропатка» см. [Домосилецкая 2018a: 420–421].

2.4.03. сравнение с *мятой* (*Mentha*): серб. / хорв. диал. *metvica*, *метвица* ‘душица’ — уменьшит. формы, ср. *метва*, *метвица* ‘мята’, что является осколком балканской латыни < лат. *menta*, *mentha* ‘мята’ [Skok 1972: 415].

2.4.04. смолистый бальзамический запах (сравнение с запахом *смолы*): рум. (устар., возможно, книжн.) *iarba rășinii* букв. «трава смолы» [Drăgulescu 2018: 119] — прямая отсылка к греч. *μυρίτζω*, *μύρο[v]*, *μύρα* (см. выше 2.4.00.) и по внутренней форме параллельно нгр. *λιβανόχορτο* букв. «ладанная трава» < *λίβανι* ‘ладан; фимиам’ (см. выше 1.).

Как это часто происходит, при именовании растений по признаку душистости, фитонимы базируются преимущественно на растительном коде.

2.5. Особую группу образуют названия растений того же фитонимического кода, использующие в своей основе аморфные *«понятия-губки»*. Эти понятия не несут в себе предметности, а представляют собой скорее оценочный эпитет. Понятие-«губка» — это корневое понятие, главной особенностью которого является то, что оно объединяет как денотаты весьма далекие ботанические виды, близкие, с точки зрения носителя идиома, в каком-то одном отношении, зачастую нам не очевидном [Голев 1975: 49]. В данном случае речь идет о румынском диалектном обозначении душицы как *trifoiște* [Borza 1968: 121], где имеем дело с суффиксальным образованием от *trifoi* ‘растения рода клевер (*Trifolium*); вахта трехлистная, трилистник водяной (*Menyanthes trifoliata* L.); различные виды люцерны (*Medicago*)’ < лат. *trifolium* [Ciorănescu 2001: 804]. Каким образом связывались в народном сознании внешне несходные растения семейства бобовых — трехлистные клевера и люцерны, а также водного растения вахта — с душицей, не совсем ясно.

2.6. Отдельную группу среди народных балканских фитонимов для душицы составляют именованья с *не совсем ясной или окказиональной мотивировкой*. Бросается в глаза тот факт, что практически все они основываются на зоонимическом коде и базируются на таких понятиях, как лягушка, муравей, ворон, олень.

2.6.01. ‘*лягушка*’: рум. диал. *broască* ‘душица *Origanum vulgare*’ [Borza 1968: 121] < *broască* ‘лягушка; врезной дверной замок; фуганок; подкожная опухоль’ < лат. **broasca* [Раевский, Габинский 1978:

59¹⁷]. Включающие данную лексему румынские фитонимы, во-первых, относятся к водным растениям (совпадение локуса обитания лягушки и этих растений: *broasca-apei* ‘лютик водный (*Ranunculus aquatilis* L.)’ букв. «лягушка воды», *mătasea-broaștei* букв. «шелк лягушки» и *iarba-broaștelor* букв. «трава лягушек» — оба растения рода ‘водокрас, лягушечник (*Hydrocharis*)’ и др.). Во-вторых, обозначают опунцию индийскую (инжирную) (*Opuntia ficus-indica* L. Mill.) — *broască* (уподобление по форме лягушки и грушевидных сочных плодов этого кактусового растения, искусственно культивируемого в Юго-Восточной Европе). С точки зрения «носителя» румынской, да еще локальной, речи образ лягушки никак не совпадает с образом душицы. Можно предположить — с большой долей натяжки, — что здесь может присутствовать метонимический перенос: ‘лягушка’ > ‘подкожная опухоль’ > ‘душица’, т. е. растение, отваром которого могли лечить подобные опухоли. См. аналогично серб. / хорв. *žučnjak* ‘жёлчный пузырь’ > диал. фитоним *žučnjak* ‘душица’ (см. выше 2.2.);

2.6.02. ‘**муравей**’: серб./хорв. *mravinaц* [Симоновић 1959: 329] — все разновидности душицы; а диал. (преимущественно Далмация) *mravič*, *mravinac*, *mravinjac*, *mravinjak* [Šulek 1879: 248; Симоновић 1959: 329; Šugar 2008: 919] — только ‘душица обыкновенная’ < **morvinьсь* < **morvinь* ‘муравьиный’ < общеслав. **morвь* (ср. лат. *formica* ‘муравей’), ср. серб./хорв. *mrav* ‘муравей’ [ERHJ 2016: 636]. Очень предположительно, наименование связано с тем, что растение служило пчеловодам для отпугивания муравьев — с этой целью душицей натирали ульи;

2.6.03. ‘**ворон / ворона**’: болг. диал. *вранилова трева* ‘душица (*Origanum vulgare* L.)»; майоран (*Origanum majorana* L.)’ [Ахтаров 1939: 223–224] < *врана* ‘ворона’ [БЕР 1971: 181] или *вран* ‘ворон’. Название, возможно, связано с темной окраской верхушек лиловых, пурпурных соцветий¹⁸; серб./хорв. *vranilova trava*, *vranilovka* [Šulek

¹⁷ Ср. в том же значении ‘лягушка’: арум. *broască*, итал. абруцк. *brosco*, алб. *breshkë* [Раевский, Габинский 1978: 59]; а также итал. *rospo* ‘жаба’.

¹⁸ См. также другие болг. «вороньи» растения. Это: 1) именованья по черному цвету — *врани очи*, *вранево око* ‘вороний глаз четырехлиственный (*Paris quadrifolia* L.)’ (плод — блестящая черная шаровидная ягода), *вранец* ‘воронец колосовидный (*Actaea spicata* L.)’ (имеет ягодообразный продолговатый сочный плод черного цвета); 2) по изогнутым в виде когтей плодам — диал. (Варненско) *врани нокте* ‘астрagal сладколистный (*Astragalus glycyphyllos* L.)’ (плоды — серповидно изогнутые торчащие вверх, длиной 3–4 см); 3) пейоративные

1879: 443; Симоновић 1959: 329; Šugar 2008: 919; Vajs 2003 301]¹⁹. Можно высказать несколько шаткое предположение о том, что к «вороньим» растениям душицу народное сознание отнесло на основе цветовой метафоры: черный цвет оперения вороны / ворона > темные верхушки соцветий растения *Origanum vulgare* L.. Справедливости ради надо сказать, что эти соцветия, хоть и бывают довольно темными, лиловыми, но весьма далеки от глубокой черной окраски. См. выше болг. *черновръхче* и под. и серб. / хорв. *црноврх*, *црновршка*; 2.6.04. ‘олень’: серб. диал. *јеленска трава* ‘душица критская (*Origanum dictamnus* L.)’ букв. “оленья трава” [Симоновић 1959: 329].

Очевидно, что параллелей среди метафорических зоонимических именовании в народной фитонимии региона Юго-Восточной Европы не обнаруживается.

Выводы (1)

Итак, получается, что лечебные свойства растения душица обыкновенная замечены и закреплены только в народных фитонимах сербскохорватских диалектов, а ее красящие «способности» шире — в южнославянских языках, причем в болгарском несколько интенсивнее, что отразилось даже в общенародном узусе (*черновръхче*). Восприятие балканским народным сознанием этого растения прежде всего как сырья для чайного напитка характерно преимущественно для албанского языка (‘дикий, горный чай’), а также для болгарских говоров (‘лесной, русский и под. чай’). Фитонимический код касается в данном микрополе локальных в Юго-Восточной Европе румынских, болгарских, и сербскохорватских говоров (подразумеваемое

именования, эксплицитно выражающие уподобление полезному растению — *враньо просо*, *вранево просо* ‘воробейник полевой (*Buglossoides arvensis* L.)’ (засоряет посевы злаков, виноградники). — диал. (Ловешко) *врански лук* ‘птицемлечник *Ornithogalum collinum* Guss.’; лук причесночный (*Allium scorodoprasmum* L.) (оба имеют луковцу или утолщенную нижнюю часть ствола, переходящую в луковцу). Весь материал по: [БЕР 1971: 181].

¹⁹ См. также иные серб./хорв. «вороньи» растения. Это, как и в болг., (см. выше): 1) именовании по черному цвету — *vranjak trava*, *vranak*, *vranjak* ‘род клещевина (*Ricinus*)’ [Vajs 2003: 209] (стебли у растения красного, фиолетового или почти черного цвета с сизым налетом.), *vranji luk* ‘лук-порей (*Allium porrum* L.)’ [Vajs 2003: 296] (утолщенные основания листьев, образующие толстый ложный стебель).

сопоставление с пахучими базиликом, тимьяном и мятой). Еще более узко представлен здесь зоонимический код — спорадические, иногда труднообъяснимые метафорические фитонимы от: ‘лягушка’ (рум. диал), ‘муравей’ (хорв. далмат.), ‘воронья трава’ (болг. диал.), ‘оленья трава’ (серб. диал.).

3. Этимологические наблюдения

Здесь представляется возможным рассмотреть все обнаруженные в данном фитонимическом микрополе заимствования.

3.1. Грецизмы и латинизмы

3.1.1. Др.-греч. *ὀρίγανος* ‘душица, орегано’ (< *ὄρος* ‘гора, возвышенность’ и *ῥῆνος* ‘блеск, слава, краса; сок, живительная влага’, что вполне оправданно как местом произрастания цветка, так и особо почтительным к нему отношением еще в древности.) Отсюда и лат. название *origanum* и современное нгр. *ρίγανη*. Латинское продолжение в рум. и арум. несомненно: рум. *origan, oregan, oregano* (жудец Вылча, Валахия), *arigan, rigan, rigă* [Borza 1968: 121; Drăgulescu 2018: 119], арум. *ariyan, riyani(u)* [Vrabie 2000: 500] (и майоран и душица!), *arigan, rigan* [Cunia 2010: 119]. Алб. *rigon, rigon i egër* букв. «орегано дикий» [Fjalor 2003: 204; Dictionary 1987: 168; Lloshi 2010: 526; Susuri 2006: 215] *rigoni i kuq* букв. «орегано красный» [Lloshi 2010: 283]. В албанском может быть как латинского, так и греческого происхождения. Болг.: диал. *риган, ориган* (Трън, София, Ихтиманско), *риганова трева, риген*²⁰ (Ст.-Загора, Ловешко, Бобошево) [Ахтаров: 223–224; БЕР 2002: 248], *ригань* ‘горная трава, которую используют для окрашивания в черный цвет и в качестве лекарственного чайного напитка’ (Странджа), *риганина* (Еленско) < нгр. *ρίγανη* ‘душица’ [БЕР 2002: 248]. Серб./хорв. (исключительно как душица, вне связи с обозначением майорана): диал. *вриган, оригань, риган, рохоган* [Симоновић 1959: 329], *origanj* (южная Далмация), *rigan, rohogan* (оба — Далмация), *urigan* (лечебник 18 в.) [Šulek 1879: 268, 332, 336, 448; Šugar 2008: 919] — все представляют собой латинизмы [Skok 1972: 565].

²⁰ См. также болг. фитонимы того же происхождения, служащие для обозначения тимьяна (*Thymus*): диал. *овчарски риган, риганина*, а также *риганче* ‘билка овчарска’ (Еленско) [БЕР 2002: 248].

Интересно, что в турецком, также перенявшем данный фитоним из греческого (*ρίγανη*), произошел семантический перенос на другое ароматическое растение — базилик душистый (б. благородный, б. обыкновенный) (*Ocimum basilicum* L.): *reyhan* [БТПС 1977: 735], *ireyhan*, *rihan*, *irihan*, *erihan* (Тюркизмы).

3.1.2. Др.-греч. *ἀμάρακον*, *ἀμάρακος* ‘майоран’, возможно, заимствовано из восточных языков, см. в подтверждение санскрит. *maruva* ‘душица’ [Chantraine 1968: 70]. Непосредственным продолжением др.-греч. *ἀμάρακον* можно считать нгр. *ἀρμάρακον* ‘майоран’ [Иоаннидис 1966: 297]. От этого др.-греч. этимона произошли и лат. *amāracus* m, *amāracum* n ‘майоран’ > **mioracus* [Ανδριώτης 1967: 199] и средневек. лат. *maiorana* [Фасмер 1986: 560]; ср. отсюда франц. *marjolaine*, испан. *mejorana*, нем. *Majoran*, *Meieran*²¹. Лат. *maiorana* > итал. *maggiorana* и венец. *mazorana* > возможно, отсюда и нгр. *ματζουράνα*, *ματζουράνα* ‘майоран’ [Иоаннидис 1966: 297; Ανδριώτης 1967: 199]. В рум. *măgeran sălbatic* букв. «майоран дикий», *măgheran*, *măghiran (sălbatic)* [Borza 1968: 121; Drăgulescu 2018: 119] происходят или из нгр. *ματζουράνα*, или из западнорусского (рутенского) языка Молдавского княжества — в форме *mageran* [Ciorănescu 2001: 483]. Нгр. *ματζουράνα*, *ματζουράνα* было заимствовано во многие языки Балкан — в том же значении ‘душица’: алб. *manxuranë*, *nazaranë*, *nazardinë*, *zaranë* [Fjalor 2003: 204; Lloshi 2010: 283; Susuri 2006: 215]; арум. *mangiurami*, *mandzurană* [Cunia 2010: 119]; серб. / хорв. *мажуран*, *mažuran*, *mažurana* [Šugar 2008: 919; Симоновић 1959: 329] — как обозначения всего рода *Origanum* и *divlja mažurana* букв. «дикая *mažurana*» [Šugar 2008: 919] — как обозначение душицы.

3.1.3. Как «отдаленный» грецизм, т. е. основанный на собственном южнославянском словообразовании и использующий в далекой основе своей заимствованный греческий глагол, можно воспринимать серб. / хорв. диал. *миришљавац* ‘душица’ [Симоновић 1959: 329] *mirišliv* ‘душистый’ < *mirisati* ‘пахнуть, благоухать’ < греч. *μυρίζω* ‘нюхать, обонять; пахнуть, благоухать’ (см. выше 2.4.00).

3.1.4. К латинскому фонду можно отнести серб. / хорв. *metvica* [Симоновић 1959: 329; Šugar 2008: 919] — как название рода; диал. *metvica* (Словения, центральная Хорватия, Далмация, Босния

²¹ Алб. *majoran* ‘майоран’ [Lloshi 2010: 283], серб. *majoran* [Симоновић 1959: 329] и болг. *маеран* [Ахтаров 1939: 224] — поздние европейские «культурные» заимствования.

и Герцеговина), *горка мета* букв. «горькая мята», *црљена мета*, *crļjena metvica* букв. «красная мята», *metvica pitoma* букв. «мята домашняя» в памятниках XV–XIX вв. — все как название душицы обыкновенной (*Origanum vulgare* L.) [Šulek 1879: 235; Симоновић 1959: 329; Šugar 2008: 919]. Что касается эпитета *crļjena* ‘красная’ (< *crļjen* < **сърѣjen* ‘красного, как червь, цвета’ < слав. **сървь* ‘червь’) [ERNJ 2016: 113, 115], то такого рода двусоставный фитоним мог возникнуть с целью маркирования травы, похожей по запаху и использованию на мяту, но которая обладает, в отличие от мяты, пурпурно окрашенными соцветиями, красноватыми стеблями и используется для окраски в цвета теплой гаммы: красноватые, красные, коричнево-красные и желтовато-золотистые. Восходит к лат. *ment(h)a* ‘мята’ > (герм.) > слав. **meṭa* (рус. *мята*, польск. *mięta* и др.) > **męty* (Gen. **mętyve*), важно заметить, что суффикс *-y/*-ьv- частотен при названии серб./хорв. растений (ср. *mrkva* ‘морковь’, *bukva* ‘бук’) [ERNJ 2016: 609].

3.2. Славизмы

Рум. *sovârv*, *sovârf*, а также диал. *savavârf*, *solovârv* (Буковина), *salovâr*, *salovârv* (Молдова), *solovârf* (Банат) и другие многочисленные формы типа *soloverv*, *solovor*, *solovîr*, *sovavîrf*, *sovîrc*, *sovîrf roşu* букв. “*sovîrf* красный”, *sovavîrv*, *sovovîrv*, *solovîrc*, *solovîrv* (преимущественно в Трансильвании), *şovîrv*, *şovîrc*, *sufulf*, *vîrf* и под. [Borza 1968: 121; Dictionary 1987: 168; Marian 2010: 2010; Drăgulescu 2018: 119] — все в значении ‘душица (*Origanum vulgare* L.)’. Все они восходят к южнослав.: болг. *суховръх*, серб./хорв. *суховрх* [Раевский, Габинский 1978: 390; Ciorănescu 2001: 733], ср. болг. *суховръх* ‘с сухим верхом’, диал. *дръво суховръхо* [БЕР 2010: 618]. В основе заимствованного фитонима лежит, скорее всего, понятие о *засушенных* целиком цветках душицы, хранящихся в пучках.

Рум. диал. *poala sf. Mării* (Lunca Ilvei, жудец Бистрица-Нэсэуд в Трансильвании), букв. «подол святой Марии» [Borza 1968: 121], *poala Maicii Domnului* (Цара Фэгэрашулуй, Трансильвания) «подол Богоматери» [Drăgulescu 2018: 119] < слав. *pola* ‘mijloc, margine, sîn’ [Ciorănescu 2001: 613].

3.3. Германизмы

Под германизмами здесь понимается позднее немецкое влияние, проникшее, вероятно, через книжную культуру. Сюда может быть

отнесен румынский диал. (Валахия) фитоним *dost* ‘душица’ [Borza 1968: 121; Marian 2010: 352] < нем. *Dost* ‘то же’, а также серб./хорв. кальки с нем.: диал. *dobra misel* (г. Самобор в Загребской жупании), *dobra misu*, *dobrovoljka* [Šulek 1879: 70; Симоновић 1959: 329; Šugar 2008: 919] < **dobrъ* (*dobar* и под.) + **volja* [ERHJ 2016: 177–178] < нем. *Wilder Wohlgemüth* ‘душица, орегано’, букв. «дикая добрая душа» [Vajs 2003: 301]. Оба данных случая — явное заимствование и скрытое (структурное) заимствование — опять возвращают нас к понятийному ядру (*душа*), объединяющему два растительных денотата — душицу и тимьян, два «чайных» лечебных растения (см. выше 2.2.).

3.4. Унгаризмы

Рум. диал. *forostău*, *furustău*, *ferăstău*, *ferestău* ‘душица’ [Borza 1968: 121; Drăgulescu 2018: 119] < *a forostui*, *a forost(ro)i* (Трансильв.) ‘выпрямлять, разгибать; исправлять; вылечивать, излечивать’ < венг. *forrasztani* ‘паять’ (см. выше 2.2.).

Выводы (2)

Обобщая сказанное в области этимологии, можно констатировать, что обнаруженные взаимозаимствования и семантические сдвиги в полной мере являются результатами одновременных языковых контактов в Юго-Восточной Европе — от Средиземноморья до Карпат. Самый древний пласт, естественно, греко-латинские «вливания»: *ὀρίγανος* (а позднее и нгр. *ρίγανη*), *ἀμάρακον* / *ἀμάρακος* (нгр. *μαντζουράνα*, *ματζουράνα*), *μυρίζω*, *ment(h)a*. Южнославянское влияние в именовании данного растения не коснулось ни новогреческого, ни албанского — оно распространилось, причем весьма интенсивно, на дакорумынскую территорию (*busuioc*, *sovîrf*, *poala sf. Mării* etc.). Не обошло данную номинацию и немецкое и венгерское влияние (рум. *dost*, *forostău*, серб./хорв. *dobra misel*).

Список условных сокращений

алб. — албанский, арум. — арумынский, болг. — болгарский, венг. — венгерский, венец. — венецианский, греч. — греческое (грецизм), диал. — диалектное, др.-греч. — древнегреческий, др.-рус. — древнерусский, испан. — испанский, итал. — итальянский, итал. абруцк. — абруцкий

диалект итальянского, книжн. — книжное, лат. — латинский, литер. — литературное, макед. — македонский, нгр. — новогреческий, нем. — немецкий, польск. — польский, рум. — румынский, рус. — русский, серб. — сербский, слав. — славянское (славизм), ст.-слав. — старославянский, тур. — турецкий, устар. — устаревшее, франц. — французский, хорв. — хорватский.

Литература

- Анненков 1878 — Н. И. Анненков. Ботанический словарь. СПб.: Императорская Академия наук, 1878.
- Березович 2006 — Е. Д. Березович. О явлении лексической ксенономинации // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 3–20.
- Голев 1975 — Н. Д. Голев. Ономазиологический аспект междиалектных различий в лексике природы (на материале названий птиц) // Вопросы сибирской диалектологии. Вып. 1. Омск, 1975. С. 48–58.
- Домосилецкая 2006 — М. В. Домосилецкая. Названия базилика в албанском и других балканских языках // А. Ю. Русаков (ред.). Проблемы балканской филологии. СПб.: Наука, 2006. С. 115–123.
- Домосилецкая 2018a — М. В. Домосилецкая. Названия «чайного» растения тимьян (*Thymus*) в балканском лингвистическом контексте // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2018. № 22. С. 415–451.
- Домосилецкая 2018b — М. В. Домосилецкая. Названия «чайного» растения шалфей (*Salvia*) в балканском лингвистическом контексте // Славяноведение. 2018. № 6. С. 74–86.
- Домосилецкая 2019 — М. В. Домосилецкая. Заметки по балканскому гербарию: «чайное» растение железница (*Sideritis*) // Сб. материалов XLVII Международной филологической конференции. Санкт-Петербургский гос. ун-т. 2018. СПб., 2019 (в печати).
- ЕРПЗ 2018 — Един различен портал за здраве 2018. URL: <http://zdrave-bg.eu> (дата обращения 22.06.2018)
- Колосова 2009 — В. Б. Колосова. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009.
- Мацку, Крейча 1970 — Я. Мацку, И. Крейча. Атлас лекарственных растений. Братислава: Изд-во Словацкой академии наук, 1970.
- Новак 1985 — Ф. А. Новак. Иллюстрированная энциклопедия растений. Прага: Артия, 1985.
- Новик 2017 — А. А. Новик. «Горный чай», шалфей, чай, ромашка и кофе в традиции, народной медицине и этикете албанцев и греков Химары и Дропула // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2017. Т. XIII. Ч. 2. С. 116–131.

- Раевский, Габинский 1978 — Скурт дикционар етимоложик ал лимбий молдовенешть. / Н. Раевский, М. Габинский (ред.). Кишинэу: Редакция принципалэ а енциклопедией советиче молдовенешть, 1978.
- Сиднева 2008 — С. А. Сиднева. Растительный код в новогреческом фольклоре. Дисс. ... канд. филол. наук, МГУ. М., 2008.
- Софрић 1990 — П. Софрић. Главније биле у народном веровању и певању код нас Срба. Београд: БИГЗ, 1990.
- Тахтаджян 1981 — А. Л. Тахтаджян (ред.). Жизнь растений. Т. 5. Ч. 2: Цветковые растения. М.: Просвещение, 1981.
- Фасмер 1986 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачев. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986.
- Чайканович 1985 — В. Чайканович. Речник српских народних веровања о билиама. Београд: Српска књижевна задруга, 1985.
- ЭСТЯ 1997 — Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин (ред.). Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» и «Қ». М.: Языки русской культуры, 1997.
- Ανδριώτης 1967 — Ν. Π. Ανδριώτης. Ετυμολογικό λεξικό της κοινής νεοελληνικής. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης. Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών, 1967.
- Chantraine 1968 — P. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. I. Paris: Klincksieck, 1968.
- Ciorănescu 2001 — A. Ciorănescu. Dicționarul etimologic al limbii române. București: Editura Saeculum, 2001.
- ERHJ 2016 — Etimološki rječnik hrvatskoga jezika. A-Nj. R. Matasović (uredn.). Etimološki rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2016.
- Ethnobotany 2014 — A. Pieroni, C. L. Quave (eds.). Ethnobotany and biocultural diversities in the Balkans. New York; Heidelberg; Dordrecht; London: Springer, 2014.
- Novotný 1964 — F. Novotný. Mateřídouška — Matris Animula. Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university. Roč. 1964, čís. A12. S. 35–36.
- Orel 1998 — V. Orel. Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1998.

Источники

- Ахтаров 1939 — Б. Ахтаров. Материал за български ботаничен речник. Събрани от Б. Давидов и А. Явашев. Допълнени и редактирани от Б. Ахтаров. София: Издателство БАН, 1939.
- БЕР 1971 — В. Георгиев (ред.). Български етимологичен речник. I. София: Издателство на Българска академия на науките, 1971.
- БЕР 1979 — В. Георгиев (ред.). Български етимологичен речник. II. София: Издателство на Българска академия на науките, 1979.

- БЕР 2002 — М. Рачева, Т. Тодоров (ред.). Български етимологичен речник. VI. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2002.
- БЕР 2010 — Т. А. Тодоров (ред.). Български етимологичен речник. VII. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2010.
- БТРС 1977 — А. Н. Баскаков, Н. П. Голубева, А. А. Кямилаева и др. Турецко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977.
- Иоаннидис 1966 — А. А. Иоаннидис. Русско-новогреческий словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966.
- Симоновић 1959 — Д. Симоновић. Ботанички речник. Имена бильака. Београд: Издавачка установа српске Академије наука, 1959.
- Стоянов 1974 — Н. С. Стоянов. Принос към народните имена на българските лекарствени растения // Българска диалектология. Проучвания и материали. VII. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1974. С. 177–196.
- Тюркизмы — А. Х. Гирфанова, Ю. А. Лопашов, С. Петрович, Н. Л. Сухачев. Тюркизмы в языках Юго-Восточной Европы. (Опыт сводного описания историко-лексикологических и этимологических данных). СПб.: ИЛИ РАН (в печати).
- Юсипова 2005 — Р. Р. Юсипова. Т. Е. Рыбальченко (ред.). Турецко-русский словарь. М.: Русский Язык Медиа, 2005.
- Borza 1968 — A. Borza. Dicționar etnobotanic. București: Editura Academiei, 1968.
- Budziszewska 1991 — W. Budziszewska. Zapóżycczenia słowiańskie w dialektach nowogreckich. Warszawa: Polska Akademia Nauk. Instytut Słowno-anoznawstwa, 1991.
- Butură 1979 — V. Butură. Enciclopedie de etnobotanică românească. București: Editură științifică și enciclopedică, 1979.
- Cunia 2010 — T. Cunia. Dicsiunar a limbâljei armânească: Cartea Aromână, 2010.
- Dictionary 1987 — G. Williams, K. Hunyadi. Dictionary of weeds of Eastern Europe: Their Common Names and Importance in Latin, Albanian, Bulgarian, Czech, German, English, Greek, Hungarian, Polish, Romanian, Russian, Serbo-Croat and Slovak. Amsterdam; New York: Elsevier, 1987.
- Drăgulescu 2018 — C. Drăgulescu. Dicționar de fitonime românești. Ed. a 5-a completată. Sibiu: Editura Universității “Lucian Blaga”, 2018.
- Fjalor 2003 — F. Krasniqi, B. Ruci, J. Vangjeli, L. Susuri, A. Mullaj, Q. Pajazitaj. Fjalor i emrave të bimëve. Dictionary of plant names. Tiranë: Akademia e shkencave e Republikës së Shqipërisë. Instituti i Kërkimeve Biologjike; Prishtinë: Akademia e shkencave dhe e arteve e Kosovës. Seksioni i Shkencave të Natyrës, 2003.
- Lloshi 2010 — Xh. Lloshi. Fjalor i emrave të bimëve dhe të kafshëve shqip-latinisht dhe latinisht-shqip. H. Abazi (red.). Tiranë: Logos-A, 2010.

- Marian 2010 — S. F. Marian. *Botanica poporană română*. Vol. 3 (P-Z). Suceava: Editura Academiei Române, 2010.
- Skok 1972 — P. Skok. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. II. Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti, 1972.
- Šugar 2008 — I. Šugar. *Hrvatski biljni imenoslov*. Zagreb: Matica Hrvatska, 2008.
- Šulek 1879 — B. Šulek. *Jugoslavenski imenik bilja*. Zagreb: Tiskom Dioničke tiskare, 1879.
- Susuri 2006 — L. R. Susuri. *Fjalor i bimëve bujqësore, pyjore dhe barojave*. Latinisht, shqip, anglisht, gjermanisht, frëngjisht dhe italisht. Prishtinë: Akademia e Shkencave dhe e Arteve e Kosovës, 2006.
- Vajs 2003 — N. Vajs. *Hrvatska povijesna fitonimija*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2003.
- Vrabie 2000 — E. Vrabie. *An English-Aromanian (Macedo-Romanian) Dictionary*. University, Mississippi; Stratford, CT: Romance monographs, 2000.

References

- Andriotis 1967 — N. P. Andriotis. *Etimologiko leksiko tis koynis neollinikis* [Etymological dictionary of Modern Greek]. Thessaloniki: Aristotle University of Thessaloniki, 1967.
- Annenkov 1878 — N. I. Annenkov. *Botanicheskiy slovar* [Botanical dictionary]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1878.
- Berezovich 2006 — E. D. Berezovich. *O yavlenii leksicheskoy ksenonominatsii* [About the phenomenon of xenomination]. *Voprosy yazykoznanija*. 2006. No. 6. P. 3–20.
- Chantraine 1968 — P. Chantraine. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Histoire des mots. T. I. Paris: Klincksieck, 1968.
- Chaykanovich 1985 — V. Chaykanovich. *Rechnik srpskikh narodnih verov'na o bil'ama* [Dictionary of Serbian folk beliefs about plants]. Beograd: Serbian Book Partnership, 1985.
- Ciorănescu 2001 — A. Ciorănescu. *Dicționarul etimologic al limbii române*. București: Editura Saeculum, 2001.
- Domosiletskaya 2006 — M. V. Domosiletskaya. *Nazvaniya bazilika v albanskom i drugikh balkanskikh yazykakh* [The names of basil in Albanian and other Balkan languages]. A. Yu. Rusakov (ed.). *Problemy balkanskoj filologii*. [The problems of Balkan filology]. St. Petersburg: Nauka, 2006. P. 115–123.
- Domosiletskaya 2018a — M. V. Domosiletskaya. *Nazvaniya chaynogo rasteniya timyan (Thymus) v balkanskom lingvisticheskom kontekste* [The names of quasi-tea plant thyme (Thymus) within the Balkan linguistic context]. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. 2018. No. 22. P. 415–451.

- Domosiletskaya 2018b — M. V. Domosiletskaya. Nazvaniya chaynogo rasteniya shalfey (Salvia) v balkanskom lingvisticheskom kontekste [The names of quasi-tea plant sage (Salvia) within the Balkan linguistic context]. *Slavanovedenie*. 2018. No. 6. P. 74–86.
- Domosiletskaya 2019 — M. V. Domosiletskaya. Zametki po balkanskomu gerbariyu: chaynoye rasteniye zhelezniitsa (Sideritis) [Some notes on Balkan herbarium: quasi-tea plant ironwort (Sideritis)]. *Materialy 47-oy Mezhdunarodnoy Filologicheskoy konferentsii. Sankt-Peterburgskiy Universitet. 2018* [Proceedings of the 47th International Philological Conference. St. Petersburg University]. 2018. St. Petersburg, 2019 (is currently in print).
- ERHJ 2016 — A-Nj. R. Matasović (uredn.). Etimološki rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2016.
- ERPZ 2018 — Edin razlichen portal za zdrave [A special information portal about health]. Available at: <http://zdrave-bg.eu> (accessed on 22.06.2018)
- ESTYA 1997 — L. S. Levitskaia, A. V. Dybo, V. I. Rassadin (eds.). Etimologicheskii slovar tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvy “K” i “Ḳ” [Etymological dictionary of the Turkic languages. “K” and “Ḳ” word stems]. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 1997.
- Ethnobotany 2014 — A. Pieroni, C. L. Quave (eds.). Ethnobotany and biocultural diversities in the Balkans. New York; Heidelberg; Dordrecht; London: Springer, 2014.
- Golev 1975 — N. D. Golev. Onomasiologicheskii aspekt mezhdialektnykh razlichiy v leksike prirody (na materiale nazvaniy ptits) [Interdialectal differences in the lexis of nature (birds’ names)]. *Voprosy sibirskoy dialektologii*. 1975. No. 1. P. 48–58.
- Kolosova 2009 — V. B. Kolosova. Leksika i simbolika slavanskoy narodnoy botaniki. Etnolingvisticheskiy aspekt [Lexics and symbolism of Slavic folk botany. Ethnolinguistic aspect]. Moscow: Indrik, 2009.
- Matsku, Kreycha 1970 — Ia. Matsku, I. Kreycha. Atlas lekarstvennykh rasteniy [Atlas of medical plants]. Ia. Futak (ed.). Bratislava: Slovak Academy of Sciences, 1970.
- Novak 1985 — F. A. Novak. Illustrirovannaya entsiklopediya rasteniy [Picture encyclopaedia of plants]. Praha: Artia, 1985.
- Novik 2017 — A. A. Novik. “Gornyy chay”, shalfey, chay, romashka i kofe v traditsii, narodnoy meditsine i etikete albantsev i grekov Himary i Dropula [“Mountain tea”, sage, tea, chamomile and coffee in the traditions, traditional medicine and folk decorum of Albanians and Greeks in Himara and Dropull]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2017. Vol. XIII. Pt. 2. P. 116–131.
- Novotný 1964 — F. Novotný. Mateřídouška — *Matris Animula*. Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university. Roč. 1964. Čís. A12. S. 35–36.

- Orel 1998 — V. Orel. *Albanian Etymological Dictionary*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1998.
- Raevskiy, Gabinskiy 1978 — N. Raevskiy, M. Gabinskiy (red.) *Scurt dicționar etimologic al limbii moldovenești*. Chișinău: Redacția principală a enciclopediei sovietice moldovenești, 1978.
- Sidneva 2008 — S. A. Sidneva. *Rastitelnyy kod v novogrecheskom folklore* [Phytonymical code in Modern Greek folklore. Author's abstract of a phil. cand. diss., Moscow State University]. Moscow, 2008.
- Sofrich 1990 — P. Sofrich. *Glavniye bil'e u narodnom verovan'u i pevan'u kod nas Srba*. [The main plants in Serbian traditional beliefs and folklore]. Beograd: BIGZ, 1990.
- Takhtadzhan 1981 — A. L. Takhtadzhan (ed.) *Zhizn rasteniy*. Vol. 5. Pt 2: *Tsvetkovye rasteniya* [Plants' Life. Vol. 5. Pt. 2: Flowering plants]. Moscow: Prosveshchenie, 1981.
- Vasmer 1986 — M. Vasmer. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Transl. and add. By O. N. Trubachov. 2-nd edition. Vol. 2. Moscow: Progress, 1986.

Sources

- Akhtarov 1939 — B. Akhtarov. *Material za bulgarski botanichen rechnik*. Subrany ot B. Davidov i A. Yavashev. *Dopolneni i redaktirani ot B. Akhtarov* [Materials for Bulgarian botanical dictionary. Collected by B. Davidov and A. Yavashev. Supplemented and edited by B. Akhtarov]. Sofia: Publishing House of Bulgarian Academy of Sciences, 1939.
- BER 1971 — *Bulgarski etimologichen rechnik I*. V. Georgiev (ed.). [Bulgarian etymological dictionary]. Sofia: Publishing House of Bulgarian Academy of Sciences, 1971.
- BER 1979 — V. Georgiev (ed.). *Bulgarski etimologichen rechnik I* [Bulgarian etymological dictionary II]. Sofia: Publishing House of Bulgarian Academy of Sciences, 1979.
- BER 2002 — M. Racheva, T. Todorov (eds.). *Bulgarski etimologichen rechnik VI* [Bulgarian etymological dictionary VI]. Sofia: Academical Publishing House "Prof. Marin Drinov", 2002.
- BER 2010 — T. Todorov (ed.). *Bulgarski etimologichen rechnik VII* [Bulgarian etymological dictionary VII]. Sofia: Academical Publishing House "Prof. Marin Drinov", 2010.
- Borza 1968 — A. Borza. *Dicționar etnobotanic*. București: Editura Academiei, 1968.
- BTRS 1977 — A. N. Baskakov, N. P. Golubeva, A. A. Kyamileva. *Turetsko-russkiy slovar* [Turkish-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk, 1977.
- Budziszewska 1991 — W. Budziszewska. *Zapozyczenia slowiańskie w dialektach nowogreckich*. Warszawa: Polska Akademia Nauk. Instytut Słowi-anoznawstwa, 1991.

- Butură 1979 — V. Butură. Enciclopedie de etnobotanică românească. București: Editură științifică și enciclopedică, 1979.
- Cunia 2010 — T. Cunia. Dicsiunar a limbäljei armânească: Cartea Aromână, 2010.
- Dictionary 1987 — G. Williams, K. Hunyadi. Dictionary of weeds of Eastern Europe: Their Common Names and Importance in Latin, Albanian, Bulgarian, Czech, German, English, Greek, Hungarian, Polish, Romanian, Russian, Serbo-Croat and Slovak. Amsterdam; New York: Elsevier, 1987.
- Drăgulescu 2018 — C. Drăgulescu. Dicționar de fitonime românești. Ed. a 5-a completată. Sibiu: Editura Universității “Lucian Blaga”, 2018.
- Fjalor 2003 — F. Krasniqi, B. Ruci, J. Vangjeli, L. Susuri, A. Mullaj, Q. Pajazitaj. Fjalor i emrave të bimëve. Dictionary of plant names. Tiranë: Akademia e shkencave e Republikës së Shqipërisë. Instituti i Kërkimeve Biologjike; Prishtinë: Akademia e shkencave dhe e arteve e Kosovës. Seksioni i Shkencave të Natyrës, 2003.
- Ioannidis 1966 — A. A. Ioannidis. Russko-novogrecheskiy slovar [Russian-Modern Greek dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1966.
- Lloshi 2010 — Xh. Lloshi. Fjalor i emrave të bimëve dhe të kafshëve shqip-latinisht dhe latinisht-shqip. Tiranë: Logos-A, 2010.
- Marian 2010 — S. F. Marian. Botanica poporană română. Vol. 3 (P-Z). Suceava: Editura Academiei Române, 2010.
- Simonovich 1959 — D. Simonovich. Botanichki rechnik. Imena bil’aka. Beograd: Serbian Academy of Sciences Press, 1959.
- Skok 1972 — P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. II. Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti, 1972.
- Stoyanov 1974 — N. S. Stoyanov. Prinosa kum narodnite imena na bulgarskite lekarstveni rasteniya [Contributions to the folk names of Bulgarian medical plants]. *Bulgarskata dialektologiya. Prouchvaniya i materialni. VII*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Press, 1974. P. 177–196.
- Šugar 2008 — I. Šugar. Hrvatski biljni imenoslov. Zagreb: Matica Hrvatska, 2008.
- Šulek 1879 — B. Šulek. Jugoslavenski imenik bilja. Zagreb: Tiskom Dioničke tiskare, 1879.
- Susuri 2006 — L. R. Susuri. Fjalor i bimëve bujqësore, pyjore dhe barojave. Latinisht, shqip, anglisht, gjermanisht, frëngjisht dhe italisht. Prishtinë: Akademia e Shkencave dhe e Arteve e Kosovës, 2006.
- Turkisms — A. Kh. Girfanova, Yu. A. Lopashov, S. Petrovich, N. L. Sukhachev. Tyurkizmy v yazykakh Yugo-Vostochnoy Evropy. (Opyt svodnogo opisaniya istoriko-leksikologicheskikh i etimologicheskikh dannyykh) [Turkisms in the languages of South-Eastern Europe. (The results of an overall description from historical and etymological point of view)]. St. Petersburg: ILS RAS (is currently in print).
- Vajs 2003 — N. Vajs. Hrvatska povijesna fitonimija. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2003.

Vrabie 2000 — E. Vrabie. An English-Aromanian Dictionary. University Mississippi, 2000.

Yusipova 2005 — R. R. Yusipova. Turetsko-russkiy slovar. Moscow: Russkiy Yazyk Media, 2005.

ОБ ИСТОКАХ КОНВЕРГЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ ШВЕЙЦАРСКОГО И ВАЛЬДОСТАНСКОГО ВАРИАНТОВ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

К. И. Курбанова-Илютко

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва

k.kurbanova@philol.msu.ru

Аннотация. Несмотря на несходство языковых ситуаций, разный статус французского языка, два региона Франкофонии, Французская Швейцария, или Романдия и Валь д'Аоста, обнаруживают общий пласт регионально окрашенной лексики. На основе лексикографических данных, а также результатов наших полевых исследований был составлен корпус лексем, употребляемых в обоих ареалах, анализ которого позволил выявить характерные для Романдии и Валь д'Аосты архаизмы и инновации, заимствования франкопровансальского происхождения, а также наличие значительного количества диалектизмов французского языка Франции.

Ключевые слова: франкофония, швейцарский вариант французского языка, вальдостанский вариант французского языка, лексическая конвергенция, франкопровансальский язык, диалектизм.

On the origins of lexical convergence in Swiss and Valdôtain French

K. I. Kurbanova-Ilyutko

Lomonosov Moscow State University, Moscow

k.kurbanova@philol.msu.ru

Abstract. The development of every regional variety of the French language depends largely on the status of French in a given country / region and on the general language situation in the area.

Despite their geographical proximity, the two Francophonic regions, Romandy and Aosta Valley, have developed as distinct linguistic, sociolinguistic, and cultural spaces. Each of these uses its own

variety of French, largely determined by contacts with other languages of the region. Though the Swiss French-speaking area directly borders on the German-speaking part of Switzerland (German-speaking cantons, bilingual French-German-speaking cantons), it has no common borders with the Italian and the Italian-German-Romansh-speaking cantons. In Aosta Valley, on the other hand, where French is a co-official language, close contacts and interaction between Valdôtain French and Italian languages have been at work.

At the same time, Romandy and Aosta Valley have a common linguistic substrate, the Francoprovençal language with its significant impact on the local varieties of French. At present, Francoprovençal continues to exist, to varying proportions, in these regions and can be described as one of the contact languages of the Swiss and Valdôtain French.

The initial hypothesis of this study was that the same Francoprovençal substrate formed the basis of the lexical convergence that formed the common layer of the Swiss and Valdôtain French regional vocabulary. However, our study, based on lexicographical data and our own field studies conducted in 2015–2017, show that the following types of regional vocabulary are typical of Swiss and Valdôtain French: Swiss-Valdôtain archaisms (25 % of the total body of the corpus analyzed), Swiss-Valdôtain neologisms (23 %), loanwords from Francoprovençal (23 %), and French dialecticisms (29 %).

Thus, in addition to the Francoprovençal substrate, French archaisms, neologisms, and dialecticisms play a significant role in the Swiss and Valdôtain French convergence.

Keywords: Francophonía, Swiss French, Valdôtain French, lexical convergence, the Francoprovençal language, dialecticism.

1. Введение

В настоящей статье речь пойдет о двух вариантах французского языка, а именно о французском языке Швейцарии и Валь д'Аосты. Безусловно, каждый из этих вариантов имеет свои особенности, свое независимое развитие и традиционно изучается лингвистами отдельно. Однако в рамках нашего исследования нам бы хотелось показать наличие целого пласта общей франкошвейцарской и франковальдостанской лексики и объяснить ее истоки.

В первую очередь, поясним, что в дальнейшем в статье мы будем пользоваться термином «региональный вариант», а не «национальный вариант», широко применяемым в вариантологии. Как нам кажется, термины *региональный*, или *территориальный* [Клоков 2003, Röll 2001], *вариант* более четко отражают языковое варьирование французского языка, так как, например, в нашем случае вальдостанский и швейцарский варианты не являются языками всей нации, а идиомами только части населения Италии и Швейцарии соответственно. Для стран Франкофонии это, в целом, довольно распространенная ситуация: французский может выполнять функцию одного из официальных языков и являться родным не для всей национальной общности (ср. Бельгия, Канада).

2. О статусе французского языка в Романской Швейцарии и Валь д'Аосте

Развитие каждого регионального варианта во многом зависит от статуса французского языка в данной стране / в данном регионе и общей языковой ситуации ареала. Говоря о Швейцарии и французском языке Швейцарии, нужно понимать, что это многоязычное государство, языки которого имеют разный статус. В соответствии с конституцией Швейцарской Конфедерации национальными языками признаются 4 языка: немецкий, французский, итальянский и ретороманский (ст. 4), однако официальными согласно ст. 70 конституции являются только три языка: немецкий, французский и итальянский. В качестве средства общения Конфедерации с носителями ретороманского языка официально может использоваться ретороманский язык. На федеральном уровне весь официальный документооборот ведется на трех основных языках, тогда как на кантональном уровне — на языках соответствующего кантона.

Говоря о французском языке в Швейцарии в этой связи [Knecht 2016, Ладыгина 2014], еще раз отметим, что в официальной сфере французский язык может использоваться на территории всего государства, тогда как франкоязычными регионами, где французский язык реализует всю полноту языковых функций, в том числе в бытовой сфере, являются четыре кантона — Женева, Юра, Невшатель, Во. Двужычными немецко-французскими кантонами также признаны Вале, Фрибург, Берн. В целом, франкоязычную Швейцарию

принято называть *Suisse Romande*, или *Romandie* (Романдия, или Французская Швейцария, или Романская Швейцария).

Языковая ситуация в Валь д'Аосте иная [Kasbarian 2010, Курбанова 2015]. Во-первых, здесь мы имеем дело с автономным регионом республики Италия, расположенным на северо-западе страны, на границе с Францией и Швейцарией. Это единственный франкоязычный регион Италии, соответственно, французский язык не имеет юридического статуса на территории всего государства. Во-вторых, в отличие от Романской Швейцарии, состоящей из моноязычных (франкоязычных) и двуязычных (франко-немецкоязычных) кантонов, на территории Валь д'Аосты официальными являются два языка — французский и итальянский. Признание региона двуязычным состоялось в 1948 г. с получением Валь д'Аосты автономного статуса¹, т. е. с подписанием важнейшего для организации всей жизни региона документа — Специального статута Валь д'Аосты (*Statut spécial de la Vallée d'Aoste / Statuto speciale della Valle d'Aosta*), действующего и по сей день.

В статьях 38, 39, 40 Специального статута определены основные положения о языках региона. Французский и итальянский языки объявлены соофициальными, что подтверждается тем, что публикуемые документы могут составляться на обоих языках, исключительное пользование итальянским языком сохраняется только в судопроизводстве. Государственные служащие должны быть, по большей части, вальдостанцами или представителями других областей Италии, владеющими французским языком.

Преподавание французского и итальянского языков в школах, административно относящихся к Валь д'Аосте, на любой ступени школьного образования должно осуществляться в пропорционально равном соотношении, некоторые предметы могут изучаться на французском языке.

Конечно, мы представили совершенно разные по масштабам франкоязычные регионы: французская часть Швейцарии территориально и демографически в несколько раз превышает Валь д'Аосту.

¹ См. статью 116 конституции Итальянской Республики от 1 января 1948 года: «Фриули-Венеция-Джулия, Сардиния, Сицилия, Трентино-Альто-Адидже (Южный Тироль) и Валле-д'Аоста имеют особые формы и условия автономии согласно соответствующим специальным статутам, установленным конституционными законами» [Маклаков 2012: 294–295].

В Романской Швейцарии проживает 2 млн. носителей французского (статистические данные 2015 г.), общая площадь французской части Швейцарии составляет приблизительно 9,5 тыс. км²; тогда как Валь д'Аоста представляет собой территорию чуть более 3 тыс. км² с общей численностью населения около 127 тыс. человек (статистические данные 2016 г.).

Несмотря на географическую близость, оба региона сформировали особые лингвистические, социолингвистические и культурные пространства. Каждый из них имеет свою историю становления французского языка, свой особый региональный вариант французского, во многом определенный ситуацией контакта с другими языками региона. Территория распространения швейцарского французского непосредственно смыкается с немецкоязычными кантонами, однако не имеет общих границ с итальянским и итало-немецко-ретороманским кантонами. В Долине Аосты мы наблюдаем, напротив, тесный контакт и взаимодействие французского и итальянского языков внутри одного региона.

При наличии официального или соофициального статуса французского языка в Романской Швейцарии и Валь д'Аосте (помимо франкоязычных кантонов вспомним о наличии двуязычных франко-немецких кантонов Швейцарии, а именно, о Берне, Фрибуре, Вале, и о признании двух официальных языков, французского и итальянского, в Валь д'Аосте), существует принципиальное различие в социолингвистических ситуациях исследуемых регионов. Что касается Романской Швейцарии, то стоит отметить, что ее жители владеют, как правило, одним языком, и двуязычие трех вышеупомянутых швейцарских кантонов не предполагает двуязычие их жителей: данные кантоны распадаются на франкоязычную и немецкоязычную части (по результатам переписи населения 2000 г. 63 % от общего количества жителей кантона Фрибур франкошвейцарцы, 62 % франкошвейцарцев в кантоне Вале, тогда как в кантоне Берн преобладают германошвейцарцы, составляя 84 %). Таким образом, для франкоязычных швейцарцев единственным родным языком является французский.

Напротив, в Валь д'Аосте наблюдается реальное многоязычие: билингвизм, а иногда и трилингвизм ее жителей (о функционировании франкопровансальского см. подробнее в §3). По результатам опроса Фонда Э. Шану 2001–2002 гг. абсолютное большинство вальдостанцев говорит на итальянском языке — 97 %,

на французском — 78 %. Несмотря на многоязычие вальдостанцев у них выделяется один доминантный язык — итальянский, который определяют как основной более 71 % жителей Долины.

3. Функционирование франкопровансальского языка в Романской Швейцарии и Валь д'Аосте

Однако не стоит забывать, что франкоязычная Швейцария и Валь д'Аоста обладают общим языковым субстратом — франкопровансальским языком, оказавшим существенное влияние на местные варианты французского языка. В настоящее время франкопровансальский продолжает свое существование в данных регионах и может считаться одним из контактных языков по отношению к швейцарскому и вальдостанскому французскому.

Отметим также, что франкопровансальский язык, являющийся в сущности группой говоров, распространен в восточной Франции (департаменты Луара, Рона, Сона-и-Луара, Ду, Юра, Эн, Верхняя Савойя, Савойя, Изер, Дром, Ардеш, Алье), во франкоязычных кантонах Швейцарии (кроме кантона Юра, который принадлежал к зоне распространения языков ойль, так как говоры Юра близки к диалектам Франш-Конте), в некоторых альпийских районах Италии (Долина Аосты, некоторые северные коммуны Пьемонта) и в Апулии [Загряжкина, Челышева 2001]. Носители франкопровансальского называют свой язык *patois* 'говор', употребляя это название как лингвоним, соответственно говорящие на патуа именуются *patoisants*. Разные патуа отличаются территориальной принадлежностью, что находит свое отражение в названии: *patois valdôtain* 'патуа Валь д'Аосты', *patois valaisan* 'патуа кантона Вале' и т. д.

Функционирование франкопровансальского языка варьируется от одного региона к другому, в основном он остается языком бытового общения. В Валь д'Аосте примерно две трети населения заявляют о знании франкопровансальского языка (67 % по результатам опроса Фонда Э. Шану 2001–2002 гг.), тогда как в Романской Швейцарии положение франкопровансальского гораздо менее стабильно: он практически исчез из повседневной языковой практики в кантонах Невшатель, Женева, Во и едва сохраняется в кантонах Фрибур и Вале. Точные данные о количестве носителей франкопровансальского в Романской Швейцарии отсутствуют, поскольку этот язык не учитывается при официальной переписи населения.

4. Гипотеза о происхождении общей франкошвейцарской и франковальдостанской регионально окрашенной лексики.

Проведение исследования

Известно, что словарный состав любого регионального варианта французского языка основывается на стандартном французском языке Франции (*français de référence*), а также некоем объеме региональной лексики. Отличие настоящего исследования заключается в том, что мы предприняем попытку сопоставления региональной лексики сразу двух вариантов французского — швейцарского и вальдостанского, рассматривая в том числе и вопрос о ее происхождении.

Собственно, общность субстрата швейцарского и вальдостанского вариантов французского языка и стала отправной точкой нашего исследования, изначальная гипотеза которого состояла в том, что франкопровансальский лежит в основе сходной франкошвейцарской и франковальдостанской регионально окрашенной лексики. Предполагалось, что именно на фоне франкопровансальского происходят основные конвергентные процессы между изучаемыми вариантами.

Для того чтобы доказать или, напротив, опровергнуть сделанное нами предположение, мы обратились к корпусу слов, зафиксированному лексикографами А. Тибо и П. Кнехтом, составителями словаря швейцарского французского [Thibault, Knecht 2012], в качестве общей швейцарско-вальдостанской франкоязычной лексики. Таким образом, рассматривались 40 лексем, представляющих разные части речи: существительные, глаголы, прилагательные, числительные, наречия, а также фразеологизмы.

Естественно, мы не могли опираться только лишь на описания, сделанные швейцарскими учеными, поэтому каждая лексема дополнительно проверялась по вальдостанским источникам, таким как труд Ж.-П. Мартена о специфической франковальдостанской лексике [Martin 1984]; наиболее полный словарь вальдостанского па-туа Э. Шенала и Р. Вотрена [Chenal, Vautherin 1997]. Для проверки и уточнений франковальдостанской лексики мы также выборочно обращались к словарям Ф. Армана [Armand 2013] и Э. Берара [Bégarde 2005]. Витальность некоторых лексем из предложенного списка проверялась нами лично в ходе серии социолингвистических опросов вальдостанцев, проведенных в 2015, 2016 и 2017 гг.

5. Основные категории регионально окрашенной лексики

Как уже было сказано, помимо базового словаря собственно французского языка Франции, общего для всех разновидностей французского языка, каждый региональный вариант характеризуется наличием региональной лексики, которую можно было бы подразделить на следующие категории:

- архаизмы;
- новообразования, или инновации данного конкретного варианта;
- заимствования из контактных языков, а также диалектов и говоров французского языка Франции.

Выделенные типы регионально окрашенных форм будут рассмотрены на материале нашего корпуса.

6. Архаизмы

К общим франкошвейцарским и франковальдостанским архаизмам мы относим классические примеры архаичных форм числительных: *septante* 'семьдесят' (Валь д'Аоста, Бельгия, Швейцария, восток Франции, Республика Конго, Руанда); *huitante* 'восемьдесят' (Швейцария и Валь д'Аоста) и *nonante* 'девяносто' (Валь д'Аоста, Бельгия, Швейцария, республика Конго, Руанда и Бурунди). Обратим внимание, что они свойственны не только Швейцарии и Валь д'Аосте, но и ряду других франкоговорящих регионов, за исключением *huitante* 'восемьдесят', зафиксированного только в двух изучаемых вариантах.

Кроме того, к архаизмам традиционно причисляют устаревшие названия приемов пищи: *déjeuner* 'завтрак', *dîner/ dinée* 'обед', *souper* 'ужин', используемые не только в Валь д'Аосте, Бельгии, Швейцарии, республике Конго, Руанде, Бурунди, но и в Канаде.

Среди семантических архаизмов можно назвать такие наименования должностей, как *régent* n.m., *syndic*, n.m. Если в современном французском существительное *régent* означает 'регент, правитель', то устаревшим во французском языке Франции и одновременно употребительным в Швейцарии, Валь д'Аосте является его значение 'учитель начальных классов' и в Бельгии 'учитель средней школы'.

Во Франции *syndic* имеет довольно специфические значения 'член бюро парижского муниципалитета', 'член дисциплинарной

палаты’, ‘уполномоченный совладелец (дома)’, тогда как в Швейцарии и Валь д’Аосте это существительное означает должность ‘мэра’.

7. Швейцарские и вальдостанские лексические инновации, или неологизмы

Швейцарский и вальдостанский варианты демонстрируют разного рода инновации, т. е. новые слова, образованные по французским продуктивным моделям либо созданные за счет семантического сдвига, а также устойчивые выражения, неизвестные носителям литературного французского языка.

Например, на основе деривации было создано типично швейцарско-вальдостанское слово *parchet / parquet* (суффиксация от сущ. *parc*), означающее ‘участок земли (под виноградником)’, что во французском языке Франции обозначают сочетанием *parcelle de vigne*.

Семантический сдвиг характеризует образование такого существительного как *contour* ‘поворот’ (в литературном французском ‘контур, очертания’). Во Франции значение ‘поворот’ передается словами *tournant, virage*.

Необычной перифразой швейцарцы и вальдостанцы пользуются для выражения значения ‘разрушить, сломать’ — *foutre en bas / foutre bas*. Обратим внимание, что данное региональное сочетание включает в себе глагол сниженного регистра *foutre* ‘швырять’, ‘влепить’ и др. Таким образом регионализм *foutre en bas / foutre bas* имеет арготический характер, тогда как во французском языке Франции существуют вполне нейтральные глаголы с тем же значением *démolir, abattre*. Применительно к живому существу выражение *foutre en bas / foutre bas* может означать ‘убивать’, в таком случае его французскими соответствиями будут глаголы *abattre, tuer*.

8. Заимствования

Третью группу общей франкошвейцарской и франковальдостанской лексики составляют заимствования, которые, как мы и предполагали, имеют **франкопровансальское происхождение**. Например, глаг. *cocoler (coqueler, coucouler)* ‘ласкать, лелеять’, который в Швейцарии и Валь д’Аосте заменяет собой исконно французские

глаголы *choyer, câliner, chouchouter* с тем же значением, происходит от франкопровансальского *coquelà / cocola*. Интересно, что в итальянском языке, контактном по отношению, в первую очередь, к вальдостанскому французскому, существует сходный глагол *coccolare* с тем же значением, однако А. Тибо, П. Кнехт [Thibault, Knecht 2012], Ж.-П. Мартен [Martin 1984] сходятся во мнении, что развитие французского *cocoler* восходит, скорее, к местным патуа.

Калькой с франкопровансальского [GPSR; Gauchat et al. 1924, t.4: 361; Chenal, Vautherin 1997: 417] можно считать употребление существительного *cou* в значении 'горло' (соответствие в стандартном французском языке *gorge*), ср. франкопров. *avèi ma i kcou*, швейц. / вальд. *avoir mal au cou*, франц. *avoir mal à la gorge* 'испытывать боль' (о горле). Описанная семантическая калька с франкопровансальского фигурирует также во французских диалектах департаментов Алье и Савойя.

В нашем корпусе франкошвейцарских и франковальдостанских регионализмов-заимствований были обнаружены менее очевидные случаи, требующие более подробного описания. Сложность выявления этимона данных лексем связана, в первую очередь, с существованием параллельных форм во франкопровансальском языке и во французских диалектах Франции. Поскольку швейцарский и вальдостанский французский теоретически могут черпать лексику из обоих идиомов (из франкопровансальского и из диалектов французского языка), перед нами стояла задача их разграничения и нахождения первоисточника по отношению к изучаемым швейцарско-вальдостанским регионализмам.

Примером прямого заимствования из франкопровансальского в региональные варианты французского Швейцарии и Валь д'Аосты может служить существительное *cayon* 'свинья', стандартными французскими аналогами которого являются *porc, cochon*. Так, в качестве подтверждения существования параллельных форм в патуа Швейцарии и Долины Аоста приведем франкопровансальские лексемы: по свидетельству *Glossaire des patois de la Suisse Romande* [GPSR] в швейцарских патуа распространено существительное *kayon*, в вальдостанских патуа оно известно в форме *cayon* в соответствии с *Nouveau dictionnaire de patois valdôtain* [Chenal, Vautherin 1997: 319].

Однако надо отметить, что узус данного регионализма не ограничивается Швейцарией и Валь д'Аостой: *Dictionnaire des régionalismes de France* [Réseau 2001] подтверждает информацию о том,

что лексема *cayon* зафиксирована также в приграничных диалектах французского языка, например, во французских департаментах Юра, Сона-и-Луара, Эн, Верхняя Савойя, Савойя, Рона, Луара, Верхняя Луара, Изер, Ардеш, Дром. Получается, что зона распространения французского диалектизма и одновременно швейцарско-вальдостанского регионализма *cayon* совпадает с ареалом распространения франкопровансальских патуа Швейцарии, Долины Аосты, а также Франции, в которых, как уже говорилось выше, используется существительное фрпр. *kayon / cayon* с тем же значением. Иными словами, существует две параллельные формы — французская, представленная в диалектах французского языка Франции и в швейцарском и вальдостанском вариантах французского языка и вторая — франкопровансальская. Каким образом следует определить язык-источник?

Наложение изоглосс само по себе не может являться достаточным основанием для утверждения франкопровансальского происхождения изучаемого регионализма, однако в данном конкретном случае наши предположения подтвердились, и ключевую роль сыграл франкопровансальский, будучи субстратным языком. К такому выводу мы приходим, опираясь на данные французских словарей, в частности Le Petit Robert [Rey-Debove, Rey 2011], в котором в графе об этимологии анализируемого регионализма *cayon* находим помету *emprunté à l'ancien franco-provençal* ('заимствовано из старо-франкопровансальского') (см. также Dictionnaire suisse romand [Thibault, Knecht 2012] с пометой *mot de l'aire francoprovençal* ('слово франкопровансальского происхождения')).

Однако не всегда франкопровансальский является языком-источником для швейцарско-вальдостанских регионализмов. Теперь мы переходим к следующему типу заимствований, а именно к **диалектной лексике французского происхождения**, которая используется в отдельных, преимущественно восточных и юго-восточных регионах Франции, а также в вариантах французского языка Швейцарии и Валь д'Аосты. Забегая вперед, необходимо отметить, что проведение границ между французскими диалектизмами и заимствованиями из франкопровансальского иногда оказывается довольно сложной и дискуссионной в силу их формального сходства, но для их разграничения имеются определенные аргументы.

Итак, начнем с наиболее простых случаев заимствований из диалектов в региональные варианты. В словарях Le Petit Robert

de la langue française [Rey-Debove, Rey 2011], Le Trésor de la langue Française informatisé [TLFi], Dictionnaire suisse romand [Thibault, Knecht 2012] и др. существительное *gouille* ‘лу́жа’ отмечено как диалектизм, восходящий к франсийскому диалекту (от *gullja* с тем же значением) и вошедший во французский язык в XIII в. Интересно, что в регионоведении данная лексема считается типичным гельветизмом, хотя на самом деле на современном этапе ее употребление зафиксировано также во французском языке Долины Аоста [Martin 1984] и в восточных диалектах Франции (Бургундия, Франш-Конте, Верхняя Савойя, Савойя, Эн). В стандартном французском принят эквивалент *flaque d'eau*.

Обратим внимание, что по свидетельству вышеназванных словарей в восточные диалекты Франции и региональные варианты французского языка лексема *gouille* вошла из диалекта Иль-де-Франса, т. е. перед нами по происхождению диалектизм французского языка, что само по себе не исключает существования параллельных форм в других идиомах. Например, известно, что сходные по форме и значению существительные характерны для идиомов галло-романской подгруппы языков, и в частности, для франко-провансальского языка (*goille, gôlye* [Chenal, Vautherin 1997: 319], [GPSR], [Trèsor]).

В изучаемый нами корпус франкошвейцарской и франковальдостанской лексики вошло также выражение *à la chotte* ‘под укрытием, в безопасности’ (франц. соответствие *à l'abri*), история которого также требует пояснения. Дело в том, что еще в XV в. существовали две параллельные формы этого латинского по происхождению слова (от лат. *sūbstarē* ‘существовать’, ‘выдерживать’) — французская (*chotte / choute / soute* и др.) и франкопровансальская (*chouta / chota* и др.). Так, основываясь на данных наиболее авторитетного этимологического словаря французского языка В. фон Вартбурга [eFEW, t. 12: 359] регионализм *chotte* мы относим к диалектальной французской лексике, а не к заимствованиям из франкопровансальского языка. Его узус до сих пор подтверждается не только в диалектах французского языка (Бургундия, Франш-Конте, Ду, Лионский регион, Изер, Верхние Альпы), во франкопровансальском и окситанском языках, но и выходит далеко за пределы галло-романского ареала, будучи зафиксированным в северо-итальянских диалектах и диалектах кантона Тичино, а также в ретороманском языке кантона Граубюнден [Thibault, Knecht 2012].

Таким образом, при сходстве диалектальных французских и франкопровансальских форм, а зачастую и зон их распространения, мы выявили, тем не менее, два источника заимствований, вошедших в швейцарский и вальдостанский французский: часть лексики отмечается словарями как диалектизмы французского языка, другая — как заимствования из франкопровансальского.

9. Заключение

Подводя итоги нашего исследования, стоит отметить, что вальдостанский и швейцарский варианты имеют немало точек соприкосновения. Нами были обнаружены все категории франкошвейцарской и франковальдостанской регионально окрашенной лексики: архаизмы, инновации, заимствования, включающие заимствования из франкопровансальского языка и диалектизмы французского языка.

До сих пор мы говорили о качестве этих регионализмов, но не упоминали об их количественном соотношении, которое весьма интересно: архаизмы занимают 25 % от общего корпуса изученных слов, инновации — 23 %, а больше половины (52 %) общей швейцарско-вальдостанской лексики обеспечивают заимствования. Сами заимствования также неоднородны, среди них заимствования из франкопровансальского представляют собой 23 %, а из диалектов французского — 29 %.

Иными словами, в результате проведенного исследования наша изначальная гипотеза отчасти подтвердилась, а отчасти была опровергнута: взглянув на всю конвергентную регионально окрашенную франкошвейцарскую и франковальдостанскую лексику, можно сказать, что ее сходство заложено в самых разных пластах лексики, большую часть которой занимают, конечно, заимствования. Однако, как показали наши изыскания, дело не только во франкопровансальском субстрате. Значительную роль в конвергенциях играют диалектизмы французского языка, осевшие как на территории самой Франции, так и в приграничных к ней зонах.

В сущности, здесь прослеживаются две противоположные тенденции: с одной стороны, в рамках собственно французского языка Франции говорят о нивелировании пространственного варьирования французского: существование диалектов французского языка сейчас ставится под сомнение в связи со стиранием границ

и их постепенным исчезновением². С другой стороны, мы наблюдаем склонность к сохранению диалектных форм в региональных вариантах французского (в частности, швейцарском и вальдостанском), которые поддерживают витальность диалектизмов не только внутри собственных вариантов, но и, как следствие, в региональных разновидностях французского языка Франции.

Литература

- Загрязкина, Челышева 2001 — Т. Ю. Загрязкина, И. И. Челышева. Франкопровансальский язык // И. И. Челышева, О. И. Романова, Б. П. Нарумов (сост.). Языки мира: Романские языки. М.: Academia, 2001. С. 304–321.
- Клоков 2003 — В. Т. Клоков. Территориальные варианты французского языка // В. Т. Клоков (ред.). Спецкурсы по романской филологии. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2003. С. 3–67.
- Курбанова 2015 — К. И. Курбанова. К вопросу о социолингвистической ситуации в Валь д’Аосте // Древняя и Новая Романия. 2015. № 15. С. 359–368.
- Ладыгина 2014 — Е. В. Ладыгина. Французский язык в Швейцарии. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, МГУ. М., 2014.
- Маклаков 2012 — В. В. Маклаков (сост.). Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные штаты Америки, Япония. М.: Инфотропик Медиа, 2012.
- Реферовская и др. 2001 — Е. А. Реферовская, Н. Ю. Бокадорова, О. А. Гулыга, И. И. Челышева. Французский язык // И. И. Челышева, О. И. Романова, Б. П. Нарумов (сост.). Языки мира: Романские языки. М.: Academia, 2001. С. 194–249.
- Kasbarian 2010 — J.- M. Kasbarian. Le français au Val d’Aoste // D. de Robillard, M. Beniamino (eds.). Le français dans l’espace francophone. Paris: Honoré Champion, 2010. T. 1. P. 337–351.
- Knecht 2016 — P. Knecht. La Suisse romande: aspects d’un paysage francophone conservateur // D. de Robillard, M. Beniamino (eds.). Le français dans l’espace francophone. Paris: Honoré Champion, 2016. T. 2. P. 759–770.
- Martin 1984 — J.-P. Martin. Description lexicale du français parlé en Vallée d’Aoste. Aoste: Musumeci, 1984.
- Pöll 2001 — B. Pöll. Francophonies périphériques. Histoire, statut et profil des principales variétés du français hors de France. Paris: L’Harmattan, 2001.

² В настоящее время принято выделять не диалектные ареалы, а региональные разновидности французского языка Франции, называемые *les français régionaux* [Реферовская и др. 2001]

Источники

- Armand 2013 — F. Armand. Petit dictionnaire du francoprovençal valdôtain. Aosta: Le Château, 2013.
- Bérard 2005 — E. Bérard. Dictionnaire du patois valdôtain. Aosta: Le Château, 2005.
- Chenal, Vautherin 1997 — A. Chenal, R. Vautherin. Nouveau dictionnaire de patois valdôtain. Aoste: Musumeci, 1997.
- eFEW — Französisches Etymologisches Wörterbuch. Eine Darstellung des galloromanischen Sprachschatzes. <https://apps.atilf.fr/lecteurFEW/> (дата обращения 05.03.2019).
- Gauchat et al. 1924 — L. Gauchat, J. Jeanjaquet et E. Tappolet. Glossaire des patois de la Suisse romande. Genève: Droz, 1924-, Tome IV.
- GPSR — Glossaire des patois de la Suisse romande, base de données. <https://www.unine.ch/islc/home/recherche/glossaire-des-patois-de-la-suisse/base-de-donnees-du-gpsr-bdd.html> (дата обращения 01.03.2019).
- Réseau 2001 — P. Réseau (ed.). Dictionnaire des régionalismes de France. Bruxelles: Duculot, 2001.
- Rey-Debove, Rey 2011 — J. Rey-Debove, A. Rey (eds.). Le Petit Robert de la langue française. Paris: Dictionnaires Le Robert, 2011.
- Thibault, Knecht 2012 — A. Thibault, P. Knecht (eds.). Dictionnaire suisse romand. Particularités lexicales du français contemporain. Genève: Zoé, 2012.
- TLFi — Le Trésor de la langue Française informatisé. <http://www.atilf.fr/tlfi> (дата обращения 10.01.2019).
- Trèsor — Lo Trèsor Arpitan. <http://arpitan.eu/Tresor> (дата обращения 15.02.2019).

References

- Zagryazkina, Chelysheva 2001 — T. Yu. Zagryazkina, I. I. Chelysheva. Frankoprovensalskiy yazyk [The Francoprovençal language]. I. I. Chelysheva, O. I. Romanova, B. P. Narumov (eds.). *Yazyki mira: Romanskie yazyki* [World languages: Romance languages]. Moscow: Academia, 2001. P. 304–321.
- Klokov 2003 — V. T. Klokov. Territorialnye varianty frantsuzskogo yazyka [Territorial varieties of the French language]. V. T. Klokov (ed.). *Spetskursy po romanskoj filologii*. [Special courses in Romance philology]. Saratov: Saratov State University Press, 2003. p. 3–67.
- Kurbanova 2015 — K. I. Kurbanova. K voprosu o sotsiolingvisticheskoy situatsii v Val' d'Aoste [About the sociolinguistic situation in the Aosta Valley]. *Drevnyaya i Novaya Romaniya*. 2015. No. 15. P. 359–368.
- Ladygina 2014 — E. V. Ladygina. Frantsuzskiy yazyk v Shveysarii. [The French language in Switzerland]. Extended abstract of PhD dissertation (Philology). Lomonosov Moscow State University, Moscow, 2014.

- Maklakov 2012 — V. V. Maklakov (ed.). *Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv: Velikobritaniya, Frantsiya, Germaniya, Italiya, Evropeiskiy Soyuz, Soedinennye shtaty Ameriki, Yaponiya*. [The constitutions of foreign states: Britain, France, Germany, Italy, the European Union, the United States of America, Japan]. Moscow: Infotropik Media, 2012.
- Referovskaya et al. 2001 — E. A. Referovskaya, N. Yu. Bokadorova, O. A. Gulyga, I. I. Chelysheva. *Frantsuzskiy yazyk [French]*. I. I. Chelysheva, O. I. Romanova, B. P. Narumov (eds.). *Yazyki mira: Romanskie yazyki*. [World languages: Romance languages]. Moscow: Academia, 2001. P. 194–249.
- Kasbarian 2010 — J.- M. Kasbarian. *Le français au Val d'Aoste*. D. de Robillard, M. Beniamino (eds.). *Le français dans l'espace francophone*. Paris: Honoré Champion, 2010. Tome. 1. P. 337–351.
- Knecht 2016 — P. Knecht. *La Suisse romande: aspects d'un paysage francophone conservateur*. D. de Robillard, M. Beniamino (eds.). *Le français dans l'espace francophone*. Paris: Honoré Champion, 2016. Vol. 2. P. 759–770.
- Martin 1984 — J.-P. Martin. *Description lexicale du français parlé en Vallée d'Aoste*. Aoste: Musumeci, 1984.
- Pöll 2001 — B. Pöll. *Francophonie périphériques. Histoire, statut et profil des principales variétés du français hors de France*. Paris: L'Harmattan, 2001.

Sources

- Armand 2013 — F. Armand. *Petit dictionnaire du francoprovençal valdôtain*. Aosta: Le Château, 2013.
- Bérard 2005 — E. Bérard. *Dictionnaire du patois valdôtain*. Aosta: Le Château, 2005.
- Chenal, Vautherin 1997 — A. Chenal, R. Vautherin. *Nouveau dictionnaire de patois valdôtain*. Aoste: Musumeci, 1997.
- eFEW — *Französisches Etymologisches Wörterbuch. Eine Darstellung des galloromanischen Sprachschatzes*. Available at: <https://apps.atilf.fr/lecteur-FEW/> (accessed on 05.03.2019).
- Gauchat et al. 1924 — L. Gauchat, J. Jeanjaquet et E. Tappolet. *Glossaire des patois de la Suisse romande*. Genève: Droz, 1924–. Tome IV.
- GPSR — *Glossaire des patois de la Suisse romande, base de données*. Available at: <https://www.unine.ch/islc/home/recherche/glossaire-des-patois-de-la-suisse/base-de-donnees-du-gpsr-bdd.html> (accessed on 01.03.2019).
- Réseau 2001 — P. Réseau (ed.). *Dictionnaire des régionalismes de France*. Bruxelles: Duculot, 2001.
- Rey-Debove, Rey 2011 — J. Rey-Debove, A. Rey (eds.). *Le Petit Robert de la langue française*. Paris: Dictionnaires Le Robert, 2011.

Thibault, Knecht 2012 — A. Thibault, P. Knecht (eds.). Dictionnaire suisse romand. Particularités lexicales du français contemporain. Genève: Zoé, 2012.

TLFi — Le Trésor de la langue Française informatisé [The Treasure of the French Language in the electronic version]. Available at: <http://www.atilf.fr/tlfi> (accessed on 10.01.2019).

Trèsor — Lo Trèsor Arpitan. Available at: <http://arpitan.eu/Tresor> (accessed on 15.02.2019).

О ТЕНДЕНЦИЯХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИСА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Ф. Г. Хисамитдинова

Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского
центра Российской академии наук, Уфа
hisamitdinova@list.ru

Л. А. Бускунбаева

Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского
центра Российской академии наук, Уфа
buskl@yandex.ru

Л. К. Ишкильдина

Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского
центра Российской академии наук, Уфа
lina86_08@mail.ru

Р. Т. Муратова

Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского
центра Российской академии наук, Уфа
bairima@yandex.ru

Г. Н. Ягафарова

Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского
центра Российской академии наук, Уфа
rishrinat@mail.ru

Аннотация. В данной статье анализируются история, современное состояние и перспективы изучения синтаксиса башкирского языка. В структуре башкирского синтаксиса как научной дисциплины авторы выделяют такие направления анализа, как

традиционный синтаксис, исторический синтаксис, структурно-семантический синтаксис, исследования прикладного характера. В работе предпринимается попытка охарактеризовать каждое из них, а также провести обзор письменных источников, послуживших основой для становления башкирской синтаксической науки и наметить перспективы дальнейшего исследования проблем синтаксиса.

Ключевые слова: тюркология, башкирский язык, синтаксис, традиционный синтаксис, исторический синтаксис, структурно-семантический синтаксис, компьютерная лингвистика.

About trends and perspectives of studying the syntax of the Bashkir language

F. G. Hisamitdinova

Institute of history, language and literature
at the Ufa Federal Research center
of the Russian Academy of Sciences, Ufa
hisamitdinova@list.ru

L. A. Buskunbaeva

Institute of history, language and literature
at the Ufa Federal Research center
of the Russian Academy of Sciences, Ufa
buskl@yandex.ru

L. K. Ishkildina

Institute of history, language and literature
at the Ufa Federal Research center
of the Russian Academy of Sciences, Ufa
lina86_08@mail.ru

R. T. Muratova

Institute of history, language and literature
at the Ufa Federal Research center
of the Russian Academy of Sciences, Ufa
bairima@yandex.ru

G. N. Yagafarova

Institute of history, language and literature
at the Ufa Federal Research center
of the Russian Academy of Sciences, Ufa
rishrinat@mail.ru

Abstract. This paper addresses the history, the present state, and perspectives of Bashkir syntax studies. Bashkir is an Ural-Volga Turkic language with an array of text collections, including a rich collection of folklore and written monuments, a collection of spoken Bashkir texts, and a huge corpus of contemporary fiction and non-fiction literature. Scholars split Bashkir syntax into the following research subdomains: traditional syntax, historical syntax, structural and semantic syntax, and applied syntactic studies. This paper represents an attempt to characterize each of the subdomains and review written sources that form a basis for scientific development of Bashkir syntax.

Bashkir syntax studies have developed in line with national syntax research in general. Traditional syntax scholars aim to identify the positions and functions of major sentence components, as well as the structural features of phrases, sentences, and texts as a whole. As regards the historical syntax of Bashkir, its achievements leave much to be desired so far. At the same time, studies of written monuments have come up with impressive insights into important structural features of the Old Bashkir grammar. Bashkir scholars of structural and semantic syntax describe semantic components and communicative patterns of syntactic constructions. Finally, one should mention important syntactic findings made by applied linguists. Thus current achievements of Bashkir syntax studies, including in the structure of simple/complex sentences and phrases can be described as quite satisfactory. Areas that require more attention in the future seem to be historical syntax and syntax problems arising in computational linguistics.

Keywords: Turkology, the Bashkir language, syntax, traditional syntax, historical syntax, semantic syntax, computational linguistics.

1. Введение

Среди тюркских языков башкирский язык является одним из самых хорошо охарактеризованных с точки зрения грамматики. Следует отметить, что одна из первых научных грамматик тюркских языков была написана на материале башкирского языка

Н. К. Дмитриевым (1948). Кроме того, «Грамматика современного литературного башкирского языка», изданная в 1981 году под редакцией А. А. Юлдашева, считается поныне образцово написанным трудом по грамматике тюркских языков.

Все это говорит в пользу того, что структура башкирского языка, в том числе синтаксический строй, достаточно изучена, на его материале сделаны обобщающие выводы, нашедшие отражение в грамматиках. Тем не менее, следует признать, что с момента выхода в свет «Грамматики...» прошло около 40 лет. Разумеется, за это время появились новые исследования, раскрывающие особенности синтаксического строя языка с позиции новых подходов; сложились отдельные научные школы по изучению синтаксиса. Например, определенные шаги в направлении выработки единого типологически ориентированного подхода к описанию языков вообще, в т. ч. к описанию синтаксического строя, предпринимаются исследователями Института лингвистических исследований РАН, в трудах которых разрабатывается методика представления данных с соблюдением единого формата [Сай и др. 2017: 9; Генералова 2016; Мищенко 2016; Сай 2014; Ovsjannikova, Say 2014]. Так, лингвистами данного института был подготовлен раздел в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований», посвященный исследованиям синтаксиса башкирского разговорного языка с привлечением современных методов грамматической типологии. [Acta Linguistica Petropolitana 2017: 7–502]. Следует полагать, что в будущем такого рода исследования, после выполнения их на материале представительного ряда языков, послужат основой для соответствующих выводов.

Синтаксис современного башкирского языка представляет собой комплексную систему, которая складывалась на протяжении нескольких веков. Корни башкирского синтаксического строя кроются в структуре пратюркского языка, на основе которого он развивался в самостоятельный язык, к настоящему времени обладающий обширным сводом богатейшего устного народного творчества, фондом письменных памятников, а также огромным корпусом современной художественной и публицистической литературы, реализующих башкирскую разговорную и книжную речь. Прослеживание особенностей синтаксиса данных текстов позволяет установить историческое становление синтаксического строя башкирского языка как целостной системы.

В структуре башкирского синтаксиса как научной дисциплины можно выделить несколько направлений анализа. В соответствии с ними в данной статье предпринимается попытка рассмотреть исследования по синтаксису башкирского языка, выполненные в рамках традиционного, исторического, структурно-семантического синтаксиса, и исследования прикладного характера, провести обзор письменных источников, послуживших основой для становления синтаксического строя башкирского языка.

2. Традиционное направление в изучении башкирского синтаксиса

Традиционный башкирский синтаксис структурно-грамматического плана, связанный с теорией членов предложения, нашел отражение в ряде работ отечественных языковедов, начиная с середины XX столетия.

Синтаксические особенности башкирского языка были охарактеризованы в «Грамматике башкирского языка» Н. К. Дмитриева (М., 1948), которая послужила основой для дальнейших разработок в области не только башкирского синтаксиса, но и других языковых уровней. Специальные исследования башкирского синтаксиса впервые осуществлены в трудах К.З. Ахмерова [Ахмеров 1958, 1960б]. В них главное внимание уделяется разработке основных теоретических вопросов башкирского синтаксиса в рамках господствовавшего в то время структурно-грамматического направления: даются определения синтаксических категорий (предложение, словосочетание, главные и второстепенные члены предложения, порядок слов в предложении, обособленные члены предложения, однородные члены предложения), освещаются проблемы выражения эмоциональности в предложении, определяется роль вводных слов, обращений в структуре предложений, рассматриваются основные типы простых и сложносочиненных предложений. На материале произведений башкирских писателей, переводных текстов с русского на башкирский, а также опубликованных к тому времени письменных памятников выявляется специфика ряда синтаксических категорий башкирского языка. Так, новыми в этом плане являются его наблюдения, касающиеся словосочетаний (ученый указывает на то, что в башкирском языке к словосочетаниям относятся не только двухкомпонентные, но и многокомпонентные

сочетания слов), связей слов (определяется 7 типов связи между словами: с помощью аффиксов падежей, притяжательности, сказуемости, лица, числа, с помощью вспомогательных слов и порядка слов в предложении), приложений (выявляются приложения, свойственные башкирскому языку, например, *Ерэнсә сәсэн* ‘сэсэн Эрэнсә’ (сэсэн — поэт-импровизатор у башкир, певец и музыкант), рассматриваются их разновидности), порядка слов в предложении (выделяет 14 случаев расположения слов в предложении, исходя из выполняемых ими функций). Так, главными особенностями порядка слов в башкирском признается то, что: 1) подлежащее ставится в начале предложения, а сказуемое — в конце; 2) слова в предложении располагаются препозитивно, т. е. с осложнением предложения определяющие слова добавляются впереди определяемого слова или понятия (например, определения — перед определяемыми словами; уточняющие слова, относящиеся к предложению в целом, — в начале предложения; дополнения — перед словом, к которому относятся; деепричастия — перед сказуемыми или в начале предложения, если относятся к предложению в целом; слова с логическим ударением — перед сказуемым); 3) при наличии нескольких определяющих слов лексемы, семантически более отдаленные от определяемого слова, располагаются ближе к началу предложения, более близкие по значению или с более конкретным значением размещаются ближе в определяемому слову [Ахмеров 1960а: 54–58]. Так, в нижеследующем предложении подлежащее *нурзар* предшествует сказуемому *һузыла*; определяющие слова ставятся перед определяемыми (*кыялап төшкән* перед *нурзары*, *зур* перед *тәзрәләр*); к слову *кояштың* относятся определения *байып барган* и *язгы*, из них *язгы* ‘весеннее’, будучи более тесно семантически связанным с определяемым словом, стоит ближе к нему, нежели *байып барган* ‘заходящее’:

- (1) *Байып-п бар-ган яз-гы кояш-тың*
 Заходить-CV идти-PC.PST весна-ADJ солнце-GEN
кыя-лап төш-кән нур-зар-ы
 косо-COLL падать-PC.PST луч-PL-P.3
зур тәзрә-ләр аша һуз-ыл-а.
 большой окно-PL через тянуть-PASS-PRS.

‘Косые лучи заходящего весеннего солнца тянутся через большие окна’ (С. Агиш).

Вслед за К. З. Ахмеровым теорию традиционного синтаксиса на материале башкирского языка развил Г. Г. Саитбатталов, анализируя структуру простого и сложного, особенно сложноподчиненного предложений [Саитбатталов 1961, 1972, 1999] с опорой на достижения синтаксиса того времени. В его работах исследуются вопросы словосочетания и видов предложения, типов предложения по цели высказывания и по составляющим их компонентам, сложных синтаксических конструкций и др. Использование в вузовской практике предложенной Г. Г. Саитбатталовым концепции башкирского предложения привело к разработке им основ башкирской пунктуационной системы [Саитбатталов 1978]. Особое внимание ученый уделял синтаксическим особенностям произведений различных башкирских писателей и поэтов, что позволило ему составить основы башкирской стилистики [Саитбатталов 1985].

Исследования А. М. Азнабаева [Азнабаев 1965], Л. Л. Рахматуллиной [Рахматуллина 1983], Р. Я. Хуснетдиновой [Хуснетдинова 1998] также вносят вклад в изучение состава и структуры синтаксических конструкций современного башкирского языка. Труды Д. С. Тикеева, посвященные изучению структурных особенностей словосочетаний, простых и сложных предложений, выполнены в русле классической синтаксической теории и носят, прежде всего, методический характер [Тикеев 1989, 1991, 1992, 1996, 2000, 2004, 2005].

Таким образом, во второй половине XX века синтаксис башкирского языка как наука характеризуется рассмотрением синтаксических единиц с точки зрения традиционного подхода, который нацелен на классификацию типов и разновидностей синтаксических конструкций. Выводы и результаты, полученные в ходе исследований, в дальнейшем стали основой для формирования новых направлений анализа в синтаксисе башкирского языка и не потеряли актуальности и значимости до сих пор.

3. Перспективы изучения синтаксиса башкирского языка в историческом плане

В тюркологии вторая половина XX столетия характеризовалась как развитием традиционного, так и сравнительно-исторического исследования синтаксиса [Материалы 1962, Абдурахманов 1967; Хады Мирза-заде 1968; Закиев, Курбатов 1971; Гаджиева 1973 и др.]. Синтаксис как частный раздел представлен в большинстве

работ, посвященных анализу языка письменных памятников [Кононов 1980; Щербак 1962; Кордабаев 1967; Джумагулов 1968; Айдаров 1971 и др.]. Важнейшим достижением в области исторического тюркского синтаксиса является монография «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис» [Гаджиева, Серебренников 1986], где объектом исследования являются все структурные единицы от словосочетания до сложного предложения во всех тюркских языках.

Вместе с тем следует признать, что вопросы исторического синтаксиса большинства тюркских языков, в том числе и башкирского, пока изучены недостаточно. В башкирском языкознании имеются фрагментарные описания некоторых синтаксических элементов на фоне анализа фонетических, лексических и морфологических свойств тех или иных памятников письменности [Азнабаев, Псянчин 1983, Халикова 1990, Галаятдинов 1998, 2000, Очерки 1989], однако специальные работы, освещающие особенности развития и становления синтаксического строя башкирского языка, отсутствуют.

Обширный материал, касающийся языковых особенностей рукописных и печатных произведений XIII–XX вв., дается в монографическом исследовании «Очерки истории башкирского литературного языка» (Уфа, 1989), выполненном коллективом авторов. В данной работе авторами делаются попытки выявить тенденции употребления тех или иных синтаксических конструкций: отмечаются некоторые синтаксические особенности языка литературных памятников, актов документов (заявлений, прошений, ярлыков, официальных писем). Также проводится небольшой обзор традиционных и новых языковых элементов в области синтаксиса в языке суфийской, просветительской литературы, языка шежере и историко-литературных таварихов. Отдельный раздел посвящен формированию и развитию грамматического строя литературного языка, где отмечается влияние на формирование синтаксиса башкирского языка письменных традиций тюрки Урало-Поволжья и влияние русского литературного языка на дальнейшее развитие синтаксических конструкций. Ценность монографии для исторического синтаксиса заключается в том, что в ней даются основные синтаксические характеристики произведений каждого этапа развития башкирского письменного языка [Очерки... 1989].

Синтаксису башкирских шежере и актов документов XVIII–XIX вв. посвящена специальная глава в работе Р. Х. Халиковой

[Халикова 1990]. Здесь дана общая характеристика основных синтаксических единиц, а также анализ тех отличительных моментов, которые свойственны языку шежере и актовых памятников башкир XVIII–XIX вв. Автор подробно останавливается на атрибутивных и предикативных словосочетаниях, типах предложений, членах предложения, порядке слов в предложении, однородных членах предложения, прямой и косвенной речи [Халикова 1990: 111–127].

В монографическом труде И. Г. Галяутдинова «Два века башкирского литературного языка» (Уфа, 2000) затрагиваются синтаксические особенности произведений XVIII–XIX вв. Автор отмечает столкновение традиционных и новых языковых элементов в лексике, морфологии, а также в области синтаксиса произведения «Рисала-и ‘Азиза», написанного Т. Ялыгуловым на основе толкования «Сабат ал-‘аджизин» узбекского суфийского поэта Аллаяра. Например, как отмечает ученый, в нем представлены оба способа выражения подчинительных отношений — союзные придаточные предложения и придаточные конструкции со сказуемым-деепричастием.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что вопросы исторического синтаксиса башкирского языка были в той или иной степени освещены в некоторых работах башкирских лингвистов, однако специальных исследований по данной проблематике проведено не было. В целом, в работах ученых синтаксис письменных памятников рассматривался в синхронии для определенного периода, но не затрагивался в диахронии.

На наш взгляд, задача исследователей исторического синтаксиса заключается в изучении башкирского синтаксиса в историческом развитии: как развивалась та или синтаксическая категория, начиная с дошедших до наших дней первых письменных памятников и заканчивая уже современными произведениями. Есть все предпосылки для решения поставленной задачи — сегодня имеется огромный фонд письменных источников, по которым можно изучить историю и развитие синтаксического строя литературного башкирского языка. К ним относятся, в первую очередь, памятники болгарского (XI–XIII вв.) периода («Кисса-и Йусуф»); кыпчакские памятники золотоордынского времени (XIII–XIV вв.); памятники на языке тюрки с элементами разговорного языка башкир (с XVI в., шежере, указы, договоры, ярлыки и др.); источники на уже сформировавшемся башкирском языке (фольклор, суфийская и просветительская литература, художественная проза).

Источниками формирования башкирского литературного языка были «общенародный разговорный язык, язык башкирского фольклора и язык тюрки Урало-Поволжья» [Галяутдинов, Ишбердин 2018: 43].

Ярким литературным памятником болгарского периода является романтическая поэма «Кысса-и Йусуф» («Сказание о Юсуфе») — наиболее ранний и распространенный на территории Поволжья и Урала литературный памятник, в котором отразились особенности тюрки Урало-Поволжья XIII в. Синтаксические особенности поэмы затрагиваются в вышеназванной монографии [Очерки... 1989: 22–23]. В частности, в ней отмечается, что в памятнике «достаточно четко представлены структурно сложившиеся различные типы предложения, в которых употребляются однородные члены предложения, диалоги, обращения».

Ср. предложения с однородными подлежащими:

- (2) *Олы, йәше, бай, юксыл ... кил-де.*
Пожилой молодой богатый неимущий прийти-PST.
‘Большие, малые, богатые, бедные ... пришли’.

Ср. предложения с однородными сказуемыми:

- (3) *Йософ-ның бил-е-нә бер еп дак-ты-лар,*
Юсуф-GEN пояс-P.3-DAT один веревка привязать-PST-PL
кәндү-ләр-нең миһыр-ы-на ут як-ты-лар,
сам-PL-GEN милосердие-P.3-DAT огонь зажечь-PST-PL
койоғ эч-рә сал-мағ-а касид кыл-ды-лар ...
колодец внутрь-DAT ложить-NMLZ-DAT цель делать-PST-PL
‘Привязали веревку к поясу Юсуфа, сожгли свое милосердие, замыслили оставить (его) внутри колодца’.

Ср. предложение с диалогом:

- (4) *Ата-сы сора-р: Нә аглары-сың?*
Отец-P.3 спросить-POT Что плакать-PRS-2SG
Зөләйха әйд-әр: Төш-әм ичрә бер зибә
Зулейха сказать-POT сон-P.1SG внутри один красивый
сүрәт күр-де-м.
изображение видеть-PST-1SG.
‘Отец ее спросил: Почему плачешь? ... Зулейха ответила: Я видела во сне красивое изображение’.

Ср. предложение с обращением:

- (5) *Йә, Зөләйха, бу углан-ға хөрмәт кыл-ғыл.*
Ну, Зулейха, этот сын-DAT уважение оказывать-IMP.
'Ну, Зулейха, окажи этому парню уважение'.

Отдельно можно рассматривать литературные памятники периода Золотой Орды (сер. XIII — сер. XVI в.). В истории башкирской литературы его обозначают как кыпчакский период. «Путем слияния древнего книжного тюрки с элементами местных кыпчакских говоров формируется смешанный тюркский литературный язык» [Хусаинов 1996: 68]. Это общий литературный язык башкир, татар, казахов, узбеков, ногайцев и других тюркских народностей, входивших в состав Золотой Орды. На этом языке созданы дастаны «Хосров и Ширин» Кутба, «Мухаббатнаме» Хорезми, «Джум-джума султан» Х. Катиба, «Гулистан бит-тюрки» С. Сарай и др., на язык которых существенное влияние оказали персидские и арабские литературные традиции. Тексты данных произведений легко читаемы носителями языка в силу своей близости к разговорному башкирскому языку: фонологическая и лексическая система памятников максимально приближена к живой речи башкир, наблюдается употребление тех же грамматических форм (*тап-са юл* — совр. баш. *тап-һа юл* 'если найдет путь', *дога кыл-ды* — совр. баш. *дога кыл-ды* 'помолился', *агыу бир-де-ләр* — совр. баш. *агыу бир-зе-ләр* 'дали яд', *урман эче-н-дә* — совр. баш. *урман эсе-н-дә* 'в лесу'). В синтаксисе вышеназванных произведений наблюдаются продолжение традиции употребления длинных предложений, осложненных однородными членами, деепричастными оборотами, что было характерно еще для «Кысса-и Йусуф».

К отличительным синтаксическим особенностям произведений золотоордынского периода относится употребление некоторых однотипных сочетаний и синтаксических конструкций, характерных и для эпоса, и для письменных литературных произведений, и шежере [Очерки... 1989, 32–33]. Использование подобных синтаксических приемов аргументирует то, что на формирование и развитие тюрки Урало-Поволжья, на шлифовку его художественных приемов и средств, наряду с персидской и арабской литературой, серьезное влияние оказали существовавшие у башкир богатые традиции устного народного творчества [Очерки... 1989, 32–33]. Например, активно употребляются синтаксические конструкции, характерные для

языка фольклора: *йөзө –тулган ай* ‘луноликая’, *көнләрдин бер көн* ‘в один из дней, однажды’, *борын-борын заманда* ‘давным-давно’, ... *дип әйтә икән* букв. ‘(так сказав) говорит’, *бер хикәйт кылайым* ‘расскажу-ка’, *бар иде* ‘был’, *тыңла имде* ‘слушай теперь’ и др. Примеры показывают, что речевые клише, характерные только для фольклорной речи, отражены в данных письменных источниках:

- (6) *Замана-сы-нда бер галим бар иде Әхнәф бине*
Время-Р.З-LOC один ученый есть быть.PST Ахнаф сын

Кайс тип әйт-үр ирде-ләр.
Кайс сказать.CV сказать-POТ быть.PST-PL.

‘В свое время был один ученый, называли его Ахнаф сын Кайса’ (Махмуд бине Гали “Наһдж ул-фарадис” (“Врата рая”), XIV в.).

В литературных памятниках золотоордынского периода представлены не только простые осложненные предложения, но и сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, прямая речь. Встречаются также сложные синтаксические конструкции:

- (7) *Күр-әр кем, таг үзрә хуш чичәк-ләр*
смотреть-POТ кто гора поверх благоухающий цветок-PL
ачыл-мыш, зандувач-лар каршы сайра-р
открываться-POТ соловей-PL напротив петь-POТ

— совр. баш. *Күрәр [һәр] кем, тау өстөндә хуш сәскәләр асылыр, һандугастар каршы һайрар.*

‘Увидит каждый: на поверхностях гор раскроются благоухающие цветы, запоют соловьи’ («Хосров и Ширин»).

Приведенная конструкция является бессоюзным сложноподчиненным предложением с двумя придаточными дополнительными.

С XVI–XVIII вв. отмечается всё возрастающее влияние на письменный язык разговорного языка башкир, в текстах также намечается связь с фольклором. В этот период появляются шежере (родословные), таварихи (историко-литературные произведения) и письма, указы, обращения, написанные на тюрки Урало-Поволжья.

Крупным письменным памятником башкирского языка XVIII века является «Дафтар-и Чингиз нама» («Книга о Чингизе»). До нас дошли рукописные и печатные варианты произведения (первое печатное издание относится к 1822 году). Автор этого памятника неизвестен, однако, судя по содержанию и лингвистическим особенностям, он создан выходцем из юго-восточных башкир. В синтаксисе

«Дафтар-и Чингиз нама» представлены главным образом простые предложения. Ср.:

а) простое двусоставное распространенное —

- (8) *Әүәл заман-да Ак диңгез эч-е-ндә*
раньше время-LOC Белый море внутр.часть-Р.З-LOC
Мәлтә ди-гән шәһәр бар ирде
Мальта называть-Р.С.PST город быть быть.PST

‘Раньше на Белом (Средиземном) море был город под названием Мальта’;

б) простое односоставное неопределенно-личное —

- (9) *Андин суң кәмә төзе-де-ләр*
затем после лодка строить-PST-PL

‘После этого построили лодку’;

в) простое односоставное, осложненное однородными сказуемыми —

- (10) *Ул тау-да мәкам=йорт тот-ар-мын,*
этот гора-LOC жилище=дом держать-POT-1SG
кош=корт аула-р-мын
птицы ловить-POT-1SG

‘На той горе будет у меня дом, буду ловить зверей’.

Встречаются и сложные синтаксические конструкции:

а) сложноподчиненное предложение с придаточным времени —

- (11) *Йәнә ул ик-әү кит-кән-дин суң бу*
Снова он два-NUM.SUBST уходить-Р.С.PST-ABL после этот
Дуйын Байан-ға кыз ал-ды-лар
Дуйын Баян-DAT девушка брат-PST-PL

‘После того как ушли эти двое, Дуйын Баяна женили (досл. взяли Баяну девушку)’;

б) бессоюзное сложносочиненное —

- (12) *Йәнә бер көн айыу акыр-ды, арыслан кычкыр-ды*
Снова один день медведь кричать-PST лев кричать-PST
‘Однажды медведь ревел, лев рычал’.

В тексте представлены также сложные предложения, в составе которых простые предложения соединяются с помощью различных

союзов и послелогов: *вә йәнә* ‘также, и также’, *андин суң* ‘после этого’, *аның өчөн кем* ‘поэтому’ и т. д.

В «Дафтар-и Чингиз нама» много текстов с прямой речью. Часто встречаются предложения с прямой речью в середине авторской речи:

- (13) *Андин Тумауыл мэргән әй-де:*
 После Тумаул меткий сказать-PST
“Үзе быуаз, үзе кыз!” — ди-де
 сам(а) беременный сам(а) девушка сказать.PRS-PST
 ‘После этого Тумаул-мэргән сказал: «Сама беременна, сама — девушка!»’.

Предложения, составленные по данной модели, являются широко распространенными в современном башкирском языке.

Как памятник письменного языка XVIII в., особо ценным является «Письмо Батырши Елизавете II» (1755). «Рукопись отражает состояние письменного языка тюрки Урало-Поволжья в середине XVIII в. Текст письма позволяет показать локальные особенности, а также традиционные черты литературного языка, выявить в нем кыпчакско-огузские и уйгуро-карлукские элементы, соотношение письменного и народно-разговорного языков» [Хусаинов 1979: 121; 1993]. В области синтаксиса можно обнаружить различные виды простых и сложных предложений. Часто встречаются сложные синтаксические конструкции:

- (14) *Таң ат-ды, күр-де-м:*
 Рассвет рассветать-PST видеть-PST-1SG
йорт-ом тикрә-се, ауыл-ым тулу-сы халык
 дом-1SG округа-P.3 деревня-1SG полный-P.3 народ
 ‘Рассвело, я увидел: вокруг моего дома, в ауле собралась полная улица народу’.

В памятнике встречаются практически все типы простых предложений: односоставные и двусоставные, распространенные и нераспространенные, полные и неполные. Простые предложения характеризуются осложненностью однородными членами:

- (15) *Вә һәм иләү-ләр-дә-ге бәгзе ыстаршина-лар*
 и и волость-PL-LOC-ADJ некоторый старшина-PL
биниһәйә залим-лык-лар илә халайык-лар-ның
 бесконечный тиран-NMLZ-PL с народ-PL-GEN

мал-ы-н *йый-ып* *вә* *исеркеч-ләр* *эч-еп,*
 скот-Р.З-АСС собирать-CV и алкоголь-PL пить-CV
вә *әдәми-ләр-не* *кылыч* *берлә* *чаб-ып,*
 и человек-PL-АСС меч с рубить-CV
кул-лар-ны *кис-еп,* *мо-ның* *охшап-лы*
 рука-PL-АСС резать-CV этот-GEN похожий-ADJ
хәтсез *жәфа-лар* *кыл-ды-лар*
 бесчисленный мука-PL делать-PST-PL

‘Также и в волости некоторые старшины с бесконечной жестокостью отбирают скот и выпивают алкоголь, и рубят людей мечом, отрубают руки, совершают тому подобные бесчинства’.

Итак, отметим, что для письменных памятников XVI–XVIII вв. характерно наличие различных сложных конструкций, использование которых зависело, прежде всего, от характера и содержания письменного источника, а также от уровня образованности автора. Широко проникали структурные элементы, характерные для народно-разговорного языка. Особенно это касается тех текстов, где встречаются конструкции с инверсией, употребляющиеся для обособления того или иного члена предложения:

- (16) *Андан соң ыстаршина Яныш-ның писар-е*
 тот.ABL после старшина Яныш-GEN писарь-Р.З
Кузьма-ға бар-ду-м паһшурт ал-ыр-ға
 Кузьма-DAT ходить-PST-1SG паспорт брать-POT-DAT
Оренбург-ка бар-ыу өчөн
 Оренбург-DAT ехать-NMLZ для

‘После того я пошел к писарю старшины Яныша Кузьме, чтобы получить паспорт для поездки в Оренбург’ («Письмо Батырши к императрице Елизавете Петровне»).

В данном предложении обстоятельственный оборот цели *паһшурт алырға Оренбургка барыу өчен* ‘чтобы получить паспорт для поездки в Оренбург’ употребляется после сказуемого, которое обычно стоит в самом конце предложения.

Особенности живой речи башкир в наибольшей степени отражены в *шежере*. «До настоящего времени сохранились главным образом те *шежере*, которые были переписаны в XVIII–XIX вв.» [Кузеев 1960: 15]. Они характеризуются синтезом литературных и фольклорных традиций. Например, *шежере* племени *усерган*

отличается от других тем, что оно представляет собой поэтический текст. В некоторых текстах преобладают особенности народно-разговорного, в других — традиции литературного языка. Первый тип представляет «Шежере башкир племени мин»:

- (17) *Бадшаһ олуг кеназ Алекчэй Михайлич зэман-ы-нда*
Падишах великий князь Алексей Михайлович время-Р.3-LOC
көчла-с-мас-кә ер-ләр-у-н
навязывать-RECP-NEG.POT-DAT земля-PL-Р.3-ACC
бул-еш-де-ләр
делить-RECP-PST-PL
совр. баш. *Батша оло кенәз Алексей Михайлович заманында*
[авт. бер-береһе менән] ыҙғышмаҫка ерҙәрән бүлештеләр.
‘Во времена царствования великого князя Алексея Михайловича, чтобы не враждовать [друг с другом], разделили земли’
(Кузеев 1960: 50).

Данный пример демонстрирует, что лексемы и грамматические формы в шежере первого вида совпадают с лексико-грамматическими формами современного башкирского языка: *зэманын-да* — совр. баш. *заманын-да* ‘во времена’, *көчлас-мас-кә* — совр. баш. *көсләш-мәс-кә* ‘не враждовать’, *бүлеш-де-ләр* — совр. баш. *бүлеште-ләр* ‘поделили’).

Второй тип представлен «Шежере башкир племен бурзян, кыпсак, усерган и тамьян»:

- (18) *1552-че йыл үктәбер-е-нең 2-че көн-е-ндә*
1552-ORD год октябрь-Р.3-GEN 2-ORD день-Р.3-LOC
Русиә жәмәғәт-ләр-е Казан шәһәр-е-н
Россия народ-PL-Р.3 Казань город-Р.3-ACC
ал-мыш-дыр һәм йорт-лар бина
брать-PST-навверное и дом-PL здание
кыл-мыш-дыр
делать-PC.PST-навверное
совр. баш. *1552-се йылдың октябренең 2-се көнөндә урыҫтар*
Казан калаһын алдылар һәм йорттар бина кылдылар.
‘В 1552-м году во 2-й день октября русские взяли город Казань и построили дома’ [Кузеев 1960: 75].

В этом примере ясно прослеживается употребление глагольных показателей в соответствии с огузской литературной нормой:

алмышдыр — совр. баш. *алдылар*, *кылмышдыр* — совр. баш. *кылдылар*.

Подробный анализ синтаксиса текстов шежере произведен Р.Х. Халиковой в монографии «Язык башкирских шежере и актов документов XVIII–XIX вв.» (1990). Автор выделила следующие виды предложений, употребляющихся в названных памятниках: а) простые: распространенные и нераспространенные, полные и неполные, личные и безличные; б) сложные: сложносочиненные (бессоюзные и союзные), сложноподчиненные (с придаточными времени, цели, причины, придаточное условное, определительное, изъяснительное).

Исследователем отмечено, что в шежере и актовых документах XVIII–XIX вв. широко употреблялись восклицательные и вопросительные предложения, которые имеют различную стилистическую нагрузку. В частности, они придавали изложению живость, убедительность и выразительность.

- (19) *Бән сиңә бар-уб, кыямәт көн-ө-ндә*
 Я ты.DAT пойти-CV светопреставление день-P.3-LOC
ир-үм-ә нә жауап бир-үр-мен?
 муж-P.1SG-DAT что ответ дать-POT-1SG.

‘Если я пойду за тебя, что я отвечу своему мужу, когда встречу с ним на том свете?’ (Шежере башкир рода карагай-кыпсак племени кыпсак).

Здесь вопросительное предложение имеет стилистическую нагрузку, вопрос имеет риторический характер.

Отдельную группу среди письменных памятников XVIII–XIX вв. занимают историко-литературные произведения — *таварихи*: «Таварих-и Булгария» Хисамитдина Муслими (конец XVII — начало XIX в.), «Тарих нама-и Булгар» Тажетдина Ялсыгула (1805 г.), «Таварих-и Булгария, или Такриби-Гари» Гали Сокороя (конец XIX в.). «В языке таварихов в целом органически переплетаются языковые средства, характерные для нескольких разновидностей языка: народно-разговорной речи башкир и татар, языка фольклора и башкирских шежере, книжно-литературной традиции» [Галаяудинов 2000: 131]. Ср.:

- (20) *Әй даръя-сы Өфө идел-е-нә коя-р.*
 Ай река-P.3 Уфа река-P.3-DAT лить-POT

“Танып” *ди-де-ке* *вә һәм* “Бөрө”
 Танып называть-PST-ADJ и и Бирск
ди-де-ке йылга Ак Идел-гә коя-р ...
 называть-PST-ADJ река Белый река-ДАГ лить.POT
Бу диңгез-дә таг кеби аждаһа-лар вар-дыр.
 этот море-LOC гора подобно дракон-PL есть-наверное
Вә бу диңгез-дә атау-лар вар-дыр.
 и этот море-LOC остров-PL есть-наверное
Вә бу атау-да әнуаг жимеш агаш-лар-ы
 и этот остров-LOC разный плод дерево-PL-РЗ
чук-тыр
 много-наверное

‘Река Ай впадает в Уфимку. Реки под названиями Танып и Бирь впадают в Агидель ... В этом море есть драконы ростом с гору. И на этом острове в изобилии разные плодовые деревья’ («Таварих-и Булгария» Х. Муслими).

Из приведенного отрывка видно, что в тексте представлены формы книжного стиля (*вә, бу, дидеке, идел, кеби, таг, вар-*) и разговорной речи (*кояр, йылга, аждаһалар*); в тексте представлено также обилие арабизмов (*вә, ануаг*) и персизмов (*даръя, аждаһа*).

Для таварихов характерно употребление простых предложений, которые представляют собой перечисление исторических персонажей и событий:

- (21) *Нух-ның дүрт углы бул-ды.*
 Нух-GEN четыре сын быть-PST
Кәнгән туфан-да һәләк ул-ды кафр ир-де.
 Кана’ан потоп-LOC смерть быть-PST неверный быть-PST
Кал-ган уч углан-дар-ы: Сам, Йәфес, Хам
 остаться-PC.PST три сын-PL-РЗ Шем Яфет Хам
 ‘У Нуха было четверо сыновей. Кана’ан погиб при потопе, (он) был неверным. Остальные трое сыновей: Шем, Яфет, Хам остались’ («Тарих нама-и Булгар» Т. Ялсыгула).

В текстах таварихов встречаются сложные предложения, прямая речь, особенно в произведениях более поздних веков. Ср. бессоюзное сложносочиненное предложение:

- (22) *Мәзкүр кыз-дан бер угыл туг-ды,*
 Вышесказанный девушка-ABL один сын родиться-PST

ады-ны Гофтар куй-ды-лар
 имя-АСС Гофтар поставить-PST-PL

‘От вышеназванной девушки родился один сын, имя дали Гофтар’ («Тарих нама-и Булгар» Т. Ялсыгула).

Период XVIII–XIX вв. характеризуется появлением произведений суфийского (мистико-аскетического) характера. Известными представителями суфийской литературы Урало-Поволжья были Манди Кутуш Кыпсаки, Тажетдин Ялсыгул, Абдульманих Каргалы, Шамсетдин Заки, Хибатулла Салихов, Гали Сокорый, Гарифулла Киеков. Язык произведений суфийских авторов в лексическом, грамматическом и синтаксическом планах становится ближе к разговорному языку. К примеру, в синтаксисе произведения «Рисала-и ‘Азиза» («Послание Газизе», 1795 г.) Т. Ялсыгулова наблюдаются традиционные и инновационные элементы. Придаточные предложения, присоединяющиеся к главному предложению с помощью союзов (*ки, ким* ‘так как, когда, который, что’, *нитак ки, зира ки* ‘ибо, так как, потому что’, *эгәр, эгәрчә* ‘если, хотя’, *та, таки* ‘до тех пор пока’ и т. п.), характерны для традиционной письменной речи. Пример:

(23) *Зира ки сахиб илтимас-ы-ның исм-е һәм Ғәзизә*
 ибо да хозяин просьба-P.3-GEN имя-P.3 и Азиза
иде, шуның үчүн “Рисала-и Ғәзизә” ул-ды.
 быть-PST тот.GEN потому Рассказ Азиза быть-PST.

‘Так как и имя просителя было ‘Азиза, дано [название]’ «Рисала-и ‘Азиза»’.

Но часто встречаются и бессоюзные придаточные предложения с деепричастным сказуемым на *-ыб*, которые свойственны для разговорной речи и являются инновацией:

(24) *Һауа йөз-ө-ндә-ге кара болот-дан йағмур*
 Воздух лицо-P.3-LOC-ADJ черный облако-ABL дождь
йау-дығ-ы-нда, йағмур ара-сы-нда күк
 лить-NMLZ-P.3-LOC дождь промежуток-P.3-LOC небо
күкрә-б, йәшен йәшинә-б, нәрсә-ләр-е-н суг-ыб,
 греметь-CV молния сверкать-CV что-PL-P.3-ACC ударять-CV
йан-дыр-а
 гореть-CAUS-PRS

‘Когда идет дождь из черных туч на небе, во время дождя гремит гром, сверкает молния и воспламеняет то, во что ударит’.

Как считает И. Г. Галаятдинов, бессоюзные предложения введены Т. Ялыгуловым для понимания произведения широким кругом читателей, так как автор здесь выступает не только в роли толкователя и комментатора книги Аллаяра, но и как рассказчик и поэт [Галаятдинов 1998].

Во второй половине XIX в. на смену суфийской традиции приходит просветительская литература: произведения М. Акмуллы, М. Уметбаева и др. Многообразие их произведений характеризуется употреблением различных типов простых и сложных предложений, осложненных сложными предложениями, сложных синтаксических конструкций. Синтаксис языка данных авторов максимально приближен к синтаксису современного башкирского языка:

(25) *Бында ер-зең ниғмәт-тәр-е,*
здесь земля-GEN богатство-PL-P.3

хуш еҫ-ле шиң-мәҫ гөл-дәр-е,
ароматный запах.ADJ вянуть-NEG.POT цветы-PL-P.3

тыңғы бел-мәҫ урман шау-ы,
покой знать-NEG.POT лес шум-P.3

алтын-дай көн һәм төн-дәр-е
золото-SIMIL день и ночь-PL-P.3

‘Здесь земные богатства, не увядающие ароматные цветы, беспрестанный шум леса, подобны золоту дни и ночи’ (М. Уметбаев);

(26) *Кат=кат сәләм мин мосафир Акмулла-нан,*
Раз=раз привет я путник Акмулла-ABL

тура әйт-еп, халык-ка яз-ған хак
прямо сказать-CV народ-DAT писать-PC.PST праведный

мулла-нан. Бәтә сәхрә эс-тәр-е-нә без-зән
мулла-ABL Весь простор нутро-PL-P.3-DAT мы-ABL

сәләм дошман-дың яла-һы-нан пак мулла-нан
привет враг-GEN клевета-P.3-ABL чистый мулла-ABL

‘Снова и снова привет от странника Акмуллы, от правдивого муллы, чье бесхитростно слово. Всему простору степи привет от нас, от муллы, кого не запятнают наветы врага’ (М. Акмулла).

Важную часть письменных источников башкирского языка составляет фольклор в записях XIX–XX вв.: эпосы, сказки, баиты,

песни, частушки, мунаджаты, легенды и др. Из самых крупных эпических произведений можно назвать кубаиры «Урал-батыр», «Идукей и Мурадым», «Акбузат», «Алдар и Зухра», «Бабсак и Кусяк», «Кузыйкупес и Маянхылыу» и др.

Значительное влияние на развитие письменной формы башкирского языка имеет русский литературный язык. Это влияние наблюдается в синтаксисе художественных произведений с начала XX века. Наиболее наглядно данная тенденция проявляется в оформлении прямой речи и диалога в башкирском языке. Так, наиболее распространенной и типичной является конструкция, когда прямая речь заключена внутри авторской речи или занимает препозитивную позицию.

(27) *Ҡин ошо ер-зә мине кәт-әп тор,*
ты этот место-LOC я.ACC ждать-CV стоять

дейеү-зең баш-ы-на ет-кәс,
див-GEN голова-Р.З-DAT достичь-CV.ANT

кил-еп ал-ыр-мын”,
прийти-CV взять-POT-1SG

тип дейеү менән алыш-ыр-ға кит-кән.
див сказать-CV с сражаться-POT-DAT уйти-Р.С.PST.

‘Ты подожди меня на этом месте, когда убью дива, приду и возьму тебя», — сказал он и пошел сражаться с дивом’ («Урал-батыр»).

Постпозитивное положение прямой речи и конструкция, в которой авторская речь употребляется в середине прямой речи, в башкирском литературном языке получили распространение под воздействием русского языка [Грамматика 1981: 486]:

(28) *Әй эс-е-ндә-ге-ләр-зе йыуат-ыр өсөн,*
дом внутренняя.часть-Р.З-LOC-ADJ-PL-ACC утешать-POT для

ул былай ти-не: “Ҡуғыш бар-ған-да,
он так сказать-PST война идти-Р.С.PST-LOC

әй-зә ят-ып бул-маҫ бит инде...”
дом-LOC лежать-CV быть-NEG.POT ведь быть.PST

‘Чтобы успокоить домашних, он сказал: «Ведь невозможно же лежать дома, когда идет война...»’ (С. Агиш).

Завершая краткий экскурс в историю формирования синтаксического строя башкирского литературного языка, отметим что

это был многовековой, многоступенчатый процесс. На развитие синтаксиса башкирского языка в первую очередь оказали влияние язык тюрки Урало-Поволжья (XIII–XVIII вв.), книжные традиции, связанные с персидской и арабской литературой, традиции устного народного творчества, проникали элементы, характерные для народно-разговорного языка, а также повлияли синтаксические особенности русского литературного языка. На сегодня имеется достаточное количество письменных памятников, позволяющих проследить историю становления синтаксиса башкирского языка.

4. Структурно-семантическое направление в изучении башкирского синтаксиса

Структурно-семантическое, функционально-коммуникативное направление в изучении синтаксиса в отечественном языкознании начало развиваться со второй половины XX века. В работах Г. А. Золотовой, В. А. Белошапковой определились ключевые пути и методы исследования, в которых основное внимание уделяется семантической составляющей предложений [Золотова 1973, 1988; Золотова и др. 2004; Белошапкова 1977]. Направление, объединяющее структурный, функциональный и семантический подходы в изучении синтаксиса, получает особое развитие в трудах М. И. Черемисиной [Черемисина 2004; Черемисина, Озонова 2005]. За прошедшие 50 лет значительное развитие данного направления позволило осветить многие общетеоретические и частные вопросы.

Стремление выделить в синтаксическом строе семантически значимую единицу прослеживается уже в трудах ученых, работающих в русле традиционной лингвистики. Например, в башкирском языкознании в «Грамматике...» Н. К. Дмитриева словосочетания подразделяются по семантико-синтаксическим признакам [Дмитриев 1948], К. З. Ахмеровым словосочетания признаются одной из главных семантико-синтаксических категорий [Ахмеров 1958]; Г. Г. Саитбатталов выделяет типы односоставных предложений, опираясь на грамматико-семантический принцип [Саитбатталов 1960: 65]. Положения структурно-семантического синтаксиса применительно к башкирским предложениям в последующие годы находят свое развитие в трудах Д.С. Тикеева и его учеников. Ими разрабатываются вопросы семантической составляющей словосочетаний и простых предложений современного башкирского языка,

проблемы актуального членения, коммуникативной парадигмы предложений. Так, в монографии Д. С. Тикеева подробно рассматриваются структурно-семантические модели простых предложений башкирского языка [Тикеев 2005]. Автор исходит из того, что предложение — «это синтаксическая категория, в основе которой лежит абстрактная структурная схема, предназначенная для того, чтобы, будучи наполненной лексическим материалом, стать сообщением сведения о действительности» [Тикеев 2005: 11]. В дальнейшем в исследованиях, выполненных под руководством Д. С. Тикеева, изучаются такие проблемы, как структурно-семантические особенности строения описательных микротекстов [Валиева 2002], вставочные конструкции [Рысаева 2002], пунктуационная система [Хабибуллина 2004], осложненные простые предложения [Габитова 2004], структурно-семантические особенности неглагольных [Алимбаева 2005] и именных [Кабирова 2010] сказуемых, коммуникативно-функциональные типы вопросительных [Арсланова 2006] и восклицательных [Батталова 2008] предложений, синтаксическая синонимия [Агзямова 2009]. Данные работы в совокупности помогают составить представление о сущности синтаксического строя башкирского языка в органической взаимосвязи словосочетание–предложение–текст.

В целом, можно сказать, что традиционный синтаксис положил основу разработке структурно-семантического синтаксиса, который, в свою очередь, изучая отвлеченно-семантическое наполнение структурных элементов предложения, служит основой для исследований прикладного характера. (но в тоже время нельзя не отметить, что некоторые его положения еще ждут более детальной теоретической проработки).

5. Башкирский синтаксис с позиций прикладной лингвистики

Как известно, основной функцией синтаксического уровня языка является соединение, интеграция единиц низших уровней в такую единицу, которая может стать единицей общения, коммуникации, т. е. построение предложений. Целью изучения синтаксиса является выявление правил построения и преобразования словосочетаний и предложений, т. е. синтаксических механизмов языка. Важным подспорьем в изучении синтаксиса в последние годы стало

такое мощное средство, как лингвистический корпус (в настоящее время подобные уже созданы для многих языков мира).

Разработкой башкирского национального корпуса занимаются сотрудники Лаборатории лингвистики и информационных технологий отдела языкознания ИИЯЛ УФИЦ РАН. На сегодняшний день лабораторией создана информационная система «Машинный фонд башкирского языка», который включает подфонд генеральной картотеки, лексикографический подфонд, грамматический подфонд, подфонд каталога старопечатных книг, экспериментально-фонетический подфонд, диалектологический подфонд и собственно лингвистические корпуса башкирского языка (корпус прозаических текстов, содержащий 1240 произведений 129 авторов, опубликованных с 1917 г. по сегодняшний день, общим объемом в 20 миллионов словоупотреблений, корпус публицистических текстов — в 6,8 миллиона словоупотреблений, корпус фольклорных текстов общим объемом в 830 тысяч словоупотреблений) [<http://mfbl2.ru>].

Перед сотрудниками Лаборатории стоит задача разработки синтаксической разметки для корпусов башкирских текстов с учетом формального аспекта предложений. Формальный (структурный) анализ предложения позволяет устанавливать типы предложений, синтаксические связи между словами, строить модели предложений и т. д. Именно с помощью такого анализа с его помощью можно достаточно эффективно работать с большими массивами текстов, например, при создании синтаксически размеченных корпусов, когда известная строгость и формализация описания оказываются не только желательны, но и необходимы [Котов 2013]. Формально, т. е. с помощью специальных символов, описав синтаксическую конструкцию, можно наглядно и сжато представить ее структуру.

Обзор функционирующих в сети Интернет синтаксически аннотированных корпусов показывает, что для представления синтаксической структуры предложения используются различные подходы. У каждого из этих подходов есть как свои преимущества, так и свои недостатки, при этом они призваны решать разные лингвистические задачи и выбор того или иного подхода обусловлен задачами конкретного исследовательского проекта.

1. *Традиционный синтаксис членов предложения* (Хельсинкский аннотированный корпус русского языка, ХАНКО). Данный подход, опирающийся на классификацию членов предложения, позволяет устанавливать типы и разновидности синтаксических конструкций,

способы соединения слов и форм слов в словосочетания и предложения. На выходе корпус выдает графическую разметку и таблицу с синтаксическими признаками членов выбранного предложения.

2. *Грамматика структурных схем* (информационная система «Статистические методы анализа литературного текста», ИС «СМАЛТ»). В основе данного подхода лежит идея структурной схемы предложений в понимании Н. Ю. Шведовой и ее последователей [Рогов и др. 2010: 263].

При последовательном применении этой теории возможно получение строго упорядоченного и конечного списка структурных схем простого предложения [Рогов и др. 2008: 326–333]. Однако при таком подходе описывается только предикативная основа предложения. Не весь языковой материал можно вписать в жесткие рамки данной модели.

3. *Структура зависимостей* (НКРЯ, Чешский национальный корпус). Основной целью данного подхода является описание синтаксических отношений между словами, которые отображаются в иерархически упорядоченной структуре. На выходе корпус выдает дерево зависимостей, в узлах которого стоят слова предложения, а ветви помечены именами синтаксических отношений.

4. *Грамматика непосредственно составляющих* (The Penn Discourse Treebank Project). Данный подход описывает один из важнейших видов упорядоченных отношений — отношения между группами слов. Он основан на допущении, что всякая сложная единица языка или текста складывается из двух более простых и линейно не пересекающихся единиц — её непосредственно составляющих. Последние могут дробиться на составляющие меньшего размера [ЛЭС 1990]. Как пишет В. М. Алпатов, такой анализ жестко ориентирован на языки со строгим порядком слов типа английского [Алпатов 2005: 279].

Помимо вышеперечисленных синтаксических подходов, реализованных в лингвистических корпусах, есть еще один (система синтаксических групп), который заслуживает упоминания в силу своей универсальности, поскольку соединяет в себе преимущества структуры зависимостей и структуры составляющих. При таком подходе, предложенном математиком А. В. Гладким, модель предложения представляет собой граф, узлами которого являются некоторые подмножества множества всех словоформ предложения, а стрелки указывают на наличие и тип подчинительной связи между узлами [Гладкий 1985].

Кроме того, они не позволяют описывать разрывные словосочетания. Поэтому ни одна из моделей не дает полного представления о синтаксической структуре предложения. Отталкиваясь от такой критики, Гладкий предложил более общую модель, названную им системой синтаксических групп

Создание систем синтаксической разметки является одной из актуальных проблем и для тюркских языков, включая башкирский. На сегодняшний день разработки по внедрению синтаксической разметки в лингвистические корпуса ведутся для ряда тюркских языков. Для лингвистического корпуса казахского языка планируется использование грамматики зависимостей [Макажанов и др. 2014; Тулеев 2015]. Татарские ученые планируют использовать модель деревьев зависимостей для синтаксической разметки татарских текстов [Гатиатуллин, Сулейманов 2012].

Разработчики корпуса башкирского языка при создании синтаксически аннотированного корпуса намерены использовать два вида синтаксической разметки — разработанную в рамках теории членов предложения и разработанную в рамках теории синтаксических групп.

Система синтаксической разметки, основанная на традиционном описательном синтаксисе, который является общепринятым в школьной и отчасти вузовской программе, будет предназначаться для учащихся средних школ, студентов средних специальных и высших учебных заведений. Выбор данной теории обусловлен и тем, что она является одной из наиболее разработанных в башкирском языкознании.

Преимущество подобной разметки в том, что она позволит устанавливать типы и разновидности синтаксических конструкций с учетом семантических отношений и формальных средств их выражения между членами данных конструкций, определять синтаксические функции слов и словосочетаний в предложении:

- (29) *Кем бейек тау-ға һәм текә кая-ға*
 кто высокий гора-DAT и крутой скала-DAT
мен-май (1), шул киң ялан-ды ла
 подниматься-NEG.PRS тот широкий поле-ACC и
бел-май (2).
 знать-NEG.PRS

‘Не поднявшись на гору, не увидишь равнины’ (Поговорка).

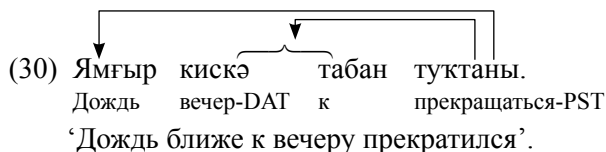
(Сложноподчиненное предложение, придаточное препозитивное подлежащее предложение (1), главное предложение (2).

Теория синтаксических групп для разметки корпуса будет полезна при научных изысканиях для ученых-лингвистов, позволит выявлять отношения между словами и группами слов (составляющими).

В то же время данная теория еще не нашла своего отражения в трудах ученых, изучающих синтаксис башкирского языка, и требует детального исследования и наложения на башкирский текстовый материал. Данный подход позволит строить модели предложений без разрыва синтаксически неразложимых сочетаний, состоящих из нескольких словоформ. Например, аналитические формы глагола (*алған булған* ‘(он) уже (оказывается) взял’, *барыр ине* ‘(он) шел’), некоторые местоимения (*һис кем* ‘никто’, *әллә кайза* ‘где-то, невесть где’), сложные слова (*кайын еләге* ‘малина’, *һары мәтрүшкә* ‘зверобой’), послелог, союзы и частицы со своими управляемыми словами и т. д. будут рассматриваться как цельная синтаксическая группа (например, деревья зависимостей не учитывает связи между словосочетаниями и синтаксически неразложимыми группами слов). При этом уточнение моделей синтаксических структур идет от уточнения управляющих связей между словами и словосочетаниями к уточнению связей между группами синтаксических единиц [Анисимов 1991: 25].

Графическая схема предложения,
представленная в теории синтаксических групп
А. В. Гладкого

Structural schemes of the sentence
presented in the theory of syntactic groups by A. V. Gladky

Предприняты попытки описания синтаксиса тюркских языков в рамках генеративной грамматики. В частности, стоит отметить исследования, проведенные по синтаксису татарского языка [Коваль 2016: 485–500; Лютикова 2014: 50–70; Лютикова и др. 2007; 2016; Татевосов и др. 2017], в которых подробно описываются внутренняя структура именных групп и «их дистрибуция во внешнем синтаксическом контексте» [Лютикова 2016: 18].

Синтаксически размеченный корпус будет по объему небольшим, поскольку работа над ним является сложной и трудоемкой, требующей ручной обработки информации. На начальном этапе предполагается ручная разметка, затем на базе созданных массивов данных будет разработан алгоритм автоматической разметки. Текст будет обрабатываться синтаксическим анализатором для распознавания структуры предложения или его отдельных частей. В корпусе будут представлены в равной пропорции прозаические, публицистические тексты современных авторов и фольклорные тексты в прозаической форме. Такой корпус позволит на основе языковых данных устанавливать синтаксические связи, определять типы предложений, синтаксические функции, строить модели синтаксических конструкций, быстро и эффективно находить в корпусе примеры интересующих пользователя слов, форм и конструкций.

При успешном решении данной задачи башкирские лингвисты смогут использовать результаты работы для текстов более раннего периода и приступить к исследованиям в области исторического синтаксиса, что позволило бы выявлять структурные типы синтаксических конструкций, проводить анализ изменений синтаксических структур в диахронии.

6. Заключение

В изучении синтаксиса башкирского языка выделяется несколько этапов, которые соответствуют основным направлениям синтаксического анализа, разработанным в отечественном языкознании. Традиционный синтаксис, главное достижение которого заключалось в выявлении роли основных членов предложения, развивался параллельно с историческим языкознанием; в работах этого направления нашли отражение (хоть и фрагментарное) сведения по историческому синтаксису башкирского языка. Структурно-семантический синтаксис, главной целью которого является описание семантики и прагматики синтаксических конструкций, формировался одновременно с исследованиями прикладного характера. Изучение большого объема письменных (рукописных, печатных изданий) и устных (фольклорных) произведений башкирского языка, постепенно фиксируемых в лингвистических корпусах, позволяет судить об этапах становления синтаксических норм башкирского

литературного языка, а также наметить перспективы дальнейших исследований.

Обзор трудов по синтаксису башкирского языка показал, что, несмотря на наличие многочисленных исследований, отражающих различные аспекты синтаксического строя, еще остается немало нерешенных проблем, которые требуют нового освещения и глубокого осмысления. Предстоит описание синтаксических структур языка с использованием методов не только традиционного или структурно-семантического подходов, но и современной синтаксической типологии. Не менее важным представляется описание исторических изменений синтаксиса башкирского языка на всем протяжении его истории, обусловленных как внутренними, так и внешними факторами развития языка.

Одной из первоочередной задач современных лингвистов также является создание синтаксически аннотированного корпуса.

В целом, тенденции в изучении синтаксиса башкирского языка определялись господствовавшими в тот или иной период взглядами языковедов на синтаксический строй языка и были ориентированы на разработку актуальных для каждой эпохи вопросов. Развитие современных синтаксических теорий, в свою очередь, также предопределяет перспективы дальнейших исследований.

Список условных сокращений

ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ADJ — имя прилагательное; DAT — датив; CAUS — каузатив; CV — деепричастие; CV.ANT — деепричастие предшествования; GEN — генитив; IMP — императив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; ORD — порядковое числительное; PASS — пассив; PL — множественное число; PC.PST — причастие прошедшего времени; POT — будущее неопределенное время; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; P1 — категория принадлежности, 1 лицо; P3 — категория принадлежности, 3 лицо; RECP — реципрок; SIMIL — уподобление; 1SG — 1 лицо единственное число; 2SG — 2 лицо единственное число.

Литература

Абдурахманов 1967 — Г. А. Абдурахманов. Исследование по старотюркскому синтаксису XI в. М.: Наука, 1967.

- Агзямова 2009 — С. Х. Агзямова. Синтаксические синонимы в башкирском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Стерлитамак, 2009.
- Азнабаев 1965 — А. М. Азнабаев. Обособленные второстепенные члены предложения в башкирском языке и методика их преподавания в школе. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1965.
- Азнабаев, Псянчин 1983 — А. М. Азнабаев, В. Ш. Псянчин. Историческая грамматика башкирского языка. Уфа: Изд-во Башкирского гос. ун-та, 1983.
- Айдаров 1971 — Г. Айдаров. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII в. Алма-Ата: Наука, 1971.
- Алимбаева 2005 — Г. Г. Алимбаева. Структурно-семантические особенности неглагольных сказуемых в современном башкирском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005.
- Алпатов 2005 — В. М. Алпатов. История лингвистических учений: Учеб. пособие. 4-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Анисимов 1991 — А. В. Анисимов. Компьютерная лингвистика для всех: Мифы. Алгоритмы. Язык. Киев: Наукова думка, 1991.
- Арсланова 2006 — М. С. Арсланова. Структурные и функционально-семантические типы вопросительных предложений в современном башкирском литературном языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Стерлитамак, 2006.
- Ахмеров 1958 — К. З. Ахмеров. Синтаксис простого предложения в башкирском языке. Уфа: БКИ, 1958.
- Ахмеров 1960a — К. З. Ахмеров. Порядок слов в предложении в башкирском языке // В помощь учителю башкирского языка: Сб. статей. / Ред. Дж. Г. Киекбаев. Уфа: БКИ, 1960. С. 53–63. (на башк. яз.)
- Ахмеров 1960b — К. З. Ахмеров. Синтаксис сложносочиненного предложения в башкирском языке. Уфа: БКИ, 1960. (на башк. яз.)
- Батталова 2008 — Г. Н. Батталова. Восклицательные предложения в современном башкирском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Стерлитамак, 2008.
- Белошапкина 1977 — В. А. Белошапкина. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1977.
- Валиева 2002 — Г. Д. Валиева. Структурно-семантическое строение описательных микротекстов в современном башкирском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2002.
- Габитова 2004 — Г. А. Габитова. Простые осложненные предложения в современном башкирском литературном языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Стерлитамак, 2004.
- Гаджиева 1973 — Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М.: Наука, 1973.

- Гаджиева, Серебренников 1986 — Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебренников. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. М.: Наука, 1986.
- Галаяутдинов 1998 — И. Г. Галаяутдинов. «Тарих нама-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова (Лингвотекстологический анализ списков памятника. Грамматический очерк, лексика, сводный текст и перевод). Уфа: Китап, 1998.
- Галаяутдинов 2000 — И. Г. Галаяутдинов. Два века башкирского литературного языка. Уфа: Гилем, 2000.
- Галаяутдинов, Ишбердин 2018 — И. Г. Галаяутдинов, Э. Ф. Ишбердин. Башкирский язык (переизд.) // А. Г. Салихов (ред.). Востоковедение в Башкортостане. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 43–53.
- Гатиатуллин, Сулейманов 2012 — А. Р. Гатиатуллин, Д. Ш. Сулейманов. Модель многословных конструкций татарского языка: аналитические формы // Казанская наука. 2012. № 12. С. 220–223.
- Генералова 2016 — В. А. Генералова. Выбор стратегии оформления сентенциальных актантов в башкирском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2016. Т. XII. Ч. 1. С. 323–335.
- Гладкий 1985 — А. В. Гладкий. Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения. М.: Наука, 1985.
- Грамматика 1981 — А. А. Юлдашев (ред.). Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981.
- Джумагулов 1968 — Ч. Джумагулов. Язык несторианско-тюркских памятников Киргизии // Известия АН Кирг. ССР, 1968. № 3. С. 53–59.
- Закиев, Курбатов 1971 — М. З. Закиев, Х. Р. Курбатов. Современный татарский литературный язык: Синтаксис. М.: Наука, 1971.
- Золотова 1973 — Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.
- Золотова 1988 — Г. А. Золотова. Синтаксический словарь русского языка. М.: Наука, 1988.
- Золотова и др. 2004 — Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Наука, 2004.
- Кабирова 2010 — Г. У. Кабирова. Структурно-семантические особенности предложений с именным сказуемым в башкирском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Стерлитамак, 2010.
- Кондратьев 1962 — В. Г. Кондратьев. Конструкция изафета и прямое дополнение в языке памятников тюркской рунической письменности // Ученые записки Ленинградского гос. ун-та. Серия востоковедческих наук. 1962. Вып. 16. № 3. С. 68–79.
- Кононов 1980 — А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. М.: Наука, 1980.

- Кордабаев 1967 — Т. Р. Кордабаев. Синтаксис казахского языка на материале XVI–XX вв. Алма-Ата: Гылым, 1967.
- Котов 2013 — А. А. Котов. Структурное описание предложения как основа синтаксической разметки в лингвистическом корпусе // Наука и мир. 2013. № 4. С. 183–186.
- Кузеев 1960 — Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере. Уфа: БКИ, 1960.
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Лютикова 2014 — Е. А. Лютикова. Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка // Вестник Московского гос. гуманитар. ун-та им. М. А. Шолохова. Серия Филологические науки. 2014. № 4. С. 50–70.
- Лютикова и др. 2007 — Е. А. Лютикова, К. И. Казенин, В. Д. Соловьёв, С. Г. Татевосов. Мишарский диалект татарского языка: очерки по синтаксису и семантике. Казань: Магариф, 2007.
- Лютикова 2016 — Е. А. Лютикова. Синтаксис именной группы в безартикле языке. Дисс. ... доктора филол. наук. М., 2016.
- Материалы 1962 — Р. Д. Магеррамова, М. П. Джангиров (ред.). Материалы по историческому синтаксису азербайджанского языка. Баку: Изд-во АН АзССР, 1962.
- Макажанов и др. 2014 — А. Макажанов, О. Махамбетов, И. Сабыргалиев, Ж. Есенбаев. Разработка синтаксического, лексического и морфологического наборов для казахского языка // Д. Ш. Сулейманов, В. Д. Соловьёв, О. А. Невзорова (ред.). Труды Казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2014. Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук РТ, 2014. С. 129–135.
- Мищенко 2016 — Д. Ф. Мищенко. Сложные глаголы в башкирском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2016. Т. XII. Ч. 2. С. 129–150.
- Насилов 1960 — В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. М.: Изд-во восточной литературы, 1960.
- Очерки 1989 — Э. Ф. Ишбердин, Р. Х. Халикова, И. Г. Галяутдинов, З. Г. Ураксин. Очерки истории башкирского литературного языка. М.: Наука, 1989.
- Рахматуллина 1983 — Л. Л. Рахматуллина. Сложноподчиненные предложения с придаточным времени в современном башкирском литературном языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 1983.
- Рогов и др. 2008 — А. А. Рогов, Г. Б. Гурин, А. А. Котов. Некоторые особенности грамматически размеченного корпуса по русской публицистике второй половины XIX века // А. С. Герд, В. П. Захаров, О. А. Митрофанова (ред.). Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2008». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 326–333.

- Рогов и др. 2010 — А. А. Рогов, Г. Б. Гурин, А. А. Котов. Синтаксическая разметка в корпусе текстов по русской публицистике XIX века «СМАЛТ» // А. А. Кретов (ред). Проблемы компьютерной лингвистики. Вып. 4. Воронеж: АНО «Институт ИТОУР», 2010. С. 263–271.
- Рысаева 2002 — Г. А. Рысаева. Вставочные конструкции в современном башкирском литературном языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Sterlitamak, 2002.
- Сайтбатталов 1999 — Г. Г. Сайтбатталов. Башкирский язык. I том. Синтаксис простого предложения. Уфа: Китап, 1999. (на башк. яз.)
- Сайтбатталов 1960 — Г. Г. Сайтбатталов. Односоставные предложения и их особенности // Дж. Г. Киекбаев (ред.). В помощь учителю башкирского языка. Уфа: БКИ, 1960. С. 64–86.
- Сайтбатталов 1972 — Г. Г. Сайтбатталов. Синтаксис простого предложения башкирского языка. Уфа: БКИ, 1972. Сайтбатталов 1961 — Г. Г. Сайтбатталов. Синтаксис сложного предложения башкирского языка. Уфа: БКИ, 1961.
- Сайтбатталов 1985 — Г. Г. Сайтбатталов. Стилистика башкирского языка. Уфа: БКИ, 1985.
- Сайтбатталов 1978 — Г. Г. Сайтбатталов. Стилистика и пунктуация башкирского языка. Уфа: БКИ, 1978 (на башк. яз.).
- Сай 2014 — С. С. Сай. Псевдопартитивы и другие именные конструкции с названиями контейнеров в башкирском языке // В. Ф. Выдрин, Н. В. Кузнецова (ред.). От Бикина до Бамбалюмы, из варяг в греки: экспедиционные этюды в честь Е. В. Перехвальской. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 107–126.
- Сай и др. 2017 — С. С. Сай, Д. Ф. Мищенко, М. А. Овсянникова, С. А. Оскольская. Вступительные замечания и формат представления данных // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2017. Т. XIII. Ч. 1. С. 7–16.
- Татевосов и др. 2017 — С. Г. Татевосов, А. Г. Пазельская, Д. Ш. Сулейманов. Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект. М.: Буки Веди, 2017.
- Тенишев 1976 — Э. Р. Тенишев. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников // С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, Э. Р. Тенишев (ред.). Turcologica. К 70-летию академика А. Н. Кононова. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976. С. 164–172.
- Тенишев 1977 — Э. Р. Тенишев. Функционально-стилистическая характеристика древнеуйгурского литературного языка // В. Н. Ярцева, М. М. Гухман (ред.). Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М.: Наука, 1977. С. 61–78.
- Тикеев 1989 — Д. С. Тикеев. Исследование синтаксиса простого предложения башкирского языка. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского гос. пед. ин-та, 1989.

- Тикеев 1991 — Д. С. Тикеев. Исследование синтаксиса сложного предложения башкирского языка. Куйбышев — Стерлитамак: Изд-во Куйбышевского гос. пед. ин-та; Стерлитамак. Изд-во Стерлитамакского гос. пед. ин-та, 1991.
- Тикеев 1992 — Д. С. Тикеев. Словосочетания в башкирском языке. Стерлитамак: Изд-во Стерлитамакского гос. пед. ин-та, 1992.
- Тикеев 2000 — Д. С. Тикеев. Современный башкирский язык. Очерки по синтаксису простого предложения. Уфа: Гилем, 2000.
- Тикеев 2004 — Д. С. Тикеев. Основы синтаксиса современного башкирского языка. М.: Наука, 2004.
- Тикеев 2005 — Д. С. Тикеев. Структурно-семантические модели простых предложений в башкирском языке. Уфа: Гилем, 2005.
- Тукуев 2015 — У. А. Тукуев. Синтаксический анализ казахского языка на основе грамматики зависимостей. (Электронный документ). URL: conference.kazntu.kz/?q=ru/download/592 (дата обращения 15.04.2018).
- Хабибуллина 2004 — Ф. Я. Хабибуллина. Пунктуационная система башкирского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Стерлитамак, 2004.
- Хады Мирза-заде 1968 — Хады Мирза-заде. Исторический синтаксис азербайджанского языка. Баку: Магариф, 1968.
- Халикова 1990 — Р. Х. Халикова. Язык башкирских шежере и актов документов XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1990.
- Хусаинов 1979 — Г. Б. Хусаинов. Письмо Батырши как памятник письменного языка // Р. Г. Кузеев (ред.). Археография и источниковедение истории литературы на Южном Урале. Уфа: БФАН СССР, 1979. С. 121–138.
- Хусаинов 1993 — Г. Б. Хусаинов. Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне. Уфа: УНЦ РАН, 1993.
- Хусаинов 1996 — Г. Б. Хусаинов. Башкирская литература (XI–XVIII вв.). Уфа: Гилем, 1996. 194 с.
- Хуснетдинова 1998 — Р. Я. Хуснетдинова. Номинативные предложения в современном башкирском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 1998.
- Щербак 1961 — А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из Восточного Туркестана. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1961.
- Щербак 1962 — А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Черемисина 2004 — М. И. Черемисина. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004.
- Черемисина, Озонова 2005 — М. И. Черемисина, А. А. Озонова. Синтаксис тюркских языков Южной Сибири. Простое предложение: Учеб.-метод. пособие. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2005.

- Acta Linguistica Petropolitana 2017 — Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2017. Т. XIII. Ч. 1.
- Ovsjannikova, Say 2014 — M. Ovsjannikova, S. Say. Between predicative and attributive possession in Bashkir / Pirkko Suihkonen, Lindsay Whaley (eds.). *On Diversity and Complexity of Languages Spoken in Europe and North and Central Asia* [Studies in language companion series 164]. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 175–202.

References

- Abdurahmanov 1967 — G. A. Abdurahmanov. Issledovanie po staroturkskomu sintaksisu XI v. [Study on the Old Turkic syntax of the XIth century]. Moscow: Nauka, 1967.
- Acta Linguistica Petropolitana 2017 — Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN. 2017. Vol. XIII. Pt. 1.
- Agzyamova 2009 — S. H. Agzyamova. Sintaksicheskie sinonimy v bashkirskom yazyke. Diss. kand. filol. nauk [Syntactic synonyms in the Bashkir language. PhD dissertation in phil. science]. Sterlitamak, 2009.
- Akhmerov 1958 — K. Z. Akhmerov. Sintaksis prostogo predlozheniya v bashkirskom yazyke [The syntax of a simple sentence in the Bashkir language]. Ufa: BKI, 1958.
- Akhmerov 1960a — K. Z. Akhmerov. Poryadok slov v predlozhenii v bashkirskom yazyke [Word order in a sentence in the Bashkir language]. J. G. Kiekbaev (ed.) *V pomoshch' uchitelyu bashkirskogo yazyka* [For help to the teacher of the Bashkir language]. Ufa: Bashkir book publishing house, 1960. P. 53–63.
- Akhmerov 1960b — K. Z. Akhmerov. Sintaksis slozhnosochinennogo predlozheniya v bashkirskom yazyke [Syntax of a compound sentence in the Bashkir language]. Ufa: BKI, 1960.
- Aydarov 1971 — G. Aydarov. Yazyk orkhonskikh pamyatnikov drevnetyurkskoy pismennosti VIII v. [The language of the Orkhon monuments of ancient Turkic writing of the VIIIth century]. Alma-Ata: Nauka, 1971.
- Alimbaeva 2005 — G. G. Alimbaeva. Strukturno-semanticheskie osobennosti neglagolnykh skazuemykh v sovremennom bashkirskom yazyke: Diss. ... kand. filol. nauk [Structural and semantic features of non-verbal predicates in the modern Bashkir language. PhD dissertation in phil. science]. Ufa, 2005.
- Alpatov 2005 — V. M. Alpatov. Istoriya lingvisticheskikh ucheniy [History of linguistic studies]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2005.
- Anisimov 1991 — A. V. Anisimov. Kompyuternaya lingvistika dlya vsekh: Mify. Algoritmy. Yazyk [Computational linguistics for all: Myths. Algorithms. Language]. Kiev: Naukova dumka, 1991.
- Arslanova 2006 — M. S. Arslanova. Strukturnye i funktsionalno-semanticheskie tipy voprositelnykh predlozheniy v sovremennom bashkirskom

- literaturnom yazyke. Diss. ... kand. filol. nauk [Structural and functional-semantic types of interrogative sentences in the modern Bashkir literary language. PhD dissertation in phil. science]. Sterlitamak, 2006.
- Aznabaev 1965 — A. M. Aznabaev. Obosoblennyye vtorostepennyye chleny predlozheniya v bashkirskom yazyke i metodika ikh prepodavaniya v shkole: Diss. ... kand. filol. nauk [Detached subordinate parts of the sentence in the Bashkir language and methods of teaching them in school. PhD dissertation in phil. science]. Moscow, 1965.
- Aznabaev, Psyanchin 1983 — A. M. Aznabaev, V. Sh. Psyanchin. Istoricheskaya grammatika bashkirskogo yazyka [Historical grammar of the Bashkir language]. Ufa: Bashkir State University Press, 1983.
- Battalova 2008 — G. N. Battalova. Vosklitsatelnye predlozheniya v sovremennom bashkirskom yazyke. Diss. ... kand. filol. nauk [Exclamatory sentence in the modern Bashkir language. PhD dissertation in phil. science]. Sterlitamak, 2008.
- Beloshapkova 1977 — V. A. Beloshapkova. Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis [Modern Russian language. Syntax]. Moscow: Vysshaya shkola, 1977.
- Cheremisina 2004 — M. I. Cheremisina. Teoreticheskie problemy sintaksisa i leksikologii yazykov raznykh sistem [Theoretical problems of syntax and lexicology of languages of different systems]. Novosibirsk: Nauka, 2004.
- Cheremisina, Ozonova 2005 — M. I. Cheremisina, A. A. Ozonova. Sintaksis tyurkskikh yazykov Yuzhnoy Sibiri. Prostoe predlozhenie [The syntax of the Turkic languages of South Siberia. Simple sentence]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Press, 2005.
- Dzhumagulov 1968 — Ch. Dzhumagulov. Yazyk nestoriansko-tyurkskikh pamyatnikov Kirgizii [The language of the Nestorian-Turkic monuments of Kyrgyzstan]. *Izvestiya AN Kirgizskoy SSR*. 1968. No. 3. P. 53–59.
- Gabitova 2004 — G. A. Gabitova. Prostye oslozhnennyye predlozheniya v sovremennom bashkirskom literaturnom yazyke. Diss. ... kand. filol. nauk [Simple expanded sentence in modern Bashkir literary language. PhD dissertation in phil. science]. Sterlitamak, 2004.
- Gadzhieva 1973 — N. Z. Gadzhieva. Osnovnye puti razvitiya sintaksicheskoy struktury tyurkskikh yazykov [The main ways of development of the syntactic structure of Turkic languages]. Moscow: Nauka, 1973.
- Gadzhieva, Serebrennikov 1986 — N. Z. Gadzhieva, B. A. Serebrennikov. Sravnitelno-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Sintaksis [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Syntax]. Moscow: Nauka, 1986.
- Galyautdinov 1998 — I. G. Galyautdinov. «Tarih nama-i bulgar» Tadzhetdina Yalysgulova (Lingvotekstologicheskiy analiz spiskov pamyatnika. Grammaticheskiy ocherk, leksika, svodnyy tekst i perevod) [Tadjetdin Yalysgulov's "Tarikh Nama-i Bulgars" (Lingual-textological analysis of the lists

- of the monument. Grammar essay, vocabulary, consolidated text and translation)]. Ufa: Kitap, 1998.
- Galyautdinov 2000 — I. G. Galyautdinov. Dva veka bashkirskogo literaturnogo yazyka [Two centuries of the Bashkir literary language]. Ufa: Gilem, 2000.
- Galyautdinov, Ishberdin 2018 — I. G. Galyautdinov, E. F. Ishberdin. Bashkirskiy yazyk [The Bashkir language]. A. G. Salihov (ed.). Vostokovedenie v Bashkortostane [Oriental Studies in Bashkortostan]. Ufa: Institute of history, language and literature of Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2018. P. 43–53.
- Gatiatullin, Suleymanov 2012 — A. R. Gatiatullin, D. Sh. Suleymanov. Model mnogoslovykh konstruktivnykh tatarskogo yazyka: analiticheskie formy [Model of multiword structures of the Tatar language: analytical forms]. *Kazanskaya nauka*. 2012. No. 12. P. 220–223.
- Generalova 2016 — V. A. Generalova. Vybor strategii oformleniya sententsialnykh aktantov v bashkirskom yazyke [The choice of a strategy for the designation of sentential actants in the Bashkir language]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2016. Vol. XII. Pt. 2. P. 323–335.
- Gladkiy 1985 — A. V. Gladkiy. Sintaksicheskie struktury estestvennogo yazyka v avtomatizirovannykh sistemah obshcheniya [Syntactic structures of natural language in automated communication systems]. Moscow: Nauka, 1985.
- Grammatika 1981 — A. A. Yuldashev (ed.). Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka [Grammar of the modern Bashkir literary language]. Moscow: Nauka, 1981.
- Habibullina 2004 — F. Ya. Habibullina. Puntuatsionnaya sistema bashkirskogo yazyka. Diss. ... kand. filol. nauk [Punctuation system of the Bashkir language. PhD dissertation in phil. science]. Sterlitamak, 2004.
- Hady Mirza-zade 1968 — Hady Mirza-zade. Istoricheskiy sintaksis azerbaydzhanskogo yazyka [Historical syntax of the Azerbaijani language]. Baku: Maarif, 1968.
- Halikova 1990 — R. H. Halikova. Yazyk bashkirskikh shezhere i aktovykh dokumentov XVIII–XIX vv. [The language of the Bashkir shezhere and act documents of the XVIII–XIXth centuries]. Moscow: Nauka, 1990.
- Husainov 1979 — G. B. Husainov. Pismo Batyrshi kak pamyatnik pismennogo yazyka [Batyrsha's letter as a monument of the written language]. *Arkheografiya i istochnikovedenie istorii literatury na Yuzhnom Urale* [Archeography and source study of the history of literature in the Southern Urals]. Ufa: Bashkir branch of the USSR Academy of Sciences, 1979. P. 121–138.
- Husainov 1993 — G. B. Husainov. Pismo Batyrshi imperatritse Elizavete Petrovne [Batyrsha's letter to Empress Elizaveta Petrovna]. Ufa: Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 1993.
- Husainov 1996 — G. B. Husainov. Bashkirskaya literatura (XI–XVIII vv.) [The Bashkir literature (XI–XVIIIth centuries)]. Ufa: Gilem, 1996.

- Husnetdinova 1998 — R. Ya. Husnetdinova. Nominativnye predlozheniya v sovremennom bashkirskom yazyke. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Nominative sentences in modern Bashkir language. Author's abstract of a phil. cand. diss.]. Ufa, 1998.
- Kabirova 2010 — G. U. Kabirova. Strukturno-semanticheskie osobennosti predlozheniy s imennym skazuemym v bashkirskom yazyke. Diss. ... kand. filol. nauk [Structural and semantic features of sentences with a named predicate in the Bashkir language. PhD dissertation in phil. science]. Sterlitamak, 2010.
- Kondratev 1962 — V. G. Kondratev. Konstrukciya izafeta i pryamoe dopolnenie v yazyke pamyatnikov tyurkskoy runicheskoy pismennosti [The construct of izafet and a direct object in the language of the monuments of Turkic runic writing]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya vostokovedcheskikh nauk*. 1962. Issue 16. No. 3. P. 68–79.
- Kononov 1980 — A. N. Kononov. Grammatika yazyka tyurkskikh runicheskikh pamyatnikov VII–IX vv. [The grammar of the language of Turkic runic monuments of the VII–IXth centuries]. Moscow: Nauka, 1980.
- Kordabaev 1967 — T. R. Kordabaev. Sintaksis kazakhskogo yazyka na materiale XVI–XX vv. [The syntax of the Kazakh language on the material of the XVI–XXth centuries]. Alma-Ata: Gilim, 1967.
- Kotov 2013 — A. A. Kotov. Strukturnoe opisanie predlozheniya kak osnova sintaksicheskoy razmetki v lingvisticheskom korpuse [Structural description of the sentence as the basis of the syntactic tagging in the linguistic corpus]. *Nauka i mir*. 2013. No. 4. P. 183–186.
- Kuzeev 1960 — R. G. Kuzeev. Bashkirskie shezhere [Bashkir Shezhere]. Ufa: Bashkir book publishing house, 1960.
- LES 1990 — Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 1990.
- Lyutikova 2014 — E. A. Lyutikova. Padezh i struktura imennoy gruppy: variativnoe markirovanie obekta v misharskom dialekte tatarskogo yazyka [Case and structure of the noun group: variable marking of an object in the Mishar dialect of the Tatar language]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholohova. Seriya Filologicheskije nauki*. 2014. No. 4. P. 50–70.
- Lyutikova 2016 — E. A. Lyutikova. Sintaksis imennoj gruppy v bezartiklevom yazyke. Diss. ... doktora filol. nauk [Syntax of the noun group in a non-article language language. Doctoral dissertation of a phil. science]. Moscow, 2016.
- Lyutikova et al. 2007 — E. A. Lyutikova, K. I. Kazenin, V. D. Soloviev, S. G. Tatevosov. Misharskiy dialekt tatarskogo yazyka: ocherki po sintaksisu i semantike [Mishar dialect of the Tatar language: essays on syntax and semantics]. Kazan: Magarif, 2007.

- Makazhanov et al. 2014 — A. Makazhanov, O. Makhambetov, I. Sabyrgaliev, Zh. Esenbaev. Razrabotka sintaksicheskogo, leksicheskogo i morfologicheskogo naborov dlya kazakhskogo yazyka [Creation of syntax, lexical and morphological taggings for the Kazakh language]. D. Sh. Suleymanov, V. D. Soloviev, O. A. Nevzorova (eds.). *Trudy Kazanskoj shkoly po kompyuternoy i kognitivnoy lingvistike TEL–2014* [Proceedings of the Kazan School of Computer and Cognitive Linguistics TEL–2014]. Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan «Fen», 2014. P. 129–135.
- Materialy 1962 — R. D. Magerramova, M. P. Dzhangiroy (eds.). Materialy po istoricheskomu sintaksisu azerbaydzhanskogo yazyka. [Materials on the historical syntax of the Azerbaijanian language]. Baku: Publishing House of the Academy of Sciences of Azerbaijan SSR, 1962.
- Mishchenko 2016 — D. F. Mishchenko. Slozhnye glagoly v bashkirskom yazyke [Complex verbs in the Bashkir language]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichestkikh issledovaniy RAN*. 2016. Vol. XII. Pt. 2. P. 129–150.
- Nasilov 1960 — V. M. Nasilov. Yazyk orkhono-eniseyskikh pamyatnikov [Language of Orkhon Turkic monuments]. Moscow: Oriental Literature Publishing House, 1960.
- Ocherki 1989 — E. F. Ishberdin, R. H. Halikova, I. G. Galyautdinov, Z. G. Uraksin (eds.). Ocherki istorii bashkirskogo literaturnogo yazyka [Essays on the history of the Bashkir literary language]. Moscow: Nauka, 1989.
- Ovsjannikova, Say 2014 — M. A. Ovsjannikova, S. S. Say. Between predicative and attributive possession in Bashkir. *On Diversity and Complexity of Languages Spoken in Europe and North and Central Asia* [Studies in language companion series 164]. Pirkko Suihkonen, Lindsay Whaley (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 175–202.
- Rahmatullina 1983 — L. L. Rahmatullina. Slozhnopodchinennye predlozheniya s pridatochnym vremeni v sovremennom bashkirskom literaturnom yazyke. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Complex sentences with subordinate time clause in the modern Bashkir literary language. Author's abstract of a phil. cand. diss.]. Ufa, 1983.
- Rogov et al. 2008 — A. A. Rogov, G. B. Gurin, A. A. Kotov. Nekotorye osobennosti grammaticheski razmechennogo korpusa po russkoy publitsistike vtoroy poloviny XIX veka [Some features of the grammatically marked corpus of Russian journalism of the second half of the XIXth century]. A. S. Gerd, V. P. Zakharov, O. A. Mitrofanova (eds.) *Trudy mezhdunarodnoj konferentsii «Korpusnaya lingvistika–2008»* [Proceedings of the International Conference "Corpus Linguistics–2008"]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2008. P. 326–333.
- Rogov et al. 2010 — A. A. Rogov, G. B. Gurin, A. A. Kotov. Sintaksicheskaya razmetka v korpusе tekstov po russkoy publitsistike XIX veka «SMALT»

- [Syntax marking in the corpus of texts on Russian journalism of the XIXth century "SMALT"]. A. A. Kretov (ed.). *Problemy kompyuternoy lingvistiky*. [Problems of computational linguistics]. Issue 4. Voronezh: Institute of innovative technologies in education, management and advertising publishing house, 2010. P. 263–271.
- Rysaeva 2002 — G. A. Rysaeva. *Vstavochnye konstrukcii v sovremennom bashkirskom literaturnom yazyke*. Diss. ... kand. filol. nauk [Inserted constructions in the modern Bashkir literary language. PhD dissertation in phil. science]. Sterlitamak, 2002.
- Saitbattalov 1960 — G. G. Saitbattalov. *Odnosostavnye predlozheniya i ikh osobennosti* [Mononuclear sentences and their features]. J. G. Kiekbaev (ed.). *Vpomoshch' uchitelyu bashkirskogo yazyka*. [For help to the teacher of the Bashkir language]. Ufa: Bashkir book publishing house, 1960. P. 64–86.
- Saitbattalov 1961 — G. G. Saitbattalov. *Sintaksis slozhnogo predlozheniya bashkirskogo yazyka* [The syntax of the complex sentence of the Bashkir language]. Ufa: Bashkir book publishing house, 1961.
- Saitbattalov 1972 — G. G. Saitbattalov. *Sintaksis prostogo predlozheniya bashkirskogo yazyka* [The syntax of the simple sentence of the Bashkir language]. Ufa: Bashkir book publishing house, 1972.
- Saitbattalov 1978 — G. G. Saitbattalov. *Stilistika i punktuaciya bashkirskogo yazyka* [Stylistics and punctuation of the Bashkir language]. Ufa: Bashkir book publishing house, 1978.
- Saitbattalov 1985 — G. G. Saitbattalov. *Stilistika bashkirskogo yazyka* [Stylistics of the Bashkir language]. Ufa: Bashkir book publishing house, 1985.
- Saitbattalov 1999 — G. G. Saitbattalov. *Bashkirskiy yazyk. Sintaksis prostogo predlozheniya* [The Bashkir language. Simple sentence syntax]. Vol. I. Ufa: Kitap, 1999.
- Say 2014 — S. S. Say. *Pseudopartitivny i drugie imennyye konstruksii s nazvaniyami konteynerov v bashkirskom yazyke* [Pseudopartitives and other nominal constructions with the names of containers in the Bashkir language]. V. F. Vydrin, N. V. Kuznetsova (eds.). *Ot Bikina do Bambalyumy, iz varyag v greki: ekspeditsionnyye etyudy v chest E. V. Perekhval'skoy*. [From Bikin to Bambalyuma, from the Varangians to the Greeks: expeditionary sketches in honor of E. V. Perekhval'skaya]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. P. 107–126.
- Say et al. 2017 — S. S. Say, D. F. Mishchenko, M. A. Ovsyannikova, S. A. Oskolskaya. *Vstupitelnye zamechaniya i format predstavleniya dannykh* [Introductory notes and data presentation format]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2017. Vol. XIII. Pt. 1. P. 7–16.
- Shcherbak 1961 — A. M. Shcherbak. *Grammaticheskiy ocherk yazyka tyurkskikh tekstov X–XIII vv. iz Vostochnogo Turkestana* [A grammatical sketch of the language of the Turkic texts of the X–XIIIth centuries from the East

- Turkestan]. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publishing House, 1961.
- Shcherbak 1962 — A. M. Shcherbak. Grammatika starouzbekskogo yazyka [Grammar of the old Uzbek language]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publishing House, 1962.
- Tatevosov et al. 2017 — S. G. Tatevosov, A. G. Pazelskaya, D. Sh. Suleymanov. Elementy tatarskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. Misharskij dialect [Elements of the Tatar language in cross-linguistic perspective. Mishar dialect]. Moscow: Buki Vedi, 2017.
- Tenishev 1976 — E. R. Tenishev. O naddialektnom kharaktere yazyka tyurkskikh runicheskikh pamyatnikov [On the over-dialectal character of the language of Turkic runic monuments]. S. G. Klyashtorny, Yu. A. Petrosyan, E. R. Tenishev (eds.). *Turcologica. K 70-letiyu akademika A.N. Kononova*. [Turcologica. To the 70th anniversary of academician A. N. Kononov]. Leningrad: Nauka, 1976. P. 164–172.
- Tenishev 1977 — E. R. Tenishev. Funktsionalno-stilisticheskaya kharakteristika drevneuygurskogo literaturnogo yazyka [Functional and stylistic characteristics of the ancient Uigur literary language]. V. N. Yartseva, M. M. Gukhman (eds.). *Sotsialnaya i funktsionalnaya differentsiatsiya literaturnykh yazykov* [Social and functional differentiation of literary languages]. Moscow: Nauka, 1977. P. 61–78.
- Tikeev 1989 — D. S. Tikeev. Issledovanie sintaksisa prostogo predlozheniya bashkirskogo yazyka [Study of the syntax of a simple Bashkir language sentence]. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute Press, 1989.
- Tikeev 1991 — D. S. Tikeev. Issledovanie sintaksisa slozhnogo predlozheniya bashkirskogo yazyka [Study of the syntax of a complex sentence of the Bashkir language]. Kujbyshev — Sterlitamak: Kuibyshev State Pedagogical Institute Press; Sterlitamak State Pedagogical Institute Press, 1991.
- Tikeev 1992 — D. S. Tikeev. Slovosochetaniya v bashkirskom yazyke [Word-groups in the Bashkir language]. Sterlitamak: Sterlitamak State Pedagogical Institute Press, 1992.
- Tikeev 2000 — D. S. Tikeev. Sovremennyy bashkirskiy yazyk. Ocherki po sintaksisu prostogo predlozheniya [Modern Bashkir language. Essays on simple sentence syntax]. Ufa: Gilem, 2000.
- Tikeev 2004 — D. S. Tikeev. Osnovy sintaksisa sovremennogo bashkirskogo yazyka [Basic syntax of the modern Bashkir language]. Moscow: Nauka, 2004.
- Tikeev 2005 — D. S. Tikeev. Strukturno-semanticheskie modeli prostykh predlozheniy v bashkirskom yazyke [Structural-semantic models of simple sentences in the Bashkir language]. Ufa: Gilem, 2005.
- Tukeev 2015 — U. A. Tukeev. Sintaksicheskij analiz kazakhskogo yazyka na osnove grammatiki zavisimostey [Syntax analysis of the Kazakh language based on the Dependency grammar]. Available at: URL: conference.kazntu.kz/?q=ru/download/592 (accessed on: 15.04.2018).

- Valieva 2002 — G. D. Valieva. Strukturno-semanticheskoe stroenie opisatelnykh mikrotekstov v sovremennom bashkirskom yazyke. Diss. ... kand. filol. nauk [The structural-semantic structure of descriptive microtexts in the modern Bashkir language. PhD dissertation in phil. science]. Ufa, 2002.
- Zakiev, Kurbatov 1971 — M. Z. Zakiev, H. R. Kurbatov. Sovremennyy tatarskiy literaturnyy yazyk: Sintaksis [Modern Tatar literary language: Syntax]. Moscow: Nauka, 1971.
- Zolotova 1973 — G. A. Zolotova. Ocherk funktsionalnogo sintaksisa russkogo yazyka [Essay of the functional syntax of the Russian language]. Moscow: Nauka, 1973.
- Zolotova 1988 — G. A. Zolotova. Sintaksicheskiy slovar russkogo yazyka [Syntax dictionary of the Russian language]. Moscow: Nauka, 1988.
- Zolotova et al. 2004 — G. A. Zolotova, N. K. Onipenko, M. Yu. Sidorova. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow: Nauka, 2004.

**ПОКАЗАТЕЛЬ *-GE*
В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ:
МЕЖДУ КОМИТАТИВНОМ
И АДДИТИВНОЙ ЧАСТИЦЕЙ***

И. А. Хомченкова

МГУ им. М. В. Ломоносова,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

irina.khomchenkova@yandex.ru

Аннотация. В данной статье мы опишем статус горномарийского показателя *-ge*, который в традиционных грамматиках рассматривается как показатель «совместного» падежа. Кроме комитативных конструкций данный показатель также употребляется в квантификационных и сочинительных конструкциях, а также в конструкциях с числительными, что не типично для комитативных показателей. Мы полагаем, что эти факты можно объяснить, если рассматривать *-ge* по аналогии с аддитивными частицами.

Ключевые слова: комитатив, квантификация, сочинение, аддитивные частицы, семантика, прагматика, горномарийский, финно-угорские языки.

**The affix *-ge* in Hill Mari:
between a Comitative and an Additive particle**

I. A. Khomchenkova

Lomonosov Moscow State University,

V. V. Vinogradov Russian Language Institute,

Russian Academy of Sciences, Moscow

irina.khomchenkova@yandex.ru

Abstract. In this paper I discuss the status of the affix *-ge* in Hill Mari (traditionally interpreted as a comitative marker) based on my

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627а «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

2017–2018 field elicitation data from the village of Kuznetsovo (Mari El Republic, Russia). I show that the distribution of *-ge* does not coincide with that of the comitative-instrumental postposition *dono* ‘with’ and the comitative-apudessive postposition *saga* ‘near’. While the latter two elements are used in the most “prototypical” comitative constructions (‘X went to Z with Y’), *-ge* imposes some semantic constraints on the conjoined NPs. In addition to comitative constructions (X Y-com), *-ge* is also used in quantificational (X-com) and coordinating bisyndetic constructions (X-com Y-com), as well as in constructions with numerals (num X-com), which is not typical of comitative markers. A comitative phrase with the marker *-ge* can only be associated with the subject and the direct object. In all these constructions *-ge* introduces the semantics of totality. I argue that these constructions, which at first sight seem rather different, boil down to the same invariant: “1. ELEMENTS(X); 2. INHUNITY(ELEMENTS(X)) OR SITUNITY(ELEMENTS(X))”. In other words, *-ge* is used where referents of conjoined NPs constitute one unity (e.g. *tree* and *roots* in *He pulled out the tree together with its roots*), an inherent set (e.g. *woman* and *child* in *The woman sat in the car together with her child*), or a situational set (e.g. *flower* and *fridge* in *He threw away the flower together with the fridge*, where the flower was on the fridge and not otherwise). In coordinating constructions and in numeral constructions, some case markers (e.g. genitive) can be added before *-ge*. This may be due to reinterpretation of *-ge* into an additive particle.

Keywords: comitative, quantification, coordination, additive particle, semantics, pragmatics, Hill Mari, Finno-Ugric languages

1. Введение

В горномарийском языке (<ФИННО-УГОРСКИЕ) существует показатель *-ge*¹, который в традиционных марийских грамматиках

¹ В горномарийском языке при помощи формально совпадающего с комитативным показателя *-ge* также «образуются наречия образа действия от подражательных слов» [Галкин 1966: 140], например, *шорге* ‘журча, с журчанием’ от подражательного слова *шор-р*. И. С. Галкин предполагает, что данный суффикс может быть «одного происхождения с суффиксом *-ge* с совместным значением» [Галкин 1966: 140]. В [Тужаров 1977: 278], однако, отмечено, что это два омонимичных показателя — словоизменительный и словообразовательный, а не один полисемичный, поскольку единицы типа *šorge* не могут иметь

(как лугового марийского, так и горномарийского языка) рассматривается как показатель «совместного» падежа, который «служит для выражения совместности, сопроводительного значения» [Тужаров 1987: 89], см. также его описание в грамматиках [Саваткова 2002: 100–101], [Тужаров 1987: 89–91]. Некоторые исследователи считают, что *-ge* — «аффикс, маркирующий число», который может привносить семантику всеобщности [Stolz et al. 2006: 70]. Также значение всеобщности кратко отмечается в [Alhoniemi 1993: 60; Саваткова 2002: 100; Salo 2016: 197].

В данной статье мы рассмотрим статус показателя *-ge* в горномарийском языке, используя материалы, полученные при опросе носителей в экспедициях в с. Кузнецово и близлежащих деревнях (Тюманово, Апшак-Пеляк, Никишкино, Паулкино, Кукшилиды, Кожланангер) Горномарийского р-на Республики Марий Эл в 2017–2018 гг. В частности, мы попытаемся объяснить, что объединяет употребления *-ge* в различных конструкциях.

Комитативные конструкции, в которых употребляется показатель *-ge*, будут рассмотрены в **Части 2**, там же вводятся основные понятия, используемые в работе. Мы покажем, что *-ge* накладывает особые семантические ограничения на элементы конструкции. В **Части 3** будут рассмотрены квантификационные конструкции, в **Части 4** — сочинительные конструкции, а **Часть 5** будет посвящена конструкциям с числительными. В **Части 6** мы предложим способ объяснения данной полисемии — аналогию с аддитивными частицами. **Части 7 и 8** представят, соответственно, обсуждение и заключение.

2. Комитативные конструкции

Существует два основных подхода к определению комитативных конструкций. Первый подход является семантически ориентированным: для комитативной конструкции вводится семантическая структура, которая состоит из предиката и двух участников: сопровождаемый (*accompanee*) и сопровождающий (*companion*), состоящих в отношениях сопровождения (*accompaniment*),

зависимых прилагательных и числительных, а также оформляться посессивными суффиксами. Далее такое наречное употребление *-ge* в этой статье не рассматривается.

см. [Stolz et al. 2006: 17]. Второй подход опирается на понятие множественного участника и является синтаксически ориентированным: различия между участниками ситуации проявляются в их морфосинтаксическом маркировании [Архипов 2009].

2.1 Комитативные конструкции: сопровождение

Т. Штольц выделяет различные семантические типы комитативных конструкций на основании отношений между сопровождающим и сопровождаемым. Например, для немецкого комитативного показателя *mit* 'с' это 16 типов комитативных конструкций (далее КК): совместные (CO-OPERATIVE), реципрокальные (RECIPROCAL), активный комитатив (ACTIVE COMITATIVE / HUMAN COMPANION), пассивный комитатив (PASSIVE COMITATIVE / ANIMATE COMPANION), конфектив (CONFECTIVE / INANIMATE COMPANION), орнатив (ORNATIVE / TEMPORARY PROPERTY), сочетание (COMBINATION), часть-целое (PART-WHOLE / PERMANENT PROPERTY), принадлежность (POSSESSION), орудие: человек (HUMAN INSTRUMENT), орудие: часть тела (BODY PART INSTRUMENT), способ передвижения (MEANS OF TRANSPORTATION), материал (MATERIAL), средство (TOOL) [Stolz et al. 2006: 41–43].

В большинстве конструкций данных типов в горномарийском языке показатель *-ge* не употребляется. Например, в совместной КК употребляется послелог *saga* 'рядом', также допустим и послелог *dono* 'с':

- [CO-OPERATIVE]
- (1) *maša ivan saga / ivan dono / *ivan-ge čaj-ə̄m*
 М. И. рядом И. с И.-СОМ чай-АСС
jü-eš
 пить-NPST.3SG
 'Маша пьет чай вместе с Иваном'.

В некоторых других типах КК, представленных в примерах (2–4), показатель *-ge* является допустимым — носители не оценивают такие предложения как полностью неприемлемые, однако у них возникают сомнения по поводу их употребления:

- [ACTIVE COMITATIVE / HUMAN COMPANION]
- (2) *ʔmaša t'et'ä-vlä-ge kašt-eš*
 М. ребенок-PL-СОМ гулять-NPST.3SG
 'Маша гуляет с детьми'.

[PASSIVE COMITATIVE / ANIMATE COMPANION]

- (3) *ʔmaša pi-ge kašt-eš*
 М. собака-СОМ гулять-NPST.3SG

‘Маша гуляет с собакой’.

[CONFECTIVE / INANIMATE COMPANION]

- (4) *ʔmaša ölicä-š zont'ik-ge läkt-ən*
 М. улица-ILL зонтик-СОМ выйти-PRET

‘Маша вышла на улицу с зонтиком’.

Таким образом, инвентарь комитативных конструкций по [Stolz et al. 2006] не вполне соответствует сфере употребления показателя *-ge*. Он может употребляться в ряде КК, рассмотренных выше (см. (2–4)), однако существуют некоторые дополнительные семантические ограничения, накладываемые на элементы конструкции, которые будут подробно рассмотрены в части 2.3. При этом нельзя сказать, что *-ge* не является комитативом, т. к. авторы отмечают, что список предложенных ими конструкций не является исчерпывающим, и во многих случаях могут дополнительно различаться степени одушевленности, асимметричный контроль, постоянство и т. д. [Stolz et. al 2006: 43].

2.2. Комитативные конструкции: множественный участник

Рассмотрим теперь определение комитатива по [Архипов 2009]. Под собственно КК или КК в узком смысле А. В. Архипов понимает следующее: «Морфосинтаксическая конструкция, используемая в данном языке для выражения множественного участника У ситуации С, в которой выражения, обозначающие его элементарных участников У1 и У2, синтаксически подчиняются одному предикату и имеют различный структурный ранг» [Архипов 2009: 67]. Первый участник (У1) выражается центральной именной группой, а остальные участники (У2) — периферийной (комитативной) ИГ.

Согласно [Архипов 2009: 68] диагностическим контекстом прототипических комитативных конструкций являются предложения вида «Х пришел/пошел в (место) Z с У-ом». Как видно из примера (5), послелог *dono* употребляется в контекстах прототипического комитатива, в то время как относительно показателя *-ge* мнения носителей расходятся:

- (5) *ivan daša dono* / %*daša-ge šärgä-škä ke-n*
 И. Д. с Д.-СОМ лес-ILL идти-PRET
 ‘Иван пошел в лес с Дашей’.

Рассмотрим также основные модификации комитатива по [Архипов 2009]. К ним относятся: определительная, актантная, сочинительная и копредикативная конструкции.

Под определительной конструкцией понимается такая конструкция, в которой комитативная группа используется в качестве приименного модификатора, а не аргумента глагола. В таких конструкциях в горномарийском языке используется показатель простиетива *-an* (6). Употребление показателя *-ge* в этом случае невозможно (7).

- (6) *klovoj sänzä-än ädär amasa-m pač-ân*
 голубой глаз-ПРОП девушка дверь-АСС открыть-PRET
 ‘Дверь открыла голубоглазая девушка’.

- (7) **klovoj sänzä-ge ädär* / **ädär klovoj sänzä-ge*
 голубой глаз-СОМ девушка девушка голубой глаз-СОМ
amasa-m pač-ân
 дверь-АСС открыть-PRET

Ожид. значение: ‘Дверь открыла голубоглазая девушка’.

Актантная конструкция подразумевает, например, использование комитативных показателей при естественно множественных предикатах (*ругаться*, *беседовать* и т. д.), в которых наличие множественного участника обязательно. В данном случае употребляется послелог *dono* ‘с’, а показатель *-ge* употребить нельзя:

- (8) *maša kat'a dono* / **kat'a-ge soredäl-eš*
 М. К. с К.-СОМ ссориться-NPST.3SG
 ‘Маша ссорится с Катей’.

Другая разновидность актантной модификации имеет место, когда комитативная группа выражает семантическую роль, отличную от роли центральной именной группы, например, роль инструмента. В таких конструкциях тоже допустим послелог *dono*, но не допустим показатель *-ge*.

- (9) *šudê kušk-ân šo-n,* *sä dono* / **sä-ge*
 трава расти-СВБ достигать-PRET коса с коса-СОМ

sal-en *šu-en-ät*
 косить-CVB бросить-PRET-3PL

‘Трава выросла, косой ее скосили’.

В сочинительной модификации центральная ИГ и периферийная ИГ образуют единую составляющую, которая реферирует ко множественному объекту и требует маркирования глагола множественным числом. В этом случае показатель *-ge* тоже не может быть употреблен:

(10) **[maša pet'a-ge] kino-škə tol-än-ät*
 М. П.-СОМ кино-ИЛЛ идти-PRET-3PL

Ожид.: ‘Маша с Петей пошли в кино’.

Копредикативные комитативные конструкции характеризуются тем, что синтаксически периферийная ИГ зависит от главного предиката, но при этом семантически определяет одного из участников. Например, между предложениями *Иван пришел с Дашей* и *Иван пришел с бутылкой* нет поверхностных синтаксических различий (в обоих случаях комитативная группа является адьюнктом к глагольной), однако обладание бутылкой является характеристикой субъекта, а не предиката. При копредикативной модификации также используется послелог *dono* ‘с’, однако показатель *-ge* является маргинально допустимым в ряде идиолектов:

(11) *ivan pel l'itr dono /*
 И. половина литр с
 'pel l'itr-ge xənal-aš tol-än
 половина литр-СОМ гостить-INF прийти-PRET

‘Иван пришел в гости с пол-литром [водки]’.

Рассмотрим также и конструкции образа действия, которые тесно примыкают к копредикативной модификации комитатива, но не тождественны им. В [Архипов 2009] отмечается, что комитативная группа в копредикативных конструкциях относится скорее к референту центральной именной группы, а в конструкциях образа действия — к ситуации в целом. Например, в (12) *jal-ge* ‘нога-СОМ’ не является отдельной предикацией, которая характеризует референт центральной именной группы, она выступает в качестве обстоятельства образа действия.

На конструкции образа действия также распространяются некоторые семантические ограничения: не каждая конструкция

образа действия с *-ge* является допустимой. Например, в (12) показатель *-ge* допустим, а в (13) — нет.

- (12) *maša divan-âškâ jal-ge kuz-en šânz-ân*
 М. диван-ILL нога-СОМ залезть-СВВ садиться-РЕТ
 ‘Маша залезла на диван с ногами’.

- (13) **pet'a rovojaj-a entuziazm-ge*
 П. работать-NPST.3SG энтузиазм-СОМ
 Ожидаемое значение: ‘Петя работает с энтузиазмом’.

Таким образом, в некоторых случаях показатель *-ge* может употребляться в копредикативных конструкциях и конструкциях образа действия, однако на его употребление накладываются существенные семантические ограничения. Например, в (12) Маша залезла на диван полностью, причем Маша и ее ноги образуют единое целое, в то время как в (13) энтузиазм не является частью Пети, и эти две сущности не образуют никакой комплект, поскольку лексема ‘энтузиазм’ не описывает физически воспринимаемую сущность.

Рассмотрим следующие примеры. Пример (14) возможен, поскольку в ситуации ухода важно, что Маша забрала вещь, принадлежащую ей — это значит, что она уже не вернется, иначе она могла бы выйти, оставив свои вещи. В данном примере Маша и сумка воспринимаются как семантический комплект. В примере же (15), как и в (11), аналогичное семантическое единство между Иваном и арбузом, релевантное для ситуации прихода, сомнительно.

- (14) *maša klas gâc sumka-ge läkt-ân ke-š*
 М. класс из сумка-СОМ выйти-СВВ уйти-АОР
 ‘Маша ушла из класса с сумкой’. (Ничего не оставила, даже сумку забрала.)

- (15) ?*ivan arbuz-ge xânal-aš tol-ân*
 И. арбуз-СОМ гостить-INF прийти-РЕТ
 ‘Иван пришел в гости с арбузом’.

Таким образом, показатель *-ge* может употребляться, только если существует связь между объектами, релевантная для рассматриваемой ситуации, причем данная связь может быть не только ингерентно присущей некоторым объектам, но и прагматической. Некоторой аналогией может послужить пример из [Крейдлин,

Падучева 1974]: предложение *Лес задумался* грамматично, но условием его осмысленности является пресуппозиция одушевленности, которая соответствует селективному ограничению предиката *зadумался*. Аналогично показатель *-ge* вводит селективные ограничения: он навязывает интерпретацию полного комплекта даже предметам, не являющимися одним целым. Очевидно, что эта интерпретация в некоторых случаях может быть затруднительна, а в некоторых — однозначна, ср. (15) и (12). Поэтому контексты с *-ge* делятся на два класса: класс контекстов с варьированием, в котором интерпретация полного комплекта не вполне очевидна, что приводит к различным суждениям носителей, а также класс однозначных контекстов, в котором эта интерпретация естественна. Далее мы будем ориентироваться в первую очередь на второй класс.

2.3. Семантика полного комплекта

В данном разделе мы подробнее рассмотрим синтаксические и семантические ограничения, накладываемые показателем *-ge* на центральную и комитативную именные группы.

В горномарийском языке показателем *-ge* всегда выбирается в качестве центральной именной группы прямое дополнение (при его наличии), т. е. в примере (16) возможным (но прагматически странным) был бы перевод ‘Вася дал женщине еду и ребенка’:

- (16) ²*vas'a ädärämäs-län t'et'ä-ge kackäs-äm pu-en*
 В. женщина-ДАТ ребенок-СОМ еда-АСС дать-ПРЕТ
 ‘Вася женщине дал еду и ребенка’.²
 *‘Вася дал женщине с ребенком еду’.

Интересно, что в луговом марийском ситуация иная: в конструкциях с показателем *-ge* при предикате с дативным аргументом именно он интерпретируется как центральная ИГ [Архипов 2009]:

² Такой пример был подобран специально, чтобы снизить «комплектность» комитативной группы и прямого объекта и повысить «комплектность» комитативной группы и непрямого объекта. Несмотря на то, что еда и ребенок совершенно не образуют комплект, в то время как женщина и ребенок его образуют, прочтение, в котором комитативная группа относится к прямому объекту (еда), а не к непрямоу (женщина) все еще более вероятно, т.к. невозможность второго прочтения обусловлена структурными причинами, а не прагматическо-семантическими.

- луговой марийский <финно-угорские
 (17) *te ačam-lan kovam-ge pu-əт kond-en-na*
 мы отец-DAT бабушка-COM дрова-ACC приносить-PRÉT-1PL
 ‘Мы (и отцу,) и бабушке привезли дрова’. [Архипов 2009: 86]

Также стоит отметить, что некоторые носители признают допустимость только тех горномарийских предложений, в которых референт комитативной группы обладает меньшим контролем над ситуацией. Например, допустимость (19) отмечают все носители, в то время как (18) вызывает разногласия.

- (18) *%pet'a vätä-žä-ge tol-əн*
 П. жена-POSS.3SG-COM приходит-PRÉT
 ‘Петя пришел вместе с женой’. (Петя пришел, и его жена пришла.)
- (19) *pet'a vätä-žä-ge ängär-əš kenvaz-əн*
 П. жена-POSS.3SG-COM ручей-ILL падать-PRÉT
 ‘Петя упал в ручей вместе с женой’. (Он ее нес.)

Перейдем к основным семантическим / прагматическим ограничениям. Показатель *-ge* может употребляться, только если референты двух именных групп образуют одно целое (20) или же ингерентный / ситуационный комплект.

- (20) *pet'a väkä-škä vuj-ge pâr-en läkt-əн*
 П. прорубь-ILL голова-COM входить-CVB выходить-PRÉT
 ‘Петя нырнул в прорубь с головой’.

Теперь рассмотрим примеры, иллюстрирующие отношения комплекта. Представим первую ситуацию: в комнате есть холодильник, халат, пара сапог (один из них дырявый), люстра и кошка. Все объекты не касаются друг друга и дисперсно расположены в комнате. Люстра качается (например, от ветра), кошка качается (например, на занавеске). Сапоги, халат и холодильник собираются выбросить. В таком случае примеры (21–22) будут недопустимы, а (23) — допустим, несмотря на то, что сапоги лежали по разным углам комнаты, поскольку они все равно образуют ингерентный комплект.

- (21) **l'ustrâ kot'i-ge mâl'galt-eš*
 люстра кошка-COM раскачиваться-NPST.3SG
 Ожид. значение: ‘Кошка качается, и люстра качается’.

- (22) **pet'a xolod'il'nik-əm xalat-ge šu-en*
 П. холодильник-АСС халат-СОМ бросить-ПРЕТ
 Ожид. значение: 'Петя выбросил холодильник и халат'.
- (23) *pet'ä âraž-an kem-əm jažo kem-ge*
 П. дыра-ПРОП сапог-АСС хороший сапог-СОМ
šu-en kolt-en
 бросить-СВВ слать-ПРЕТ
 'Петя выбросил дырявый сапог вместе с нормальным сапогом'.
- Теперь представим вторую ситуацию. Кошка сидит на люстре — теперь они раскачиваются вместе, касаясь друг друга. Сапоги лежат рядом, а халат лежит на холодильнике. В таком случае допустимы будут все примеры (24–26) — они образуют ситуационный комплект.
- (24) *l'ustrâ kot'i-ge mâl'galt-eš*
 люстра кошка-СОМ раскачиваться-NPST.3SG
 'Люстра качается вместе с кошкой'.
- (25) *pet'a xolod'il'nik-əm xalat-ge šu-en*
 П. холодильник-АСС халат-СОМ бросить-ПРЕТ
 'Петя выбросил холодильник вместе с халатом'.
- (26) *pet'a âraž-an kem-əm jažo kem-ge*
 П. дыра-ПРОП сапог-АСС хороший сапог-СОМ
šu-en kolt-en
 бросить-СВВ слать-ПРЕТ
 'Петя выбросил дырявый сапог вместе с нормальным'.

Таким образом, для референтов ИГ, образующих ингерентный комплект, не обязательно образовывать и ситуационный комплект: достаточно выполнения одного из условий. Если же два референта не образуют ингерентный комплект, то для приемлемости показателя *-ge* необходим ситуационный комплект.

Также для показателя *-ge* важно, чтобы описываемая ситуация могла бы происходить и без референта ИГ, к которой он присоединяется. Например, в (27) допустима только интерпретация, где в распоряжении Маши есть две отдельные чашки. Понять данное предложение так, что кофе и молоко смешаны в одной чашке, невозможно — в таком случае не остается возможности выпить кофе без молока.

- (27) *maša kof'e-m šäš'er-ge jü-eš*
 М. кофе-ACC молоко-COM пить-NPST.3SG

‘Маша пьет кофе (из одной чашки) и молоко (из другой чашки)’.

*‘Маша пьет кофе с молоком (в одной чашке)’.

Резюмируя, мы можем заключить, что показатель *-ge* употребляется в ряде конструкций, в которых употребляются прототипические комитативы, однако, в отличие от дефолтных свойств последних, он накладывает на две именные группы селективные ограничения: референты этих ИГ должны образовывать ингерентный / ситуационный комплект или одно целое. Если при предикате имеется прямое дополнение, то именно оно будет проинтерпретировано как центральная ИГ.

Таким образом, учитывая изложенные семантические ограничения, можно констатировать, что показатель *-ge* допустим в ряде копредикативных КК и в КК образа действия по [Архипов 2009], а для ряда носителей и в прототипической КК (что было рассмотрено в разделе 2.2), а также в качестве пассивного комитатива (PASSIVE COMITATIVE / ANIMATE COMPANION) и конфектива (CONFECTIVE / INANIMATE COMPANION) по [Stolz et al. 2006]:

- [PASSIVE COMITATIVE / ANIMATE COMPANION]
 (28) *ävä t'et'ä-ge mäšinä-š šänz-än*
 мама ребенок-COM машина-ILL садиться-PRET

‘Мама села в машину вместе с ребенком’.

- [CONFECTIVE / INANIMATE COMPANION]
 (29) *maša klas gäc sumka-ge läkt-än*
 М. класс из сумка-COM выходить-PRET

‘Маша ушла из класса с сумкой’. (Ничего не оставила, даже сумку забрала.)

Кроме того, данный показатель имеет функции, напоминающие кванторные. Рассмотрим этот вопрос далее.

3. Квантификационные конструкции

Модификаторы с семантикой, близкой к значению математических кванторов, принято объединять в класс кванторных слов. Упрощая картину, можно сказать, что квантификатор вводит отношение между двумя множествами: например, в предложении

Ни одна девочка не любит Васю соотносится множество девочек и множество субъектов, любящих Васю. Выражениени одна сообщает, что пересечение этих множеств пусто.

Кванторные слова со значением всеобщности (универсальные кванторные слова, далее УКС), например, *все* в предложении *Все девочки любят Васю*, сообщают, что вышеупомянутое множество девочек вложено в множество субъектов, любящих Васю. УКС могут быть составляющими не только именной группы, но и предикации (клаузы). Также различают D-квантификацию (квантификацию над индивидами, например, *все девочки*) и A-квантификацию (квантификацию над индивидами или над событиями, например, *Вася всегда ездит в школу на велосипеде*), см. подробнее [Татевосов 2002].

A-квантификация над индивидами зафиксирована в не очень большом количестве языков. Например, в языке марикопы (<кочими-юманские) [Gil 1991] УКС формально являются глаголами. В салишских языках УКС является наречием, в сфере действия которого может находиться и предикат, и его аргументы.

Таким образом, тот факт, что группа с *-ge* является адьюнктом к глаголу (см. подробнее раздел 2) не мешает с формальной точки зрения считать его квантификатором даже в «комитативных» контекстах, и предложения типа *Я съела котлету с картошкой* могут указывать на полный охват доступного в конкретной ситуации Пациенса.

Показатель *-ge* может использоваться в качестве квантификатора, будучи употребленным без других кванторных слов. Он употребляется при СМР-квантификации — т. е., по [Татевосов 2002: 115], квантификации единичных целостных объектов, которые являются семантически множественными или обладают сложной внутренней структурой, при которой все части объекта вовлечены в описываемую ситуацию. Например, *-ge* может присоединяться к именным группам, означающим множество однородных объектов (30). Некоторые носители также признают допустимость присоединения *-ge* к единичному объекту, который можно поделить на части (31).

(30) *klas-ge poxod-âš ke-ät*
 класс-СОМ поход-ILL идти-NPST.3PL
 ‘(Они) всем классом идут в поход’.

(31) *%vas'a kagâl'-ge kačk-ân kolt-en*
 В. пирог-СОМ есть-СВВ слать-PRET
 ‘Вася пирог целиком съел’.

При этом показатель *-ge* не может употребляться с веществами и абстрактными понятиями:

(32) **vas'a šäšer-ge jü-n*

В. молоко-COM пить-PRÉT

Ожид. знач: 'Вася все молоко выпил'.

(33) **susu-em-ge jam-ê pet'a-m uš-mâk-em*

радость-POSS.1SG-COM исчезать-AOR.3SG П.-ACC видеть-CVB-POSS.1SG

Ожид. знач: 'Вся радость испарилась, когда я увидела Петю'.

Однако во всех вышеперечисленных примерах *-ge* не присоединяется к субъекту и к прямому объекту: субъект и прямой объект опущены, а комитативная группа является адвербиалом. Это видно в примерах (34) и (35): в (34) комитативная группа относится к субъекту, а в (35) к прямому объекту. Субъект и прямой объект могут быть выражены, например, местоимением, как в (34), или повтором именной группы, как в (35).

(34) (*mä*) *s'emn'ä-ge jâl tär-äškä kâdal-ân-na*

мы семья-COM В. берег-ILL ехать-PRÉT-1PL

'Мы всей семьей поехали на Волгу'.

(35) *pet'a kagâl'-âm kagâl'-ge kačk-ân kolt-en*

П. пирог-ACC пирог-COM есть-CVB слать-PRÉT

'Петя съел весь пирог целиком'.

Также *-ge* может оформлять УКС *cilä*:

(36) *pet'a kagâl'-âm cilä-ge kačk-ân kolt-en*

П. пирог-ACC весь-COM есть-CVB слать-PRÉT

'Петя съел весь пирог'.

Дословно примеры с *ciläge* типа (36) можно перевести как «Петя съел пирог вместе со всем (вместе со всеми частями пирога)». Таким образом, между *cilä* и *ciläge* существует семантическое различие. Например, при употреблении *cilä* в (37) утверждается, что для лица верно, что оно является обгоревшим (обгорели все части лица, для которых релевантен параметр обгорелости). В примере же (38) подчеркивается, что обгорела каждая из частей лица, включая те, для которых данный параметр кажется нерелевантным.

- (37) *licä cilä keč-eš jâl-en ke-n*
 лицо весь солнце-LAT гореть-CVB ийти-PRET
 ‘Все лицо обгорело на солнце’.

- (38) *licä cilä-ge / licä-ge jâl-en ke-n*
 лицо весь-СОМ лицо-СОМ гореть-CVB ийти-PRET
 ‘Все лицо обгорело на солнце (каждая из частей лица)’.

Аналогичную ситуацию мы видим в следующих примерах. В (39) дверь покрашена с двух сторон, а в (40) подчеркивается, что каждый из элементов двери был покрашен.

- (39) *pet'a amasa-m cilä či-ält-en*
 П. дверь-АСС весь красить-PUN-PRET
 ‘Петя всю дверь покрасил (обе стороны)’.

- (40) *pet'a amasa-m cilä-ge / amasa-ge či-ält-en*
 П. дверь-АСС весь-СОМ дверь-СОМ красить-PUN-PRET
 ‘Петя всю дверь покрасил (обе стороны, торец, ручку...)’.

Рассмотрим теперь квантификацию генерических определенных множеств (GEN-квантификация и DEF-квантификация по [Татевосов 2002]). В данных случаях показатель *-ge* может присоединяться только одновременно с УКС *cilä*,³ однако не все носители признают приемлемость такого употребления. При этом употребление *-ge* более предпочтительно в DEF-квантификации, т. е. предложение (41) большинством носителей будет скорее проинтерпретировано как то, что девочки, о которых идет речь, относятся к какой-либо определенной группе (например, все девочки в классе) и что речь идет не о девочках всего мира:

- (41) *%cilä ädär-vlä-ge kačk-aš šolt-aš jarat-at*
 весь девушка-PL-СОМ есть-INF варить-INF любить-NPST.3PL
 ‘Все девочки любят готовить еду’. (Девочки из какой-то определенной группы/?девочки вообще)

Итак, мы видим, что показатель *-ge* имеет ряд функций, напоминающих квантификационные. Нельзя не отметить сходство показателя *-ge* с творительным падежом славянских языков восточной

³ В горномарийском языке кванторное слово *cilä* стоит в постпозиции квантуемого имени в случае СМР-квантификации и в препозиции в случае DEF и GEN-квантификации [Соловьева 2018].

группы, а именно с «творительным совокупности», который «выражает понятие целостности или разделительности подлежащего (*пошли к реке всем обществом*)» [Станишева 1958а: 200]. Считается, что творительный совокупности генетически восходит к творительному социативному (сопроводительному), который во всех современных языках употребляется с предлогом *с* (например, *он приехал с сумкой* — несмотря на предлог *с* слово *сумка* имеет форму творительного падежа), однако, по мнению Д. С. Станишевой, в праславянском языке употреблялся творительный социативный беспредложный, о чем свидетельствуют факты, например, древнерусского и сербохорватского [Станишева 1958б: 41].

Конечно, на основании данных фактов можно лишь предполагать, что в горномарийском языке у показателя *-ge* первичным значением тоже было социативное, а «квантификационное» развилось позже. Вопрос о диахроническом развитии данного показателя в горномарийском языке не входит в рамки данной работы и является сюжетом для отдельного исследования.

4. Бисиндетические сочинительные конструкции

В горномарийском языке возможно и бисиндетическое употребление показателя *-ge*, т. е. наличие маркера на обоих конъюнктах:

- (42) *mǎn' katl'et-ge rokolma-ge kačk-ǎn-am*
 я котлета-СОМ картошка-СОМ есть-PRET-1SG
 'Я съела и котлету, и картошку'.

Использование комитативных показателей в таких сочинительных конструкциях не является редкостью [Haspelmath 2004: 17]. Обычно такие конструкции относятся к эмфатическому сочинению (типа *both X and Y* 'X и Y оба'), и горномарийский не является исключением. При симметричных предикатах, типа *драться*, можно употребить, как уже было сказано в разделе 2.2, послелог *dono* (43). При употреблении *-ge* (44) интерпретация предложения меняется — описывается не взаимное участие в ситуации 'драться' Пети и Васи, а раздельное участие в драке как Пети, так и Васи, однако с другими оппонентами.

- (43) *pet'a vas'a dono šidäl-ät*
 П. В. с драться-NPST.3PL
 'Петя и Вася дерутся друг с другом'.

- (44) *pet'a-ge* *vas'a-ge* *šidäl-ät*
 П.-СОМ В.-СОМ драться-NPST.3PL
 #‘Петя и Вася дерутся друг с другом’.
 ‘И Петя, и Вася, каждый дерется с кем-то еще’.

Такое различие можно описать в терминах коллективности и дистрибутивности предикатов. Предикат *улыбаться* является дистрибутивным: для каждого участника ситуации предикат верен, т. е. из предложения *Мальчики улыбаются* следует, что каждый мальчик улыбается. Предикат *собраться вместе* имеет только коллективную интерпретацию, ср. *Мальчики собрались вместе* и **Каждый мальчик собрался вместе*, подробное обсуждение этих терминов см. в [Champollion 2017]. Эмфатическое сочинение может быть употреблено только с дистрибутивными предикатами (ср. *И Вася, и Петя улыбаются* и **И Вася, и Петя собрались вместе*), в то время как обычное сочинение может использоваться с обоими типами предикатов (ср. *Вася и Петя улыбаются* и *Вася и Петя собрались вместе*).

В [Шибасова 2006] анализируются парные слова с дублированным показателем *-ge* в луговом марийском. Некоторые из них можно интерпретировать как комитативные:

- ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ <ФИННО-УГОРСКИЕ
 (45) *кид-ге-йол-ге* *күртньыл-ен*
 рука-СОМ-нога-СОМ обить_железом-СВВ
 ‘заковав с руками-ногами’. [Шибасова 2006: 115]

Однако Н. Л. Шибасова также отмечает, что в некоторых случаях, например, у слова *изиге-кугуге* (луг.-мар. маленький-СОМ-большой-СОМ) наблюдается не значение совместности (или суммирования), как в предыдущем примере, а «значение полного покрытия некоторого множества» («обобщающие» (generalising) слова в терминологии [Wälchli 2005: 115]).

Оформление показателем *-ge*, согласно [Шибасова 2006: 96], «встречается лишь у прототипических парных слов», т. е. у суммирующих или обобщающих слов. Однако стоит отметить, что как минимум в горномарийском языке показателем *-ge* могут маркироваться не только представленные выше прототипические парные слова. Например, в (46) слова *väkš* ‘мельница’ и *saraj* ‘сарай’ не образуют парного слова, тем не менее показатель *-ge* на них наблюдается.

- (46) *vas 'a ške=ok vākš-ge saraj-ge stroj-en*
 В. REFL=EMPH мельница-COM сарай-COM строить-PRET
 'Вася построил сам и мельницу, и сарай'.

Интересно, что в таких конструкциях некоторые носители разрешают присоединение других падежей до показателя *-ge*. Около половины опрошенных носителей разрешили совместное употребление генитива и аффикса *-ge* (47). Отдельные носители признавали допустимость и присоединения других падежей (например, инессива или датива).

- (47) *ʔti-štā maša-n-ge daša-n-ge madāš-vlā-štā*
 ЭТОТ-IN М.-GEN-COM Д.-GEN-COM игрушка-PL-POSS.3PL
ki-āt
 лежать-NPST.3PL
 'Здесь лежат игрушки и Маши, и Даши'.

В других структурных позициях (DO, Obl) нам встретились только единичные случаи признания грамматичности данных конструкций. В любом случае это говорит о том, что *-ge* в некоторых конструкциях перестает восприниматься как падежный показатель⁴.

5. Конструкции с числительными

Также *-ge* используется в конструкциях с числительными, указывая на то, что множество охвачено целиком. При эксплицитном указании на то, что множество не исчерпано, употребление показателя *-ge* невозможно:

- (48) *kok ergä-ge to-kā-štā tol-ān-āt,*
 2 сын-COM дом-ILL2-POSS.3PL прийти-PRET-3PL
ädär-vlā-žā šokt-ādel-āt
 дочь-PL-POSS.3SG успеть-NEG.PRET-3PL
 'Оба сына приехали домой, а дочери не успели'.
 *'Два сына (из большего количества) приехали домой'.

⁴ Несмотря на то, что надежных диахронических данных нет, обратное направление эволюции сомнительно: во многих источниках *-ge* рассматривается как падежный показатель, см. [Тужаров 1977], [Саваткова 2002: 100–101], при этом ни в одном источнике нет информации про сочетание *-ge* с другими падежными показателями.

- (49) *kok ergä / *ergä-ge to-kâ-štâ tol-ân-ât,*
 2 сын сын-СОМ дом-ILL2-POSS.3PL прийти-PRET-3PL
kâm-ât-ân-žâ šokt-âdel-ât
 3-FULL-COLL-POSS.3SG успеть-NEG.PRET-3PL

‘Два сына приехали домой, а три других не успели’.

При этом показатель *-ge* не может употребляться просто с множественными объектами, даже если из контекста понятна их численность (50б). Таким образом, показатель *-ge* присоединяется только к множествам, количество элементов которого эксплицитно указано:

- (50) а) *kâm ädär-ge*
 3 девочка-СОМ
 ‘все три девочки’

- б) **ädär-vlä-ge*
 девочка-PL-СОМ
 Ожид. значение: ‘все девочки’

Интересно, что в конструкциях с числительными, как и в бисиндетических конструкциях (см. часть 4), у ряда носителей до показателя *-ge* допустим генитив (и иногда и другие падежные показатели):

- (51) *%ti škaf-âštâ lu ädär-ân-ge tâgâr-âštâ*
 этот шкаф-IN 10 девочка-GEN-СОМ рубашка-POSS.3PL
keč-ât
 висеть-NPST.3PL

‘В этом шкафу висят рубашки всех десяти девочек’.

Заметим, что во многих языках в сочинительных конструкциях и в конструкциях с числительными употребляются аддитивные частицы,⁵ например, это отмечено для гинухского языка (< НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИЕ) или же для тамильского языка (< ДРАВИДИЙСКИЕ) [Fogker 2016]. В горномарийском языке в этих двух конструкциях может употребляться аддитивная частица *=at*, при этом падежные показатели не могут быть опущены:

⁵ Аддитивная частица — частица, которая добавляет в семантику исходного высказывания аддитивную пресуппозицию, т. е. предикация верна как минимум для одной альтернативы референта, маркированного частицей.

- (52) *ti-štâ maša-*(n)=at daša-*(n)=at plat'â-vlä-štâ*
 этот-IN M-GEN=ADD Д.-GEN=ADD платье-PL-POSS.3PL
keč-ät
 висеть-NPST.3PL

‘Здесь висят платья и Маши, и Даши’.

- (53) *ti škaf-âštâ lu ädär-*(än)=at tâgâr-âštâ*
 этот шкаф-IN 10 девочка-GEN-COM рубашка-POSS.3PL
keč-ät
 висеть-NPST.3PL

‘В этом шкафу висят рубашки всех десяти девочек’.

Также, согласно [Gil 2004], обязательным промежуточным звеном между функциями комитатива и квантора является употреблен-ниеданного показателя в качестве аддитивной частицы. В индонезийском языке риау зафиксирован такой показатель (*sama*), который, среди прочего, обладает кванторными и комитативными функциями и используется в качестве аддитивной частицы.

В следующей части мы рассмотрим, можно ли трактовать показатель *-ge* как аддитивную частицу.

6. Комитативы и аддитивные частицы

Аддитивные частицы — это «фокусные операторы, которые указывают на квантификацию существования над альтернативами относительно значений, содержащихся в их сфере действия и включение некоторых альтернатив как возможных значений для открытой пропозиции в их сфере действия»⁶ [Forker 2016: 69].

Базовая функция таких операторов — аддитивная, т. е., как мы уже сказали, они добавляют в семантику исходного высказывания аддитивную пресуппозицию. Например, в предложении *Петя тоже пришел* в качестве ассертивного компонента выделяется ‘Петя пришел’, в то время как к аддитивной пресуппозиции относится ‘Кто-то кроме Пети пришел’.

В горномарийском языке с показателем *-ge* такое употребление запрещено при субъекте (54), а при объекте (55) — сомнительно.

⁶ “Focus-sensitive operators indicating existential quantification over alternatives with respect to the material contained in the scope and the inclusion of some alternatives as possible values for the open proposition in their scope” [Forker 2016: 69].

- (54) *pet'a=at* / **pet'a-ge* *rokolma-m* *šänd-en*
 П.=ADD П.-COM картошка-ACC сажать-PRET
 ‘<Я посадила картошку> Петя тоже посадил картошку’.
- (55) *pet'a rokolma-m=at* / *ʔrokolma-ge šänd-en*
 П. картошка-ACC=ADD картошка-COM сажать-PRET
 ‘Петя картошку тоже посадил’.

Таким образом, мы не можем утверждать, что *-ge* — это аддитивная частица. Тем не менее полностью отрицать сходство *-ge* и аддитивных частиц сложно. Мы считаем, что в обоих случаях задействовано понятие альтернативы, с помощью которого можно объяснить употребление *-ge* в широком спектре различных конструкций.

Для начала объясним, используя понятие альтернативы, почему аддитивные частицы могут употребляться в сочинительных конструкциях. При «типичном» использовании аддитивных частиц альтернатива относится к пресуппозиции и часто упомянута в предыдущем контексте. В (56) такая альтернатива — Маша, которая эксплицитно упомянута в клаузе, предшествующей клаузе с аддитивной частицей.

- (56) *Маша пришла, и Петя тоже пришел.*

В случае же **сочинения** альтернативы даны как части сочинительной конструкции:

- (57) *И Маша, и Петя пришли.*

При этом такое сочинение является эмфатическим / контрастивным, т. е. ударение сделано на каждом из конъюнктов — поэтому такие предложения не могут получить коллективное прочтение, только дистрибутивное (см. подробнее раздел 4).

Что касается **конструкций с числительными**, то альтернативы даны «внутри» самой именной группы. Другими словами, ИГ *все три* можно представить как конъюнкцию альтернатив: первый элемент множества & второй элемент множества & третий элемент множества.

Комитативные показатели тоже в какой-то степени вводят альтернативу, только в отличие от конструкций с аддитивными частицами, эта альтернатива дана не в предыдущих клаузах, а в той же, где есть комитативный показатель: *Маша пришла с Петей*.

7. Обсуждение

Итак, показатель *-ge* используется, если референты ИГ составляют одно целое или ингерентный / ситуационный комплект. Рассматриваемый показатель употребляется в разных конструкциях: в комитативной, квантификационной, сочинительной и в конструкциях с числительными. При этом в каждой из конструкций его семантика остается одинаковой:

(58) 1. ELEMENTS(X);⁷

2. INHUNITY(ELEMENTS(X)) OR SITUNITY(ELEMENTS(X))

В (58) X — референты центральной именной группы (далее ЦИГ) и комитативной группы (далее КГ). Предикат ELEMENTS выделяет из X части: при несовпадении референтов ЦИГ и КГ они и будут элементами множества, а при совпадении — элементы выделяются из самого референта. Предикат INHUNITY⁸ сообщает, что множество объектов образует либо одно целое, либо ингерентный комплект. Предикат SITUNITY навязывает интерпретацию ситуативной совместности действия.

Интересно, что в [Sirola-Belliard 2011] также было отмечено, что значительно меньшее количество употреблений комитативного показателя *-ine* в финском языке, чем комитативного послелого *kanssa*, не говорит о том, что *-ine* постепенно выходит из употребления. Дело в том, что он тоже имеет ограниченную дистрибуцию.

⁷ Результат выполнения данной функции характеризуется значительным идиолектным варьированием.

⁸ Ср. также отношение дополнительности, введенное в [Рахилина 2000: 45], первый член которого (дополнитель) обозначает объект, «второстепенный по отношению к объекту, обозначаемому вторым членом отношения». Е. В. Рахилина отмечает, что для интерпретации конструкций *X с Y-ом* решающее значение имеет семантика входящих в нее лексем, в частности, дополнители ведут себя нестандартно. Это объясняется тем, что для пар, связанных отношением часть-целое или отношением дополнительности, «естественное» соположение задано заранее и является фиксированным. Например, если X является вместилищем, то конструкция *X с Y-ом* интерпретируется как 'X, в углублении которого находится Y': *корзина с грибами*. Однако в сочетании *валенки с галошами* несмотря на возможность восприятия валенок в специальном контексте как вместилища (ср. *валенки с носками* — носки находятся внутри валенок), интерпретация 'валенки, внутри которых находятся галоши' неприемлема.

Одними из выделяемых значений для показателя *-ine* являются «выражение частей или компонентов, которые содержатся в некотором целом»⁹, а также «выражение объектов, которые часто располагаются совместно в пространстве и вместе образуют функциональное целое»¹⁰ [Sirola-Belliard 2011: 148–149]. К менее распространенным значениям относятся выражение «сопровождения двух (или более) людей» и «обладания конкретного или абстрактного объекта», которые мы также отнесли к инварианту, предложенному выше. Единственное значение, выделяемое для финского показателя *-ine*, которое не совпадает со значениями горномарийского *-ge* — это значение инструмента, которое, впрочем, считается маргинальным [Sirola-Belliard 2011: 149].

Итак, рассмотрим реализацию предлагаемого нами инварианта различных конструкций.

7.1 Комитативная конструкция

В комитативных конструкциях в сферу действия *-ge* попадает центральная именная группа и комитативная группа. При отсутствии прямого дополнения ЦИГ является субъект, а КГ — группа с *-ge*.

- (59) *vas'a-n pâl'vuj-âštâ-žâ cäv-igä šänz-en*
 В.-GEN колено-IN-POSS.3SG курица-детеныш сидеть-PRТ
dä vas'a_ЦИГ tädä-ge_КГ ke-n
 и В. ТОГ-СОМ ИДИ-PRТ

‘Вася сидел с цыпленком на коленях и с ним же ушел’.

Функция ELEMENTS применяется кВасе и цыпленку, при этом выделить элементы из множества не составляет труда: ELEMENTS (Вася, цыпленок) = {Вася, цыпленок}. Затем этим элементам множества навязывается комплектная интерпретация, в данном случае ситуационная — цыпленок должен был сидеть на коленях у Васи, после чего Вася решил не нарушать комплект. Так же доступна и интерпретация с ингерентным комплектом — цыпленок принадлежал Васе, и Вася ушел, не оставив этого цыпленка.

⁹ «The expression of parts or components that are contained in a particular whole» [Sirola-Belliard 2011: 148–149].

¹⁰ «The expression of entities that are not inclusive but belong (often spatially) together and, together, form a functional whole» [Sirola-Belliard 2011: 149]

Рассмотрим следующий пример:

- (60) *pet'a čaj-ät_{ЦИГ} šäšer-ge_{КГ} jü-n*
 П. чай-АСС молоко-СОМ пить-РЕТ
 ‘Петя выпил чай и молоко’.

Функция ELEMENTS пытается выделить элементы из чая и молока. Это возможно лишь в том случае, если данные жидкости находятся в разных емкостях — поэтому интерпретация с жидкостями в одной емкости недоступна.

7.2 Квантификационная конструкция

В квантификационных конструкциях в сферу действия *-ge* тоже попадают центральная именная группа и комитативная группа. В примере (61) производится функция ELEMENTS над учениками и классом: ELEMENTS (ученики, класс) = {ученик1, ученик2, ...}. То, что множество, выделяемое из ‘учеников’, и множество, выделяемое из ‘класса’, пересекаются, роли не играет, потому что при объединении двух множеств все повторения автоматически убираются. Затем всем объектам полученного множества навязывается комплектная интерпретация, которая не вызывает трудностей, т. к. изначально слово ‘класс’ предполагало, что ученики образуют комплект.

- (61) *pet'a tämen'-šä-vlä-m_{ЦИГ} klas-ge_{КГ} b'ibl'iot'ek-äštä*
 П. учиться-РТСР.АСТ-PL-АСС класс-СОМ библиотека-IN
to-n
 найти-РЕТ
 ‘Петя нашел весь класс в библиотеке’.

Важно отметить, что в квантификационных конструкциях в качестве КГ может выступать только именная группа, чей референт совпадает с референтом ЦИГ. Например, у горномарийского слова *vozä* ‘воз’ кроме значения ‘транспортное средство’ есть значение ‘количество груза, которое может поместиться на воз’, тем самым доступны две интерпретации: и квантификационная, и комитативная (62). Однако у слова *tärelkä* ‘тарелка’ нет значения ‘количество вещества, которое может поместиться на тарелку’ (см. [ДСМЯ]). Поэтому предложение (63) будет иметь только комитативную интерпретацию — ‘Петя съел суп вместе с тарелкой’.

(62) *šudâ vozâ-ge šü-n ke-n*
 сено воз-СОМ гнить-CVB идти-PRET

1. 'Весь воз сена сгнил'.
2. 'Сено сгнило вместе с возом'.

(63) *pet'a l'em-äm tärelkä-ge kačk-ân*
 П. суп-АСС тарелка-СОМ есть-PRET

- 'Петя съел суп вместе с тарелкой'.
 * 'Петя съел тарелку супа'.

Теперь рассмотрим пример (64). Слово 'дверь' не является обозначением меры, однако оно совпадает с ЦИГ, поэтому мы наблюдаем квантификационную, а не комитативную интерпретацию. Тем не менее из-за того, что обычно квантификация действительно производится с помощью абстрактных мер, не все носители признают допустимость этого предложения. Допустимость предложения вытекает из того, что формально произвести функцию ELEMENTS над дверью возможно: ELEMENTS (дверь) = {сторона, сторона, торец, ручка...}, и полученные элементы множества составляют комплект.

(64) ⁰*pet'a amasa-m_{ЦИГ} amasa-ge_{КТ} či-ält-en*
 П. дверь-АСС дверь-СОМ красить-PUN-PRET

- 'Петя всю дверь покрасил (все ее части)'.

Предложение же (65) недопустимо, поскольку функцию ELEMENTS нельзя произвести над молоком в силу его недискретности.

(65) **pet'a šäšer-äm šäšer-ge jü-n*
 П. молоко-АСС молоко-СОМ пить-PRET

- Ожид.: 'Петя все молоко выпил'.

7.3 Конструкция с числительными

В данной конструкции к обозначению квантифицированного числительным множества присоединяется маркер *-ge*, который подчеркивает, что каждый из объектов множества является участником некой ситуации, например, в ситуации прихода в (66): ELEMENTS(3 мальчика) = {мальчик₁, мальчик₂, мальчик₃}.

(66) *kâm ergä-ge tol-ân-ât*
 3 мальчик-СОМ прийти-PRET-3PL

- 'Все три мальчика пришли'.

7.4 Сочинительная конструкция

Сочинительные конструкции (67) похожи на комитативные (68), поскольку центральная именная группа в (68), которая маркирована аккузативом, может также маркироваться и комитативом (67). В данном случае тоже выполнение функции ELEMENTS не является затруднительным: ELEMENTS(баня, забор) = {баня, забор}, и этим элементам тоже навязывается отношение комплекта.

(67) *pet'a totoca-ge zabor-ge či-ält-en*
 П. баня-СОМ забор-СОМ красить-PUN-PRET
 'Петя покрасил и баню, и забор'.

(68) *pet'a totoca-t zabor-ge či-ält-en*
 П. баня-АСС забор-СОМ красить-PUN-PRET
 'Петя покрасил баню с забором'.

Для того чтобы попытаться объяснить появление конструкции типа (67), рассмотрим похожий на первый взгляд случай в якутском языке (< тюркские) [Архипов 2009: 129–131, Харитонов 1982]. В (69) показатель комитатива может дублироваться, при этом предпочтительно употребление обобщающего слова и / или квантификатора.

ЯКУТСКИЙ < ТЮРКСКИЕ

(69) *элиэ-лиин, тураах-тыын, кус-туун, хаас-тыын* —
 коршун-СОМ ворона-СОМ утка-СОМ гусь-СОМ
көтөр барыта кэлбит
 птица все приходит
 'И коршуны, и вороны, и утки, и гуси — птицы прилетели все'.
 [Харитонов 1982 (цит. по [Архипов 2009: 129])]

А. В. Архипов предполагает, что конструкция с обобщающим словом является промежуточным звеном между комитативной конструкцией и конструкцией с двойным комитативным маркером. В комитативной конструкции с обобщающим словом центральная именная группа является обобщающим элементом, покрывающим референцию двух (или более) комитативных групп, а самостоятельное употребление комитатива (как двойного, так и одинарного) рассматривается как случаи опущения центральной ИГ. Источником для конструкций с повторением комитативного маркера могла быть следующая структура: [[X-СОМ (Y-СОМ ...)] A UQ] 'все / весь

А, включая и X, и Y', где А — центральная ИГ, UQ — универсальный квантификатор, и для того, чтобы такая структура могла возникнуть, комитативный показатель должен употребляться в присоединительных контекстах ('включая X'), что верно в якутском для «народного разговорного языка»: комитативный показатель широко используется в роли слова наречного типа, обладающего присоединительным оттенком значения [Харитонов 1982]:

- якутский < тюркские
 (70) *унуох-тары ыйыһын-*
 кость-СОМ.ОВЛ проглотить
 'проглотить (напр., мясо) вместе с костью'
 [Харитонов 1982 (цит. по [Архипов 2009: 130])]

В горномарийском языке бисиндетическую конструкцию тоже можно рассматривать как конструкцию с невыраженной центральной ИГ, которая покрывала бы референцию двух комитативных групп:

- (71) *cilä-n direktor-ge tãmdã-šã-vlä-ge subotn'-ãš*
 весь-ADV директор-СОМ учить-PTCP.ACT-PL-COM субботник-ILL
tol-ãn-ãt
 прийти-PRET-3PL
 'Все, включая директора и учителей, пришли на субботник'

Для (72) такое предложение бы выглядело как *Я съела все: и котлету, и картошку*. Элементы, маркируемые *-ge*, составляют целое, а оба они являются отделимыми частями целого (в данном случае блюда):

- (72) *mãn' katl'et-ge rokolma-ge kačk-ãn-am*
 я котлета-СОМ картошка-СОМ есть-PRET-1SG
 'Я съела и котлету, и картошку'.

Комитативная конструкция, представленная в (73), в свою очередь, тоже могла появиться путем опущения комитативного показателя в конструкции вида 'X-СОМ Y-СОМ' на первой комитативной группе, превращая ее в центральную ИГ, несмотря на то, что в денотат слова 'котлета' не входит денотат слова 'картошка', в отличие от типичных примеров типа (74). В (73) показатель *-ge* начинает маркировать одну из частей целого (говоря точнее, маркируется объект, который составляет с другим объектом комплект, целое).

(73) *män' katl'et-âm rokolma-ge kačk-ân-am*
 я котлета-ACC картошка-СОМ есть-PRET-1SG
 ‘Я съела котлету с картошкой’.

(74) *män' olma-m sük-ge kačk-ân-am*
 я яблоко-ACC кожура-СОМ есть-PRET-1SG
 ‘Я съела яблоко с кожурой’.

Такое объяснение позволяло бы рассматривать группу с показателем *-ge* как адвербиал не только в комитативной и квантификационной, но и в сочинительной конструкции. Что касается конструкций с числительными, кроме конструкций типа [NUM X-*ge*] существуют и конструкции [X [NUM-FULL¹¹-*ge*]], где группа с *-ge* тоже является адвербиалом:

(75) *nänä kâm-ât-ge tol-ân-ât*
 они 3-FULL-СОМ приходить-PRET-3PL
 ‘Они все трое пришли’.

Интересно, что в аналогичной конструкции с частицей *=at* присоединение адвербиализатора *-ân* (76) обязательно. Это еще раз подтверждает, что несмотря на семантическое сходство показателей *-ge* и *=at*, они отличаются по синтаксическим свойствам.

(76) *nänä kâm-ât-*(ân)=at tol-ân-ât*
 они 3-FULL-ADV-СОМ приходить-PRET-3PL
 ‘Они все трое пришли’.

Тем не менее на данный момент не очень понятно, можно ли считать адвербиалом комитативную группу в конструкции [NUM X-*ge*]: мнения информантов о допустимости выраженного субъекта при наличии группы с *-ge* расходятся, при этом предложения с частичной редупликацией (77) оцениваются как более приемлемые, чем предложения с местоимением (78).

(77) *%ädär-vlä kâm ädär-ge tol-ân-ât*
 девушка-PL три девушка-СОМ приходить-PRET-3PL
 ‘Девушки все трое пришли’.

¹¹ Без показателя полной формы (FULL) числительное может быть только модификатором имени. При присоединении данного показателя числительное приобретает дистрибуцию ИГ [Саваткова 2002: 146].

- (78) **nänä kâṁ ädär-ge tol-ân-ât*
они три девушка-СОМ приходить-РЕТ-3PL

Ожид. значение: ‘Девушки все трое пришли’.

Также возникает вопрос, почему в сочинительных конструкциях и в конструкциях с числительными некоторые носители допускают присоединение генитива до показателя *-ge*, ср. примеры (79)=(47), (80)=(51), которые мы приводим еще раз для удобства:

- (79) [?]*ti-štä maša-n-ge daša-n-ge madâš-vlä-štä*
этот-ИН М.-GEN-COM Д.-GEN-COM игрушка-PL-POSS.3PL
ki-ät
лежать-NPST.3PL

‘Здесь лежат игрушки и Маши, и Даши’.

- (80) ^o*ti škař-âštä lu ädär-ân-ge tãgâr-âštä*
этот шкаф-ИН десять девочка-GEN-COM рубашка-POSS.3PL
keč-ät
висеть-NPST.3PL

‘В этом шкафу висят рубашки всех десяти девочек’.

Мы предполагаем, что из-за схожей семантики *-ge* и аддитивных частиц происходит реинтерпретация *-ge* как аддитивной частицы. Этот маркер употребляется в конструкциях, типичных для комитативных показателей:

- (81) *pet'a väkš-äm saraj-ge stroj-en*
П. мельница-ACC сарай-СОМ строить-РЕТ

‘Петя построил и мельницу, и сарай’.

Вместе с тем *-ge* употребляется и в конструкциях, которые типичны и для комитативов, и для аддитивов, а именно в сочинительных конструкциях (82) и в конструкциях с числительными.

- (82) *pet'a väkš-ge saraj-ge / väkš-äm=ät*
П. мельница-СОМ сарай-СОМ мельница-ACC=ADD
saraj-äm=at stroj-en
сарай-ACC=ADD строить-РЕТ

‘Петя построил и мельницу, и сарай’.

Из-за схожей семантики и схожих конструкций некоторые носители реинтерпретируют маркер *-ge* как аддитивную частицу, позволяя присоединять падежные показатели.

Кроме этого остается открытым еще и вопрос о причинах, по которым информанты выносят различные суждения о допустимости показателя *-ge* в том или ином контексте. Дело в том, что конструкции с *-ge* не очень распространены в текстах: в горномарийском экспедиционном корпусе, который включает 44297 словоупотреблений, зафиксировано лишь 8 вхождений *-ge*. Таким образом, носители не очень часто употребляют данный показатель и могут затрудняться в оценке его допустимости в периферийных контекстах. По той же причине предложенная нами функция ELEMENTS выполняется в разных идиолектах по-разному.

8. Заключение

Итак, показатель *-ge* употребляется в комитативной, квантификационной, сочинительной конструкции и в конструкции с числительными. Все эти конструкции, которые на первый взгляд кажутся разными, сводятся к одному инварианту: «1. ELEMENTS(X); 2. INHUNITY(ELEMENTS(X)) or SITUNITY(ELEMENTS(X))». Другими словами, *-ge* используется, если референты соединяемых именных групп составляют одно целое или ингерентный / ситуационный комплект. Группа с показателем *-ge* может относиться только к субъекту или к прямому объекту. В сочинительной конструкции и в конструкции с числительными до рассматриваемого показателя допустимы падежные показатели, например, генитив. Это происходит, поскольку в этих конструкциях *-ge* реинтерпретируется как аддитивная частица из-за схожей семантики. Большой разброс суждений о допустимости предложений с *-ge* может быть вызван тем, что эти конструкции не частотны в естественных текстах.

Список условных сокращений

1, 3 — лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; ADV — адвербиализатор; AOR — аорист; COLL — собирательность, COM — комитатив; COM.OBJ — объектный комитатив; CVB — конверб; DAT — датив; EMPH — эмфатическая частица; FULL — полная форма числительного; GEN — генитив; ILL(2) — иллатив; IN — инессив, INF — инфинитив; LAT — латив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PRET — претерит; PROP — проприетив; PTCP. ACT — активное причастие; PUN — пунктив; REFL — рефлексив; SG — единственное число.

Литература

- Архипов 2009 — А. В. Архипов. Типология комитативных конструкций. М.: Знак, 2009.
- Галкин 1966 — И. С. Галкин. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть II. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1966.
- Крейдлин, Падучева 1974 — Г. Е. Крейдлин, Е. В. Падучева. Значение и синтаксические свойства союза *a* // Научно-техническая информация 2. № 10, 1974. С. 31–37.
- Рахилина 2000 — Е. В. Рахилина. Когнитивный анализ предметных имен. М.: Русские словари, 2000.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Саваткова 2008 — А. А. Саваткова. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 2008.
- Соловьева 2018 — А. В. Соловьева. Экспедиционный отчет, 2018.
- Станишева 1958a — Д. С. Станишева. Творительный совокупности // С. Б. Бернштейн (ред.). Творительный падеж в славянских языках. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 193–200.
- Станишева 1958b — Д. С. Станишева. Творительный социативный // С. Б. Бернштейн (ред.). Творительный падеж в славянских языках. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 41–75.
- Татевосов 2002 — С. Г. Татевосов. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2002.
- Тужаров 1977 — Г. М. Тужаров. Совместный падеж в марийском языке // Советское финно-угроведение. 1977. № 4. С. 271–279.
- Тужаров 1987 — Г. М. Тужаров. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1987.
- Харитонов 1982 — Л. Н. Харитонов. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982.
- Шибасова 2006 — Н. Л. Шибасова. Типология парных слов (на материале некоторых финно-угорских языков): дисс. ... канд. филол. наук. МГУ. М., 2006.
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar. Hamburg: Buske, 1993.
- Champollion 2017 — L. Champollion. Distributivity, collectivity and cumulativity // D. Gutzmann, L. Matthewson, C. Meier, H. Rullman, T. E. Zimmermann (eds.). Companion to Semantics. Oxford: Wiley, 2017.
- Forker 2016 — D. Forker. A typology for additives // *Lingua* 180. 2016. P. 69–100.
- Gil 1991 — D. Gil. Universal quantifiers: A typological study // EURO TYP working papers. Theme 7: Noun phrase structure. No. 121. Berlin, 1991.

- Gil 2004 — D. Gil. Riau Indonesian Sama: Explorations in Macrofunctionality // M. Haspelmath (ed.). *Coordinating constructions*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 371–424.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *Indefinite Pronouns*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Haspelmath 2004 — M. Haspelmath. *Coordinating constructions: An overview* // M. Haspelmath (ed.). *Coordinating constructions*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 3–40.
- Salo 2016 — M. Salo. On the meanings of the suffix *-nek/-nek* in Erzya: A comitative case or derivational suffix? // K. Shagal, H. Arjava (eds.). *Mordvin languages in the field*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2016. P. 187–227.
- Sirola-Belliard 2011 — M. Sirola-Belliard. Is there a future for the Finnish comitative? Arguments against the putative synonymy of the comitative case *-ine* and the postposition *kanssa* // S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds.). *Case, animacy and semantic roles*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 135–153.
- Stolz et al. 2006 — T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. *On Comitatives and Related Categories: A typological study with special focus on the languages of Europe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006.
- Wälchli 2005 — B. Wälchli. *Co-compounds and natural coordination*. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Источники

- ДСМЯ — Десятитомный словарь марийского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://marlamuter.com/muter/ru/> (дата обращения 12.11.2018).

References

- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar*. Hamburg: Buske, 1993.
- Arkhipov 2009 — A. V. Arkhipov. *Tipologiya komitativnykh konstruksiy* [Typology of comitative construction]. Moscow: Znak, 2009.
- Champollion 2017 — L. Champollion. *Distributivity, collectivity and cumulativity*. D. Gutzmann, L. Matthewson, C. Meier, H. Rullman, T. E. Zimmermann (eds.). *Companion to Semantics*. Oxford: Wiley, 2017.
- Forker 2016 — D. Forker. A typology for additives. *Lingua*. 2016. No. 180. P. 69–100.
- Galkin 1966 — I. S. Galkin. *Istoricheskaya grammatika mariyskogo yazyka. Morfologiya. Chast II* [Historical grammar of the Mari language. Morphology. Part II]. Yoshkar-Ola: Mari book publishing house, 1966.
- Gil 1991 — D. Gil. *Universal quantifiers: A typological study. EUROTYPE working papers. Theme 7: Noun phrase structure*. No. 12. Berlin. 1991.

- Gil 2004 — D. Gil. Riau Indonesian Sama: Explorations in Macrofunctionality. M. Haspelmath (ed.). *Coordinating Constructions*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 371–424.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. Indefinite Pronouns. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Haspelmath 2004 — M. Haspelmath. Coordinating constructions: An overview. M. Haspelmath (ed.). *Coordinating constructions*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 3–40.
- Kharitonov 1982 — L. N. Kharitonov. Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. Fonetika i morfologiya [Grammar of modern Yakut literary language. Phonetics and morphology]. Moscow: Nauka, 1982.
- Kreydlin, Paducheva 1974 — G. E. Kreydlin, E. V. Paducheva. Znachenie i sintaksicheskie svoystva soyuza *a*. [The meaning and syntactic properties of a conjunction 'a']. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya*. 2. 1974. No. 10. P. 31–37.
- Rakhilina 2000 — E. V. Rakhilina. Kognitivnyy analiz predmetnykh imen [Kognitive analysis of subject nouns]. Moscow: Russkie slovari, 2000.
- Salo 2016 — M. Salo. On the meanings of the suffix *-ñek/-nek* in Erzya: A comitative case or derivational suffix? K. Shagal, H. Arjava (eds.). *Mordvin languages in the field*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2016. 187–227.
- Savatkova 2002 — A. A. Savatkova. Gornoe narechie mariyskogo yazyka. [The Hill dialect of the Mari language (grammar)]. Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2002.
- Savatkova 2008 — A. A. Savatkova. Slovar gornomariyskogo yazyka. [Dictionary of Hill Mary Language]. Yoshkar-Ola: Mari book publishing house, 2008.
- Shibasova 2006 — N. L. Shibasova. Tipologiya parnykh slov (na materiale nekotorykh finno-ugorskikh yazykov). Diss. ... kand. filol. nauk [Typology of pair words (using the material of some of Finno-Ugric languages). Phil. cand. diss., Moscow State University], Moscow, 2006.
- Sirola-Belliard 2011 — M. Sirola-Belliard. Is there a future for the Finnish comitative? Arguments against the putative synonymy of the comitative case *-ine* and the postposition *kanssa*. S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds.). *Case, animacy and semantic roles*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 135–153.
- Solovieva 2018 — A. V. Solovieva. Expedition report, 2018.
- Stanisheva 1958a — D. S. Stanisheva. Tvoritelnyy sovokupnosti [Instrumental of Aggregate]. S. B. Bernstein (ed.). *Tvoritelnyy padezh v slavyanskikh yazykakh* [Instrumental Case in Slavic languages]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. P. 193–200.
- Stanisheva 1958b — D. S. Stanisheva. Tvoritelnyy sotsiativnyy [Sociative Instrumental]. S. B. Bernstein (ed.). *Tvoritelnyy padezh v slavyanskikh*

- yazykakh* [Instrumental Case in Slavic languages]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. P. 41–75.
- Stolz et al. 2006— T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. On Comitatives and Related Categories: A typological study with special focus on the languages of Europe. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006.
- Tatevosov 2002 — S. G. Tatevosov. Semantika sostavlyayushchikh imennoy gruppy: kvantornye slova. [Semantics of constituents of noun phrase: quantifiers]. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, 2002.
- Tuzharov 1977 — G. M. Tuzharov. Sovmestnyy padezh v mariyskom yazyke. [Sociative case in Mari language]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*. 1977. No 4. P. 271–279.
- Tuzharov 1987 — G. M. Tuzharov. Grammaticheskie kategorii imeni sushchestvitelnogo v mariyskom yazyke [Grammatical categories of noun in Mari language]. Yoshkar-Ola: Mari book publishing house, 1987.
- Wälchli 2005 — B. Wälchli. Co-compounds and natural coordination. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Sources

- DSMYa — Desyatitomnyy slovar mariyskogo yazyka [Mari dictionary in ten volumes]. Electronic resource. Available at: <http://marlamuter.com/muter/ru/> (accessed on 12.11.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранов Анатолий Николаевич — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронная почта: baranov_anatoly@hotmail.com.

Барина Юлия Владимировна — кандидат филологических наук, эксперт Учебно-консультативного центра по русскому языку филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета. Электронная почта: julk@inbox.ru.

Белов Сергей Александрович — кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой конституционного права, декан юридического факультета, директор НИИ Проблем государственного языка Санкт-Петербургского государственного университета. Электронная почта: s.a.belov@spbu.ru.

Бускунбаева Лилия Айсовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Электронная почта: buskl@yandex.ru.

Волков Олег Сергеевич — старший преподаватель Школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Электронная почта: kot_gitarist@mail.ru.

Волков Сергей Святославович — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН. Электронная почта: sergejvolkov2006@yandex.ru.

Галяшина Елена Игоревна — доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой судебных экспертиз Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), академик Российской академии естественных наук (РАЕН). Электронная почта: egalyashina@gmail.com.

Геккина Елена Николаевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН. Электронная почта: gekkin@rambler.ru.

Грунченко Оксана Михайловна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, координатор справочной службы Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронная почта: ogrun@yandex.ru.

Гулида Виктория Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: v-gulida@yandex.ru.

Домосилецкая Марина Валентиновна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: marinaling@mail.ru.

Ишкильдина Линара Камиловна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Электронная почта: lina86_08@mail.ru.

Карева Наталия Владимировна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН. Электронная почта: natasha.titova@gmail.com.

Козловская Наталья Витальевна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: saga@kodeks.com.

Колядов Дмитрий Михайлович — младший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: dkoliadov@eu.spb.ru

Курбанова-Ильютко Камилла Искандеровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языкознания филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Электронная почта: k.kurbanova@philol.msu.ru.

Муратова Римма Талгатовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Электронная почта: bairim@yandex.ru.

Садова Татьяна Семеновна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета. Электронная почта: tatsad_90@mail.ru.

Стенин Иван Андреевич — старший преподаватель Школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Электронная почта: ystein88@gmail.com.

Фомина Юлия Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Электронная почта: ufom@mail.ru.

Хазимуллина Елена Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, руководитель Центра лингвистических экспертиз и редактирования Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Электронная почта: lenahk@gmail.com.

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна — доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Электронная почта: hisamitdinova@list.ru.

Хомченкова Ирина Андреевна — студент магистратуры Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, младший научный сотрудник ИРЯ им. В. В. Виноградова. Электронная почта: irina.khomchenkova@yandex.ru.

Чернышова Татьяна Владимировна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета, Барнаул. Электронная почта: labrlexis@mail.ru.

Чубина Елена Александровна — кандидат педагогических наук, магистр юриспруденции, доцент, доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). Электронная почта: chubina@mail.ru.

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Электронная почта: rishrinat@mail.ru.

CONTRIBUTORS

Baranov Anatoly N. — Dr. Sc. in Philology, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian Language (Vinogradov's Institute), Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: baranov_anatoly@hotmail.com.

Barinova Yuliya V. — Cand. Sc. in Philology, Expert of the Russian Language Training and Consulting Centre, National Research Tomsk State University, Tomsk. E-mail: julk@inbox.ru.

Belov Sergey A. — Cand. Sc. in Law, Associate Professor, Head of Constitutional Law Department, Dean of Law Faculty, St. Petersburg State University, St. Petersburg. E-mail: s.a.belov@spbu.ru.

Buskunbaeva Liliya A. — Cand. Sc. in Philology, Senior Researcher, Linguistics Department of the Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa. E-mail: buskl@yandex.ru.

Chernyshova Tatyana V. — Dr. Sc. in Philology, Professor, Head of the Department of General and Applied Philology, Literature and Russian Language, Altai State University, Barnaul. E-mail: labrlexis@mail.ru.

Chubina Elena A. — Cand. Sc. in Pedagogy, LL. M., Associate Professor of the Forensic Expertise Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow. E-mail: chubina@mail.ru.

Domosiletskaya Marina V. — Cand. Sc. in Philology, Senior Researcher, Department of Comparative Indo-European Linguistics and Areal Studies, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: marinaling@mail.ru.

Fomina Yuliya S. — Cand. Sc. in Philology, Associate Professor, Department of General Linguistics of M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa. E-mail: ufom@mail.ru.

Galyashina Elena I. — Dr. Sc. in Law, Dr. Sc. in Philology, Professor, Deputy Head of the Department of Forensic Examinations, Kutafin

Moscow State Law University (MSAL), Moscow. E-mail: egalyashina@gmail.com.

Gekkina Elena N. — Cand. Sc. in Philology, Senior Researcher, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: gekkina@rambler.ru.

Grunchenko Oksana M. — Cand. Sc. in Philology, Senior Researcher, Head of the Reference Service of the Russian Language Institute, Institute of Russian Language (Vinogradov's Institute), Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: ogrun@yandex.ru.

Gulida Victoria B. — Cand. Sc. in Philology, Associate Professor, Department of General Linguistics, St. Petersburg State University, St. Petersburg. E-mail: v-gulida@yandex.ru.

Hisamitdinova Firdaus G. — Dr. Sc. in Philology, Professor, Academic Supervisor of the Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Ufa. E-mail: hisamitdinova@list.ru.

Ishkildina Linara K. — Cand. Sc. in Philology, Researcher, Linguistics Department, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Ufa. E-mail: lina86_08@mail.ru.

Kareva Natalia V. — Cand. Sc. in Philology, Senior Researcher, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: natasha.titova@gmail.com

Khazimullina Elena E. — Cand. Sc. in Philology, Associate Professor, Department of General Linguistics, Head of the Center for Linguistic Expertise and Editing, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa. E-mail: lenahk@gmail.com.

Khomchenkova Irina A. — M. A. student, Lomonosov Moscow State University, Junior Researcher, Russian Language Institute named after V. V. Vinogradov, Moscow. E-mail: irina.khomchenkova@yandex.ru.

Kolyadov Dmitriy M. — Junior Researcher, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: dkoliadov@eu.spb.ru.

Kozlovskaya Natalia V. — Dr. Sc. in Philology, Senior Researcher, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: saga@kodeks.com.

Kurbanova-Ilyutko Kamilla I. — Cand. Sc. in philology, Associate Professor, Department of French Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow. E-mail: k.kurbanova@philol.msu.ru.

Muratova Rimma T. — Cand. Sc. in Philology, Senior Researcher, Linguistics Department, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Ufa. E-mail: bairima@yandex.ru.

Sadova Tatiana S. — Dr. Sc. in Philology, Professor, Professor of the Russian Language Department, St. Petersburg State University, St. Petersburg. E-mail: tatsad_90@mail.ru.

Stenin Ivan A. — Senior Lecturer, School of Linguistics, Higher School of Economics University, Moscow. E-mail: ystein88@gmail.com.

Volkov Oleg S. — Senior Lecturer, School of Linguistics, Higher School of Economics University, Moscow. E-mail: kot_gitarist@mail.ru.

Volkov Sergej S. — Cand. Sc. in Philology, Senior Researcher, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: sergejvolkov2006@yandex.ru.

Yagafarova Gulnaz N. — Cand. Sc. in Philology, Senior Researcher, Linguistics Department, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Ufa. E-mail: rishrinat@mail.ru.

ЭТИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Этика научных публикаций

Международный журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» — научное периодическое издание, не имеющее политической, идеологической, религиозной или иной направленности; деятельность журнала связана исключительно с академической наукой. Все участники редакционного и издательского процесса (авторы, рецензенты, редакторы и члены редакционной коллегии) обязаны учитывать это и следовать указанным ниже этическим стандартам, основанным на рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (COPE).

Авторство работы

Автор гарантирует, что рукопись, подаваемая для публикации в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» является оригинальным текстом, и подтверждает свои исключительные авторские права на эту публикацию. В случае совместной работы материалы для публикации может подать один из авторов, указав всех соавторов и предоставив необходимую и достоверную информацию о них.

Автору следует указать организации и учреждения, предоставившие финансовую поддержку или оказавшие содействие в создании рукописи, при наличии таковых.

Автор обязан в полном объеме указать все источники информации, используемые в работе, включая источники (опубликованные и неопубликованные), исследовательскую литературу (в том числе собственные ранее опубликованные работы) и данные информантов (при публикации результатов полевых исследований). Автор обязан соответствующим образом оформить ссылки на использованные в работе труды или утверждения других авторов. Любая форма плагиата неприемлема. Автоплагиат, т. е. попытка повторной публикации собственной ранее опубликованной работы без существенных изменений, также неприемлем. Подача рукописи работы

одновременно более чем в один журнал для публикации недопустима. Научный архив автора, на котором основано исследование и работа, должен быть при необходимости доступен к рассмотрению на период не менее 2-х лет.

В случае нарушения любого из перечисленных выше правил редакционная коллегия может отказать в публикации рукописи в любое время, в том числе на этапе предварительного рассмотрения, без привлечения рецензентов, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Внесение автором любых изменений в текст, прошедший этап рецензирования и принятый к публикации, допустимо только с согласия редакционной коллегии. Автор может отозвать принятую рукопись до того, как материалы будут отправлены для редактирования. В случае если автор отзывает рукопись по завершении процесса редактирования, редакционная коллегия вправе отказать в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Автор обязуется не размещать в открытом доступе любые принятые к публикации, но еще не опубликованные материалы. В случае нарушения этого правила редакционная коллегия вправе снять рукопись с публикации, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Авторское право и открытый доступ

В соответствии с Будапештской инициативой по открытому доступу к научным публикациям (Budapest Open Access Initiative, BOAI) журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» обеспечивает свободный доступ к опубликованным материалам, руководствуясь принципом поддержки глобального обмена знаниями. Какие-либо сборы за публикацию в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» с авторов не взимаются.

При отправке материалов для публикации в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» автор выражает согласие с тем, что принятие этих материалов к публикации подразумевает их дальнейшее распространение в соответствии с лицензией Creative Commons | Attribution-NoDerivatives, допускающей распространение материалов в коммерческих и некоммерческих целях, если оно осуществляется без каких-либо изменений текста и с указанием авторства.

Вместе с тем за автором в полном объеме сохраняются авторские права на опубликованную работу.

Достоверность информации

Представляя рукописи для публикации в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований», авторы несут ответственность за тщательную проверку информации, содержащейся в их работе, во избежание неточных ссылок или отсутствия необходимых ссылок на источники. Если в процессе редактирования материалов, принятых к публикации, автор обнаруживает ошибки или неточности, он/она должны незамедлительно уведомить редактора и доработать статью или, при наличии существенных ошибок, требующих полной ревизии текста, отозвать рукопись.

В журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» не допускается клевета. Автор должен избегать личных нападок, пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других ученых.

Авторы несут ответственность за достоверность всех данных, опубликованных в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований». Если после публикации обнаружено нарушение вышеуказанных правил, редакционная коллегия имеет право опубликовать опровержение в следующем выпуске, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Процесс рецензирования

Представленные рукописи оцениваются по принципу двойного анонимного рецензирования; это означает, что все материалы направляются рецензентам в анонимной форме (файлы и метаданные не содержат информации об авторах).

Члены редакционной коллегии или другие участники процесса публикации не имеют права сообщать рецензентам имен авторов до принятия окончательного решения относительно публикации представленных рукописей.

Если рецензент узнает автора рассматриваемой статьи и обнаруживает конфликт интересов, он должен сообщить об этом редактору и отказаться от рецензирования. Контакты между рецензентом и автором, поддерживаемые за пределами сферы ответственности

редакционной коллегии, не являются достаточным основанием для смены рецензента.

Имя рецензента может быть раскрыто автору редакционной коллегией только по просьбе самого рецензента и только после принятия окончательного решения относительно публикации представленной рукописи.

Рецензия должна быть объективной и беспристрастной, личная критика в адрес автора не допускается. Все комментарии и рекомендации по улучшению работы должны быть высказаны в корректной форме, а замечания аргументированы. Рецензенты могут рекомендовать автору проработать дополнительную литературу, касающуюся темы представленной рукописи и отсутствующую в списке использованной литературы. Рецензент обязан обратить внимание редакционной коллегии на любые признаки плагиата.

Рецензирование работы должно быть завершено в установленный журналом срок; в ряде случаев публикация работы может быть перенесена на следующий год.

Обязанности членов редакционной коллегии

На всех этапах редакционного и издательского процесса редакционная коллегия журнала обеспечивает следующее:

- предварительное рассмотрение рукописей авторов;
- выбор рецензентов для экспертизы в соответствии с их научными интересами;
- соблюдение конфиденциальности в процессе двойного анонимного рецензирования;
- решение о принятии, отказе в публикации или назначении дополнительной экспертизы в зависимости от заключения рецензента;
- все члены редакционной коллегии должны быть в курсе содержания текущего выпуска;
- члены редакционной коллегии могут оказывать посильную помощь авторам в вычитке статей;
- корректуру выпуска перед публикацией в бумажном формате и в сети Интернет.

Главный редактор координирует работу редакционной коллегии и принимает решения по ключевым вопросам, а также дает разрешение на печать выпуска и его публикацию в сети Интернет. Входя в состав редакционной коллегии, главный редактор гарантирует

строгое соблюдение всех этических стандартов, изложенных в настоящем документе.

Редакторы не вправе злоупотреблять служебным положением и должны соблюдать беспристрастность и объективность по отношению ко всем участникам редакционного и издательского процесса вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных убеждений, этнической принадлежности, гражданства или политических предпочтений. Материалы, представленные для публикации в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований», рассматриваются исключительно с точки зрения их научной ценности с соблюдением принципа двойного анонимного рецензирования.

Конфликт интересов редакторов и авторов предоставляемых для публикации рукописей недопустим. В случае возникновения конфликта интересов работы авторов должны быть направлены на рассмотрение другому редактору.

Редакционная коллегия гарантирует высокий научный уровень материалов, публикуемых в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований», и, при необходимости, обязана публиковать исправления, разъяснения и извинения.

Редакционная коллегия

Международная редакционная коллегия журнала «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» является высшим руководящим и контролирующим органом журнала. Члены редакционной коллегии имеют право принятием коллективного решения приостановить или отклонить публикацию материалов, прошедших процедуру двойного анонимного рецензирования. Рукописи членов редакционной коллегии, представленные для публикации в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований», рассматриваются на общих основаниях, вне зависимости от вхождения автора в состав редакционной коллегии.

Благодаря научному авторитету, географическому охвату и принципу коллегиальности международная редакционная коллегия журнала «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» гарантирует соответствие опубликованных материалов международным стандартам научной и редакционной этики. Все конфликты, возникающие между участниками

редакционного и издательского процесса, должны решаться при непосредственном вмешательстве редакционной коллегии.

Язык публикаций

Журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» принимает рукописи статей на русском, английском, французском и немецком языках. Если язык статьи не является для автора родным, рекомендуется, во избежание возможных недоразумений, проконсультироваться с компетентным носителем соответствующего языка.

Все метаданные статей представлены на веб-сайте журнала на русском и английском языках.

PUBLICATION ETHICS AND PUBLICATION MALPRACTICE STATEMENT

The International Journal *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies* is an academic periodical with no political, ideological, confessional, or other agendas; therefore the Journal's activities are solely for the sake of scholarship. All participants in the editorial and publishing process (Authors, Reviewers, Editors, and Editorial Board Members) should keep this in mind and follow the ethical standards outlined below, which are based on the recommendations of the Committee on Publication Ethics (COPE).

Authorship Issues

When submitting a paper to publish in *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies*, the Author thereby confirms his or her authorship. In the case of a collaborative work, one of the Authors may submit material for publication provided that all co-authors are listed with all necessary and correct information about them.

If there are agencies or other entities that contributed to the content or provided funding or support for the work submitted, the Author should clearly identify them. If necessary, the Author should express gratitude to colleagues who have made a contribution to the submitted work.

The Authors must present in full all sources of information used in the work, including lists of sources (both published and unpublished), research literature (including the Authors' own previously published works), and informants (when publishing the results of field studies). The Authors should ensure that if they have used the work and/or words of others, this has been appropriately cited or quoted. Any form of plagiarism is unacceptable. Self-plagiarism, i.e., the attempt to republish one's own previously published work without significant changes to it, is similarly unacceptable. Concurrent submission of the same work to *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies* and to any other publication is prohibited. The research archive used by the Author should be accessible upon request for the period of at least two years.

In case of violation of any of the rules listed above, the Editorial Team is entitled to refuse to publish the materials at any time, including during preliminary consideration, without involving reviewers, and also not to proceed with the publication of any work from the Author for a period of three years.

Any changes added by the Author to a text that has been peer-reviewed and accepted for publication can be made only in coordination with the Editorial Team. An Author can withdraw an accepted work only before the materials have been sent out for editing. If the Author absolutely wishes to withdraw the material from publication after the editorial work has been done, the Editorial Team is entitled to refuse to consider publication of any work submitted by this Author for a period of three years.

It is unacceptable for an Author to place into the public domain any materials that have been accepted for publication and sent for editing but which have not yet been published. If this rule is violated, the Editorial Team is entitled to withdraw these materials and to refuse to consider publication of any work by the Author for a period of three years.

Copyright and Open Access

The journal *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies* has agreed to the Budapest Open Access Initiative and therefore provides immediate open access to its content on the principle that making research freely available to the public supports a greater global exchange of knowledge. At the same time, the Authors are not charged any fees for publication in *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies*.

When sending materials for consideration by the journal *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies*, the Authors agree that the acceptance of these materials for publication ensures their redistribution in accordance with the license Creative Commons | Attribution-NoDerivatives (this allows for redistribution, commercial and non-commercial, as long as it is passed along unchanged and in its entirety, with attribution). At the same time, copyright remains in full with the Authors.

Accuracy of Information

The Authors of the papers submitted to the journal *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies* are

responsible for detailed verification of all the information contained in their work in order to avoid inaccurate references to sources or the omission of necessary references. If, in the process of editing the materials accepted for publication, the Author discovers mistakes or inaccuracies, he or she must notify the Editor as soon as possible and either withdraw the publication (in the case of significant errors requiring a complete revision of the text) or correct it.

The Author must avoid personal attacks, disparaging remarks, and accusations against other scholars. Defamation is not allowed in the journal *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies*.

The Authors are responsible for the accuracy of all data published in the journal *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies*. If a violation of the above rules is discovered after publication, the Editorial Team is entitled to publish a refutation in the next issue and also not to proceed with any work from the defaulting Author for a period of three years.

Review Process

All submitted papers are evaluated on the principle of double-blind peer review, which means that all materials are sent to the Reviewers in anonymized form (the files contain no information about the Authors and information is also deleted from the metadata of the submitted files).

None of the members of the Editorial Team or any other participants in the publication process is allowed to disclose the Authors' names to Reviewers before the final decision regarding the publication of the submitted papers.

If a Reviewer recognizes the Author of the article being reviewed and discovers a conflict of interest, he is to inform the Editor of this and recuse himself. Contacts between the Reviewer and the Author maintained outside of the Editorial Team's responsibilities are not sufficient grounds for disqualification of the Reviewer.

The Reviewer's name can be disclosed to the Author by the Editorial Team only at the request of the Reviewer and only after the final decision regarding the publication of the submitted materials.

The review should be objective and impartial and must not contain personal attacks against the Author. All comments and suggestions for improving the work should be made in polite form, and all criticism should be justified. Reviewers are encouraged to recommend additional

publications relating to the submitted work for which there are no references. The Reviewer should also draw the attention of the Editorial Team to any evidence of plagiarism.

The review should be completed within the time frame established by the journal; the appointment of reviewers, reviewing, acceptance, editing and publication can take over 12 months.

Duties of the Editorial Team Members

Managing/Academic Editors provide for all stages of the editorial and publishing process:

- preliminary consideration of the Authors' submissions;
- selecting the Reviewers in accordance with their research interests;
- maintaining confidentiality during the double-blind review process;
- deciding on acceptance, rejection, or submission to additional peer review, depending on the Reviewers' reports;
- notifying members of the Editorial Board of the current issue data;
- sending the edited materials to the Layout Editor and facilitating the Authors' proofreading of the galleys;
- control proofreading (reconciliation) of the issue before its publication online and in hard copy.

The Editor-in-Chief coordinates all the work of the Editorial Team and makes decisions on key issues; he or she also releases issues for printing and gives permission for publication on the website. Also, as a member of the Editorial Team and the Editorial Board, the Editor-in-Chief fully guarantees strict compliance with all ethical standards set forth herein.

All Editors must be careful not to abuse their official position and they are to maintain their impartiality and objectivity toward all participants in the editorial and publishing process regardless of race, gender, sexual orientation, religious belief, ethnic origin, nationality, or political opinion. The materials submitted by the Editors for publication in the journal *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies* are considered solely on their scholarly merit and with the observance of the principle of double-blind peer review.

There must be no conflict of interest between the Editors and the Authors of the materials accepted or rejected for publication. In case such conflict occurs, the Authors' materials are to be sent to another Editor.

The Editorial Team ensures the high academic quality of the materials published in the journal *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies* and, if necessary, is obliged to publish corrections, clarifications, and apologies.

Editorial Board

The international Editorial Board of the journal *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies* is the supreme governing and controlling body of the periodical. The Editorial Board members, by means of collective decision, have the right to suspend or reject the publication of materials that have gone through double-blind peer review. Papers written by members of the Editorial Board that are submitted for publication in the journal *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies* are considered on their own merit, without regard for their Author's position on the Board.

Due to its academic authority, geographical coverage, and the principle of collegiality, the international Editorial Board of the journal *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies* guarantees that the published content meets international standards of scholarly and editorial ethics. All conflicts arising between the participants of the editorial and publishing process are to be resolved through the direct involvement of the Editorial Board.

Our Languages

The journal *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies* accepts papers in Russian, English, French or German. If the paper is written in a non-native language, the Authors are advised to consult a qualified native-speaking editor in order to avoid possible misunderstanding.

All metadata of the papers are reflected on the website of the journal in Russian and English.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Лингвистическая экспертиза: типы, методы, решения

Предисловие	9
<i>А. Н. Баранов О. М. Грунченко</i> Семантическое сходство как один из аспектов лингвистической экспертизы товарных знаков.	17
<i>Ю. В. Барينو</i> О верифицируемости информации с размытым денотатом.	42
<i>С. А. Белов, В. Б. Гулида</i> Язык юридических документов: сложности понимания	56
<i>Е. И. Галяшина</i> Разграничение деятельности судебного эксперта-лингвиста и лингвиста-аналитика: компетенции, методы и технологии	104
<i>Е. Н. Геккина</i> Синтаксическая омонимия в деловом дискурсе: опыт типологии под углом зрения экспертных задач	130
<i>Н. В. Козловская</i> О новой терминологии в современной лингвистической экспертизе: функциональный аспект	143
<i>Д. М. Колядов</i> Прагматика оскорбления: интеракционный подход к унижению чести и достоинства.	164
<i>Т. С. Садова</i> Текстовые заимствования (плагиат) как предмет лингвистической экспертизы	184

Е. Е. Хазимуллина, Ю. С. Фомина
 Макроконтест: к вопросу о границах лингвистической компетенции судебного эксперта 195

Т. В. Чернышова
 Методы анализа речевых актов: возможности и проблемы использования в лингвоэкспертной и судебной практике 217

Е. А. Чубина
 Судебная лингвистическая экспертиза рекламы: дискуссионные вопросы 239

II. Varia

С. С. Волков, Н. В. Карева
 Формирование терминологии русской грамматики: *предложный падеж* 261

О. С. Волков, И. А. Стенин
 Андатив и вентив в языках Сибири: к типологии глагольной ориентации 289

М. В. Домосилецкая
 Названия «чайного» растения душица обыкновенная (*Origanum vulgare* L.) в балканском лингвистическом контексте 320

К. И. Курбанова-Ильютко
 Об истоках конвергентной лексики швейцарского и вальдостанского вариантов французского языка 346

Ф. Г. Хисамитдинова, Л. А. Бускунбаева, Л. К. Ишкильдина, Р. Т. Муратова, Г. Н. Ягафарова
 О тенденциях и перспективах изучения синтаксиса башкирского языка 363

И. А. Хомченкова
 Показатель *-ge* в горномарийском языке: между комитативом и аддитивной частицей 405

Сведения об авторах	439
Contributors	443
Этические требования	446
Publication Ethics and Publication Malpractice Statement	452

CONTENTS

I. Forensic Linguistics: approaches, methods, solutions

Foreword	9
<i>A. N. Baranov, O. M. Grunchenko</i> Semantic similarity as one of the aspects of linguistic analysis of trademarks in the field of forensic linguistics	17
<i>Yu. V. Barinova</i> On the verifiability of information with an indistinct denotation ...	42
<i>S. A. Belov, V. B. Gulida</i> The language of legal documents: difficulties in understanding ...	56
<i>E. I. Galyashina</i> The distinction between the forensic linguist activity and scientific activity of linguist analyst: competencies, methods and technologies	104
<i>E. N. Gekkina</i> Syntactic ambiguity in business discourse: the typology experience from the perspective of the expert tasks	130
<i>N. V. Kozlovskaya</i> On new terms in modern forensic linguistics: the functional aspect ...	143
<i>D. M. Koliadov</i> The pragmatics of insult: an interactional approach to denigration of honour and dignity	164
<i>T. S. Sadova</i> Textual borrowing (plagiarism) as a matter of linguistic expertise	184

<i>E. E. Khazimullina, Yu. S. Fomina</i> Macrocontext: to the question about the borders of the linguistic competence of the court expert	195
<i>T. V. Chernyshova</i> Methods of analysis of speech acts: opportunities and problems of use in practice of conducting forensic linguistic examinations . . .	217
<i>E. A. Chubina</i> Forensic linguistic expertise of advertising: debatable questions	239

II. Varia

<i>S. S. Volkov, N. V. Kareva</i> Formation of Russian grammar terminology: <i>predlozhnyi padezh</i> 'prepositional case'	261
<i>O. S. Volkov, I. A. Stenin</i> Andative and ventive in the languages of Siberia: towards a typology of verbal orientation	289
<i>M. V. Domosiletskaya</i> The names of a tea surrogate plant oregano (<i>Origanum vulgare</i> L.) within the Balkan linguistic context	320
<i>K. I. Kurbanova-Ilyutko</i> On the origins of lexical convergence in Swiss and Valdôtain French	346
<i>F. G. Hisamitdinova, L. A. Buskunbaeva, L. K. Ishkildina,</i> <i>R. T. Muratova, G. N. Yagafarova</i> About trends and perspectives of studying the syntax of the Bashkir language	363
<i>I. A. Khomchenkova</i> The affix <i>-ge</i> in Hill Mari: between a Comitative and an Additive particle	405

Contents

Contributors (in Russian) 439

Contributors 443

Publication Ethics and Publication Malpractice Statement
(in Russian) 446

Publication Ethics and Publication Malpractice Statement 452

Научное издание

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Глав. ред. Е. В. Головки.

Т. XV. Ч. 1. I. Лингвистическая экспертиза: типы, методы, решения // Ред. И. Е. Кузнецова; II. *Varia*. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. — 464 с.

Подписано к печати

Формат 60×90 1/16

Усл. печ. л. 29,0. Тираж 500 экз.

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9
info@iling.spb.ru
<https://iling.spb.ru>

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН
Оригинал-макет подготовил С. С. Белоусов

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21
Тел. / факс: +7 812 622-01-23
menager_nestor@list.ru

Материалы сборника доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

